

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Аношкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Шарипов А.Ф., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка лессового палеолита в Таджикистане	3
Павленок Г.Д., Когай С.А., Курбанов Р.Н., Мухтаров Г.А., Павленок К.К. Появление леваллуа-пластинчатой индустрии в западных предгорьях Тянь-Шаня: материалы слоя 24 стоянки Кульбулак	14
Зольников И.Д., Аношкин А.А., Курбанов Р.Н., Филатов Е.А., Зоткина Л.В., Выборнов А.В., Постнов А.В., Пархомчук Е.В., Филатова М.О. Стоянка Кушеват и палеогеографический контекст начального заселения человеком Северного Приуралья	27
Кудинова М.А., Иванова Д.А., Табаров А.В. Понятие «цивилизация» в современных исследованиях по археологии неолита в Китае и Японии	38

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Заика А.Л. Петроглифический комплекс Писаный Камень на реке Ангаре: К 300-летию открытия наскальных рисунков Д.Г. Мессершмидтом	49
Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. Погребение эпохи энеолита в горно-лесном Зауралье	57
Козинцев А.Г. Окуневская культура и дене-кавказская макросемья	66
Мыглан В.С., Агатова А.Р., Непоп Р.К., Тайник А.В., Филатова М.О., Баринов В.В. Новый подход к изучению древесных углей из археологических памятников на примере металлургических печей Юго-Восточного Алтая	74
Артемьева Н.Г. Чжурчжэньская храмовая постройка на Южно-Уссурийском городище в Приморье	85
Константинов Н.А., Бекетова (Акимова) Т.А., Соенов В.И., Жилич С.В., Рудая Н.А. Ирригационные системы Алтая: результаты и перспективы археологических исследований	93
Бородовский А.П. К вопросу об устройстве скита старообрядцев в окрестностях деревни Мальцево ведомства Чаусского острога (анализ письменных сведений середины XVIII века и их корреляция с этнографическими и археологическими данными)	102

ЭТНОГРАФИЯ

Бауло А.В. Изделия урало-венгерского центра IX–X веков из культовых комплексов обских угров: новые материалы	110
Барсуков Е.В., Чёрная М.П. «Горы» на «Чертеже земли Нарымского города» С.У. Ремезова	120
Наумова О.Б., Октябрьская И.В. Из истории этнографического изучения Енисейского края. Сибирские материалы Ф.А. Фиельструп	129

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Боескоров Г.Г., Такасэ Кацунори, Степанов А.Д., Чикишева Т.А., Дьяконов В.М., Алексеев А.Н., Щелчкова М.В., Томшин М.Д., Кербс Е.А. Результаты краниологического изучения палеоантропологических материалов из пещеры у села Хатыстыр Республики Саха (Якутия)	142
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Михаилу Васильевичу Шунькову – 70 лет	153
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.A. Anoikin, A.G. Rybalko, T.U. Khudjageldiev, P.M. Sosin, A.F. Sharipov, and R.N. Kurbanov. Lakhuti-IV: A New Site of the Loessic Paleolithic in Tajikistan	3
G.D. Pavlenok, S.A. Kogai, R.N. Kurbanov, G.A. Mukhtarov, and K.K. Pavlenok. The Emergence of Levallois Blade Industry in the Western Foothills of Tien Shan: Kulbulak Layer 24	14
I.D. Zolnikov, A.A. Anoikin, R.N. Kurbanov, E.A. Filatov, L.V. Zotkina, A.V. Vybornov, A.V. Postnov, E.V. Parkhomchuk, and M.O. Filatova. The Kushevat Site and the Paleogeographic Context of the Initial Peopling of Northern Urals	27
M.A. Kudinova, D.A. Ivanova, and A.V. Tabarev. The Concept of Civilization in Modern Studies of the Neolithic in China and Japan	38

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

A.L. Zaika. The <i>Pisany Kamen</i> Rock Art Site on the Angara (Marking the Tercentenary of Its Discovery by D.G. Messerschmidt)	49
O.N. Korochkova, I.A. Spiridonov, and V.I. Stefanov. A Chalcolithic Burial in the Mountain-Forest Zone of the Trans-Urals	57
A.G. Kozintsev. Okunev Culture and the Dene-Caucasian Macrofamily	66
V.S. Myglan, A.R. Agatova, R.K. Nepop, A.V. Taynik, M.O. Filatova, and V.V. Barinov. A New Approach to the Study of Archaeological Charcoal: The Case of Metallurgical Furnaces of the Southeastern Altai	74
N.G. Artemieva. A Jurchen Temple at the Southern Ussuri Fortified Site, in Primorye	85
N.A. Konstantinov, T.A. Beketova (Akimova), V.I. Soenov, S.V. Zhilich, and N.A. Rudaya. Irrigation Systems of the Altai: Results and Prospects of Archaeological Studies	93
A.P. Borodovsky. An Old Believers' Skete near Maltsevo, Fort Chaus, Based on Mid-18th Century Documents and Their Comparison with Ethnographic and Archaeological Sources	102

ETHNOLOGY

A.V. Baulo. Artifacts from the Ural-Hungarian Center (800–1000 AD), Recently Found at Ob Ugrian Sanctuaries	110
E.V. Barsukov and M.P. Chernaya. “Mountains” on the <i>Draft of the Land of Fort Narym</i> by S.U. Remezov	120
O.B. Naumova and I.V. Oktyabrskaya. From the History of Ethnographic Studies in the Yenisei Region: F.A. Fjelstrup's Siberian Materials	129

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

V.G. Moiseyev, A.V. Zubova, G.G. Boeskorov, K. Takase, A.D. Stepanov, T.A. Chikisheva, V.M. Dyakonov, A.N. Alekseyev, M.V. Shchelchkova, M.D. Tomshin, and E.A. Kerbs. A Metric Analysis of a Human Cranium from the Khatystyr Cave, Republic of Sakha (Yakutia)	142
---	-----

PERSONALIA

Mikhail Vasilyevich Shunkov is 70	153
--	-----

ABBREVIATIONS	156
----------------------	-----

CONTRIBUTORS	157
---------------------	-----

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.003-013
УДК 902.01

**А.А. Анойкин^{1,2}, А.Г. Рыбалко¹, Т.У. Худжагелдиев³,
П.М. Сосин⁴, А.Ф. Шарипов³, Р.Н. Курбанов^{5,6}**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru

²Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

³Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Таджикистан
Институти таърих, бостонишиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши АМИТ
хиёбони Рӯдакӣ, 33, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон
E-mail: tura959@mail.ru; abdullo.sharipov.1985@mail.ru

⁴Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ, Таджикистан
Институти масъалаҳои об, гидроэнергетика ва экологияи АМИТ
кучаи Айни-12а, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон
E-mail: psosin46@mail.ru

⁵Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

⁶Институт географии РАН
Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия

Лахути IV – новая стоянка лессового палеолита в Таджикистане

Статья посвящена результатам исследования раннепалеолитического памятника Лахути IV, расположенного в среднем течении р. Оби-Мазар на территории Республики Таджикистан. Приводятся данные о геолого-геоморфологической ситуации в данном районе, характеризуются представленные здесь отложения эпохи плейстоцена. На основе имеющихся хроностратиграфических схем определяется время формирования памятника, связанного с отложениями педокомплекса (ПК) 5 (~0,5 млн л.н.). Проводится анализ археологических материалов (662 артефакта), залегающих в восьми культурных горизонтах. Установлено, что в первичном расщеплении доминируют простейшие параллельные, радиальные и долечные ядрища. Среди отщепов значительный процент составляют дольки и сколы декорткации. В категории орудий много сколов и обломков с ретушью, широко представлены однолезвийные скребла на крупных сколах, зубчато-выемчатые формы и унифасы. Особенности стоянки являются очень высокая концентрация артефактов и их залегание в виде четко выделенных культурных горизонтов, что фиксируется впервые на памятниках лессового палеолита. Выявлено индустриальное единство каменных ассамбляжей, связанных с отложениями ПК 6–4 (Оби-Мазар VI, IV, Лахути I, IV и др.); оно определяется как приоритетными техниками первичного расщепления (долечная, радиальная, простая параллельная), так и составом орудийного набора (чопперы, унифасы, однолезвийные скребла и др.). Полученные данные позволяют более обоснованно проводить аналогии с синхронными комплексами других регионов. По индустриальной специфике наиболее близкие аналогии материалов стоянок каратауской культуры имеются в соанских индустриях на севере п-ова Индостан и в раннепалеолитических комплексах на юго-западе Китая.

Ключевые слова: Таджикистан, ранний палеолит, технокомплекс, стратиграфия, лессы, почвенный комплекс.

**A.A. Anoin^{1,2}, A.G. Rybalko¹, T.U. Khudjageldiev³,
P.M. Sosin⁴, A.F. Sharipov³, and R.N. Kurbanov^{5,6}**

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru

²Altai State University,

Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia

³Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography,

National Academy of Sciences of Tajikistan

Pr. Rudaki 33, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

E-mail: tura959@mail.ru; abdullo.sharipov.1985@mail.ru

⁴Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology,

National Academy of Sciences of Tajikistan,

Pr. Aini 12A, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

E-mail: psosin46@mail.ru

⁵Lomonosov Moscow State University,

Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia

E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

⁶Institute of Geography,

Russian Academy of Sciences,

Staromonetny per. 29, bldg. 4, Moscow, 119017, Russia

Lakhuti-IV: A New Site of the Loessic Paleolithic in Tajikistan

We present the findings of excavations at the Early Paleolithic site of Lakhuti-IV in the middle reaches of the Obi-Mazar River, Republic of Tajikistan. The geological and geomorphological situation in the area is reconstructed, and Pleistocene deposits are described. On the basis of the available chronostratigraphic constraints, we can determine time of formation of the cultural layer that is associated with deposits of the fifth buried soil (pedocomplex 5, dated to ~0.5 Ma ago). Characteristics of archaeological finds (662 artifacts) from eight cultural horizons are discussed. Primary reduction is dominated by the simplest parallel, radial, and slice cores. Among flakes, "citrus slices" and decortication chips are the most frequent. Tools include numerous flakes and retouched fragments. Single-edged side-scrapers on large flakes, denticulate-notched tools, and unifaces are abundant. The concentration of artifacts is very high for the Khovaling Loess Plateau. Lakhuti IV is the first site of the Loessic Paleolithic where artifacts occur in distinct archaeological horizons. Industries associated with pedocomplexes 6–4 in the region (Obi-Mazar-VI, Lakhuti-I, -IV, etc.) show common features, such as primary reduction techniques (slice, radial, simple parallel) and the composition of the toolkits (choppers, unifaces, single-edged side-scrapers, etc.). The findings allow us to draw more reliable parallels with contemporaneous industries of other regions. The closest similarities to industries of the Karatau culture are seen among the Soanian industries in northern Hindustan and the Early Paleolithic assemblages of southwestern China.

Keywords: Tajikistan, Early Paleolithic, assemblage, stratigraphy, loess, soil complex.

Введение

В настоящее время в Евразии известно значительное количество раннепалеолитических стоянок. Они неравномерно распределяются по континенту и различаются по степени изученности. Если в Западной Европе, на Ближнем Востоке (Леванте), п-ове Индостан, в Юго-Восточной Азии и на Кавказе стоянки культур раннего палеолита многочисленны, то в центральной части континента таких объектов гораздо меньше, хотя эта территория являлась транзитной для миграций *Homo* на протяжении всего плейстоцена. На основе современных археологических и палеогеографических данных реконструировано несколько «базовых» миграционных коридоров, один из которых проходил по территории Центральной Азии, разветвляясь в направлениях Прикаспия, Сибири и Китая. Во второй половине XX в. в Таджикистане, который находится в центре региона, было открыто более десяти стоянок палеолита, в т.ч. относящихся к самым ранним его этапам. Большая их часть связана с лессово-почвенными отложениями [Ранов, Шефер, 2000].

На территории Центральной Азии высокая чувствительность ландшафтов к климатическим изменениям, в первую очередь к увлажнению, проявилась

в формировании в межледниковые периоды серии полигенетичных палеопочв, отложения которых представлены соответствующими педокомплексами (ПК). Их образование происходило во время теплых и влажных периодов, а лессов – в сухих и холодных условиях. Вероятная продолжительность одного лессово-почвенного цикла в плейстоцене составляла ~100 тыс. лет [Додонов, 2002]. Наиболее полные лессово-почвенные разрезы (мощность до 200 м), известные в настоящее время на территории Таджикистана, содержат до 40 ПК; они являются основой для разработки детальной стратиграфической схемы плейстоцена всего региона [Там же; Ding et al., 2002]. С этими отложениями связаны наиболее ранние археологические свидетельства заселения Центральной Азии человеком, которые исследователи относят к явлению, получившему название «лессовый палеолит» [Ранов, Шефер, 2000; Ranov, 1995].

Этим термином первооткрыватель лессовых стоянок Таджикистана В.А. Ранов обозначал каменные индустрии раннего и среднего палеолита, залегающие в водораздельных лессах и погребенных в них почвах. Подобные комплексы фиксируются в различных регионах (Средняя Азия, Китай, Восточная Европа и др.) и, по мнению В.А. Ранова, имеют ряд

общих черт: связь археологических материалов преимущественно с палеопочвами, рассеянность находок, обычно не образующих выраженных археологических горизонтов; доминирование среди артефактов продуктов первичного расщепления, малочисленность орудий, практически полное отсутствие фаунистических остатков [Ранов, Шефер, 2000]. Типичные индустрии лессового палеолита, представленные на ряде памятников на территории Таджикистана, в частности, в долине р. Оби-Мазар на юго-востоке страны, в пределах Ховалингского плато, были открыты в 1970-е гг. и изучались В.А. Рановым (с небольшими перерывами) вплоть до его смерти в 2006 г. [Лазаренко, Ранов, 1977; Ранов, Жуков, 1982; Ранов, 1986; Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005; Ранов, 1995; Ding et al., 2002; Schäfer et al., 2003]. Работы по этой тематике возобновились только в 2019 г., а в 2021 г. в долине Оби-Мазара открыта новая палеолитическая стоянка Лахути IV [Анойкин и др., 2021]. Цель данной статьи – ввести в научный оборот первые результаты междисциплинарных исследований этого памятника, а также определить место его каменной индустрии в общей схеме развития раннего палеолита региона.

Материалы исследования стоянки

Летом 2021 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы в среднем течении Оби-Мазара в окрестностях пос. Лахути (рис. 1). Археологическая разведка проводилась и на обнажении протяженностью более 1 км на правом борту долины, где в 1970–1990-е гг. были открыты палеолити-

ческие стоянки Оби-Мазар IV, Оби-Мазар VI и Лахути I [Ранов, 2005; Ранов, Каримова, 2005]. После схождения здесь в 2016 г. крупного оползня рельеф местности существенно изменился. В настоящее время центральная часть обнажения представлена цирком, где хорошо выражены палеопочвы верхнего и среднего плейстоцена (рис. 2). При проведении исследовательских маршрутов П.М. Сосин обнаружил здесь участок концентрации каменных артефактов, залегающих *in situ* в стенке обнажения в ПК 5 и 6. В дальнейшем на участке максимальной концентрации археологического материала в ПК 5 были проведены рекогносцировочные раскопочные работы, подтвердившие наличие в этом месте раннепалеолитической стоянки, получившей название Лахути IV [Анойкин и др., 2021].

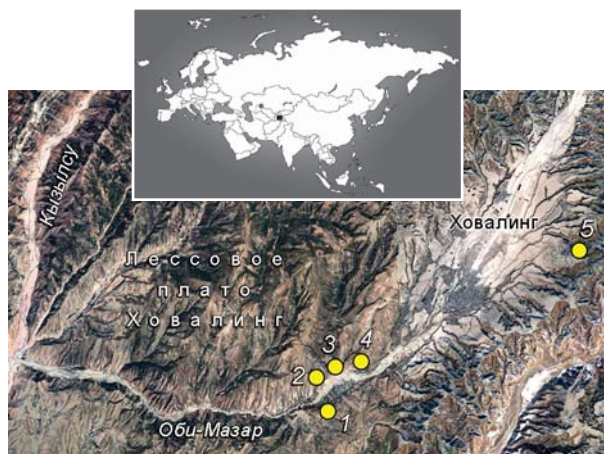

Рис. 1. Карта-схема расположения основных памятников «лессового палеолита» в долине Оби-Мазара. 1 – Кульдара; 2 – Оби-Мазар; 3 – Лахути IV; 4 – Лахути I; 5 – Хонако I–III.

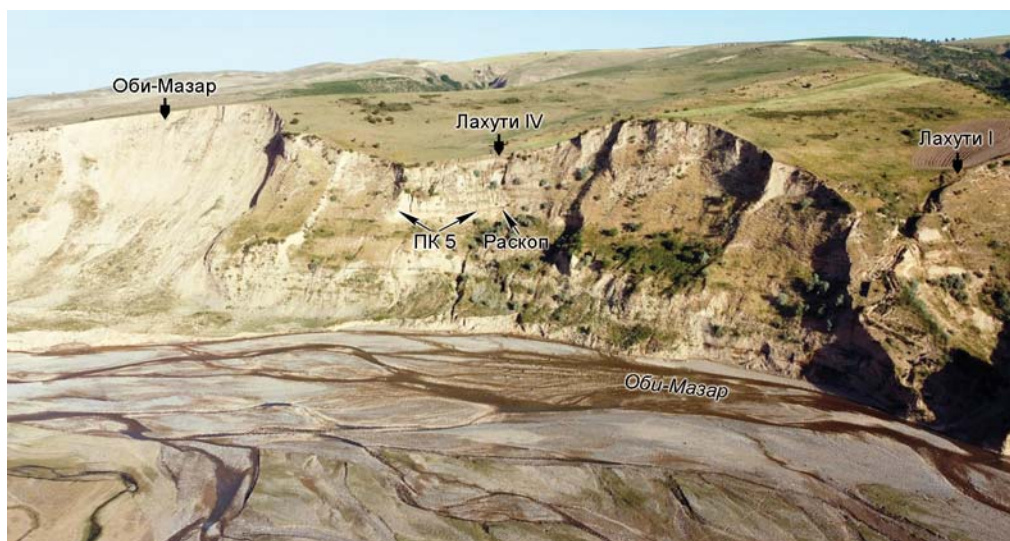

Рис. 2. Расположение стоянок Лахути IV, Оби-Мазар и Лахути I в пределах обнажения Оби-Мазар.

Памятник расположен на правом берегу Оби-Мазара, на высоте ~50 м от современного уреза воды (высота над ур. м. ~1 300 м). На этом участке рекой подмывается мощная толща четвертичных отложений, представленная древним аллювием (30–40 м), который перекрыт лессово-почвенными сериями. Основание разреза сложено преимущественно аллювиальными галечниками, мощность которых максимальна в юго-западной части, а поверхность слоя падает к северо-востоку, погружаясь под современный уровень аллювия. Субаэральный комплекс представлен мощными лессово-почвенными сериями (до 70 м), включающими до семи ПК.

Весь археологический материал, выявленный на стоянке Лахути IV в ходе раскопочных работ 2021 г., связан с ПК 5, общая мощность которого на данном участке не превышает 3,8 м. Педокомплекс, как правило, представляет собой полигенетическое тело, которое образовано несколькими погребенными почвами, иногда разделенными небольшими горизонтами лесса, а иногда развитыми одна над другой. Каждая палеопочва отражает этап потепления/увлажнения внутри межледниковья. Профиль ПК состоит из отложений начального (бореального) этапа почвообразования в нижней части профиля (горизонты LB+Vca), оптимального (горизонты Bt, Bm) и заключительного (горизонт BL) [Ломов, Сосин, Сосновская, 1982].

Культуросодержащие слои перекрыты отложениями заключительной стадии почвообразования (су-

глинки коричневатого-желтые, пористые, плотные, карбонатизированные); их видимая мощность до 0,8 м. Сам ПК представлен тремя выраженными палеопочвами. Верхняя – суглинок средний, коричневатого-желтый, комковато-глыбистый, с карбонатами по мелким порам, кротовины до 5 см в диаметре, есть конкреции до 8 см; мощность 0,5 м. Средняя – суглинок тяжелый, коричневый, комковато-ореховатый, с редкими карбонатными конкрециями до 3 см; мощность 1,4 м. В основании ПК залегает мощная карбонатная кора (Sca), сформировавшаяся в начальной палеопочве при последующей декарбонизации оптимальной стадии почвообразования. Она представлена лессовидным суглинком, сильно пропитанным карбонатами, что придает слою общий коричнево-белесый оттенок; мощность 0,7 м. В целом облик данного профиля соответствует характеристике ПК 5, описанного для лессово-почвенных серий Таджикистана [Додонов, 2002]. Согласно комплексу естественно-научных данных, возраст ПК 5 в долине Оби-Мазара составляет ~0,5 млн л.н. [Ранов, Шефер, 2000; Додонов, 2002].

В 2021 г. рекогносцировочным шурфом-врезкой (4,0 × 1,5 м), ориентированным вдоль склона, была вскрыта основная часть профиля ПК 5 до уровня карбонатной корки. Общая глубина вскрытия составила 2,5 м (рис. 3, 1). Из-за крутого склона обнажения (~50–60°) раскопанная площадь (6 м² по дну шурфа) на верхних уровнях вскрытия была существенно меньше. Каменные артефакты зафиксированы в заключительной и оптимальной палеопочвах и залегали субгоризонтально, согласно общему простираению вмещающих отложений, на нескольких уровнях (всего восемь условных культурных горизонтов), отделенных друг от друга стерильными в археологическом плане зонами (рис. 4). Какие-либо различия в литологическом составе слоя между уровнями с артефактами и стерильными в археологическом плане отложениями не обнаружены.

Археологическая коллекция стоянки Лахути IV включает 662 изделия. Залегание в пределах одного ПК и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют рассматривать его в рамках единой индустрии, а относительно небольшое количество предметов – анализировать их только в совокупности.

Анализ сводной коллекции показал, что в первичном расщеплении довольно значительна доля нуклевидных форм (18 экз., ~8 %, без учета отходов производства) (см. таблицу). Фиксируется использование нескольких плоскостных техник – радиальной

Рис. 3. Стоянка Лахути IV.

1 – северо-западная стенка раскопа 2021 г.; 2 – скопление отбойников в культурном горизонте 6.

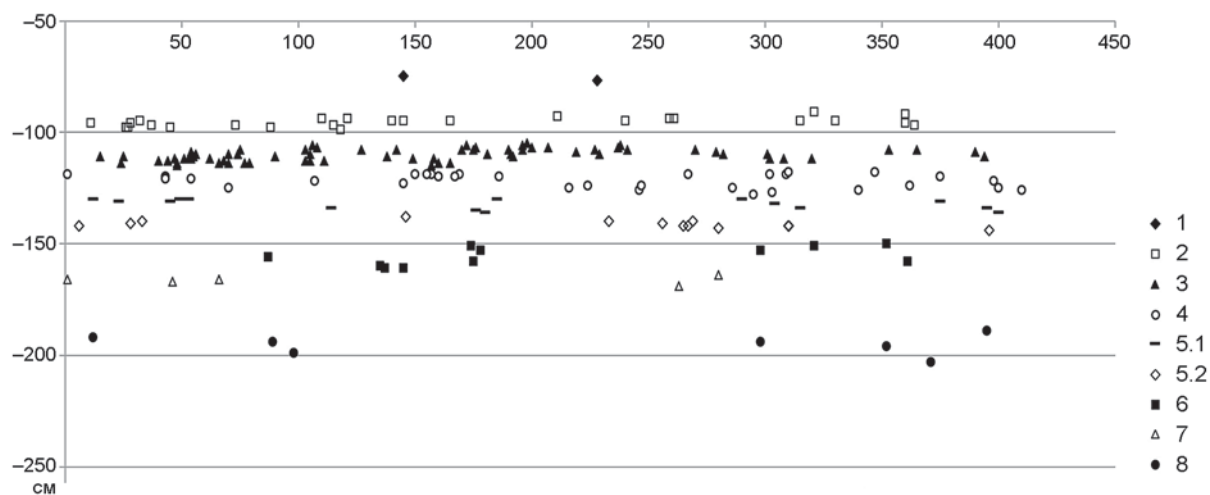

Рис. 4. Проекция залегания артефактов стоянки Лахути IV в культурных горизонтах на северо-западную стенку раскопа 2021 г. (глубина проекции 1,5 м). Цифры рядом с фигурами условных обозначений соответствуют номерам культурных горизонтов.

Состав каменной индустрии стоянки Лахути IV

Категория/группа	Культурный горизонт								Всего	
	1	2	3	4	5	6	7	8	экз.	%
Гальки	—	—	2	1	3	5	—	—	11	1,7
Колотые гальки	—	2	3	2	1	—	1	—	9	1,4
Нуклеусы	—	1	10	2	2	1	1	1	18	2,7
Нуклевидные обломки	—	—	1	2	2	—	1	—	6	0,9
Отщепы:	6	55	77	42	40	8	4	15	247	37,3
первичные	—	5	5	3	2	—	—	2	17	2,6
крупные	—	2	3	1	—	—	—	1	7	1,1
средние	—	3	—	2	2	—	—	1	8	1,2
мелкие	—	—	2	—	—	—	—	—	2	0,3
вторичные	—	5	2	1	5	1	1	1	16	2,4
крупные	—	2	1	—	3	—	—	1	7	1,1
средние	—	1	1	1	2	1	—	—	6	0,9
мелкие	—	2	—	—	—	—	1	—	3	0,5
обычные	6	45	70	38	33	7	3	12	214	32,3
крупные	—	2	18	12	7	1	—	4	44	6,6
средние	2	11	34	19	10	3	3	2	84	12,7
мелкие	4	32	18	7	16	3	—	6	86	13,0
Мелкие сколы (≤1,5 см)	2	24	26	18	12	4	—	1	87	13,1
Обломки	8	56	47	27	19	4	7	4	172	26,0
Осколки	2	10	20	14	6	3	4	—	59	8,9
Чешуйки	4	19	11	9	10	—	—	—	53	8,0
Всего	22	167	197	117	95	25	18	21	662	100

однофронтальной (7 экз.) (рис. 5, 2, 4, 7, 9), близкой к ней долечной (2 экз.) (рис. 6, 2, 6), а также параллельной в наиболее простом, однонаправленном варианте (4 экз.) (см. рис. 5, 1). Предварительная под-

готовка всех видов ядрищ не производилась вовсе или же была минимальной (один-два скола). В качестве ударных площадок использовались удобные естественные поверхности. Зона скалывания не под-

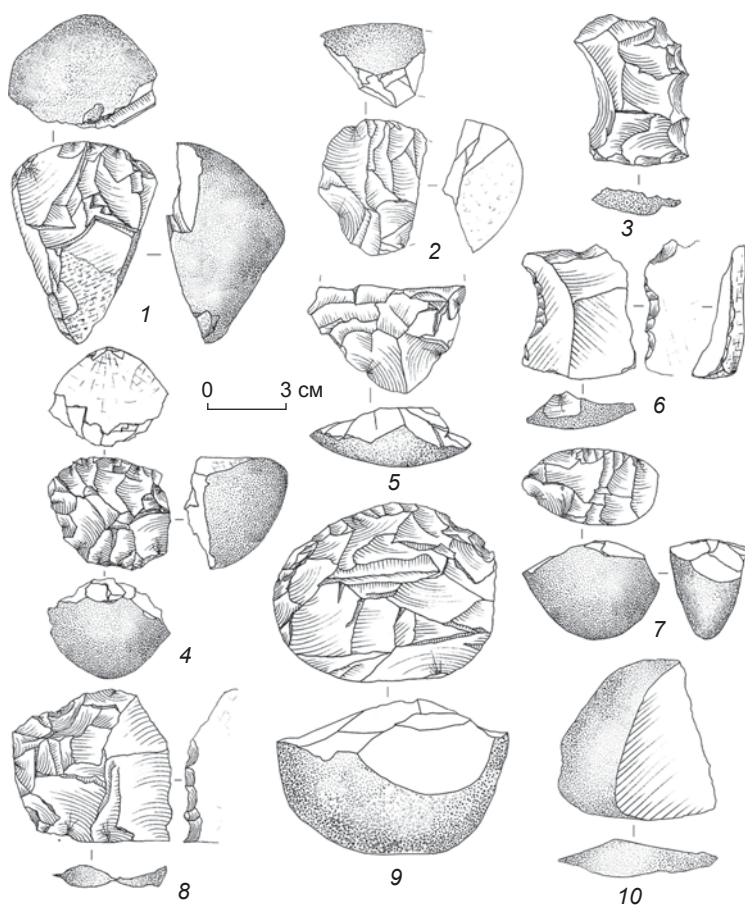

Рис. 5. Каменные артефакты из культурных горизонтов 2 (2, 10) и 3 (1, 3–9) стоянки Лахути IV. Рисунки Т.У. Худжагелдиева.
1, 2, 4, 7, 9 – нуклеусы; 3 – зубчатое орудие; 5 – фрагмент унифаса; 6 – выемчатое орудие; 8 – скребло; 10 – «долка».

готовавливалась; технические сколы оформления или признаки подправки ударных площадок не зафиксированы. В рамках этой же стратегии производилась обработка ядрищ на крупных массивных сколах (2 экз.) с использованием их вентральной поверхности в качестве готовой плоскости для снятия заготовок (см. рис. 6, 5, 7). На этих нуклеусах также не отмечено следов какой-либо подготовки или переформирования. Зафиксированы сильно сработанные ядрища (3 экз.).

Среди дебитажа большую часть составляют отходы производства (~70 %); в их число входят, кроме обломков и осколков, мелкие сколы (<1,5 см) и чешуйки, которые могут рассматриваться как свидетельства проведения на стоянке вторичной обработки заготовок. Пластинчатых форм нет. Среди отщепов «долки» разных размеров составляют ~10 % (см. рис. 5, 10), из них 1/5 – «клинья». Сколы этого типа были выделены В.А. Рановым, который определял их как продольно фрагментированные долечные, треугольные в продольном сечении и считал характерным продуктом «долечной» техники. Среди сколов доля декортикационных, отражающих начальную стадию расщепления ядрищ, достигает ~5 %, однако галечная корка в той или иной степени сохранена на ~75 % отщепов. Средние и мелкие от-

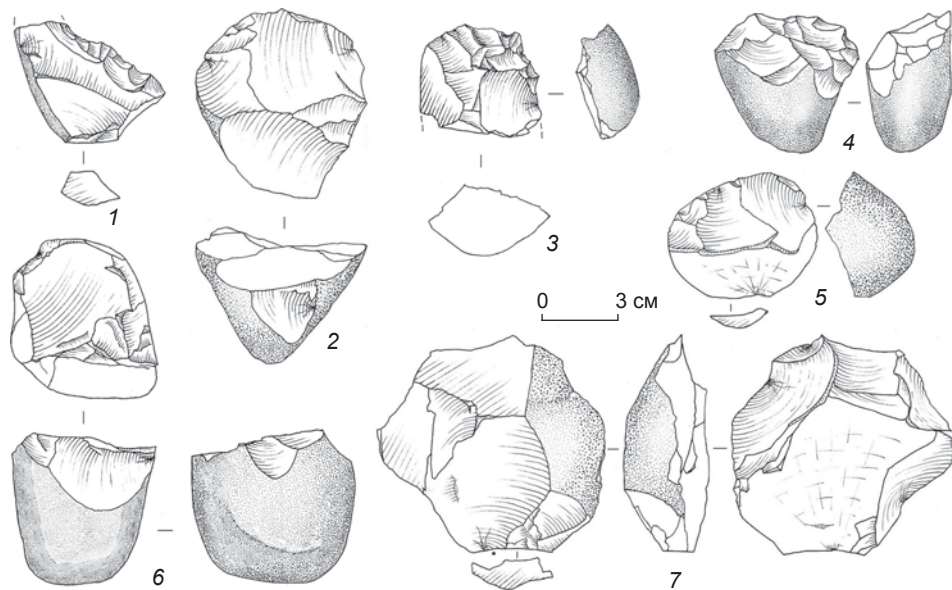

Рис. 6. Каменные артефакты из культурных горизонтов 4 (1, 3, 6), 5 (2), 6 (4), 8 (5, 7) стоянки Лахути IV. Рисунки Т.У. Худжагелдиева.
1 – скребло; 2, 5–7 – нуклеусы; 3 – фрагмент унифаса; 4 – чоппер.

щепы представлены примерно равными долями, крупных – незначительно меньше. Ударные площадки, как правило, естественные (76 %), реже – гладкие. В коллекцию входят отбойники (8 экз.) в виде удлинённых галек, разных по размерам и весу, со следами забитости на одном или двух концах.

В орудийном наборе (~8 % коллекции, без учета отходов производства и отбойников) наряду с обломками с ретушью (5 экз.) примерно в равных пропорциях представлены однолезвийные скребла на крупных сколах (4 экз.) (см. рис. 5, 8; 6, 1), зубчато-выемчатые формы (5 экз.) (см. рис. 5, 3, 6) и унифасы (4 экз.) (см. рис. 5, 5; 6, 3). Отдельные экземпляры параллельных ядрищ могут также рассматриваться как чопперы, имеющие угол лезвия ~60° (см. рис. 6, 4). Кроме того, коллекция включает два атипичных скребка и ретушированный нож.

К наиболее ярким типам орудий относятся унифасы – небольшие плоско-выпуклые изделия округлых очертаний. Их выпуклая поверхность сохраняет галечную корку, а плоская (или слабовыпуклая) – покрыта негативами уплощающих разноразмерных центростремительных снятий, которые выглядят скорее как относительно тонкие сколы оформления, а не как следы скалывания целевых заготовок, получаемых радиальной техникой.

Таким образом, по особенностям первичного расщепления и составу орудийного набора археологический комплекс стоянки Лахути IV соответствует технико-типологическим характеристикам индустрий раннего палеолита и времени формирования вмещающих отложений. Эта каменная индустрия остается неизменной на всем протяжении своего существования, в пределах периода образования ПК 5, который по современным представлениям соотносится с МИС 13 (530–480 тыс. л.н.). Отличия, проявляющиеся в степени общей концентрации артефактов и несопадении доли определенных типов изделий по культуросодержащим горизонтам (нуклевидные формы в горизонте 2, отбойники в горизонте 6 и т.д.), скорее всего, обусловлены различиями в видах хозяйственной деятельности и их интенсивности, а также небольшой площадью вскрытия.

Дискуссия

В настоящее время в долине Оби-Мазара известно, кроме Лахути IV, шесть памятников палеолитического времени, на которых был обнаружен массовый археологический материал: Кульдара (ПК 12, 11), Оби-Мазар VI (ПК 6), Лахути I (ПК 5), Оби-Мазар IV (ПК 4), Хонако III (ПК 2 и 4) и Дусти (ПК 1). Суммарно вскрытая площадь составляет ~400 м², сводная коллекция находок относительно небольшая ~5 тыс. экз. [Ра-

нов, Шефер, 2000]. На основе данных палеомагнитного анализа отложений и корреляции ПК с изотопно-кислородной шкалой установлен возраст стоянок: ПК 12, 11 – ~0,9 млн лет, ПК 6–4 – ~0,6–0,4; ПК 2, 1 – ~0,2–0,1 млн лет [Там же; Ранов, Каримова, 2005].

К материалам стоянки Лахути IV по времени ближе всего технокомплексы памятников Оби-Мазар IV, VI, Лахути I и Хонако III (ПК 4).

Среди перечисленных стоянок наиболее древней индустрией обладает Оби-Мазар VI, возраст которой ~0,6 млн лет. Общая площадь раскопов на памятнике 115 м², количество находок – 148 экз. [Ранов, Шефер, 2000; Худжагелдиев, 2007]. В коллекции значительна доля мануportов и колотых галек (~15 %). Нуклеусов немного (~3 %), из них два предмета относятся к долечным, три – к многофронтальным бессистемным, выполненным в параллельной технике. Ядрища не подвергались предварительной подготовке. Среди дебитажного много отходов производства (~30 %) – обломки, мелкие сколы и чешуйки. В числе сколов имеется несколько удлинённых экземпляров. Отщепы преимущественно крупных размеров. Ударные площадки, как правило, гладкие, реже – естественные. Много сколов декорткации (>40 %), есть «дольки» и «клинья». В орудийном наборе превалируют скребла, выполненные на гальках или крупных сколах и, как правило, хорошо оформленные мелкими сколами. Зафиксировано несколько чопперов. Отмечены единичные выемчатые орудия и атипичные скребки [Худжагелдиев, 2007].

Материалы стоянки Лахути I связаны с ПК 5, т.е. их возраст оценивается примерно в 0,5 млн лет. Общая площадь раскопов на памятнике 100 м², количество находок – 1 047 экз. [Ранов, Шефер, 2000; Schäfer et al., 2003]. В коллекции значительна доля мануportов (~25 %), часть из них – возможно, отбойники. Среди нуклеусов (~2 %) преобладают простые параллельные формы (однофронтальные и бессистемные), однако появляются редкие артефакты с подготовленными площадками и сопряженными фронтами. Имеются долечные ядрища. Единичные нуклеусы представляют радиальную систему скалывания.

Среди дебитажного много отходов производства. Большая часть сколов размерами 3–5 см. Обнаружены единичные предметы пластинчатых пропорций. Ударные площадки, как правило, гладкие, реже – естественные, некоторые двугранные. Много сколов декорткации, а также «долек» и «клиньев». В орудийном наборе (~11 %) 1/3 составляют чопперы. Широко представлены скребла на небольших гальках или сколах, в т.ч. «дольках», как правило, тщательно оформленные мелкими сколами и бессистемной ретушью. Обнаружены изделия зубчато-выемчатой группы, отдельные остроконечные формы, включая тейякские острия, атипичные скребки и ножи. Зафиксированы

также единичные хорошо обработанные унифасы [Ранов, 1986; Ранов, Шефер, 2000].

Коллекция артефактов (1 341 экз.) стоянки Оби-Мазар IV – самая многочисленная среди индустрий других памятников лессового палеолита Таджикистана. Общая вскрытая площадь 40 м². Возраст ПК 4, с которым связаны находки, составляет ~0,4 млн лет. Доля манупортов в коллекции незначительна (~5 %). Нуклеусы (~3 %) небольшие по размерам, в основном 3–5 см. Большая часть ядрищ утилизирована в радиальной технике с использованием одного фронта. Много мелких параллельных нуклеусов с разным количеством фронтов и площадок, предназначенных для снятия небольших сколов, в т.ч. удлинённых. Зафиксированы единичные долечные ядрища. Значительная часть нуклевидных изделий несет следы предварительного оформления или последующей технической обработки. Отходы производства составляют ~70 % коллекции. Сколы, как правило, мелкие, реже – средние. Много фрагментированных. Доля декорткационных сколов не превышает 15 %. Среди ударных площадок имеются двугранные при доминировании гладких и значительной доле естественных. «Дольки» и «клинья» немногочисленны. Есть около десятка небольших пластин правильной геометрической формы. Среди орудий (~3 %) преобладают выемчатые изделия и атипичные скребки. В незначительном количестве представлены маловыразительные зубчатые и острыйные формы. Отсутствуют чопперы [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, 2005].

К этим материалам близка по возрасту небольшая коллекция артефактов (183 экз.) стоянки Хонако III, связанная с ПК 4, который был изучен на площади 33 м². Доля манупортов в ней существенно выше (~11 %), чем в коллекции стоянки Оби-Мазар IV. Нуклевидные формы (~2 %) представлены типологически неидентифицируемыми фрагментами и разноразмерными радиальными однофронтальными ядрищами. Отходы производства составляют ~30 % коллекции. Сколы, как правило, мелкие, реже – средние. Доля декорткационных достигает ~25 %. Среди ударных площадок заметен процент двугранных при общем доминировании естественных и гладких. «Долек» и «клиньев» ~7 %. Выявлено несколько небольших пластин. Среди орудий (~20 %) наиболее многочисленны такие категории, как скребла и скребки (с учетом комбинированных форм). Чуть менее многочисленны выемчатые изделия, чопперы и резцы. В незначительном количестве представлены ножи и маловыразительные зубчатые и острыйные формы. В коллекции имеются проторубило (?) на крупном сколе и протолимак [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004].

Еще одним памятником, относительно близким к Лахути IV по возрасту, но расположенным за преде-

лами долины Оби-Мазара, является стоянка Каратау (Яванский р-н, верхнее течение р. Вахш). Объект был изучен на площади ~500 м². Археологический материал (931 экз.) связан с ПК 6 (~0,6 млн л.н.). В первичном расщеплении использовалась простейшая параллельная и долечная техники. Ядрища не подготавливались. Среди дебитажа ~50 % – отходы производства, преимущественно обломки. В числе сколов много декорткационных, имеются также «дольки» и «клинья» (~8 %). Категория орудий (~9 %) состоит в основном из чопперов. Следующими по представленности являются атипичные скребки и выемчатые орудия. Скребла нестандартизированы, но некоторые экземпляры тщательно отделаны многорядной ретушью. Имеются немногочисленные зубчатые и острыйные формы, унифасы (6 экз.) [Ранов, 1988].

Все вышеперечисленные комплексы, а также немногочисленные материалы стоянок Кульдара и Карамайдан их исследователь В.А. Ранов объединял в каратаускую культуру [Там же; Додонов, Ранов, Шаропов, 1989], существовавшую, по его мнению, в регионе в раннем – среднем плейстоцене, ~0,9–0,4 млн л.н. [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Ее поздний этап, соответствующий 0,6–0,4 млн л.н., имеет следующие характеристики. Первичное расщепление базировалось на параллельной однонаправленной технике с использованием одного или нескольких фронтов, ядрища предварительно не проходили подготовку или же подвергались минимальному оформлению (один-два скола). Применялась также долечная техника. Более поздние комплексы свидетельствуют об использовании и радиального расщепления. В коллекции очень значительную долю (до 70 %) составляют манупорты и отходы производства, в основном обломки. Сколы чаще крупные и средние, пластинчатые формы единичны и случайны. Много сколов декорткации; других технических разновидностей не зафиксировано. Значителен процент «долек», а также «клиньев», получавшихся, скорее всего, в результате фрагментации первых [Ранов, 2005]. Ударные площадки гладкие, много естественных, со временем появляются двугранные, доля которых постепенно растет. В орудийных наборах основными типами являются чопперы и различные виды простых скребел, в т.ч. выполненных на гальках. Много выемчатых изделий и атипичных скребков. В более «молодых» из указанных комплексов имеются острия, включая тейякские. Много сколов и обломков с нерегулярной ретушью. Спецификой является наличие унифасов определенной стандартной формы, со следами вторичной обработки; они представлены как единичными изделиями, так и небольшими сериями. Материалы Лахути IV хорошо вписываются в этот контекст.

На фоне других памятников лессового палеолита Таджикистана Лахути IV выделяется очень высокой

концентрацией артефактов – примерно 110 артефактов на 1 м². Этот показатель даже на самом представительном комплексе Оби-Мазар IV ниже в 3 раза, а на остальных – колеблется от 1 до 6 предметов на 1 м². Чем обусловлена такая плотность находок на стоянке Лахути IV, пока не установлено, возможно, причиной была специфика палеорельефа во время ее функционирования.

Еще одна особенность стоянки – четкое распределение артефактов по нескольким культурным горизонтам. Лахути IV является первым среди объектов лессового палеолита, на котором это было зафиксировано. Такое распределение артефактов позволяет более детально реконструировать этапы заселения древним человеком изучаемой территории, а также отслеживать возможные изменения в первичном расщеплении и орудийных наборах на относительно коротком хронологическом отрезке, в пределах периода формирования одного ПК.

Следует отметить, что отсутствие культурных горизонтов заложено в самом понятии «лессовый палеолит». В.А. Ранов, предложивший этот термин, указывал, что для индустрий лессового палеолита характерны «преобладающая рассеянность находок, нахождение палеолитических орудий как бы во “взвешенном состоянии”» [Ранов, Шефер, 2000, с. 20]. Однако на одном памятнике – Оби-Мазар IV – исследователем был выявлен хорошо выраженный культурный горизонт мощностью ~10 см, хотя и на участке небольшой протяженности (зачистка 2, 1984 г.) [Ранов, 2005]. Как правило, мощность слоя, содержащего артефакты, составляет 20–25 см, на вскрытых участках отсутствуют элементы нормального культурного горизонта в виде каких-либо структур или скопления хозяйственных отходов [Там же, с. 17]. На стоянке Лахути IV зафиксированы нескольких четко выделяющихся уровней залегания археологического материала с разбросом находок до 10 см, а также более мощные (до 20 см) горизонты – возможно, свидетельства нескольких близких по времени посещений, во время которых не успевали накопиться отложения, достаточные для перекрытия артефактов. Кроме того, в культурном горизонте 6 обнаружено локальное скопление (0,5 × 0,5 м) галек с признаками использования в качестве отбойников; вероятно, эти находки являются остатками рабочей площадки (см. рис. 3, 2).

На фоне материалов других стоянок в регионе палеолитические индустрии из ПК 6–4 в долине Оби-Мазара выделяются некоторой специфичностью. Практически все раннепалеолитические материалы в западной и северной частях Средней Азии имеют поверхностное залегание, их культурно-хронологическая позиция определяется в первую очередь по наличию в коллекциях крупных бифасиальных изделий (Казахстан, Туркменистан) [Вишняцкий, 1996; Девя-

вянко, 2017]. Такие формы отсутствуют в индустриях памятников на территории Таджикистана. Те же немногие стратифицированные и близкие по возрасту раннепалеолитические комплексы, которые известны за пределами Таджикистана, например стоянки Кошкурбан и Шоктас в Южном Казахстане, имеют принципиально иной индустриальный облик [Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы..., 2000].

На южной границе Таджикистана, на территории Афганистана достоверные памятники раннего палеолита неизвестны. Например, коллекции рубил, кливеров и чопперов с побережья оз. Даштинаур и из ущелья Дарраидадил В.А. Ранов не рассматривал как палеолитические. Единственным комплексом в данной зоне, который может соответствовать финальным стадиям раннего палеолита, ученый считал единичные находки, в т.ч. бифасиальное орудие, происходящие из долины Хазарсум [Ранов, Каримова, 2005].

Материалы стоянок каратауской культуры выделяются индустриальной спецификой (широкое применение долечной, радиальной и простейшей параллельной техник, многочисленность чопперов и унифасов, отсутствие выраженных бифасиальных изделий, значительный процент орудий на сколах (скребла, выемчатые)). Наиболее близкие их аналоги известны в соанских индустриях на севере п-ова Индостан и в раннепалеолитических комплексах на юго-западе Китая.

Соанские галечно-отщепные комплексы, рассматриваемые исследователями, как правило, в рамках финала среднего плейстоцена, сосредоточены в основном в предгорной зоне южного склона Гималаев и связаны с отложениями высоких террас в верхнем течении рек Инд, Соан, Сатледж и др., т.е. по геоморфологической позиции они близки к лессовым комплексам Таджикистана [Sali, 1990; Petraglia, 2010]. Указанные комплексы базируются на одном сырье – речном аллювии. Определенные параллели прослеживаются и в составе индустрий [Chauhan, 2005]. Первичное расщепление характеризуется доминированием дисковидных (радиальных) и однонаправленных параллельных, а также производных от последних мультиплощадочных (бессистемных) ядрищ. Долечное расщепление в описании соанских материалов обычно не упоминается, однако, судя по приведенным в ряде публикаций схемам, некоторые чопперы представляют собой, вероятно, сработанные ядрища этого типа [Chauhan, 2007, р. 417], а изделия, интерпретируемые как дисковидные нуклеусы/скребла, соответствуют унифасам в раннепалеолитических коллекциях Таджикистана [Chauhan, 2005]. Наличие редких и невыразительных предметов с элементами бифасиальной обработки не противоречит выводам о сход-

стве, т.к. подобные единичные изделия фиксируются и на памятниках в долине Оби-Мазара (Лахути I, Хонако III) [Ранов, Жуков, 1982; Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004]. Соанские индустрии отражают использование преимущественно унифасиальной обработки при редком и несистемном применении бифасиальной техники. Эта особенность отличает их от ашельских комплексов, распространенных в центральной и южной частях Индостана. В основе расхождений, как считает часть исследователей, – различия не только в культурной специфике, но и в выборе каменного сырья (галечник или обломочник) [Chauhan, 2005; Petraglia, 2010]. Так, галечная основа соанских индустрий могла предопределять существенно большую долю чопперов в этих комплексах, а также массовость унифасов. Последние изготавливались теми же техническими приемами, что и бифасиальные орудия в ашельских индустриях [Petraglia, 2010], однако естественная форма гальки позволяла оформлять сколами только одну плоскость для получения орудия плоско-выпуклого или двояковыпуклого в профиле. С точки зрения большинства исследователей, различия в сырьевых предпочтениях объясняются в первую очередь культурными различиями [Деревянко, 2018].

Сходные состав индустрий и проявления близкой стратегии утилизации галечного сырья можно зафиксировать и на ряде раннепалеолитических стоянок Юго-Западного Китая, сопоставимых или более древних по возрасту. Здесь при изготовлении крупных рубящих орудий наряду с бифасиальной техникой использовалась преимущественно унифасиальная обработка [Lei et al., 2020]. Таким образом, полученные результаты позволяют предполагать связь раннепалеолитических индустрий Таджикистана прежде всего с юго-восточным ареалом этих культур; однако данные параллели требуют дополнительного изучения и обоснования.

Дальнейшие изменения палеолитических индустрий на территории Таджикистана можно проследить по материалам комплекса стоянок Хонако, также находящегося в долине Оби-Мазара. Массовый археологический материал среднего палеолита был зафиксирован здесь на нескольких участках в ПК 2 и 1; он радикально отличался по облику от более древних комплексов [Schäfer, Ranov, Sosin, 1998].

В ассамбляжах из ПК 2 первичное расщепление было ориентировано на получение пластинчатых заготовок; они составляют 45 % сколов. Доминировало параллельное однонаправленное скалывание. Несколько нуклеусов могут быть отнесены к протопризматическим. Среди орудий преобладают однолезвийные скребла и ножи на пластинах. Имеется мустьерский остроконечник [Ранов, Шефер, 2000; Schäfer, Ranov, Sosin, 1998]. Индустрия из ПК 1 менее многочисленна, но, по мнению исследователей, безусловно явля-

ется мустьерской, со значительной долей леваллуа; ориентирована на изготовление отщепов и в целом выглядит более архаичной, чем материалы из ПК 2 [Schäfer, Ranov, Sosin, 1998, p. 133].

Связь ассамбляжей с предшествующими раннепалеолитическими комплексами неочевидна. В некоторых публикациях В.А. Ранов относил материалы ПК 2 к финалу каратауской культуры [Ранов, Каримова, 2005, с. 166], но считал более вероятным появление ранних пластинчатых индустрий в регионе вследствие миграции их создателей с Ближнего Востока [Ранов, Шефер, 2000].

Заключение

Новый этап работ на лессовых стоянках Таджикистана показал, что долину Оби-Мазара, хотя она сравнительно хорошо изучена, следует рассматривать перспективной зоной поиска новых объектов раннего палеолита. Материалы стоянки Лахути IV, открытой здесь в 2021 г., дополняют уже имевшиеся данные по лессовому палеолиту региона и хорошо вписываются в общий контекст раннепалеолитических индустрий Таджикистана. Особенности стоянки являются очень высокая концентрация артефактов и залегание их в нескольких культурных горизонтах. В ходе дальнейших исследований это позволит более детально реконструировать этапы заселения древним человеком изучаемого участка долины, выделить зоны производственной активности и типы хозяйственной деятельности, а также проследить возможные изменения в первичном расщеплении и орудийных наборах на относительно коротком хронологическом отрезке. Как показал анализ, каменные ассамбляжи, связанные с отложениями ПК 6–4, обнаруживают индустриальное единство, определяемое как приоритетными техниками первичного расщепления (долечная, радиальная, простая параллельная), так и составом орудийного набора (чопперы, унифасы, однолезвийные скребла и др.). Полученные данные дают возможность более обоснованно проводить аналогии с синхронными комплексами других регионов, в первую очередь, с материалами севера п-ова Индостан (соанские индустрии) и Восточной Азии.

Благодарности

Полевые исследования и анализ материалов стоянки Лахути IV выполнены за счет гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита», обзор индустрий каратауской культуры, оценка их связи с ассамбляжами среднего палеолита региона и сопоставление с комплексами сопредельных территорий – гранта

РНФ № 22-18-00649 «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего-верхнего палеолита: хронология миграционных процессов». Участие в исследованиях П.М. Сосина и Т.У. Худжагелдиева поддержаны проектом Nordforsk TНОСА (105204).

Список литературы

- Аноikin А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Курбанов Р.Н.** Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 29–37.
- Вишняцкий Л.Б.** Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский Дом, 1996. – 213 с.
- Деревянко А.П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. II: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – 884 с.
- Деревянко А.П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. – 572 с.
- Додонов А.Е.** Четвертичный период Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.
- Додонов А.Е., Ранов В.А., Шарапов Ш.Ш.** Карамайдан – новая точка с палеолитическими орудиями и среднеплейстоценовой фауной в палеопочвах Южного Таджикистана // Бюл. комис. по изуч. четвертич. периода. – 1989. – № 58. – С. 26–36.
- Лазаренко А.А., Ранов В.А.** Карагау I – древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии // Бюл. комис. по изуч. четвертич. периода. – 1977. – № 47. – С. 50–56.
- Ломов С.П., Сосин П.М., Сосновская В.П.** Строение и вещественный состав погребенных почв Таджикистана // Почвоведение. – 1982. – № 1. – С. 18–30.
- Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Ж.К. Таймагамбетов, З.К. Исабеков, А.Г. Рыбалко, М. Отт.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 300 с.
- Ранов В.А.** Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С. 11–36.
- Ранов В.А.** Каменный век Южного Таджикистана и Памира: дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1988. – 52 с.
- Ранов В.А.** Раскопки в 4–6 палеопочвах лессово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2005. – Вып. XXX. – С. 14–32.
- Ранов В.А., Жуков В.А.** Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI. – С. 9–30.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р.** Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 248 с.
- Ранов В.А., Шефер Й.** Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.
- Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й.** Раскопки 4-й палеопочвы разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2003 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С. 71–120.
- Худжагелдиев Т.У.** Каменная индустрия из педокомплекса 6Б разреза Оби-Мазар (Южный Таджикистан) по раскопкам 1997 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2007. – Вып. XXXI. – С. 169–197.
- Chauhan P.R.** The technological organization of the Soanian palaeolithic industry: a general “typo-qualitative” description of a large core-and-flake assemblage in surface context from the Siwalik hills of northern India // Issues and Themes in Anthropology: A Festschrift in Honour of Professor D.K. Bhattacharya. – Delhi: Palaka Prakashan, 2005. – P. 287–336.
- Chauhan P.R.** Soanian cores and core-tools from Toka, northern India: Towards a new typo-technological organization // J. of Anthropological Archaeol. – 2007. – Vol. 26 – P. 412–441.
- Ding Z.L., Ranov V., Yang S.L., Finaev A., Han J.M., Wang G.A.** The loess record in southern Tajikistan and correlation with Chinese loess // Earth and Planetary Science Letters. – 2002. – Vol. 200. – P. 387–400.
- Lei L., Lotter M.G., Li D., Kuman K., Li H.** Refining the understanding of large cutting tool technology in the Baise Basin, South China // Lithic Technology. – 2020. – Vol. 46. – P. 87–103.
- Petruglia M.D.** The Early Paleolithic of the Indian subcontinent: hominin colonization, dispersals and occupation history // Out of Africa I. The First Hominin Colonization of Eurasia. – [s.l.]: Springer, 2010. – P. 165–180.
- Ranov V.A.** The “Loessic Palaeolithic” in South Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation // Quaternary Sci. Rev. – 1995. – N 14. – P. 731–745.
- Sali S.A.** Stone Age India. – Aurangabad: Shankar Publ., 1990. – 288 p.
- Schäfer J., Laurat T., Ranov V.A., Sosin P.M.** Das Altpaläolithikum des 4. Paläobodenkomplexes von Obi-Mazar (Tadschikistan) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. – Festschrift für Dietrich Mania. – Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte, 2003. – S. 509–535. – (Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt; Bd. 57).
- Schäfer J.M., Ranov V.A., Sosin P.M.** The “Cultural Evolution” of man and the chronostratigraphical background of changing environments in the loess palaeosol sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) // Anthropologie. – 1998. – Vol. XXXVI, N 1/2. – P. 121–135.

*Материал поступил в редколлегию 22.08.22 г.,
в окончательном варианте – 18.11.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.014-026
УДК 902(575.1)"6323"

**Г.Д. Павленок¹, С.А. Когай¹, Р.Н. Курбанов²,
Г.А. Мухтаров³, К.К. Павленок¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru; kogai@irkutsk.ru; pavlenok-k@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

³Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан
O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Milliy arxeologiya markazi,
Mirzo Ulug'bek ko'chasi 81-uy, Toshkent shahri, 100170, O'zbekiston
E-mail: gayratxon75@mail.ru

Появление леваллуа-пластинчатой индустрии в западных предгорьях Тянь-Шаня: материалы слоя 24 стоянки Кульбулак

В статье рассматриваются материалы слоя 24 стоянки Кульбулак (Западный Тянь-Шань), полученные в ходе полевых работ 2018–2019 гг. На основе данных о возрасте слоя 16 (соответствует МИС 5е) и геологическом строении отложения проведено стратиграфическое расчленение разреза Кульбулака с выделением основных палеогеографических этапов его формирования. Слои 25–22, вероятно, соотносятся с периодом потепления второй половины МИС 7. Установлено, что первичное расщепление в индустрии слоя 24 реализовывалось в рамках параллельного скалывания на широкой и узкой плоскостях в продольном и бипродольном направлениях и леваллуазской модели. Орудия представлены разнообразными скреблами, острием на интенсивно ретушированной пластине, пластиной с ретушью, атипичным угловым скребком, заготовками бифасов. Выявлены аналогии между материалами слоя 24 Кульбулака и синхронными индустриями Ближнего Востока. Сделан вывод о том, что изучаемый комплекс технологически и, видимо, по хронологической принадлежности занимает позицию между позднейшими амудийскими и ранними среднепалеолитическими ансамблями, которые относятся к стадии Табун D. Об этом свидетельствуют признаки использования метода нелеваллуазского пластинчатого расщепления наряду с леваллуазским (с доминированием последнего), изготовления разных типов пластинчатых сколов в рамках одной редуцированной последовательности, а также высокая доля пластин среди заготовок и наличие в индустрии бифасиальных изделий, удлиненного интенсивно ретушированного острия, атипичного углового скребка.

Ключевые слова: каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор, анализ последовательности сколов, средний палеолит, МИС 7, Западный Тянь-Шань.

**G.D. Pavlenok¹, S.A. Kogai¹, R.N. Kurbanov²,
G.A. Mukhtarov³, and K.K. Pavlenok¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru; kogai@irkutsk.ru; pavlenok-k@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

³National Center of Archaeology,
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Pr. Mirzo Ulugbek 81, Tashkent, 100170, Uzbekistan
E-mail: gayratxon75@mail.ru

The Emergence of Levallois Blade Industry in the Western Foothills of Tien Shan: Kulbulak Layer 24

We describe finds from layer 24 of Kulbulak, Western Tien Shan, excavated in 2018–2019. On the basis of the age of layer 16 (MIS 5e) and the geological context of the deposits, the profile of the site was subdivided into paleogeographic stages. Layers 25–22 likely correlate with the warming period in the second half of MIS 7. Primary reduction in layer 24 industry was based on parallel uni- and bidirectional techniques, with wide and narrow-faced cores, and following the Levallois strategy. Tools include various side-scrapers, a point on a heavily retouched blade, a retouched blade, an atypical angular end-scraper, and blanks of bifaces. Parallels are found between those finds and contemporaneous industries of the Near East. Technologically and likely chronologically, layer 24 is intermediate between Late Amudian and Early Middle Paleolithic assemblages of the Tabun D stage. This is evidenced by a combination of non-Levallois and Levallois flaking (the latter being predominant), by different types of blanks within the same reduction sequence, by a high share of blades among blanks, by bifacial pieces, by an elongated heavily retouched point, and by an atypical end-scraper.

Keywords: *Lithic industry, primary reduction, toolkit, scar pattern analysis, Middle Paleolithic, MIS 7, Western Tien Shan.*

Введение

Особенностью последнего десятилетия в изучении каменного века западной части Центральной Азии является пересмотр культурно-хронологической атрибуции ряда опорных палеолитических комплексов. Так, индустрии пещеры Сельунгур (юг Ферганской долины, Кыргызстан) и нижних слоев стоянки Кульбулак (западные отроги Тянь-Шаня, Восточный Узбекистан) (рис. 1), ранее считавшиеся нижнепалеолитическими, в настоящее время относят к сельунгурской и пластинчатой оби-рахматской традициям среднего палеолита [Павленок К.К., Белоусова, Рыбин, 2018; Kolobova et al., 2018; Krivoshekin et al., 2020; Vandenberghe et al., 2014]. Переоценка исследовательских концепций обусловила необходимость уточнения времени появления первых индустрий среднего палеолита в разных частях Центрально-Азиатского региона.

При определении относительного возраста слоя 24 ввиду объективного дефицита данных мы отталкива-

лись от ТП-даты, полученной С. Федоровичем (Департамент геоморфологии и четвертичной геологии Университета Гданьска, Польша) для наиболее близкого к этим культурным напластованиям слоя 16 Кульбулака, – 111 ± 19 тыс. л.н. (UG-7094) [Павленок К.К., Павленок Г.Д., Курбанов, 2020]. На основе определенных возраста слоя 16, который соответствует МИС 5е, результатов анализа строения отложений и расположения горизонтов, а также данных по гранулометрии было проведено стратиграфическое расчленение новейших отложений с выделением основных палеогеографических этапов формирования разреза [Таратунина и др., 2020]. В соответствии с предложенной палеогеографической реконструкцией слою 25–22 могут быть предварительно соотнесены с ярко выраженным этапом потепления во второй половине МИС 7. В период формирования отложений слоя 24 в районе стоянки происходила стабилизация рельефа – образовался водоем со спокойным озерным осадконакоплением, резко снизилась активность селевых процессов, зафиксированных в отложениях слоя 25. Завершающая фаза МИС 7 отмечена активизацией селей.

При анализе археологической коллекции в качестве основных исследовательских инструментов ис-

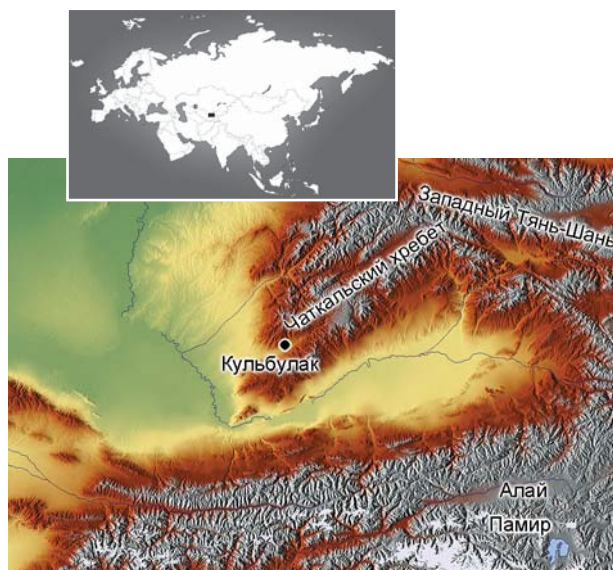

Рис. 1. Расположение стоянки Кульбулак.

пользовалось несколько взаимодополняющих методов. Атрибутивный анализ коллекции позволил определить неслучайные комбинации технологически значимых признаков каменных артефактов [Павленок К.К., Белоусова, Рыбин, 2011]. Для подтверждения этих наблюдений и сравнения отдельных групп артефактов были применены статистические тесты, обработанные в ПО Past (4.03) [Hammer, Harper, Ryan, 2001], построены диаграммы рассеяния. Выбор непараметрического теста Манна – Уитни обусловлен малыми размерами выборок в изучаемой коллекции. Анализ последовательности сколов (*scar-pattern analysis*) позволил реконструировать процесс оформления отдельных артефактов [Kot, 2014; Шалагина, Колобова, Кривошапкин, 2019].

Цель статьи – представить комплексную характеристику материалов слоя 24 стоянки Кульбулак, полученных в результате раскопок Российско-Узбекистанской экспедиции в 2018–2019 гг.

Археологический материал из слоя 24 стоянки Кульбулак

Археологический материал слоя делится на два стратиграфически разных комплекса – верхний (глубина залегания находок от –1 995 до –2 030 см) и нижний (глубина залегания от –2 065 до –2 145 см) (рис. 2). Верхний комплекс малочисленен – 8 экз., включает первичный технический скол, 3 фрагмента отщепов

и 4 мелких отщепа. Коллекцию нижнего комплекса составляют 2 654 экз. В ней наиболее многочисленны отходы производства (чешуйки, осколки, обломки, мелкие отщепы, фрагменты отщепов); их доля составляет 86 % от всей коллекции (см. таблицу).

Нуклевидных изделий 22 экз., из них типологически выраженных 16 экз.

Нуклеусы одноплощадочные монофронтальные – 4 экз. (рис. 3). Чаще всего имеют гладкую ударную

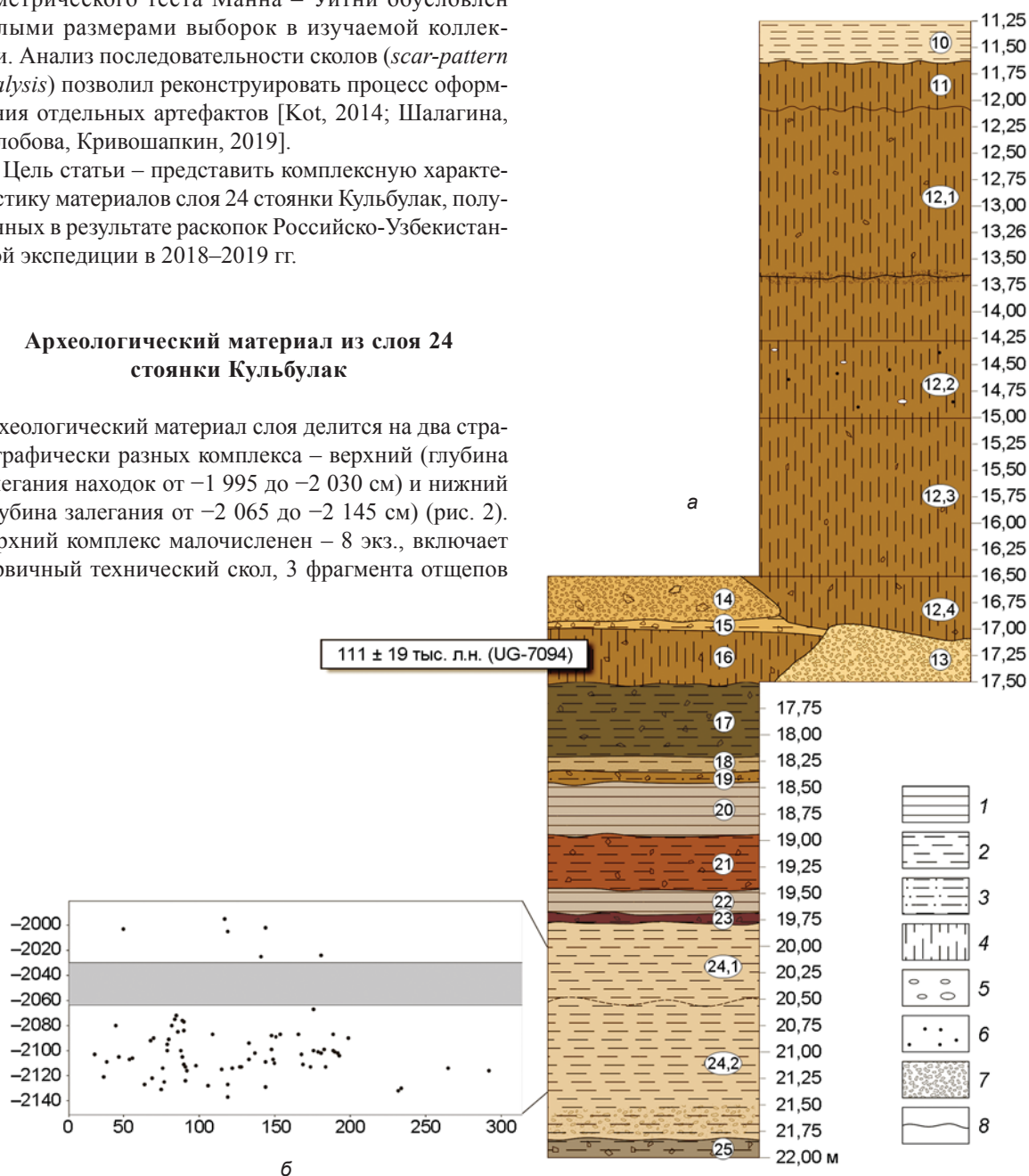

Рис. 2. Стратиграфия южной стенки раскопа (а) и проекция находок из слоя 24 (б) стоянки Кульбулак.
1 – глина; 2 – суглинок; 3 – супесь; 4 – лессовидный суглинок; 5 – карбонатные конкреции; 6 – уголь; 7 – щебень/дресва; 8 – эрозионная граница.

Категории каменной индустрии слоя 24 стоянки Кульбулак

Категории	Экз.	%	% без учета отходов
<i>Верхний комплекс</i>			
Технические сколы	1	12,5	100,0
Фрагменты отщепов	3	37,5	–
Мелкие отщепы	4	50,0	–
<i>Итого</i>	8	100,0	100,0
<i>Нижний комплекс</i>			
Нуклевидные изделия:			
нуклеусы	16	0,6	4,4
нуклевидные обломки	6	0,2	1,6
Сколы:			
отщепы	147	5,5	40,4
пластины	56	2,1	15,4
пластинки	29	1,1	8,0
острия	4	0,2	1,1
Технические сколы	89	3,4	24,5
Орудия	17	0,6	4,7
Отходы производства:		0,0	
чешуйки	638	24,0	–
осколки	1058	39,9	–
обломки	190	7,2	–
фрагменты отщепов	165	6,2	–
мелкие отщепы	239	9,0	–
<i>Итого</i>	2 654	100,0	100,0

площадку, подготовленную одним сколом, и один-два целевых скола с пропорциями отщепов или пластин.

Двуплощадочные однофронтальные нуклеусы – 5 экз. (рис. 4). Ударные площадки либо естественные, либо подготовленные одним или несколькими сколами. Все нуклеусы предназначены для снятия удлиненных сколов. Сколы снимались в основном с одной площадки. Встречные снятия производились скорее для поддержания латеральной изогнутости фронта. Анализ последовательности сколов выявил поэтапный, а не чередующийся характер использования площадок.

Торцовые нуклеусы – 3 экз. (рис. 5). Использовались для получения мелких пластинчатых сколов. Их характеризуют тщательность обработки основания, а также следование четкой схеме расщепления: 1) подготовка ударной площадки; 2) обработка латералей; 3) снятие сколов с фронта. Самый мелкий нуклеус этой группы (вероятно, наиболее сработанный) свидетельствует об использовании приема смены ударной площадки на противоположащую, а также о встречном скалывании.

Рис. 3. Одноплощадочный монофронтальный нуклеус из слоя 24 стоянки Кульбулак.

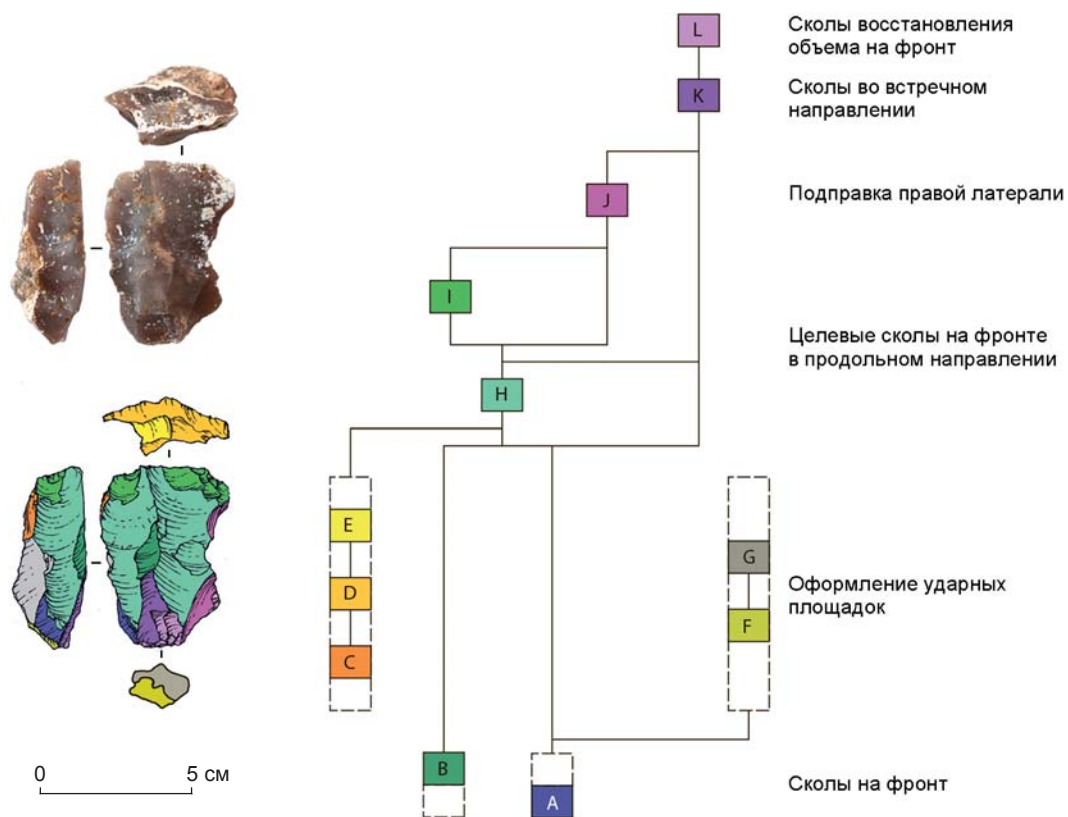

Рис. 4. Двуплощадочный однофронтальный нуклеус из слоя 24 стоянки Кульбулак.

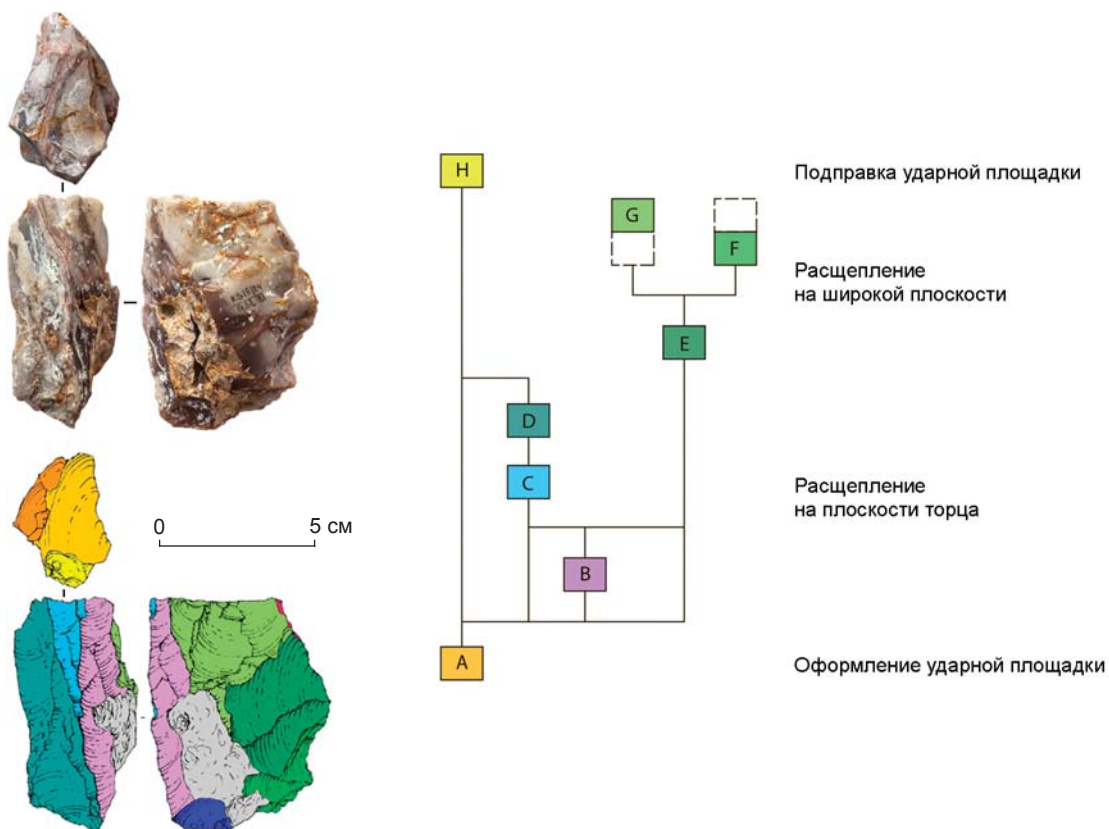

Рис. 5. Торцовый нуклеус из слоя 24 стоянки Кульбулак.

Нуклеус леваллуа (рис. 6). Соответствует варианту *preferential radial centripetal* [Shea, 2013] для снятия единственного удлиненного скола.

В коллекции имеются также три нуклеуса (одноплощадочные монофронтальные (2 экз.) и радиальный), находящиеся на стадии заготовок.

Технические сколы представлены 89 изделиями, что составляет 26 % от количества определимых сколов (рис. 7, 1–9). Их морфология соотносится с охарактеризованными стратегиями расщепления – продольной и леваллуазской (*preferential radial centripetal*). Преобладают краевые сколы. По пропорциям и огранке «крутой» стороны краевые сколы делятся на пластины краевые с коркой (ПКК), пластины краевые латеральные (ПКЛ), пластины краевые реберчатые (ПКР), отщепы краевые с коркой (ОКК), отщепы краевые латеральные (ОКЛ) и отщепы краевые реберчатые (ОКР) [Kolobova et al., 2019].

В индустрии сколов выделены следующие категории: отщепы (147 экз., 43 % от количества сколов), пластины (56 экз., 16 %), пластинки (29 экз., 8 %) и острия (4 экз., 1 %).

Отщепы представляют различные варианты огранки. Заметно преобладают продольные и продольно-конвергентные, также серийно представлены радиальные, ортогональные, бипродольные (как правило, следы встречных снятий редко занимают менее 1/3 общей

длины изделия). Для пластин и пластинок наиболее характерны продольные и продольно-конвергентные варианты огранки. У пластин заметна доля ортогональных, изделия с бипродольными огранками единичны.

В категории отщепов прямые и не прямые (закрученные и изогнутые) в профиле соотносятся примерно 1 : 2, в группе пластин – 1 : 3. В группе пластинок сравнимые показатели почти равны.

В индустрии наиболее распространены гладкие ударные площадки: имеются у 60 % отщепов и 45 % пластин. Двугранные площадки фиксируются на 1/3 изделий. Многогранные площадки представлены на 10 % отщепов и 23 % пластин. Примерно 10 % отщепов и 20 % пластин подвергались латерально-поперечной подготовке ударной площадки. Практически все пластинки имеют гладкие площадки.

Важно отметить, что в коллекции имеются сколы с характеристиками леваллуазских – с центростремительными, ортогональными и поперечными, а также конвергентными и продольно-конвергентными вариантами огранки и выпуклыми дву- и многогранными площадками (рис. 7, 10, 11).

Анализ распределения пластинчатых сколов по ширине показал, что пластины и пластинки производились в рамках единой технологической схемы с максимальным количеством сколов шириной от 9 до 28 мм (рис. 8).

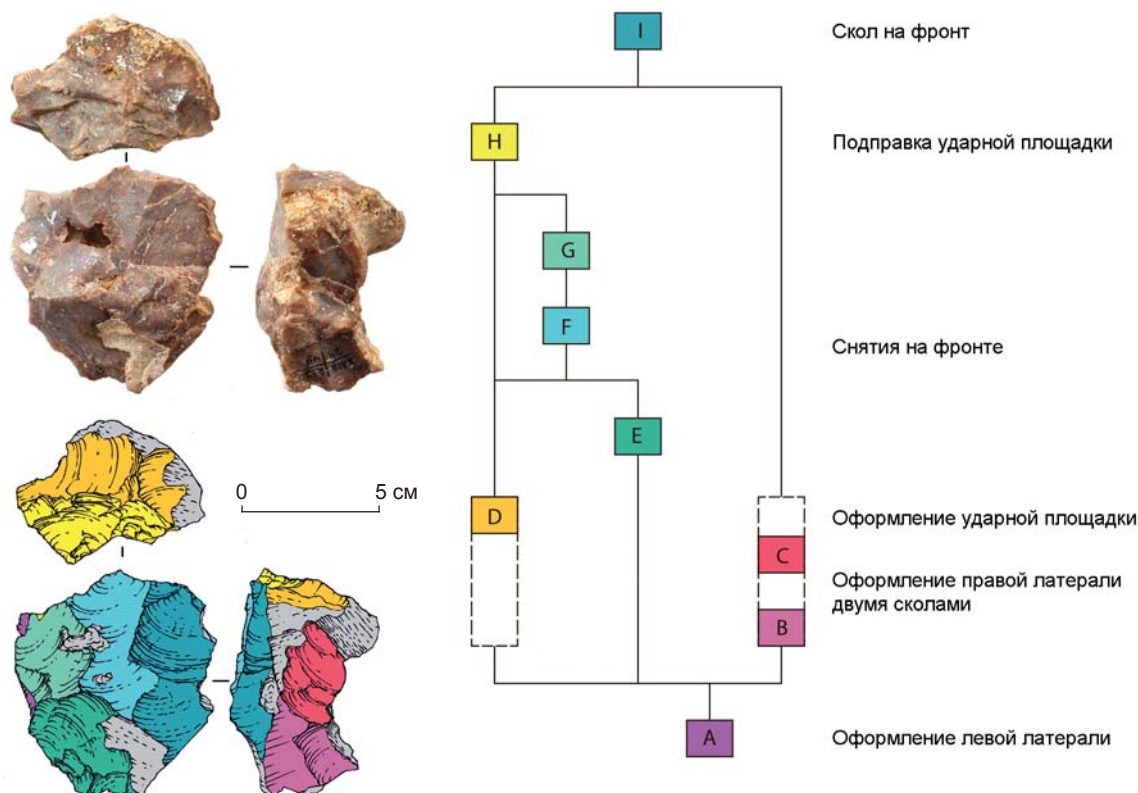

Рис. 6. Леваллуазский нуклеус из слоя 24 стоянки Кульбулак.

Рис. 7. Археологический материал из слоя 24 стоянки Кульбулак.
1–9 – технические сколы; 10, 11 – левааллуазские сколы; 12–21 – орудия.

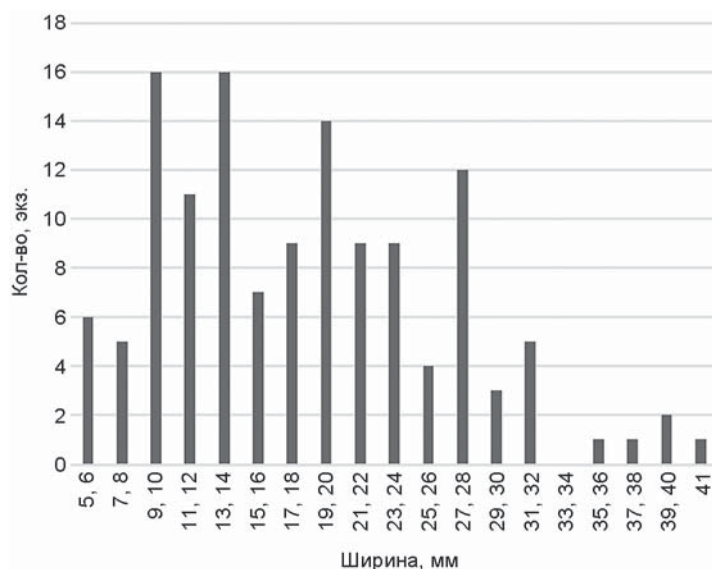

Рис. 8. Гистограмма распределения пластинчатых сколов по ширине.

Единичные остроконечники (4 экз.) представляют разные виды правильной продольно-конвергентной огранки с характерным Y-образным негативом, точка удара при этом была смещена к одной из граней. Заготовки, как правило, прямоостные, имеют тщательно подготовленные слабовыпуклые ударные площадки.

Для изготовления орудий выбирались преимущественно отщепы (11 экз.) и технические сколы, соответствующие пропорциям отщепов (2 экз.); пластины и технические сколы с пропорциями пластин использовались реже (по 2 экз.). Орудийный набор (17 экз.) представлен одинарными продольными скреблами (5 экз.), их фрагментами (3 экз.), двойным продольно-поперечным скреблом, острием на ретушированной по обоим краям пластине, пластиной с ретушью по двум продольным краям, атипичным угловым скребком на пластине (см. рис. 7, 12–21). Кроме того, в орудийный комплекс входят отщепы (5 экз.). Использовалась чаще всего дорсальная, чешуйчатая, полукруглая и среднемодифицирующая ретушь.

Два изделия на крупных отщепах определяются как заготовки бифасов. Одно из них плоско-выпуклое в профиле, другое – двояковыпуклое, однако последнее соответствует самой ранней стадии модификации, его профиль отражает скорее морфологию заготовки, нежели технику изготовления.

Обсуждение результатов

Среди нуклеусов из слоя 24 стоянки Кульбулак выявлены экземпляры, которые выглядят асимметричными: у них зона расщепления захватывает фронт и одну из латералей. Однако анализ последователь-

ности сколов показывает, что эти зоны расщепления использовались независимо друг от друга (см. рис. 4). Кроме того, если нуклеусы со следами расщепления на смежных плоскостях и торцовые формы выстроить в последовательности от более крупных к более мелким, то нетрудно заметить, что у самого крупного изделия в качестве фронта выступал только торец (см. рис. 5), у экземпляра средних размеров – фронт и торец (см. рис. 4), у самого негабаритного – обе латерали и фронт; в результате ядрище приобрело сходство с подпризматическим нуклеусом.

Чтобы выяснить, является ли бипродольное скалывание отдельной технологической схемой, была построена диаграмма рассеяния, показывающая распределение нуклеусов с одной и с двумя ударными площадками по длине (рис. 9, 1). Два этих множества практически не пересекаются, что подтверждается тестом Манна – Уитни ($U = 9, p = 0,04$). Признаки использования второй ударной площадки и встречного скалывания наблюдаются у самых коротких изде-

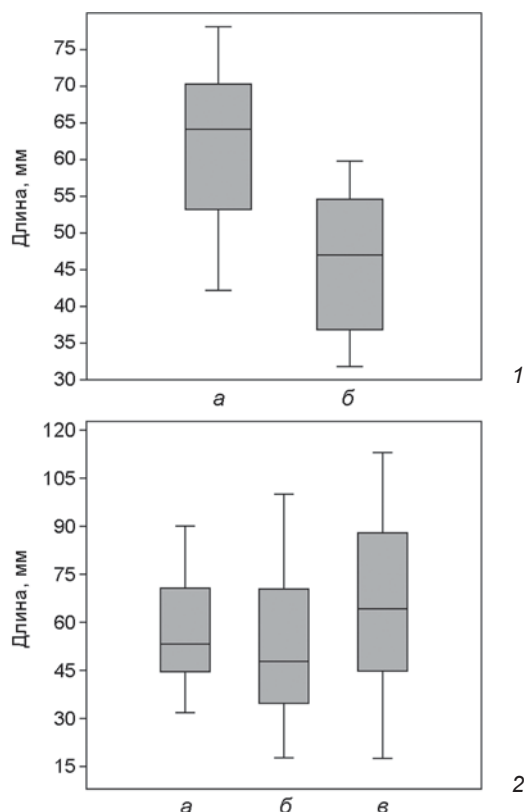

Рис. 9. Распределение по длине одно- (а) и двуплощадочных (б) нуклеусов (1); нуклеусов для получения пластинчатых сколов (а), пластинчатых (б) и технических (в) сколов (2).

лий; скорее всего, к этим приемам прибегали вынужденно, в случае, если нуклеус был сильно сработан.

При рассмотрении степени сработанности нуклеусов на основе показателей длины нуклеусов для удлиненных сколов, целых пластин и пластинок, а также целых технических сколов с пропорциями пластин и пластинок была построена диаграмма рассеяния (рис. 9, 2). Она позволяет предположить, что проанализированные нуклеусы отражают среднюю и сильную степень утилизации, поскольку в коллекции отсутствуют нуклеовидные изделия длиной, которая согласуется с максимальной длиной технических сколов.

Сравнение длины нуклеусов со следами продольного скалывания и длины целых сколов с продольной огранкой показало, что между этими выборками есть статистические различия (тест Манна – Уитни, $U = 68, p = 0,0001$) (рис. 10). График отражает ситуацию, когда длина нуклеусов значительно больше длины сколов. Следовательно, можно предположить, что наиболее крупные продольно ограненные сколы люди унесли за пределы исследованной территории.

Преимущественно гладкие (156 экз.) и двугранные (58 экз.) ударные площадки сколов находят соответствия среди площадок нуклеусов. Латерально подправленные площадки у значительной части отщепов (48 экз., 26 %) и пластин (17 экз., 23 %) также имеют соответствия в морфологии ядрищ: у 6 из 16 изделий были зафиксированы признаки латеральной подправки ударной площадки.

Нуклеусов для получения остроконечных сколов выявлено не было. Однако сочетание признаков правильной продольно-конвергентной огранки с характерным Y-образным негативом и смещения точ-

ки удара к одной из граней позволяет предполагать использование видоизмененной схемы леваллуазского острейного производства, известной по материалам памятников оби-рахматского круга [Кривошапкин, 2012].

Дискуссия

Для определения места индустрии слоя 24 стоянки Кульбулак в ряду индустрий региона ее следует в первую очередь сопоставить с коллекцией вышележащего слоя 23 [Кривошапкин и др., 2010; Павленок К.К., Павленок Г.Д., Курбанов, 2020]. Для индустрии этого слоя, предварительно отнесенной также ко второй половине МИС 7, ранее была реконструирована базовая операционная последовательность расщепления камня (*chaîne opératoire*), которая соответствует преференциальной технике леваллуа, достаточно полно охарактеризованной в нескольких работах последних лет по палеолиту региона [Павленок К.К., Павленок Г.Д., Курбанов, 2020; Krajcarz et al., 2016; Pavlenok et al., 2022]. Индустрия слоя 23 свидетельствует о применении техники леваллуа наряду с расщеплением, которое предполагает простое параллельное скалывание пластин. В слое находились также немногочисленные дисковидные и радиальные нуклеусы, ядрища для получения пластинок. Последняя категория представлена такими типами нуклеусов как нуклеус-резец, торцовый (в т.ч. со сходящимися латералиями), подконусовидные и подцилиндрические, а также кареноидные.

Среди орудий в слое 23 наиболее высока доля интенсивно-ретушированных пластин, скребел, острий. В числе скребел преобладают однолезвийные продольные формы, многочисленны скребла *dejété* и альтернативные, имеется изделие «сельунгурского» типа. Острийные формы представлены остроконечниками с одним отретушированным краем, мустьерскими остриями (в их числе – изделие с тейяжской ретушью) и леваллуазскими (в т.ч. с вентральной ретушью). Отдельную группу составляют орудия верхнепалеолитического типологического ряда: атипичные концевые скребки, проколки, пластинки с ретушью. Зафиксированы тронкированно-фасетированные формы и двусторонне обработанные орудия. На долю отщепов и пластин с нерегулярной ретушью приходится ок. 1/3 изделий.

Сопоставление данных по каменным индустриям слоев 23 и 24 выявило следующие различия:

в индустрии слоя 24 более распространено простое параллельное скалывание пластин; в индустрии слоя 23 основной массив нуклеусов отражает разные стадии реализации леваллуазской стратегии расщепления;

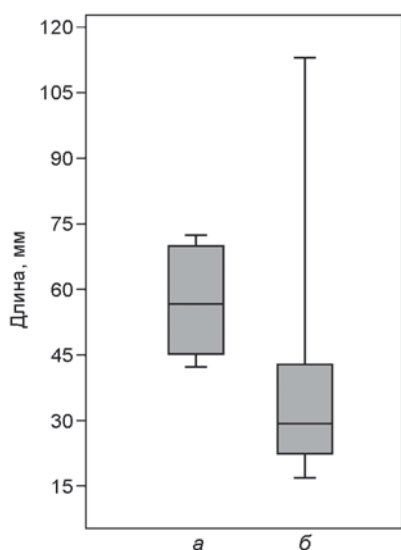

Рис. 10. Распределение по длине нуклеусов со следами продольного скалывания (а) и сколов с продольной огранкой (б).

в индустрии слоя 24 редкие пластинки снимались с нуклеусов одновременно с пластинами; в индустрии слоя 23 примерно 1/10 часть нуклеусов использовалась для целенаправленного производства пластинок в рамках нескольких схем расщепления;

только в индустрии слоя 23 имеются редко встречающиеся изделия – скребло «сельунгурского» типа, остроконечник с тейжской ретушью, ассоциируемые в региональном контексте с сельунгурской линией развития среднего палеолита [Krivoshapkin et al., 2020].

Проведенный анализ позволяет сделать предварительный вывод о том, что коллекция слоя 23 представляет более высокий уровень развития леваллуа-пластинчатой традиции по сравнению с тем, которому соответствует морфология изделий слоя 24. При этом индустрия слоя 23, видимо, не является абсолютно гомогенной в культурном плане ввиду присутствия редких «сельунгурских» форм.

По времени и географически к стоянке Кульбулак близка стоянка Хонако-3 в Южном Таджикистане, если принять «новую» стратиграфическую схему этого объекта, согласно которой возраст педокомплекса 2 (ПК 2) составляет 186–242 тыс. л.н. [Ранов, Каримова, 2005]. Исследователь стоянки В.А. Ранов отнес материалы из ПК 2 к пластинчатому леваллуамустье (доля пластин 31 %). Индустрия выделяется наличием пирамидальных нуклеусов, предназначенных для получения длинных и узких пластинок верхнепалеолитической морфологии, и серии таких снятий [Ранов и др., 2003; Ранов, Шефер, 2000]. Орудийный набор включает скребла на пластинах, атипичные скребки и ножи, остроконечник. Можно заключить, что комплекс из ПК 2 стоянки Хонако-3 по показателям ближе к индустрии слоя 23 стоянки Кульбулак.

Индустрии, сходные как по используемым технологическим решениям, так и по хронологической принадлежности, не выявлены на остальной территории западной части Центральной Азии. На Иранском нагорье (Загрос) известны стоянки развитого среднего палеолита (МИС 4 – первая половина МИС 3), индустрии которых характеризуются высокой долей конвергентных скребел, мустьерских острий и относительно низкой – леваллуазских продуктов [The Paleolithic Prehistory..., 1993; Шидранг и др., 2016]. На юго-востоке Закавказья самые ранние леваллуа-пластинчатые комплексы связаны со стадией МИС 4. Так, в пещере Ховк-1 возраст нижней пачки слоев 12–8, установленный на основании OSL-даты, которая получена по пробе из слоя 8 (~104 тыс. л.н.), более 100 тыс. л.н. В этих слоях залежали немногочисленные артефакты (~40 экз.) – удлинённые леваллуазские остроконечники, скребло, сколы (преимущественно пластины), в т.ч. с фасетированными ударными площадками [Pinhasi et al., 2012].

С учетом культурных последовательностей Денисовой пещеры и стоянки Усть-Каракол-1 можно заключить, что на территории Южной Сибири комплексы, в которых представлены нуклеусы, выполненные в технике простого параллельного расщепления и леваллуа, а также двусторонне обработанные изделия и орудия верхнепалеолитических типов, получили развитие ок. 150 тыс. л.н., в эпоху, соответствующую МИС 5 [Деревянко, 2022; Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020].

Единственным регионом со сходной направленностью каменного производства в период, который соответствует МИС 7, является Ближний Восток: здесь технологии камнеобработки, которые представляют изделия слоя 24 стоянки Кульбулак, применялись уже в нижнем палеолите. Самым ранним свидетельством использования леваллуазской системы первичного расщепления на этой территории и в целом в Евразии является технокомплекс Гешер Бенот Яаков на севере современного Израиля [Goren-Inbar, 2011; Goren-Inbar et al., 2000]. Наиболее ранние культурные напластования здесь датируются временем ок. 780 тыс. л.н. (МИС 18–20) [Feibel, 2004]. Большая часть леваллуазских нуклеусов (87,5 %) предназначалась для скалывания отщепов разных размеров. Крупные отщепы в дальнейшем использовались для изготовления бифасов и кливеров [Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011]. Эта система расщепления получила отражение в материалах позднеашельского местонахождения Берехат Рам на Голанских высотах [Goren-Inbar, 1985]. Известны леваллуазские формы и из пещеры Кесем [Деревянко, 2016а, б].

Пластинчатые заготовки появились на территории Ближнего Востока уже в позднем ашеле на многослойных местонахождениях Ябруд и Табун [Там же; Монигал, 2001]. Так, слой G в пещере Табун содержит небольшое количество укороченных пирамидальных нуклеусов для снятия пластин и пластинчатых отщепов. На заключительном ашело-ябрудийском этапе позднего ашеля пластинчатое расщепление становится одним из основных приемов камнеобработки. Особенно большую роль оно играет при создании доориньякской, амудийской и хуммальной индустрий, которые относятся ориентировочно к интервалу 400–250 тыс. л.н. [Деревянко, 2016а; Schwarcz, Rink, 1998; Лаухин и др., 2000; Mercier et al., 2013; Mercier, Valladas, 2003; Barkai et al., 2003; Gopher et al., 2010]. Например, в амудийской индустрии пещеры Кесем [Hershkovitz et al., 2011; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011] выделяются как нуклеусы, предназначенные для изготовления пластин, так и ядрища с негативами скалывания пластин и отщепов. Из пластин изготавливали скребки, скребла, резцы, зубчатые изделия [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011]. В амудийских горизонтах пещеры Кесем обнаружено также несколько двусторонне обработанных изделий.

Черты преемственной связи с ашело-ябрудийской индустрией Леванта ярко проявляются в самых ранних среднепалеолитических комплексах региона возрастом 260 (250)–165 (150) тыс. л.н., отнесенных к этапу Табун D [Деревянко, 2016б]. Главной особенностью индустрий этого типа является обилие пластин и удлиненных остроконечников (среди сколов они составляют от 20 до 60 %). Уже в индустриях возрастом 220–230 тыс. л.н. имеются признаки использования наряду с леваллуазскими приемами изготовления пластин и удлиненных остроконечников (параллельный и конвергентный однонаправленный) техники простого параллельного скалывания для получения пластин. При этом пластинчатый компонент на всех стоянках, кроме стоянки Хумалл, слой Ia, сопровождается многочисленными отщепами и острями, которые изготавливались в соответствии с разными схемами расщепления (от леваллуазских до дисковидных), в т.ч. изготовления пластинок с «нуклеусов-резцов» [Монигал, 2001; Marks, Monigal, 1995].

Для орудийных наборов каменных индустрий, относящихся к стадии Табун D, характерно сочетание многочисленных ретушированных пластин и удлиненных остроконечников со средне- и верхнепалеолитическим инвентарем – мустьерскими острями, продольными скребками, зубчато-выемчатыми орудиями, атипичными скребками, резцами, проколками, тронкированными изделиями и др. [Copeland, 1975; Jelinek, 1981; Marks, 1992; Meignen, 2000]. На поздних этапах развития индустрий этого типа доля среднепалеолитических орудий значительно сокращается вплоть до исчезновения.

Таким образом, материалы слоя 24 стоянки Кульбулак технологически и, видимо, хронологически (МИС 7) занимают позицию между позднейшими амудийскими комплексами и самыми ранними ансамблями среднего палеолита Ближнего Востока, принадлежащими к стадии Табун D. Об этом свидетельствуют следующие особенности индустрии: сочетание следов использования леваллуазских и нелеваллуазских (простое параллельное и торцовое) приемов расщепления с доминированием последних; изготовление разных типов сколов в рамках одной редукционной последовательности; значительная доля пластин среди сколов-заготовок; наличие в инвентаре двусторонне обработанных изделий, удлиненного ретушированного острья, оформленного интенсивной дорсальной ретушью (может быть определено как острие типа Абу Сиф), а также атипичного углового скребка.

Заключение

Палеолитические комплексы амудьена и Табуна D являются важнейшим источником информации при

разработке проблем, касающихся распространения на континенте древнейших леваллуа-пластинчатых комплексов. Часть исследователей связывает появление индустрий типа Табун D с появлением ок. 250–220 тыс. л.н. на Ближнем Востоке нового населения – людей современного анатомического облика, пришедших с территории Африки [Hershkovitz et al., 2018; Valladas et al., 2013]. Альтернативного мнения придерживается А.П. Деревянко [Деревянко, 2016а, б]: комплексы начала среднего палеолита свидетельствуют о неразрывной связи с ашело-ябрудийской индустрией нижнего палеолита, археологическая летопись Леванта не содержит четких свидетельств проникновения в регион инокультурных человеческих популяций в эпоху, соответствующую МИС 7.

Отсутствие антропологических остатков не позволяет точно ответить на вопрос о создателях самых ранних индустрий среднего палеолита в предгорьях Тянь-Шаня, которые представлены в культурной последовательности Кульбулака. Не до конца ясна и хронологическая позиция материального комплекса из слоя 24. Однако на основе результатов проведенных комплексных исследований можно сделать вывод о наличии на Западном Тянь-Шане леваллуа-пластинчатого комплекса, который технологически и, видимо, по времени соответствует рубежу нижнего и среднего палеолита Ближнего Востока. Это позволяет уже на данном этапе изысканий говорить о том, что культурное взаимодействие древнего населения Ближнего Востока и предгорий Тянь-Шаня, имевшее место в период перехода к верхнему палеолиту [Кривошапкин, 2012] и в эпоху верхнего палеолита [Колобова и др., 2013], уходит корнями в гораздо более раннее время, в пору становления традиций среднего палеолита.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проектов РНФ № 22-18-00649 «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего – верхнего палеолита: хронология миграционных процессов» (анализ археологических материалов) и РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита» (оценка возраста археологического комплекса).

Список литературы

Деревянко А.П. Пластинчатые индустрии Леванта в среднем плейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016а. – Т. 44, № 1. – С. 3–26. – doi:10.17746/1563-0102.2016.44.1.003-026

Деревянко А.П. Средний палеолит Леванта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016б. – Т. 44, № 3. – С. 3–36. – doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.003-036

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. VI. – Ч. 1: Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура. – 900 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 3. – С. 3–32. – doi:10.17746/1563-0102.2020.48.3.003-032

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–26.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110.

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 5. – С. 82–95.

Монигал К. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 11–24.

Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 35–46.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Курбанов Р.Н. Средний палеолит запада Центральной Азии: новые данные о распространении леваллуазской технологии // Тр. VI (XXII) Всерос. археол. съезда. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2020. – Т. I. – С. 67–69.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Ранов В.А., Лаухин С.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки второй палеопочвы стоянки Хонако-3 в 1997 г. // Археологические работы в Таджикистане. – 2003. – Вып. 28. – С. 18–47.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Таратунина Н.А., Павленок Г.Д., Павленок К.К., Курбанов Р.Н. Новые данные о строении новейших отложений и возрасте стоянки Кульбулак // Тр. VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2020. – Т. III. – С. 278–280.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Анализ последовательности сколов как инструмент рекон-

струкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. – 2019. – № 1. – С. 145–154.

Шидранг С., Биглари Ф., Борд Ж.-Г., Жобер Ж. Позднеплейстоценовые каменные индустрии Центрального Загроса: технико-типологический анализ каменных комплексов пещеры Гхар-е-Кхар, Бисотун, Иран // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 1. – С. 27–38.

Barkai R., Gopher A., Lauritzen S.E., Frumkin A. Uranium series dates from Qesem Cave, Israel, and the end of the Lower Palaeolithic // Nature. – 2003. – Vol. 423. – P. 977–979. – URL: <https://doi.org/10.1038/nature01718>

Copeland L. The Middle and Upper Palaeolithic in Lebanon and Syria in the light of recent research // Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. – Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1975. – P. 317–350.

Feibel C.S. Quaternary lake margins of the Levant Rift Valley // Human Paleoeology in the Levantine Corridor. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – P. 21–36.

Gopher A., Ayalon A., Bar-Matthews M., Barkai R., Frumkin A., Karkanas P., Shahck-Grose R. The chronology of the late Lower Paleolithic in the Levant: U-series dates of speleothems Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel // Quat. Geochronol. – 2010. – Vol. 5. – P. 644–656.

Goren-Inbar N. The Lithic assemblage of the Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // Paléorient. – 1985. – Vol. 11, N 1. – P. 7–28.

Goren-Inbar N. Culture and cognition in the Acheulian industry – a case study from Gesher Benot Ya'aqov // Phil. Trans. R. Soc. Biol. Sci. – 2011. – Vol. 366. – P. 1038–1049.

Goren-Inbar N., Feibel C.S., Verosub K.L., Melamed Y., Kislev M.E., Tchernov E., Saragusti I. Pleistocene milestones on the out-of-Africa corridor at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Sci. – 2000. – Vol. 289. – P. 944–974.

Goren-Inbar N., Grosman L., Sharon G. The technology and significance of the Acheulian giant cores of Gesher Benot Ya'aqov, Israel // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38, N 8. – P. 1901–1917.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. – 2001. – N 4 (1). – URL: http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm

Hershkovitz I., Smith P., Sarig R., Quam R., Rodríguez L., Garcia R., Arsuaga J.L., Barkai R., Gopher A. Middle Pleistocene Dental Remains from Qesem Cave (Israel) // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2011. – Vol. 144, iss. 4. – P. 575–592.

Hershkovitz I., Weber G.W., Quam R., Duval M., Grün R., Kinsley L., Ayalon A., Bar-Matthews M., Valladas H., Mercier N., Arsuaga J.L., Martín-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Fornai C., Martín-Francés L., Sarig R., May H., Krenn V.A., Slon V., Rodríguez L., García R., Lorenzo C., Carretero J.M., Frumkin A., Shahack-Gross R., Bar-Yosef Mayer D.E., Cui Y., Wu X., Peled N., Groman-Yaroslavski I., Weissbrod L., Yeshurun R., Tsatskin A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The earliest modern humans outside Africa // Sci. – 2018. – N 359 (6374). – P. 456–459. – doi:10.1126/science.aap8369

Jelinek A.J. The Middle Palaeolithic in the Southern Levant from the Perspective of the Tabun Cave // Préhistoire du Levant. – P.: Centre Nat. de la Recherche Sci. Press, 1981. – P. 265–280.

- Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M.** Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // *Archaeol. and Anthropol. Sci.* – 2018. – N 10. – P. 615–630. – doi:10.1007/s12520-016-0367-3
- Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshapkin A.** The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // *Anthropologie (France)*. – 2019. – Vol. 123, iss. 2. – P. 276–288. – doi:10.1016/J.ANTHRO.2019.06.004
- Kot M.A.** The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach // *Quat. Intern.* – 2014. – Vol. 326–327. – P. 381–397.
- Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K.** Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quat. Intern.* – 2016. – Vol. 399. – P. 136–150. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.07.051>
- Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // *Quat. Intern.* – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051>
- Marks A.E.** Typological variability in the Levantine Middle Paleolithic // *The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability*. – Philadelphia: The Univ. of Pennsylvania, 1992. – Vol. 72. – P. 127–142.
- Marks A.E., Monigal K.** Modeling the production of Elongated Blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 267–278.
- Meignen L.** Early Middle Palaeolithic Blade Technology in Southwestern Asia // *Acta Anthropol. Sinica*. – 2000. – Vol. 19. – P. 158–168.
- Mercier N., Valladas H.** Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel // *J. of Hum. Evol.* – 2003. – Vol. 45, N 5. – P. 401–409.
- Mercier N., Valladas H., Falguères Ch., Qingfeng Sh., Gopher A., Barkai R., Bahain J.-J., Viallettes L., Joron J.-L., Reyss J.-L.** New datings of Amudian layers at Qesem Cave (Israel): results of TL applied to burnt ints and ESR/U-series to teeth // *J. Archaeol. Sci.* – 2013. – Vol. 40. – P. 3011–3020.
- Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K.** New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan // *Antiquity Project Gallery*. – 2022. – Vol. 96 (389). – P. 1292–1300. – URL: <https://doi.org/10.15184/aqy.2022.99>
- Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Adler D.S., Stringer C., Higham T.F.G.** New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // *J. of Hum. Evol.* – 2012. – Vol. 63, iss. 6. – P. 770–780. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2012.08.004>
- Schwarcz J.H., Rink W.J.** Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // *Neanderthal and Modern Humans in Western Asia*. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57–68.
- Shea J.J.** Stone tools in the Paleolithic and Neolithic Near East. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 408 p. – doi:10.1017/CBO9781139026314
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Systematic blade production at late Lower Paleolithic (400–200 kyr) Qesem Cave, Israel // *J. of Hum. Evol.* – 2011. – Vol. 61, iss. 4. – P. 458–479. – doi:10.1016/j.jhevol.2011.06.003
- The Paleolithic Prehistory** of the Zagros-Taurus. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Museum of Archaeol. and Anthropol., 1993. – Vol. 83. – 236 p.
- Valladas H., Mercier N., Hershkovitz I., Zaidner Y., Tsatskin A., Yeshurun R., Viallettes L., Joron J.-L., Reyss J.-L., Weinstein-Evron M.** Dating the Lower to Middle Paleolithic transition in the Levant: A view from Misliya Cave, Mount Carmel, Israel // *J. of Hum. Evol.* – 2013. – Vol. 65, iss. 5. – P. 585–593. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2013.07.005>
- Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Nieuland J., van, Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaecker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P.** Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // *Quat. Intern.* – 2014. – N 324. – P. 180–189. – doi:10.1016/j.quaint.2013.09.011

*Материал поступил в редколлегию 07.11.22 г.,
в окончательном варианте – 09.03.23 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.027-037
УДК 902.01

**И.Д. Зольников^{1, 2}, А.А. Анойкин^{3, 4}, Р.Н. Курбанов^{5, 6},
Е.А. Филатов^{1, 3}, Л.В. Зоткина³, А.В. Выборнов^{1, 3},
А.В. Постнов³, Е.В. Пархомчук^{2, 3}, М.О. Филатова³**

¹Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zol@igm.nsc.ru; egorphylatov@gmail.com; vybornov@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ekaterina@catalysis.ru

³Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: anuil@yandex.ru; lidiazotkina@gmail.com; postnov@yandex.ru; mayaphylatova@gmail.com

⁴Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

⁵Институт географии РАН
Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

⁶Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Стоянка Кушеват и палеогеографический контекст начального заселения человеком Северного Приуралья

Статья посвящена проблеме начального освоения человеком приполярных районов Приуралья и введению в научный оборот новых материалов верхнепалеолитической стоянки Кушеват, исследовавшейся в 2019–2021 гг. Приводятся данные по геолого-геоморфологической ситуации на памятнике, его хронологии и возможным палеогеографическим обстановкам. Характеризуется найденный археологический и фаунистический материал; дается трасологический анализ рога северного оленя со следами рубки и резки. По результатам исследования на Кушевате фиксируется один из этапов пионерного заселения северной части долины р. Оби. Полученные люминесцентные и радиоуглеродные даты позволяют говорить о заселении Нижнего Приобья ранее 30 тыс. л.н. Установлено, что первая половина верхнего палеолита (55–25 тыс. л.н.) в целом характеризуется климатическими обстановками, комфортными для существования древнего человека в приполярной зоне. В качестве аналогов палеогеографических условий на территории Нижнего Приобья в плейстоцене можно рассматривать геолого-геоморфологическую ситуацию на верхнепалеолитических стоянках Северного Приуралья. Приводятся данные по основным памятникам раннего верхнего палеолита в бассейне Печоры и Камы. Сделан вывод о том, что в Северном Приуралье верхнепалеолитические стоянки связаны, как правило, с крупными скоплениями остатков мегафауны, приуроченными к устьевым частям древних балок. Археологические объекты состоят, вероятнее всего, из двух участков, имеющих разные локацию, хозяйственное назначение и материальное сопровождение. К первым относятся жилые зоны, расположенные на площадках вторых террас, прилегающие к курьям. Вторыми участками являются приустьевые зоны современных долин ручьев, где на уровне дна наследуемых древних логов сохраняются массовые остатки мегафауны.

Ключевые слова: Северное Приуралье, верхний палеолит, поздний неоплейстоцен, палеонтология, палеогеография, трасология.

I.D. Zolnikov^{1, 2}, A.A. Anoin^{3, 4}, R.N. Kurbanov^{5, 6},
E.A. Filatov^{1, 3}, L.V. Zotkina³, A.V. Vybornov^{1, 3},
A.V. Postnov³, E.V. Parkhomchuk^{2, 3}, and M.O. Filatova³

¹Sobolev Institute of Geology and Mineralogy,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Koptyuga 3, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: zol@igm.nsc.ru; egorphylatov@gmail.com; vybornov@archaeology.nsc.ru

²Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: ekaterina@catalysis.ru

³Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: anuil@yandex.ru; lidiazotkina@gmail.com; postnov@yandex.ru; mayaphylatova@gmail.com

⁴Altai State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia

⁵Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences,
Staromonetny per. 29, Moscow, 119017, Russia
E-mail: roger.kurbanov@gmail.com

⁶Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia

The Kushevat Site and the Paleogeographic Context of the Initial Peopling of Northern Urals

On the basis of new materials excavated in 2019–2021 from the Upper Paleolithic site of Kushevat, this study addresses the problem of initial human occupation of the Subpolar Urals. Geological and geomorphological findings are presented along with new chronological and paleogeographical data. Archaeological and faunal materials are described, and results of the traceological analysis of reindeer antlers with cut and chop marks are presented. The findings suggest that Kushevat was a pioneer settlement of the northern Ob region. The obtained luminescence and radiocarbon ages suggest that the peopling of the Lower Ob region occurred prior to 30 ka BP. Climatic conditions during the first half of the Upper Paleolithic (55–25 ka BP) were favorable for humans in the subpolar zone. Geological and geomorphological situation at the Upper Paleolithic sites of northwestern Urals (the Pechora and Kama basins) can be used as a paleogeographic analogue of the conditions in the Lower Ob region during the Pleistocene. The principal Upper Paleolithic sites in the region are associated with accumulations of megafaunal remains in the mouths of ancient gullies. Archaeological sites apparently consisted of two areas differing in location, economic specialization, and toolkit. Areas of the first type include residential zones on leveled areas of the second river terraces adjacent to the ravines. Those of the second type are estuarine zones of modern valleys of streams and rivers, where huge accumulations of megafaunal remains are preserved at the bottoms of ancient ravines.

Keywords: Northern Urals, Upper Paleolithic, Terminal Late Pleistocene, paleontology, paleogeography, traceology.

Введение

Принципиальная возможность проникновения человека в низовья Оби уже после раннезырянского оледенения (МИС 3) стала очевидной в результате четкого обоснования отсутствия на севере Западно-Сибирской равнины ледникового покрова начиная с ~50 тыс. л.н. [Астахов, 2020, с. 356–357]. Косвенным свидетельством позднеплейстоценовой колонизации региона первоначально являлся только немногочисленный археологический материал палеолитического облика, собранный в долине р. Войкар и на берегах проточного оз. Войкарский Сор [Косинская, Федорова, 1994, с. 36]. Позднее к нему добавились аналогичные находки с прирусловых отmelей правобережья нижней Оби, сопровождавшиеся массовыми остатками плейстоценовой фауны, иногда имеющими признаки антропогенного воздействия [Зольников и др., 2020; Зольников, Аноин, Филатов и др.,

2021] (рис. 1). Среди них наибольший интерес представляют два фрагмента бивней со следами резки и скобления с прямыми УМС-датами ≥ 45 тыс. л.н. [Зольников, Аноин, Рендю и др., 2021], возможно свидетельствующие о том, что древний человек мог присутствовать в приполярных районах долины Оби в период, соответствующий начальной стадии МИС 3. При этом стратифицированные комплексы, открытые сравнительно недавно в Нижнем Приобье (стоянки Луговское и Комудваны), согласно серии ¹⁴С- и УМС-дат, относятся к более позднему времени, в пределах МИС 2 [Зенин и др., 2006; Макаров и др., 2022]. Имеющиеся данные позволяют условно выделить в регионе два типа палеолитических индустрий – мелкопластинчатую, зафиксированную на стратифицированных памятниках, и более архаичную, галечную [Макаров и др., 2021], – что дает основание предполагать возможность как минимум двух этапов заселения этой территории в плейстоцене.

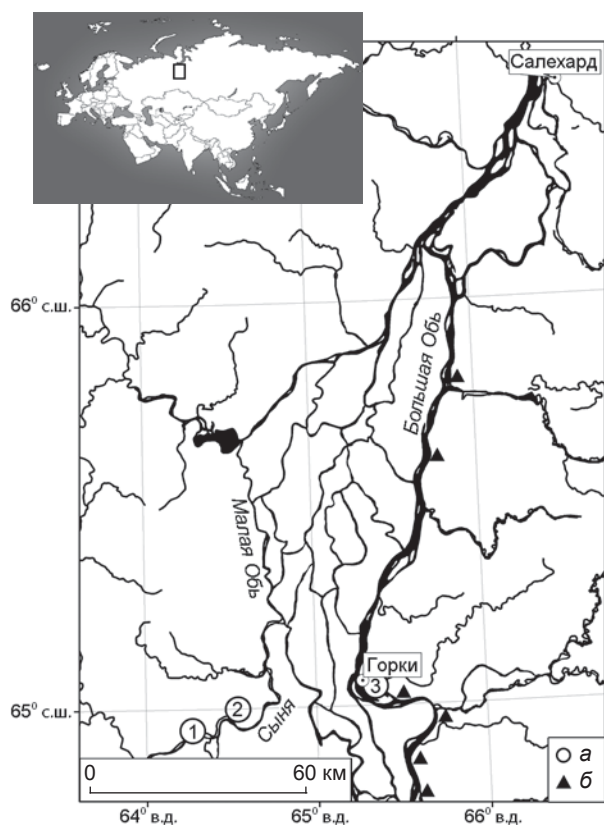

Рис. 1. Территория исследований.

a – местонахождения с археологическим материалом *in situ* (1 – Ям-Горт-4, 2 – Ун-Соим, 3 – Кушеват); *б* – пункты сбора фаунистического и археологического материала в поверхностном залегании.

Однако убедительных свидетельств присутствия человека на нижней Оби ранее последнего ледникового максимума (МИС 2) долгое время не существовало, т.к. материалы «архаического» облика найдены преимущественно в поверхностном залегании. Вместе с тем в двух разведочных шурфах на р. Сыня (левый приток Оби) в плейстоценовых отложениях были зафиксированы единичные артефакты [Зольников, Анойкин, Филатов и др., 2021] (рис. 1). На местонахождении Ун-Соим в субэкральных осадках найден обломок со сколами, залегающий рядом с мелким фрагментом трубчатой кости, для которой получены две УМС-даты – 34 228–32 372 (GV-3034) и 31 205–30 920 (AAR-33844) л.н. На местонахождении Ям-Горт-4 в плейстоценовых отложениях обнаружена заготовка неустановленного орудия, оформленная разнонаправленными сколами [Там же]. Серия из четырех ОСЛ-дат, полученных в лаборатории Орхусского университета (Дания) по образцам из разреза, позволяет предполагать, что возраст вмещавшего артефакт грунта ~60 тыс. лет.

Более обоснованным предположение о начале заселения севера долины Оби уже на ранних этапах

верхнего палеолита делают результаты исследования памятника Кушеват, открытого в 2020 г. [Там же]. Материалам, полученным на этом объекте в ходе работ последних лет, а также общим вопросам, связанным с проблемой пионерной колонизации региона древним человеком, и посвящена данная статья.

Стоянка Кушеват

Общие сведения. Памятник расположен на восточной окраине одноименного заброшенного поселка, находящегося в 5 км к востоку от пос. Горки, на правом берегу Кушеватской протоки Большой Оби (рис. 1). Стоянка приурочена к правому борту долины безымянного ручья, который, вместе с еще одним, впадает в Кушеватскую протоку, образуя курью – короткое широкое устье, заполняемое водой во время весенне-летнего паводка и практически пересыхающее в осенне-зимний период (рис. 2, 1). Первые шурфы были заложены на левом берегу курьи в 2019 г. [Зольников, Анойкин, Филатов и др., 2021]. В 2020 г. на правобережной отмели были найдены кость плейстоценового бизона и небольшой отщеп

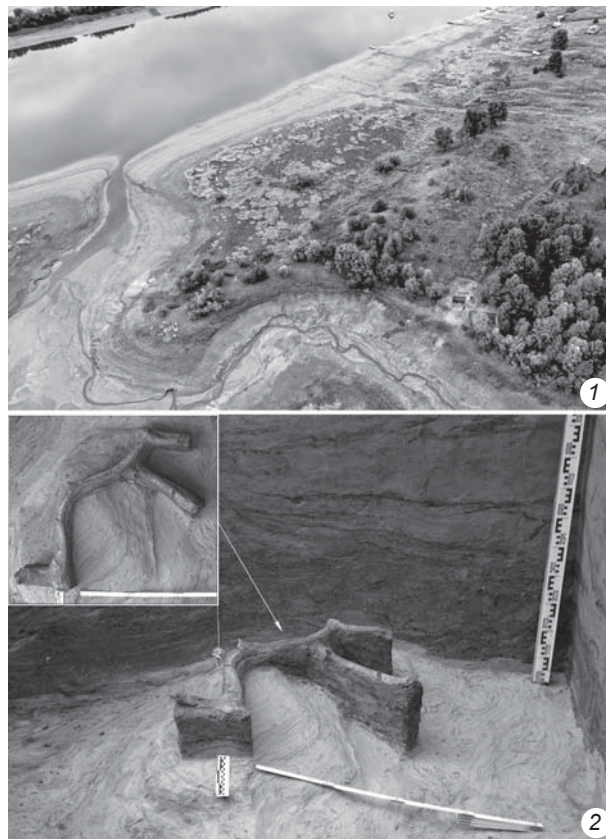

Рис. 2. Вид на стоянку Кушеват сверху (1) и условия залегания рога северного оленя со следами антропогенного воздействия в раскопе 2 (2).

из светло-коричневого кремня. В дальнейшем работы продолжались уже на этом участке. В 2020–2021 гг. двумя раскопами и 14 шурфами на памятнике вскрыто 72 м² (рис. 3). Максимальная глубина вскрытия дости-

гала 3,7 м, до аллювиальных отложений Оби. Массовый фаунистический и единичный археологический материал был зафиксирован в слое, залегающем под подошвой субэврального покрова и представленном овражно-балочными солифлюкционно-ручьевыми отложениями.

Стратиграфия. Принципиальный разрез отложений представляет сводную сложную стратиграфическую последовательность в раскопах 1 и 2, расположенных на расстоянии 5 м друг от друга. В разрезах вскрытых участков имеются многочисленные прислонения, врезки, облекания и фациальные замещения. Число слоев в разных зонах раскопов неодинаково, но тем не менее все они могут быть объединены в четыре стратиграфически выдержанные пачки, которые прослежены во всех сечениях (рис. 4).

Пачка I – покровно-субэвральная. Начинается с современной лесной почвы толщиной 0,1–0,3 м. Ниже залегает палево-бурый алевроит, иногда песчанистый, вплоть до алевропеска, участками с тонко-мелкой слоистостью, параллельной склону. Генезис пачки – субэвральные покров с участием термокарстово-лужевых, золовых, делювиальных, солифлюкционных процессов. Залегание плащеобразное. Мощность варьирует от 0,2 до 0,7 м, в среднем 0,3–0,4 м.

Пачка II – опывневая (велофлюксий, т.е. быстрый солифлюксий). Отложения представлены серым с буроватым оттенком алевроитом, иногда с редкими «размазанными» песчаными полосами. В из-

Рис. 3. Ортофотоплан стоянки Кушеват с указанием участков раскопочных работ.

a – номера шурфов и раскопов; *б*, *в* – шурфы 2020 г. с фаунистическим материалом (*б*) и без него (*в*); *г* – шурфы 2021 г. без фаунистического материала; *д* – раскопы 2021 г.

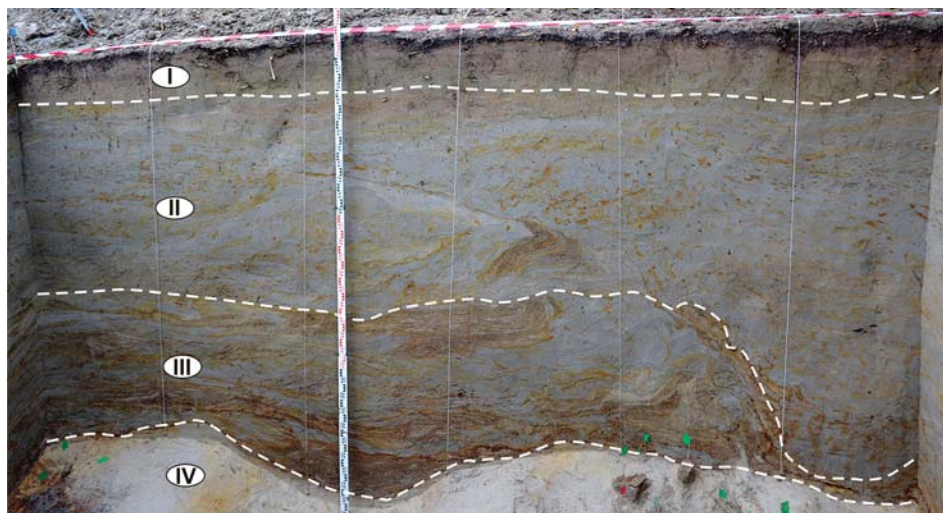

Рис. 4. Северная стенка раскопа 2 с указанием основных пачек отложений.

ученных сечениях наблюдается до пяти-шести слоев, которые существенно варьируют по мощности от 2 м и более до выклинивания. В приподошвенной части слоев зафиксированы неровности нижних контактов с амплитудой до 1 м по вертикали, представляющие собой текстуры захвата подстилающих отложений и вовлечения их в жидко-грязевое течение. Общий генезис пачки – серия солифлюкционных сплывов быстропротекающего характера. Аналогичные сплывные отложения характерны для субарктических территорий и представляют собой узкие длинные выбросы разжиженной грязи в сотни метров длиной [Астахов, 2020, с. 47; Лаврушин и др., 2015, с. 20]. Пачка выполняет и запаковывает палеоложбину древней балки. Мощность от 0,4 до 2,7 м.

Пачка III – овражно-балочные отложения. Представлены двумя основными фациями: 1) песками ручьевого аллювия с мульдообразной и плоскопараллельной косой слоистостью; 2) солифлюкционными алевритами, которые являются грязевыми отложениями, медленно перемещавшимися в жидкотекучем состоянии и отлагавшимися в парагенезисе с косослойчатыми песками влекомого наноса балочно-аллювия. В отличие от слоев пачки II, каждый из которых соответствует самостоятельному сплывному событию, слои пачки III вряд ли могут быть однозначно расчленены на разновозрастные. Это обусловлено тем, что балочные отложения складываются из флювиальных и грязево-оплывневых прослоев, мульд, косых серий, фациально замещающих и срезающих друг друга. Общая мощность пачки от 2,2 м до полного выклинивания. В приподошвенной части зафиксирован фаунистический и археологический материал.

Пачка IV – аллювий Большой Оби. Хорошо промытые светло-серые мелко-среднезернистые пески с текстурами параллельной субгоризонтальной и косой тонко-мелкой слоистости, восходящей ряби течения. Генезис – типичный аллювий Оби. Подошва не вскрыта, но судя по пескам данной пачки, которые обнажаются на приустьевых отмелях Большой Оби на данном участке, ее мощность превышает 3–5 м. Отложения представляют собой аллювиальный ярус II надпойменной террасы Большой Оби.

Определения возраста. Возраст отложений памятника и время формирования костеносного горизонта определялись на основании серии ОСЛ-и УМС-дат, полученных в различных лабораториях как в России, так и за рубежом. Четыре образца для ОСЛ-датирования были отобраны из разных литологических подразделений в шурфе 7 (рис. 5). Пробоподготовка выполнена в лаборатории ОСЛ-датирования МГУ–ИГ РАН, датирование – в лаборатории Орхусского университета. Для кровли пачки IV (глубина 230 см) получена дата $57,9 \pm 4,1$ тыс. л.н.

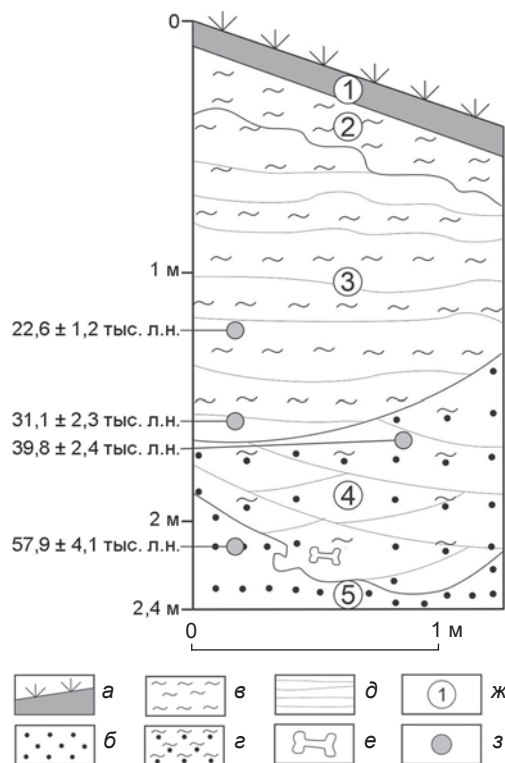

Рис. 5. Стратиграфический разрез северной стенки шурфа 7 (2020 г.).

а – современная почва; б – песок; в – алеврит; г – алевропесок; д – слоистость; е – остатки палеофауны; ж – номера слоев; з – места отбора проб для ОСЛ-датирования.

(лаб. № 206186), что позволяет определить возраст кровли аллювия II надпойменной террасы Оби как ~60 тыс. лет. Дата $39,8 \pm 2,4$ тыс. л.н. (лаб. № 206187) для пачки III (глубина 185 см), включающей костеносный горизонт, отражает время накопления овражно-балочного аллювия на приустьевом участке курьи. Для приподошвенной части перекрывающей эти отложения пачки II (глубина 175 см) получена дата $31,1 \pm 2,3$ тыс. л.н. (лаб. № 206188), а для средней (глубина 130 см) – $22,6 \pm 1,2$ тыс. л.н. (лаб. № 206189). Они характеризуют время начала и дальнейшего течения процесса формирования субэразального покрова II террасы. Следует отметить, что серия дат образует непрерывную последовательность без инверсий и достаточно точно отражает основные этапы формирования отложений II террасы Оби в районе памятника. С этой серией хорошо согласуются данные УМС-датирования фаунистического материала из костеносного горизонта в пачке III. Всего получено четыре даты в лабораториях УМС-датирования Орхусского университета (AAR) и в ЦКП «УМС НГУ–ННЦ» (GV). Они калиброваны в программе OxCal, v. 4.4.4. по калибровочной кривой IntCal20 [Muscheler et al., 2020] с достоверностью результатов 95,4 %. Для рога северного оле-

ня со следами антропогенного воздействия получены две близкие даты – $40,1 \pm 0,7$ (GV-3112) и $38,1 \pm 0,9$ (AAR-33845) тыс. л.н. Несколько более молодой возраст показали другой фрагмент рога оленя и обломок трубчатой кости мамонта – $29,7 \pm 0,4$ (AAR-33846) и $32,1 \pm 0,6$ (AAR-33847) тыс. лет соответственно. Таким образом, можно констатировать, что время формирования скопления остатков животных в литологической пачке III 40–30 тыс. л.н.

Фаунистический материал. Костеносный горизонт на памятнике залегает в подошве пачки III на глубине от 1,5 до 3,5 м, в зависимости от конкретного участка. Его мощность в среднем составляет 0,20–0,25 м. Анализ полученных разрезов показывает, что костеносный слой протягивается узкой (до 10 м шириной) лентой вдоль правого борта Кушеватской курьи, а его общая площадь не превышает 1000 м².

Зафиксировано 130 экз. костных остатков, в т.ч. 53 экз., определяемых до вида (определения выполнены С.К. Васильевым). Более половины из них принадлежит северному оленю (*Rangifer tarandus*) и представлено костями конечностей, шейного отдела и фрагментами черепа, включая рога. Второй по численности группой (11 экз.) являются остатки мамонта (*Mammuthus primigenius*): шейные позвонки, плюсневые кости, фрагменты бивня. В незначительном количестве зафиксированы ребра шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) и бизона (*Bison bison*). Единичными находками представлены овцебык (*Ovibos moschatus*), лошадь (*Equus* sp.), волк (*Canis lupus*) и заяц (*Lepus tanaiticus*). Следует отметить, что преобладание в фаунистических материалах костей северного оленя отличает Кушеват от стоянок Западно-Сибирской равнины, относящихся к поздним стадиям верхнего палеолита, таких как Луговское, Комудваны, Шестаково и др., где доминируют остатки мамонта, составляя до 95 % коллекции [Деревянко и др., 2003, с. 120–127; Зенин и др., 2006; Макаров и др., 2022].

Данные антракологического анализа. В костеносном горизонте наряду с остатками фауны найдено более десяти кусков угля, размер и состояние которых позволяли провести их антракологический анализ. Было отобрано 11 образцов размером от 2×4 до 3×14 мм. С помощью микроскопа Axio Imager D2 и бинокляра Stemi 508 с камерой AxioCam HRC 5 (Carl Zeiss) изучены макроскопические признаки поперечного, тангенциального и радиального срезов древесных углей в отраженном свете. Определение видовой принадлежности проводилось путем сопоставления диагностических структур с ключами атласа «Анатомия древесины растений России» [Benkova, Schweingruber, 2004].

В ходе анализа установлено, что шесть образцов относятся к листовым породам (*Dicotyledones*

sp.), без более детального определения, четыре принадлежат сосне обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) и один – березе повислой (*Betula pendula* Roth). Все виды древесных растений соответствуют лесообразующим породам северной тайги. Поэтому можно сделать вывод, что антракологический анализ не показал принципиальных отличий природных условий, существовавших во время формирования на памятнике костеносного горизонта, от современных.

Археологический материал. В костеносном горизонте в раскопе 2 найдены небольшой фрагмент скола из серой окремненной сланцевой породы (рис. 6, 1) и мелкий, сильно истощенный нуклеус, сохранивший прямую ударную площадку, с которой в продольном направлении производились снятия удлиненных сколов прямоугольных очертаний (рис. 6, 2). В качестве сырья использовалась небольшая галька окремненной осадочной породы темно-серого цвета. Стоит отметить, что в отложениях, вмещавших предметы, практически не встречается какой-либо обломочный материал. Единственным его источником являются маломощные линзы дресвы, как правило включающие очень мелкие слабоокатанные обломки сланцев, гранитов и кварца.

Данные трасологического анализа. При анализе фаунистических материалов на двух рогах северного оленя отмечены признаки антропогенного воздействия. На находке из шурфа 12 зафиксирована серия глубоких линейных следов, свидетельствующих о намеренном резании рогового материала на одном из участков предмета [Зольников, Анойкин, Филатов и др., 2021].

В 2021 г. в раскопе 2 был обнаружен еще один рог, более крупный, состоящий из нескольких фрагментов (см. рис. 2, 2). На них фиксируются ярко выраженные, часто очень хорошей сохранности и достаточно глубокие насечки преимущественно V-образной формы в профиле (рис. 7). В большинстве случаев желобок в центральной части глубже, чем на периферии, насечки непротяженные и локализованы на участках фрагментации рога, что позволяет интерпретировать их как следы рубки острым орудием. Близкие по морфологии и локализации следы были зафиксированы на рогах оленей с ряда верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы и Сибири [Волков, Васильев, 2017, рис. 2, a, d; Mazza et al., 2022, fig. 18]. Показательно отсутствие боковых отростков и раскалывание рога на крупные фрагменты, что может быть связано с намеренным получением заготовок определенного размера [Tarja et al., 2018, fig. 4]. Это, а также ровные края обломанных частей и наличие выразительных следов-насечек на периферии позволяют говорить о целенаправленном раскалывании данного рога человеком.

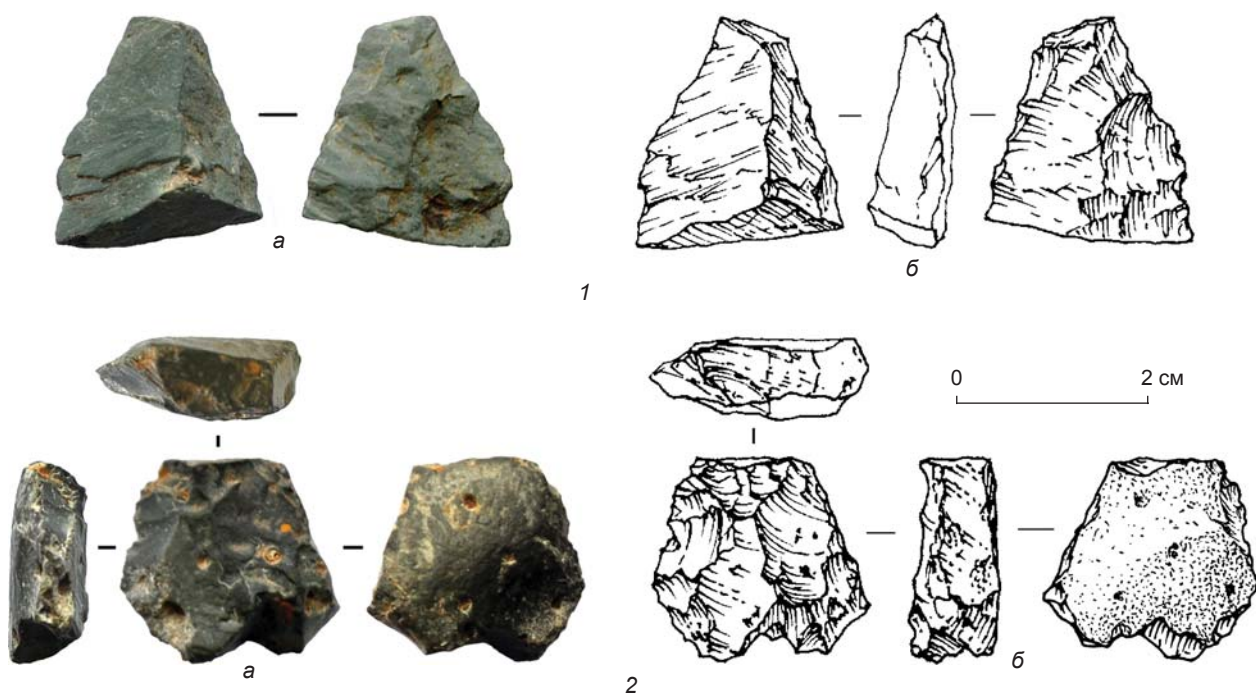

Рис. 6. Скол (1) и нуклеус (2) со стоянки Кушеват.
а – фотография; б – рисунок.

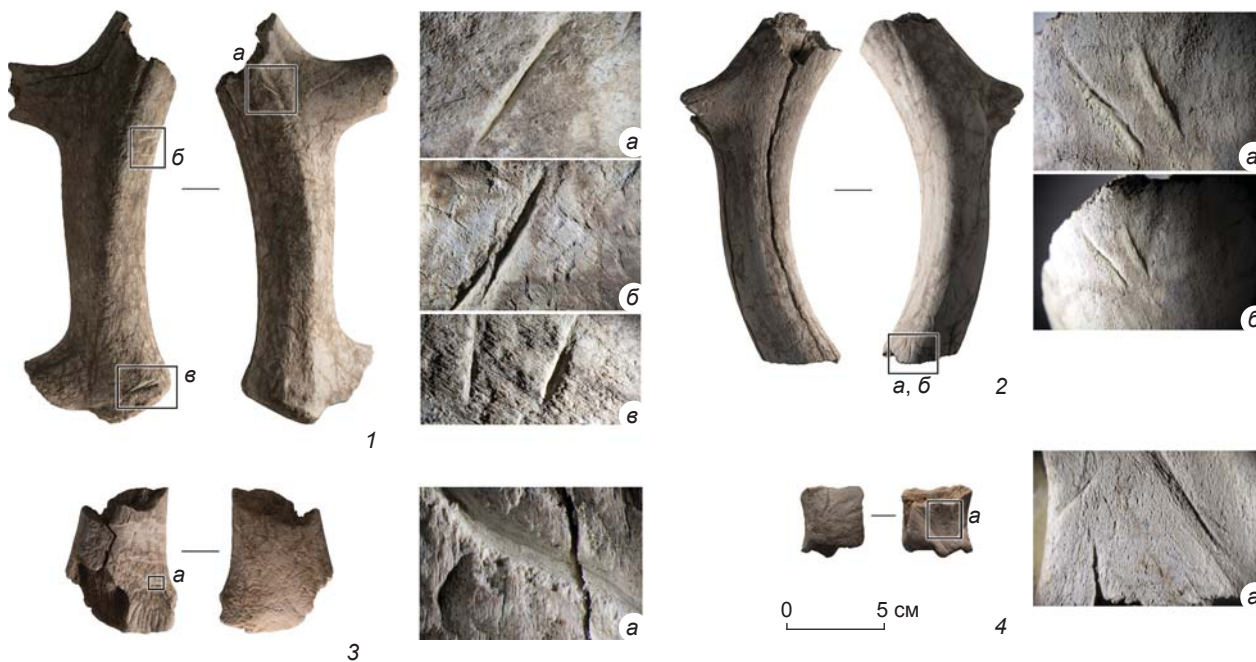

Рис. 7. Фрагменты рога северного оленя из раскопа 2 и макрофото следов рубки на них.
Увеличение: 1, а, б, в – соответственно $\times 16$, $\times 12,5$ и $\times 12,5$; 2, а, б – соответственно $\times 16$ и $\times 8$; 3, а – $\times 32$; 4, а – $\times 8$.

Дискуссия

Материалы памятника Кушеват и результаты датирования, выполненного несколькими методами и в разных лабораториях, дают основание предполагать,

что здесь фиксируется этап пионерного заселения данных территорий человеком. К сожалению, крайне скудный набор артефактов не позволяет определить параметры материальной культуры первопоселенцев хотя бы в общих чертах. Исходя из палеогеографи-

ческой ситуации на памятнике, которая реконструируется на основе многочисленных геологических разрезов, можно утверждать следующее. Костеносный горизонт, содержащий свидетельства присутствия здесь человека, связан с овражно-балочными отложениями древнего лога, запечатанного мало-мощным субэдральным покровом. Очевидно, что стоянка древнего человека располагалась не в логу, а была приурочена к площадке II надпойменной террасы. Вместе с тем она не могла быть и на большом удалении от раскопанного участка, поскольку в костеносном горизонте сохранились достаточно крупные фрагменты углей, которые разрушились бы при длительной транспортировке. Такая локализация основного места обитания рядом с зоной концентрации остатков фауны (куда периодически мог попадать и археологический материал), но на более высоком гипсометрическом уровне не является чем-то необычным и хорошо проиллюстрирована недавними открытиями на стоянке Волчья Грива [Leshchinskiy, Zenin, Bukharova, 2021].

Для большинства палеолитических памятников Западной Сибири характерна приуроченность к местонахождениям остатков мегафауны, формирование которых, как правило, не связано напрямую с деятельностью человека. В условиях дефицита качественного каменного сырья костный материал зачастую являлся единственной альтернативой. При этом датирование верхнеплейстоценовых фаунистических остатков с нижней Оби и анализ их видового состава позволяют утверждать, что на протяжении второй половины позднего неоплейстоцена фауна здесь фактически оставалась неизменной [Зольников, Анойкин, Рендю и др., 2021].

Следует отметить, что первая половина верхнего палеолита (55–25 тыс. л.н.) в целом характеризуется климатическими обстановками, достаточно комфортными для существования древнего человека в приполярной зоне [Первоначальное заселение..., 2014, с. 428]. Анализ численности бизона и мамонта Сибирской Арктики в интервале, доступном для радиоуглеродного датирования, показывает, что оптимальные условия для их обитания были здесь ~45–35 тыс. л.н. [Никольский, Питулько, 2015]. Поскольку в эпоху, соответствующую МИС 3, Уральский хребет не являлся непреодолимым барьером для миграций древних людей [Зольников и др., 2020], представляется вполне возможным рассматривать обитателей северо-восточной окраины Восточно-Европейской равнины в качестве потенциальных участников инициального заселения Зауралья. Согласно имеющимся данным, первое проникновение человека в бассейн нижней Печоры произошло ок. 40 тыс. л.н. [Павлов, 2015]. Соответственно, геолого-геоморфологические особенности стоянок

этого времени в Северном Предуралье могут рассматриваться в качестве аналогов палеогеографических условий существования человека на территории Нижнего Приобья в плейстоцене.

По имеющимся данным [Первоначальное заселение..., 2014, с. 143], стоянки начала верхнего палеолита в Предуралье приурочены к приустьевым участкам крупных логов, что также характерно для памятников того же периода в центральных районах Восточно-Европейской равнины, тогда как более поздние палеолитические стоянки расположены преимущественно в центральных частях излучин рек. На приустьевых участках древних логов, как правило, наблюдаются курьи – заливы, глубоко врезающиеся в берег большой современной реки. В этой связи особый интерес представляет Мамонтова Курья – самый северный и самый древний на сегодняшний день памятник начала верхнего палеолита в Приуралье, расположенный на левом берегу р. Усы (приток р. Печоры). Его возраст, согласно серии ^{14}C - и ОСЛ-дат, 35–40 тыс. лет [Там же]. На памятнике найдено 123 экз. костных остатков в основном мамонта, а также лошади, северного оленя и волка. Археологический материал представлен скреблом, двояковыпуклым бифасом и мамонтовым бивнем с насечками антропогенного происхождения [Svendsen, Pavlov, 2003]. Все находки залегали в песчано-гравийных отложениях мощностью до 1,4 м, локализованных в древнем широком коротком логе и перекрытых шестиметровой толщей аллювия «большой реки» [Первоначальное заселение..., 2014, с. 105]. Сама палеолитическая стоянка, видимо, располагалась на плоской водораздельной поверхности вблизи лога. Отметим, что аналогичные палеоврезы разной глубины и ширины характерны для Нижнего Приобья [Зольников, Анойкин, Рендю и др., 2021]. Часть из них маркируется современными короткими долинами притоков крупных рек и суходольными логами, к устьям которых приурочены локальные скопления остатков мегафауны и единичные артефакты. При сравнении материалов Мамонтовой Курьи и Кушевата видно, что эти объекты близки практически по всем параметрам.

Схожая геолого-геоморфологическая ситуация наблюдается и на стоянке Бызовая. Памятник также расположен в устье крупной балки, прорезающей обрывистый берег р. Печоры. Здесь найдено ~300 артефактов верхне- и среднепалеолитического облика, более 4 000 костей животных (98 % принадлежит мамонту). Они залегали в песчано-гравийно-галечных отложениях, которые двухметровым слоем выстилают днище древнего лога [Павлов, 2015] и перекрыты субэдральными осадками нескольких генераций общей мощностью до 10 м. Культуросодержащие

отложения сформированы серией смывов, о чем свидетельствует разброс 24 радиоуглеродных дат, полученных по кости, с основным интервалом ~34–28 тыс. л.н. [Там же].

В отличие от Мамонтовой Курьи и Бызовой, являющихся яркими примерами палеолитических местонахождений на «кладбищах» мамонтов, Заозерье представляет собой собственно стоянку древних охотников с тремя приочажными скоплениями культурных остатков, по всей видимости маркирующих жилые площадки. Памятник расположен на левом берегу р. Чусовой (приток р. Камы), на мысу, ограниченном крупными оврагами. Предполагаемая площадь стоянки >2,5 тыс. м² [Павлов, 2009]. Культурный слой толщиной до 45 см залегает под лессовым покровом мощностью 2,5–3,5 м и связан со средней частью брянской палеопочвы. В нем найдено ~1500 экз. остатков фауны, из которых >80 % определимых принадлежит лошади. Археологический материал (~1800 экз.) включает наряду со сколами и единичными подпризматическими нуклеусами представительную коллекцию верхнепалеолитических орудий (бифасы, скребки, резцы и др.) и изделия из кости. По результатам радиоуглеродного датирования возраст культурного слоя 33–35 тыс. лет, согласно ОСЛ-дате – ок. 40 тыс. лет [Там же].

К ранней поре верхнего палеолита также относится верхний культурный горизонт памятника Гарчи I, который расположен на правом берегу р. Камы в пределах выровненной площадки, ограниченной широкими логами [Павлов, 2011]. Предполагаемая площадь стоянки >2 000 м². Культурный слой мощностью ~20 см залегает на глубине 2 м и приурочен к палеопочве. Его возраст, согласно имеющимся УМС- и ОСЛ-датам, ~33 тыс. лет. Почти все определимые остатки фауны принадлежат лошади и северному оленю. Археологическая коллекция составляет ок. 9 000 артефактов (включая подъемный материал), отнесенных к костенковско-стрелецкой культуре верхнего палеолита. Считается, что памятник представляет собой неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления орудий [Там же].

Таким образом, памятники начала верхнего палеолита на севере Печорской низменности приурочены преимущественно к курьям, т.е. к затопляемым в весенние паводки устьям широких логов, по которым протекают ручьи и мелкие речки – притоки больших рек Предуралья. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти лога являлись «кладбищами» крупных стадных млекопитающих и посещались древним человеком для разделки туш животных, а также сбора костного сырья; сами же стоянки располагались на близлежащих выровненных поверхностях.

Формирование таких скоплений остатков мегафауны, локализованных в широких коротких палеоложбинах, на Русской равнине связывают с эпизодами экстремального равнинного селевого осадконакопления, при котором высокая динамичность селевых потоков максимально проявлялась в приустьевых частях балок [Лаврушин и др., 2015, с. 15]. Таким образом, эти формы рельефа могли быть как естественными убежищами от непогоды для крупных млекопитающих, так и природными ловушками при продолжительных ливнях. Животные могли гибнуть не только из-за селей, но и в результате излияний высокоплотностных потоков плывунов из латеральных частей лессово-почвенного покрова, распространявшихся на пологие борта древних балок. На севере региона в условиях Субарктики при потеплениях климата значительную роль играл очаговый процесс склоновой денудации «байджерахового типа», которая проявляется на крутых склонах южной экспозиции, сложенных льдонасыщенными породами. При таянии подземного льда и мерзлых пород возникали мощные потоки разжиженной алевроитовой массы, привлекавшей (литофагия), но и губившей животных.

Заключение

На основе проанализированных геоархеологических данных по Северному Приуралью можно сделать вывод о том, что на этих территориях памятники верхнего палеолита связаны, как правило, с крупными скоплениями остатков палеофауны, приуроченными к устьевым частям древних балок/логов, которые представлены в современном рельефе наследующими им курьями. При этом археологические объекты состоят, вероятнее всего, из двух участков, имеющих разную локацию, хозяйственное назначение и материальное сопровождение. К первым относятся жилые и хозяйственные зоны, расположенные на выровненных площадках вторых террас, непосредственно прилегающих к курьям. Они могут иметь большую площадь и значительную мощность культуросодержащих отложений, сохранять следы жилых конструкций и очагов, а также содержать массовый археологический материал, отражающий несколько стадий обработки каменного и органического сырья. Вторыми участками являются приустьевые зоны современных долин ручьев и рек, где на уровне дна наследуемых древних логов находятся скопления остатков крупных стадных млекопитающих, погибших в убежищах-ловушках. Кости могут нести следы антропогенного воздействия и сопровождаться редкими артефактами, связанными с деятельностью по разделке туш животных и добы-

чей рога, бивня и других органических материалов. Участки первого типа представлены такими стоянками, как Заозерье и Гарчи I, второго – местонахождениями Мамонтова Курья, Бызовая и Кушеват. Оба типа есть, например, на памятнике Луговское, где на высоком борту лога найден массовый археологический материал, а ниже расположен обводненный участок со скоплением остатков палеофауны, в котором зафиксированы отдельные артефакты и следы охоты/разделки туш (фрагменты вкладышевого наконечника в позвонке мамонта) [Зенин и др., 2006; Макаров и др., 2021]. Обнаружение возможных поселенческих зон при установлении наличия на объекте «промыслового» участка зачастую затруднено геоморфологической ситуацией (например, на Мамонтовой Курье или Кушевате), т.к. мощность отложений, перекрывающих культурные слои на участке стоянки, зависит от локальных геолого-геоморфологических условий, а также от соотношения процессов золово-делювиальной аккумуляции и денудации. Она может колебаться от одного до более десяти метров.

Исходя из результатов работ последних лет на памятнике Кушеват, можно заключить, что здесь фиксируется несомненный факт присутствия на данной территории человека ранее 30 тыс. л.н. и это, возможно, соответствует инициальной фазе заселения севера долины Оби. Общая геоморфологическая ситуация на объекте и ее сравнение с данными по другим стоянкам Северного Приуралья позволяют предполагать наличие здесь наряду с единичными артефактами в пределах древнего лога поселенческого комплекса с более массовым археологическим материалом, залегающего на площадке II террасы Оби и перекрытого мощной (до 10 м) пачкой субаэральных отложений.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-17-00140).

Список литературы

- Астахов В.И.** Четвертичная геология суши: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2020. – 440 с.
- Волков П.В., Васильев С.К.** Находки остатков мегафауны со следами воздействия палеолитического человека на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 7: Археология и этнография. – С. 66–73.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 168 с.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грutes П.М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 41–53.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Макаров С.С., Постнов А.В., Резвый А.С., Глушкова Н.В., Бычков Д.А., Тупахин Д.С., Выборнов А.В. О возможных путях миграций человека на территорию Нижнего Приобья в каменном веке // Stratum Plus. – 2020. – № 1. – С. 137–146.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Рендю У., Филатов Е.А., Макаров С.С., Резвый А.С., Постнов А.В., Брусицына А.Г., Васильев А.В., Выборнов А.В., Аржанников М.А., Зоткина Л.В. Человек и мамонтовая фауна на севере Оби в позднем неоплейстоцене // Stratum plus. – 2021. – № 1. – С. 39–56.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Выборнов А.В., Васильев А.В., Постнов А.В., Зоткина Л.В. Новые данные о заселении долины нижней Оби в позднем неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 1. – С. 9–20.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 113 с.

Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Кураленко Н.П., Недумов Р.И., Холмовой Г.В. Палеозоологические катастрофы в позднем палеолите центра Восточной Европы (основы седиментолого-палеозоологической концепции возникновения кладбищ мамонтов). – М.: ГЕОС, 2015. – 88 с.

Макаров С.С., Зольников И.Д., Анойкин А.А., Резвый А.С., Постнов А.В., Выборнов А.В. Освоение Нижнего Приобья в позднем плейстоцене по археологическим данным // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20. – № 5: Археология и этнография. – С. 43–54.

Макаров С.С., Зольников И.Д., Резвый А.С., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Васильев А.В. Стоянка финального палеолита Комудваны в долине нижней Оби: геоморфология, палеонтология, археология // Археология, этнология и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 1. – С. 29–38.

Никольский П.А., Питулько В.В. Временная динамика численности бизонов Западной Берингии в позднем плейстоцене и начале голоцена // Фундаментальные проблемы квартара, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. – Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2015. – С. 335–336.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. – 2009. – № 1. – С. 5–17.

Павлов П.Ю. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // Археол. вести. – 2011. – Вып. 16. – С. 19–28.

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Урал. истор. вестн. – 2015. – № 2. – С. 50–60.

Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. – М.: ГЕОС, 2014. – 517 с.

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian woods = Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древе-

сины растений России. – Bern: Haupt, 2004. – 465 p. (на англ. и рус. яз.).

Leshchinskiy S.V., Zenin V.N., Bukharova O.V. The Volchia Griva mammoth site as a key area for geoarchaeological research of human movements in the Late Paleolithic of the West Siberian Plain // *Quat. Int.* – 2021. – Vol. 587/588. – P. 368–383.

Mazza P.P.A., Stefaniak K., Capalbo C., Cyrek K., Czyzewski L., Kotowski A., Orłowska J., Marciszak A., Ratajczak-Skrzatek U., Savorelli A., Sudol-Procyk M. Taphonomic analysis of the MIS 4–3 (Late Pleistocene) faunal assemblage of Biśnik Cave, Southern Poland: Signs of a human-generated depot of naturally shed cervid antlers? // *Quat. Int.* – 2022. – Vol. 633. – P. 52–79. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.10.008>.

Muscheler R., Adolphi F., Heaton T.J., Ramsey C.B., Svensson A., Plicht J., van der, Reimer P.J. Testing and

improving the IntCal20 calibration curve with independent records // *Radiocarbon*. – 2020. – Vol. 62, iss. 4. – P. 1079–1094.

Svendsen J.I., Pavlov P. Mamontovaya Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 years old Paleolithic site in the Russian Arctic // *The Chronology of the Aurignacian and of the Transtional Technocomplexes* / eds. J. Zilhão, F. d’Errico. – Lisboa: UISPP, 2003. – P. 109–120.

Tapia J., Alvarez-Fernandez E., Cueto M., Portero R., Becares J., Jorda-Pardo J.F. Bone industry of the Lower Magdalenian in Cantabrian Spain: The square-section antler points of El Cierro Cave // *Quat. Int.* – 2018. – Vol. 472. – P. 13–22.

Материал поступил в редколлегию 21.11.22 г.

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.038-048
УДК 902(510+520)

М.А. Кудинова¹, Д.А. Иванова², А.В. Табарев¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru; olmec@yandex.ru

²Дальневосточный федеральный университет
пос. Аякс, 10, о-в Русский, Владивосток, 690922, Россия
E-mail: ivanova.dale@dvfu.ru

Понятие «цивилизация» в современных исследованиях по археологии неолита в Китае и Японии

Представлен краткий обзор исследований по теме происхождения цивилизаций в современной археологии Китая и Японии (на материалах изучения памятников эпохи неолита). Анализ публикаций показывает, что в китайской и японской археологии сложились оригинальные научные традиции с собственными методологическими основами и терминологическим аппаратом. Дана характеристика важнейших концепций формирования цивилизации, разработанных исследователями Китая (Су Бинци, Янь Вэньмин, Ли Боцянь, Сюй Хун, Гао Цзянтао) и Японии (Харунари Хидэдзи, Ватанабэ Хироси, Сасаки Фудзио, Ясуда Ёсинори). Показано, что большинство китайских ученых считают становление государства обязательным проявлением перехода общества к стадии цивилизации, однако проблема выделения критериев формирования государства и цивилизации на материалах памятников археологии в настоящее время не решена окончательно. Приводятся примеры археологических признаков формирования цивилизации, предлагаемых китайскими специалистами. В работах японских исследователей связь между возникновением государства и цивилизации не выявлена. Большинство китайских археологов датирует появление цивилизации и первых государственных образований поздним неолитом (культуры дауэнькоу, хуншань, лянчжэ, лунианьская культурная общность и др.), ок. 3 500–2 000 лет до н.э. Существуют альтернативные гипотезы – ранний (культура эрлитоу) и поздний (эпоха Чуньцю) бронзовый век. В японской археологии представлены две основные позиции по вопросу о времени сложения цивилизации – эпоха дзёмон (неолит) и период яёй (эпоха палеометалла). Специального историографического исследования требуют внутринаучные и внешние (в т.ч. политические) факторы, оказавшие влияние на формирование современных концепций происхождения цивилизации.

Ключевые слова: Китай, Япония, цивилизация, неолит, археологические критерии цивилизации.

M.A. Kudinova¹, D.A. Ivanova², and A.V. Tabarev¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru; olmec@yandex.ru

²Far Eastern Federal University,
Ayaks stl. 10, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia
E-mail: ivanova.dale@dvfu.ru

The Concept of Civilization in Modern Studies of the Neolithic in China and Japan

This paper presents a brief overview of studies exploring the origin of civilizations in modern archaeology of China and Japan and mostly concerning the Neolithic period. The analysis of publications shows that in Chinese and Japanese archaeology, original scholarly traditions have been developed, with their own methodological foundations and terminology. We outline the key ideas relating to the origin of civilization, elaborated by researches in China (Su Bingqi, Yan Wenming, Li Boqian, Xu Hong, Gao Jiangtao) and Japan (Harunari Hideji, Watanabe Hiroshi, Sasaki Fujio, Yasuda Yoshinori). We show that most Chinese scholars consider the

formation of state a sine qua non of transition to the civilization stage. However, the problem of identifying criteria of civilization and state formation using archaeological data has not been resolved to date. Examples of archaeological markers of civilization proposed by Chinese specialists are listed. In the works by Japanese researchers, no connection between the emergence of the state and civilization has been revealed. Most Chinese archaeologists date the emergence of civilization and of the first state formations to the Late Neolithic (Dawenkou, Hongshan, Liangzhu, Longshan, etc.), ca 3500–2000 BC. There are alternative hypotheses—the Early Bronze Age (Erlitou culture) and the Late Bronze Age (The Spring and Autumn period). In Japanese archaeology, there are two main positions regarding the time when civilization had formed—the Jōmon period (Neolithic) and the subsequent Yayoi period (Bronze Age). Scholarly and external (including political) factors that have influenced modern concepts of the origin of civilization require special historiographic research.

Keywords: China, Japan, civilization, Neolithic, archaeological criteria of civilization.

Введение

Понятие «цивилизация» — одно из ключевых для гуманитарных и общественных наук. Конкретное наполнение термина в рамках различных дисциплин и научных школ может варьировать довольно значительно, что затрудняет взаимопонимание между представителями разных специальностей и реализацию междисциплинарных исследований. Важнейший вклад в решение проблемы адаптации этого понятия к археологической методологии и выделения критериев формирования цивилизации на археологическом материале внес В.Г. Чайлд [Child, 1950]. Впоследствии предложенные им критерии многократно пересматривались и уточнялись [Kradin, 2006]. В отечественной науке этой проблематикой занимался прежде всего В.М. Массон [1989]. Однако задачи отбора показателей перехода к цивилизации, их корреляции между собой и адаптации к конкретным археологическим реалиям по-прежнему остаются актуальными и привлекают внимание исследователей по всему миру. В китайских и японских научных работах о происхождении и развитии цивилизаций используется оригинальная терминология, что может затруднять их анализ, поскольку требует не только знания фактического материала, но и знакомства с теоретическими подходами, предлагаемыми специалистами из этих стран.

Проблема поиска корней китайской цивилизации была одной из основных с начала складывания археологии как современной науки в Китае. Еще в 20-х гг. XX в., во времена движения «критики древней истории», профессор Пекинского университета Ли Сюаньбо обозначил «путь археологических исследований» как «единственный способ разрешения проблем древней истории» (цит. по.: [Ли Боцянь, 2016, с. 5]). Важнейшими вехами на этом пути стали обнаружение позднелуньской столицы на памятнике Сяотунь в Аньяне в 1928 г., выявление более ранней, чем Сяотунь, культуры эрлиган и раскопки шанского городища в Чжэнчжоу в 1950 г., открытие памятника Эрлиту и одноименной культуры в Яньши в 1959 г. Эти и последовавшие за ними достижения археологов позволили подтвердить сведения исторических источни-

ков о древнекитайском государстве Шан-Инь и поставить новые вопросы: о подлинности существования государства Ся, времени и регионе формирования китайской цивилизации и т.д. Указанные проблемы находятся в фокусе внимания китайских археологов и в настоящее время. На рубеже XX–XXI вв. в Китае были реализованы крупные мультидисциплинарные проекты «Хронология Ся–Шан–Чжоу» (1996–2000) и «Комплексное исследование истоков и раннего развития китайской цивилизации» (2004–2015). Помимо полевых изысканий, китайские археологи вели теоретические исследования, пытались сформулировать признаки перехода к стадии цивилизации, которые можно было бы выделить на археологическом материале. История изучения происхождения цивилизаций (как правило, на примере китайской) в археологии КНР уже стала предметом историографического исследования. За последние годы вышло несколько работ, обобщающих и анализирующих достигнутые в этой области результаты [Линь Юнь, 2016; Чан Хуайин, 2016; Бао Ифань, 2020; Ван Чжэньчжун, 2020].

На протяжении XIX–XX вв. японские исследователи углубляли и расширяли знания о прошлом Японского архипелага. Одним из важнейших достижений стало выделение эпохи *дзёмон* (дзё:мон *дзидай* 縄文時代) и периода *яёй* (яёй *дзидай* 弥生時代)*.

Идея «цивилизации *дзёмон*» или «утопии *дзёмон*» получила популярность в японском обществе в конце 1980-х – середине 1990-х гг., когда на фоне экономических и социальных потрясений изменилось отношение к древней истории Японии и сложилось представление об эпохе *дзёмон* как времени расцвета, роста социальной стратификации и уровня богатства. В основу данной концепции легло открытие в 1994 г. поселения Саннай Маруяма (преф. Аомори) [Ямада

*Японский термин *дзидай* 時代 имеет несколько значений – «эпоха, период, век». В нашей работе для обозначения всего времени существования *дзёмон* используется термин «эпоха» (эпоха подразделяется на периоды, например, изначальный, средний и т.д.), а для *яёй* – период. Что касается термина «культура» (*бунка* 文化) в отношении эпохи *дзёмон*, то под ним подразумеваются материальная культура и мировоззренческий комплекс конкретных периодов.

Ясухино, 2020, с. 32–33]. Новые, ранее не встречавшиеся на дзёмонских памятниках находки, высокий уровень мастерства обитателей поселения вызвали фурор в японском обществе. Публикации, посвященные этому памятнику, прежде всего акцентируют внимание на уникальности японского наследия в сравнении с китайской цивилизацией [Сэки Юдзи, 2020]. В конце XX – начале XXI в. в японском научном сообществе получает распространение теория о существовании цивилизации в эпоху *дзёмон*. Согласно этой теории, дзёмонское общество охотников-собирателей сопоставимо по уровню развития материальной культуры с классическими цивилизациями Египта, Индии, Месопотамии и Китая [Умэхара Такэси, Ясуда Ёсинори, 1995; Ясуда Ёсинори, 1997; Сасаки Фудзиро, 1999]. Однако большинство исследователей скептически воспринимают такую идею, указывая на слабость ее фактологической и доказательной базы, в частности на отсутствие в эпоху *дзёмон* развитого земледелия, городов, письменности, и связывают формирование ранней цивилизации на Японских островах с волной миграции с материка и культурой *яёй* [Фудзиро Синъитиро, 2002, с. 5–8; Ямада Ясухино, 2015, с. 63–64].

Данная статья не претендует на исчерпывающий охват материала. Ее цель – сделать краткий обзор современных исследований по проблеме формирования ранних цивилизаций на территории Восточной Азии в археологии Китая и Японии, для чего предполагается обсудить соответствующую терминологию, используемую в китайской и японской научной литературе, а также представить основные концепции, разработанные китайскими и японскими учеными на основе изучения археологии неолита.

Особенности терминологии и теоретические основы исследований происхождения цивилизаций в Китае и Японии

Термин, используемый в современном китайском языке для обозначения понятия «цивилизация», *вэньмин* 文明 впервые появляется в комментарии к классическому китайскому философскому памятнику «И цзин» («Канон перемен», X–IV вв. до н.э.) «Вэньань чжунань», авторство которого приписывается Конфуцию (551–479 до н.э.), в значении «яркий, блистающий»*. [Морохаси Тэцудзи, 1967, с. 596]. Для оценки уровня общественного развития он был применен китайским

литератором Ли Юем (1611–1680) в начале эпохи Цин. В современном своем значении термин *вэньмин* приходит в китайский язык из японского в начале XX в. [Попова, 2020, с. 5–6].

До сих пор важнейшей методологической основой для китайских ученых-гуманитариев остается работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Вслед за ним большинство исследователей под цивилизацией понимают определенную стадию развития человеческого общества. В соответствии с тезисом о том, что «государство есть продукт общества на известной ступени развития» [Энгельс, 2019, с. 271], разделяемым большей частью китайских специалистов, основным показателем перехода к стадии цивилизации видится формирование государства [Су Бинци, 1988, с. 1; Линь Юнь, 2016, с. 5; Сюй Хун, 2016, с. 13; Гао Цзянтао, 2019, с. 21]. Некоторые ученые полностью отождествляют эти понятия [И Цзяньпин, 2014, с. 144]. Исключением является точка зрения Е Вэньсяня, считающего, что переход к цивилизации не обязательно влечет за собой формирование государства [2016].

Представление о неразрывной связи государства и цивилизации стимулирует теоретические изыскания китайских археологов по вопросам формирования ранних государств. В последние годы источником методологических оснований для этого направления помимо трудов К. Маркса и Ф. Энгельса становятся концепция вожеств Э. Сервиса и М. Салинза [Evolution..., 1960; Service, 1975] и теория ранних государств А.Дж.М. Классена и П. Скальника [The Early State, 1978], в связи с чем важнейшими проблемами теоретической археологии в Китае являются их адаптация и перевод заимствованной терминологии. В настоящее время понятийно-терминологический аппарат исследований истоков цивилизации и государства не унифицирован. Одним из его источников служит корпус терминов традиционной китайской историографии: *гуо* 古国 – «древнее государство», *фанго* 方国 – «княжество, удел», *банго* 邦国 – «княжество, удел, владение, город-государство» и др. Эти термины допускают различные трактовки, границы между ними размыты, что затрудняет коммуникацию даже внутри китайского академического сообщества, не говоря уже о диалоге с зарубежными коллегами. Другой составляющей является терминология, пришедшая из англоязычных работ. Пока единый стандарт перевода и трактовки терминов не сложился, во избежание путаницы в китайских публикациях они даются не только в переводе, но и в оригинале, например: «вожество» – англ. *chiefdom*, кит. *цзюбан* 酋邦, «раннее государство» – англ. *early state*, кит. *цзаоци гоцзя* 早期国家, «протоистория» – англ. *proto-history*, кит. *юаньши* 原史 (см.: [Сюй Хун, 2016; Чан Хуайин, 2016; Гао Цзянтао, 2019]).

*Или «украшенный и сияющий» (“adorned and brightened”) в переводе Дж. Лерга (см.: Wen Yan: Qian // Chinese Text Project. – URL: <https://ctext.org/book-of-changes/wen-yan> (дата обращения: 01.08.2021)).

Еще одним теоретическим основанием для исследований проблем цивилизации в археологии Китая послужила концепция «урбанистической революции» В.Г. Чайлда [Child, 1950]. Практически одновременно один из основателей Института археологии АОН КНР, его многолетний директор Ся Най (1910–1985) и известный американский археолог китайского происхождения Чжан Гуанчжи (1931–2001), испытавшие влияние работ В.Г. Чайлда, представили свои определения и критерии цивилизации. В настоящее время считается, что именно Ся Най первым в КНР связал понятие «цивилизация» с археологической наукой и подчеркнул значимость данных археологии для решения проблемы истоков китайской цивилизации. Эти положения были озвучены им в серии лекций на японском телеканале NHK, записанных в 1983 г. [Гао Цзянтао, 2005, с. 46]. Позднее он переработал материалы лекций в монографию «Истоки китайской цивилизации» (1985). Ся Най определял цивилизацию как этап общественного развития, на котором родовой строй распался и сформировалась государственная организация с классовыми различиями. Помимо этого обязательного признака перехода к цивилизации он выделял еще три критерия, фиксируемые по археологическим материалам: города как центры политической, экономической и культурно-религиозной деятельности, письменность и металлургия [Ся Най, 1985, с. 81]. Ся Най высказал предположение, что цивилизация возникла в Китае не позже позднего этапа *эрлитоу*, однако накопление количественных показателей для качественного перехода происходило в предшествующий период позднего неолита – эпохи ранней бронзы [Там же, с. 82–100]. Профессор Гарвардского университета Чжан Гуанчжи в 1984 г. был приглашен прочесть курс лекций в Пекинском университете. Позднее ученый опубликовал их в книге «Шесть лекций по археологии» (1986) [Сунь Цинвэй, 2021, с. 65]. В первой лекции, посвященной значению изучения истории и археологии Древнего Китая для всемирной истории, Чжан Гуанчжи представил свою версию списка признаков цивилизации: письменность, города, металлургия, государственные структуры, религиозные сооружения и монументальное искусство [1986, с. 14]. По мнению ученого, механизмы перехода к цивилизации отнюдь не универсальны, существуют две модели: 1) западная, «прорывная», для которой характерны резкие общественные, экономические и культурные трансформации; 2) всемирная (незападная), «последовательная», отличающаяся длительным сохранением элементов культуры, в т.ч. и при переходе от варварства к цивилизации. Китай представляет вторую цивилизационную модель [Там же, с. 17–24]. Идеи Ся Ная и Чжан Гуанчжи послужили фундаментом для дальнейших

исследований формирования и развития цивилизации в Китае на археологических материалах.

В японском языке понятие «цивилизация» появилось в период Мэйдзи (1868–1912), когда происходила активная вестернизация, в т.ч. и в отношении представлений об обществе и истории, что вызвало возникновение новых терминов и вариантов их употребления. Впервые термин «цивилизация» *буммэй* 文明 использовал Фукудзава Юкити в работе «Положение дел на Западе» (1866–1870), а затем в трактате «Краткий очерк по теории цивилизации» (1875). Ученый противопоставлял понятия «цивилизация» и «дикость», сравнивая уровень социального, политического, культурного и духовного развития ведущих капиталистических государств и отстающей от них Японии. В его понимании, Япония занимала промежуточное положение между цивилизованными странами (Англия, Франция, США) и дикими (страны Африки, Австралия) [Кавадзири Фумихико, 2010, с. 136]. Параллельно с *буммэй* в это время в значении «цивилизация» использовался термин *кайка* 開化. Тогда же получило распространение и словосочетание *буммэй-кайка* 文明開化. Однако наряду с первоначальным употреблением оно использовалось для обозначения конкретного исторического феномена раннего периода эпохи Мэйдзи, а также в качестве синонима термина «модернизация» [Там же, с. 137]. В начале XX в. выделился термин «культура» – *бунка* 文化, а также заимствованный *карутя*: *カルチャー* (транскрибированная запись англ. culture).

В современном японском научном языке наряду с *буммэй* и *кайка* в значении «цивилизация» употребляются также слова *дзимбун* 人文 – «цивилизация, культура», *кё:ка* 教化 – «культура, цивилизация, просвещение, образование», *каймэй* 開明 – «цивилизация, просвещение» и заимствованное из английского языка *сибиридзэ:сён* シビリゼーション (civilization) [Руйго дайджитэн, 2002, с. 1046–1047]. Они чаще встречаются в социологических, политологических и культурологических исследованиях.

В контексте современной японской археологии термин «цивилизация» не слишком распространен: в немногочисленных археологических словарях он отсутствует (представлен только в японо-англо-немецком словаре археологических терминов как *буммэй* [Melichar, 1964, p. 7]). При этом широко употребляется термин «культура» (*бунка*), особенно если речь идет об эпохе *дзёмон* [Вазэтайсё..., 2001, с. 87, 129, 252; Синнихон..., 2005, с. 407–408].

В японской научной литературе термин «цивилизация» традиционно используется для характеристики ранних протогосударственных образований, формировавшихся на позднем этапе периода *яёй* и достигавших расцвета в период *кофун*. Но в последние десятилетия все большее распространение получает идея

существования цивилизации в эпоху *дзёмон* [Умэ-хара Такэси, Ясуда Ёсинори, 1995; Ясуда Ёсинори, 1997; Сасаки Фудзио, 1999], основанная на концепции «стратифицированного общества *дзёмон*».

Начало изучению памятников и коллекций эпохи *дзёмон* было положено в конце 1870-х гг. т.н. наемными иностранцами – западными учеными-натуралистами (Э.С. Морс, Ф. фон Зибольд, Дж. Милн, У. Гоулэнд, Н. Мунро) [Ямада Ясухиро, 2015, с. 17–24; Ikawa-Smith, 1982, p. 299–301]. Вместе с методологией археологических и антропологических исследований они привнесли в японскую науку терминологический аппарат, основу которого в то время составляла «система трех веков». Впоследствии на основании новых данных о керамических комплексах каменный век был разделен на два периода – культуры типа *дзёмон* (*дзё:мон-сики бунка дзидай* 縄文式文化時代) и культуры типа *яёй* (*яёй-сики бунка дзидай* 彌生式文化時代) [Яmanoути Сугао, 1932; Моримото Рокудзи, 1935]. После Второй мировой войны стала формироваться идея уникальности эпохи *дзёмон*, на раннем этапе испытывавшая значительное влияние европейских научных концепций. В начале 1960-х гг. «эпоха *дзёмон*» *дзё:мон дзидай* 縄文時代 и «период *яёй*» *яёй дзидай* 弥生時代 были признаны в академических кругах как уникальные этапы древней истории Японского архипелага, равнозначные понятиям «неолит» и «эпоха палеометалла». Спустя еще десять лет эти термины получили широкое распространение: от научно-популярной и учебной литературы до научных монографий.

Переломным периодом в определении роли эпохи *дзёмон* в становлении национального и культурного своеобразия Японии стали 1950–1970-е гг., когда в научном сообществе формировалась идея «новой Японии» с «новой историей» и «новыми для Японии эпохами». В 1970-х гг. складывается четкая последовательность древней истории архипелага: палеолит, *дзёмон*, *яёй*, *кофун* и исторический период [Ямада Ясухиро, 2015, с. 60–68]. На этом фоне разрабатываются концепции уникальности японской цивилизации на протяжении всего времени ее существования в сравнении с континентальными цивилизациями, прежде всего Китая.

Концепции перехода к цивилизации в современной археологии Китая и Японии (на материалах неолитических культур)

Китайскими учеными предложены два основных варианта ответа на вопрос о времени перехода к цивилизации: 1) поздний неолит – культуры *давэнькоу*, *хуншань*, *сунцзэ*, *лянчжун*, *луншаньская* культурная общность; 2) ранний бронзовый век – т.н. эпоха Ся

(XXIII–XVI вв. до н.э.). При этом известный китайский историк Хэ Цзыцюань считал, что общество эпох Шан (XVI–XI вв. до н.э.) и Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) находилось на стадии вожества, а государство и цивилизация возникли только в период Чуньцю (722–481 гг. до н.э.) [Ван Чжэньчжун, 2020, с. 121–122]. В настоящее время более распространена версия о неолитическом происхождении цивилизации на территории Китая.

В конце 1980-х гг. сотрудник Института археологии АОН КНР, профессор Пекинского университета Су Бинци (1909–1997) представил свое видение формирования китайской цивилизации как процесса, включающего три стадии: древняя культура *гу вэньхуа* 古文化 – древние города *гучэн* 古城 – древнее государство *гуго* 古国 [1988]. Позднее он предложил концепцию возникновения и развития государства, также подразумевающую прохождение трех этапов: древнее государство *гуго* 古国 – княжество *фанго* 方国 – империя *диго* 帝国. Причем третья стадия формирования цивилизации (древнее государство) соответствовала двум первым этапам развития государства (древнее государство и княжество). Ученый также выделил три модели складывания государства: первичного типа *юаньшэн син* 原生型, вторичного *цышэн син* 次生型 и воспроизводящего типа *сюйшэн син* 续生型 [Су Бинци, 1997, с. 108–139]. Эти теоретические разработки были созданы им на основе изучения археологических культур Южной Маньчжурии периода неолита (*синлунва*, *чжаобаогоу*, *хуншань*, *фухэ*), бронзового (культуры нижнего и верхнего слоев Сяцзядянь) и раннего железного (культура княжества Янь) века. Отправной точкой послужило открытие памятников неолитической культуры *хуншань* (4 600–2 900 лет до н.э.) в Юго-Восточной Маньчжурии, в первую очередь группы памятников Нюхэлян, включающей храм, жертвенники и курганные могильники. Крупные погребальные и ритуальные комплексы, развитое искусство (терракотовая скульптура, изделия из нефрита), по мнению Су Бинци, свидетельствуют о возникновении надобщинных социальных структур и переходе к цивилизации. Изначально он считал, что культура *хуншань* находилась на стадии «древней культуры» и не демонстрировала признаков складывания «древнего государства». Позднее Су Бинци пересмотрел свои взгляды и отнес ее к этапу «древнего государства», а также предположил, что хронологические рамки этой культуры соответствуют времени царствования мифического правителя Хуан-ди, центр государства которого располагался в районе гор Яньшань в Северном Китае. Этапу «княжества» в северо-восточном регионе соответствовала культура нижнего слоя Сяцзядянь (2 000–1 300 лет до н.э.), в низовьях р. Янцзы – культура *лянчжун* (3 300–1 700 лет до н.э.). Первой в исто-

рии Китая империей была Цинь (221–206 гг. до н.э.) [Там же, с. 86–106, 111–129].

Поскольку формирование государства в Маньчжурии происходило раньше, чем на Центральной равнине, Су Бинци относил его к первичному типу. По мнению ученого, идея государства была заимствована населением бассейна р. Хуанхэ именно из культур северо-востока. На Центральной равнине наиболее крупным памятником стадии «древнего государства» является городище Таосы (ок. 2 500–2 000 лет до н.э.) в пров. Шаньси, этап «княжеств» представлен государствами Ся, Шан и Чжоу. Свою историю развития государственности имеют и отдельные китайские княжества. Из них наиболее представительно Цинь, прошедшее все стадии: «древнего государства» при Сян-гуне (833–766 гг. до н.э.), «княжества» при Му-гуне (683–621 гг. до н.э.) и империи при Цинь Шихуане. По мнению Су Бинци, Цинь является примером государства вторичного типа; воспроизводящий тип представлен государствами, основанными кочевниками на территории Китая после распада империи Хань [Там же, с. 129–139].

Несмотря на отсутствие четких критериев перехода к цивилизации и образования государства, расплывчатость формулировок и обилие метафор, что затрудняет понимание и применение теории Су Бинци, она оказала огромное влияние на китайскую археологию. В настоящее время идеи Су Бинци развивают профессор Пекинского университета Янь Вэньмин, научный сотрудник Института археологии АОН КНР, руководитель раскопок на городище Эрлитоу Сюй Хун и один из руководителей «Хронологического проекта Ся–Шан–Чжоу», профессор Пекинского университета Ли Боцян.

Янь Вэньмин в 1995–1997 гг. предложил свой подход к решению проблемы. Он полагал, что правление Хуан-ди приходится на III тыс. до н.э., в археологии его царство представлено материалами луншаньской культурной общности в бассейне р. Хуанхэ. По уровню политической организации луншаньское общество находилось на этапе вожеств, однако Янь Вэньмин считал этот заимствованный термин не слишком подходящим для описания китайской истории и предпочитал использовать термины «первобытное государство» *юаньши гоцзя* 原始国家 или «древнее государство» *гуго* 古国. Городища Эрлитоу, Саньсиндуй и некоторые другие памятники представляли собой «царства» *ванго* 王国, что примерно соответствует стадии «княжеств» *фанго* 方国 в терминологии Су Бинци. Позднее Янь Вэньмин удревнил переход к «древним государствам» до середины IV тыс. до н.э., когда представители различных неолитических культур в пяти регионах на территории современного Китая – *яньшао* на Центральной равнине, *давэнькоу* в низовье р. Хуанхэ, *даси*, *цуй-*

цзялин и *шицзяхэ* в среднем течении р. Янцзы, *сунцзэ* и *лянчжэ* в ее нижнем течении, *хуншань* и *сяохэянь* в районе гор Яньшань – перешли от племенной организации к государству [Янь Вэньмин, 1997]. Таким образом, весь период 3 500–2 000 лет до н.э. можно считать «эпохой древних государств» *гуго шидай* 古国时代. Идеи Янь Вэньмина, а также Ся Ная и Су Бинци отражены в авторитетном обобщающем труде «История китайской цивилизации» (2006), подготовленном коллективом авторов из Пекинского университета и переведенном на многие языки (в т.ч. на русский). Янь Вэньмин выступил главным редактором первого тома, где приведены данные о неолитических корнях и раннем этапе развития китайской цивилизации [История..., 2020, с. 82–136].

Сюй Хун, в отличие от большинства предшественников и современников, говоря об археологии неолита, избегает понятия «китайская цивилизация» и ставит вопрос о происхождении цивилизации в материковой части Восточной Азии. Согласно его точке зрения, начиная с позднего периода яньшаоской культурной общности и до периода *луншань* включительно (3 500–1 800 лет до н.э.) группы населения в разных районах бассейнов рек Хуанхэ и Янцзы вступают в эпоху глубокой перестройки общества, множество отдельных племен и древних государств *гуго* 古国 конкурируют между собой. Этот период соответствует «эпохе древних государств» *гуго шидай* 古国时代, или «эпохе городов-государств» *банго шидай* 邦国时代, или эпохе вожеств. С ростом населения общество усложняется, возникают классовая дифференциация, а также культурные контакты и конфликты между разными локальными группами населения. Все эти процессы находят отражение в материальной культуре, следы которой сохраняются в форме археологических объектов. Наиболее яркими примерами служат памятники культуры *лянчжэ* и городища Таосы и Шимао (пров. Шэньси). Конкретными показателями перехода к цивилизации служат: 1) системы поселенческих памятников, группирующихся вокруг одного крупного центрального поселения; 2) рвы и стены, окружающие городища; 3) крупные строения, созданные методом трамбовки земли *ханту*; 4) постройки дворцового типа; 5) большие жертвенники; 6) крупные погребальные комплексы. Различия в количестве и качестве сопроводительного погребального инвентаря свидетельствуют о значительном социальном расслоении. Постепенно разные общности формируют обширную коммуникационную сеть, внутри которой, тем не менее, они сохраняют независимость и самостоятельность. Около 1 800 лет до н.э. города и крупные поселения луншаньской культурной общности на Центральной равнине прекратили свое существование и появилась культура *эрлитоу*, впитавшая в себя традиции предшествующей эпо-

хи. Ареал этой культуры включал всю территорию в среднем течении р. Хуанхэ, а отдельные элементы проникали в отдаленные районы, вплоть до современного Гонконга. Данный факт, а также возникновение столичного города Эрлитоу, по мнению Сюй Хуна, свидетельствуют о формировании в районе среднего течения р. Хуанхэ первого территориального государства и переходе от множественных «цивилизаций городов-государств» *банго взньмин* 邦国文明 к единой «династической цивилизации» *ванчао взньмин* 王朝文明. Появление культуры *эрлитоу* знаменует начало бронзового века на территории Китая, а также служит водоразделом между додинастическим и династическим периодами китайской истории [Сюй Хун, 2016, с. 15–16].

Ли Боцянь, как и Су Бинци, предлагает трехчленную схему развития государства: «древнее государство» *гуго* 古国 – «царство» *ванго* 王国 – «империя» *диго* 帝国. Период «древних государств» продолжался приблизительно с 3 500 до 2 500 лет до н.э. К ним Ли Боцянь помимо комплекса Нюхэлян относит памятники Линцзятань в пров. Аньхой и Сипо в пров. Хэнань. Сравнив ассортимент нефритовых изделий на этих трех памятниках, он пришел к выводу о трех путях перехода к цивилизации: на основе теократии в Нюхэлян, где преобладают зооморфные изображения и украшения; на базе сочетания военной, политической и религиозной власти в Линцзятань, где представлены культовые предметы и ритуальное оружие; на основе политической и военной власти в Сипо, где найдены только нефритовые секиры *юэ*. «Древнее государство» у Ли Боцяня синонимично термину «вождество». Начальный этап существования «царств» представлен памятниками Лянчжу одноименной культуры и Таосы культуры *луншань* на Центральной равнине. На основе характеристик этих комплексов были выработаны признаки перехода к цивилизации и формирования зрелого государства:

- 1) стратификация поселений и появление особо крупных;
- 2) сооружение вокруг поселений защитных сооружений;
- 3) появление крупных ритуальных комплексов;
- 4) стратификация погребений, возникновение организованных кладбищ;
- 5) выделение на поселениях специализированных районов ремесленных мастерских, появление складских сооружений;
- 6) обнаружение специфических предметов вооружения и/или ритуальных предметов, которые могли служить символами власти;
- 7) появление письменности и признаков монопольного ее использования в крупных поселениях;
- 8) обнаружение на крупных поселениях инокультурных заимствований;

9) появление признаков существования отношений управления и подчинения между поселениями разных уровней;

10) распространение культурного влияния на определенную территорию [Ли Боцянь, 2016, с. 6–7].

По-видимому, под некоторым влиянием взглядов Ли Боцяня сотрудник Института археологии АОН КНР Гао Цзянтао на основе комплексного анализа археологических материалов (включая расположение и пространственную организацию поселений, размеры и функции построек, конструкции и размеры погребений, состав сопроводительного инвентаря и т.д.) выдвинул концепцию, согласно которой в позднем неолите на территории Китая существовали три модели перехода к цивилизации и образования государства: Таосы, *хуншань* и *лянчжун*. Общей предпосылкой к формированию цивилизации и государственности стало возникновение экономического и социального неравенства, материальным выражением которого служат прежде всего различия в размерах и конструкции погребений и составе сопроводительного инвентаря. Для модели Таосы характерно существование сложной социальной стратификации, возможно, формировались ранги знатности. Основой государственности здесь являлась власть правителя-*вана*, значительную роль в политической жизни играла система ритуалов. По форме государственного устройства Таосы – город-государство. Важнейшее отличие модели *лянчжун* заключается в том, что государство было основано на религиозной, а не на светской власти. Это подтверждается незначительным числом символов политической и/или военной власти (статусных предметов вооружения) в составе погребального инвентаря в противоположность обилию нефритовых предметов, использовавшихся в религиозных ритуалах. Модель *хуншань* во многом сходна с моделью *лянчжун*: роль религии в жизни общества чрезвычайно важна, религиозная власть занимала центральное место в государственной системе, но параллельно существовала и светская власть правителя-*вана*. Вероятно, государственные образования в период позднего неолита формировались также в районах нижнего течения р. Хуанхэ и среднего течения р. Янцзы. Однако поселенческие памятники там исследованы недостаточно полно для того, чтобы делать выводы о существовавшем у населения социальном и политическом устройстве [Гао Цзянтао, 2019, с. 23–28].

В японской археологии теория цивилизационного развития древних обществ традиционно применяется к периодам *яёй* (средняя и поздняя фазы, VI в. до н.э. – III в. н.э.) и *кофун* (III–VII вв. н.э.) [An Illustrated Companion..., 2020, p. 84]. Для характеристики эпохи *дзёмон* термин «цивилизация» стал использоваться с конца XX в., что, однако, не нашло поддержки у большинства специалистов. Наи-

более важным теоретическим направлением, которое мы рассмотрим подробнее, является изучение материальной культуры этой эпохи на предмет существования сложных социальных структур.

Масштабное строительство на территории всего архипелага вызвало рост объемов археологических работ с середины 1960-х гг. [Nabu, Okamura, 2017, p. 13–15]. В результате были открыты новые памятники и определены новые направления в изучении эпохи *дзёмон*. Активное исследование археологических комплексов культуры *яёй* в 1940–1960-х гг. привело к формированию концепции «застойного периода *дзёмон*», который, по мнению ряда специалистов, сменился новой культурой, находившейся под сильным континентальным влиянием [Цубои Киётари, 1962]. Важное значение для складывания представления о «богатом периоде *яёй*» имели новые памятники, прежде всего поселение Торо (преф. Сидзуока), открытое в 1943 г. В 1947 г. на памятнике были проведены первые в Японии комплексные междисциплинарные исследования. В результате раскопок в 1947, 1952, 1965, 1999–2003 гг. на поселении обнаружено 12 жилищных котлованов, две свайные конструкции, постройка ритуального характера (также свайного типа), остатки колодца, ирригационных каналов и рисовые поля. Археологический материал представлен изделиями из дерева, кости (в т.ч. гадательные кости), железа, камня, керамикой, стеклянными бусинами и пр. Поселение существовало на протяжении I–V вв. н.э. (поздняя фаза *яёй* – *кофун*) [Окамура Ватару, 2014]. В результате публикации материалов памятника Торо среди «японского народа, истощенного войной», сформировалась идея о периоде *яёй* как о времени «мирных деревень земледельцев, окруженных рисовыми полями», подтверждая реальное существование мифической «Тростниковой равнины – срединной страны» *Тоёасихара-но Накацукуни* 豊草原中国. Это открытие сыграло важную роль в распространении знаний об истоках японской культуры и закрепило в общественном сознании образы периодов *дзёмон* и *яёй* [Ямада Ясухиро, 2015, с. 119, 133–134].

В 1980-х гг. в основу исследований эпохи *дзёмон* легла социальная теория, представленная прежде всего в трудах Хаяси Кэнсаку и Харунари Хидэдзи. Хаяси Кэнсаку, исходя из анализа пространственной структуры погребальных комплексов и ориентации тел умерших, предполагал наличие дуальной системы организации общества [1977]. Харунари Хидэдзи рассматривал специфику межгрупповых брачных связей и систему родства в эпоху *дзёмон* на основе изучения практики ритуального удаления зубов (обряд *басси*) [Харунари Хидэдзи, 1973]. Большинство исследований того времени исходило из идеи «бедного и равноправного общества охотников-собирате-

лей», возникшей в 1960-х гг. Такие характеристики погребений, как различия в положении и ориентации умерших, разные типы удаления зубов, наличие или отсутствие погребального инвентаря и т.д., рассматривались не как признаки иерархического общества, а как воплощение горизонтального разделения по принципу свои/чужие [Ямада Ясухиро, 2020, с. 29].

Во второй половине 1980-х гг. обсуждалась возможность существования в японском неолите иерархических отношений, в противоположность идее «бедного равноправного общества». Впервые о неравенстве в эпоху *дзёмон* заговорил Сасаки Фудзио, но его точка зрения не получила признания. Исследователь не использует термин «иерархия», но, оперируя данными по поселенческим комплексам, говорит о существовании вертикальной формы социальных различий [Сасаки Фудзио, 1973, с. 40–42].

Возникновение теории «стратифицированного общества эпохи *дзёмон*» связано с открытием новых археологических комплексов, в частности раковинной кучи Торихама (преф. Фукуи, изначальный – ранний период, ок. 12,0–5,5 тыс. л.н.). На памятнике обнаружено множество органических остатков (костяные орудия, деревянные инструменты, лаковая посуда, хорошо сохранившиеся плетеные корзины, каное, фрагменты текстиля, орехи, семена), а также керамика, каменные орудия, ритуальные предметы, украшения и пр. В результате формируется представление о неолитическом обществе *дзёмон* как о «богатых охотниках-собирателях» с развитой духовной и материальной культурой [Ямада Ясухиро, 2020, с. 29]. Открытие в разных районах Японии крупных ритуальных и поселенческих комплексов с обилием органических материалов хорошей сохранности, датируемых от изначального до финального периода эпохи *дзёмон*, вызвало мощный отклик в академических кругах, воплотившийся в разработке новых теорий.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. возникают идеи «сегментированного общества» и наличия рабовладельческих отношений в эпоху *дзёмон*. Кобаяси Тацуо, сравнив данные по коренным народам северо-западного побережья Северной Америки с материалами погребальных комплексов культуры *камэгаока* (финальный период, 2 700–2 300 л.н.), высказал предположение о существовании рабов в то время [Ямада Ясухиро, 2015, с. 171–172]. Наиболее убедительно этот дискурс представлен в работе Ватанабэ Хиромиси «Иерархическое общество *дзёмон*» (1990), в которой оно исследуется в сопоставлении с материалами по этнографии охотников-собирателей Северной Пацифики (коренные народы Северной Америки и Сибири, айну). По мнению ученого, структурной основой *дзёмонского* общества была иерархическая система, разделяющая богатых и бедных, существовала также дифференциация стратегий жизнеобеспечения среди

мужского населения (промысел лососевых, марлинов, охота на медведя и др.). При описании социальных отношений автор оперирует понятиями и терминами, ранее не использовавшимися для характеристики эпохи *дзёмон*: аристократия, богатые и бедные, иерархия, власть, престиж и т.д. [Ямада Ясухиро, 2020, с. 29–31].

Апогеем развития теории «стратифицированного общества эпохи *дзёмон*» стало формирование концепции «цивилизации *дзёмон*», или «утопии *дзёмон*» [Ямада Ясухиро, 2015, с. 98–100]. Центральное место в ней занимает поселение Саннай Маруяма (преф. Аомори, ранний – средний период, ок. 5 900–4 400 кал. л.н.) – крупнейший *дзёмонский* памятник, в состав которого входят сотни полуземлянок и свайных конструкций, крупный могильник, зоны хозяйственно-бытового характера и др. В 1994 г. было открыто уникальное «ритуальное сооружение» – остатки трехъярусной конструкции на опорных столбах. Археологические коллекции пополнились плетеными и лаковыми изделиями, каменным и костяным инвентарем, керамикой, украшениями из раковин и нефрита, флористическими и фаунистическими материалами [Набу, 2004, р. 108–134]. Изучение комплекса изменило представление об эпохе и обозначило направления новых исследований. На основе интерпретации остатков ярусного сооружения как культового места были выдвинуты концепции «стратифицированного социального неравенства в эпоху *дзёмон*», «города эпохи *дзёмон*», «королевства Тохокку» (или «Северного королевства *дзёмон*»), «культуры лесного неолита», «деревянной цивилизации» и «храмовая» теория [Сасаки Фудзиро, 1999; Ямада Ясухиро, 2015, с. 63–65; 2020]. Памятник рекламировался как «великое открытие, переписывающее историю Японии». В научно-популярной и исследовательской литературе использовались громкие формулировки («иерархия», «рабство», «город» и т.д.), например, Кояма Сюдзо настаивал на существовании в поселении Саннай Маруяма «иерархического общества», разделенного на аристократический класс, простой народ и рабов [Ямада Ясухиро, 2020, с. 31], что вызвало массу критических замечаний и способствовало формированию у многих специалистов негативного отношения к теории «стратифицированного общества эпохи *дзёмон*». Несмотря на это, в 2000-х гг. данная теория продолжала укреплять позиции. Многие исследователи склонны видеть в культуре *камэгаока* следы существования или зачатков трансгалитарного общества. В этом направлении работали Накамура Оки, Сасаки Фудзиро, Танигути Ясухиро, Такахаси Рюзабуро и др. [Там же, с. 32–33]. Признаки социального неравенства выделялись на основе анализа погребений (различия в составе сопроводительного инвентаря [Накамура Оки, 1999, с. 50–51] или выборе места захоронения [Сасаки Фудзиро, 2002]).

Таким образом, если до 1960-х гг. было принято говорить о «бедных оседлых охотниках-собираателях», то с появлением новых методов анализа и привлечением специалистов из смежных областей формируется представление о *дзёмонцах* как о высокоразвитых охотниках-собираателях-рыболовах со сложной социальной стратификацией [Сасаки Фудзиро, 1973, с. 40–45], с технологически разнообразным орудийным набором и высоким уровнем гончарного производства [Ямада Ясухиро, 2015, с. 68–70], специфической погребально-обрядовой практикой и культом плодородия [Сасаки Фудзиро, 2002], комплексным подходом к адаптивным стратегиям [Ясуда Ёсинори, 1997, с. 10–12].

В целом в современной археологии Японии существуют две точки зрения по вопросу истоков цивилизации. В основе первой лежит теория о формировании сложного иерархического общества в среднем – финальном периодах эпохи *дзёмон*, когда благоприятные климатические условия и разнообразие адаптивных стратегий (собирачество, охота, ранние формы земледелия) позволили достичь высокого уровня развития материальной и духовной культуры, что наиболее ярко выражается в строительстве крупных поселенческих комплексов и сооружении сложных конструкций из земляных насыпей, камня и дерева. Представители другого направления не отрицают высокого уровня развития материальной культуры в эпоху *дзёмон*, но считают, что в то время существовало несколько региональных культур, развивавшихся на основе присваивающего хозяйства, тогда как производящее хозяйство появилось на территории Японии только с приходом носителей культуры *яёй*.

Заключение

Как показал анализ работ китайских и японских археологов по проблемам происхождения цивилизации, в настоящее время в научных сообществах двух стран продолжают дискуссии о времени и характере перехода к стадии цивилизации, пока не сформирован единый подход к выделению критериев, указывающих на этот качественный скачок в развитии обществ. Наиболее распространенными являются гипотезы о формировании цивилизации в эпоху неолита (луншаньский период в Китае, эпоха *дзёмон* в Японии) или палеометалла (бронзовый век, в частности культуры *эрлитюу* в Китае и *яёй* в Японии). Если в Китае на данный момент большинство специалистов склонны разделять идею о том, что в период позднего – финального неолита (ок. 3 500–2 000 лет до н.э.) в разных регионах на территории современной КНР возникали мощные культурные центры, в которых начинала складываться государ-

ственность и происходил переход к цивилизации, то в японской археологии консенсус пока не достигнут. Еще две особенности китайской научной традиции – убежденность во взаимообусловленности процессов формирования цивилизации и государства, проистекающая из опоры на работы Ф. Энгельса, и стремление к сопоставлению (не всегда критическому) археологических материалов с данными традиционной историографии. Японские ученые, исследующие вопросы археологии эпох неолита – палеометалла, лишены возможности (и необходимости) опираться на летописные источники и в меньшей степени скованы идеологическими рамками, в фокусе их внимания находится преимущественно изучение социальных структур древних обществ.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-60001.

Список литературы

- Бао Ифань.** Обоснование моделей, периодизации развития и различных толкований значения «самого раннего Китая» // Чжунъюань вэньхуа яньцзю. – 2020. – № 6. – С. 121–127 (на кит. яз.).
- Ван Чжэньчжун.** Исследования происхождения цивилизации и государства в Китае за сорок лет реализации политики реформ и открытости // Шисюэ юэкань. – 2020. – № 9. – С. 113–126 (на кит. яз.).
- Вазйгансё:** нихонкокогаку ёго дзитэн (Японско-английский словарь терминов японской археологии) / ред. Т. Ямамото. – Токио: То:кё:бидзюцу, 2001. – 296 с. (на яп. яз.).
- Гао Цзянтао.** Учитель Ся Най и исследование возникновения китайской цивилизации // Пиндиншань сюэюань сюэбао. – 2005. – № 1. – С. 46–48 (на кит. яз.).
- Гао Цзянтао.** О моделях и движущих силах формирования раннего государства в Китае // Шисюэ юэкань. – 2019. – № 6. – С. 21–33 (на кит. яз.).
- Е Вэньсянь.** Анализ различий между «государством» и «цивилизацией» // Чжэцзян шэхуэй кэсюэ. – 2016. – № 1. – С. 92–105 (на кит. яз.).
- И Цзяньпин.** О переосмыслении научного определения государства // Лиши яньцзю. – 2014. – № 2. – С. 143–161 (на кит. яз.).
- История китайской цивилизации:** в 4 т. – М.: Шанс, 2020. – Т. 1: С древнейших времен до 221 г. до н.э. / гл. ред. Янь Вэньмин; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой, М.Ю. Ульянова. – 671 с.
- Кавадзир Фумихико.** Термин «цивилизация» в современном Китае: японские исследователи периода Мэйдзи и Лян Цичао // Хигаси адзиа киндай ни окэру гайнэн то ти но сай хэнсэй. Кокусай симподзиум, дай 35-сю: (Реорганизация концепций и знаний в современной Восточной Азии: 35-й Междунар. симп.). – Токио: Кокусай ниппон бунка кэнкю: сэнта, 2010. – С. 131–160 (на яп. яз.).
- Ли Боцянь.** Некоторые теоретические вопросы происхождения государства в контексте исследования процесса формирования китайской цивилизации // Чжунъюань вэньхуа яньцзю. – 2016. – № 1. – С. 5–9 (на кит. яз.).
- Линь Юнь.** Теоретические и методологические проблемы применения терминов «древнее государство», «вождество», «царство» в археологии Китая // Чжунъюань вэньхуа яньцзю. – 2016. – № 2. – С. 5–12 (на кит. яз.).
- Массон В.М.** Первые цивилизации / отв. ред. И.Н. Хлопин. – Л.: Наука, 1989. – 276 с.
- Моримото Рокудзи.** Культура стиля яёй // Дорумэн дзаси. – 1935. – Т. 4, вып. 6. – С. 88–91 (на яп. яз.).
- Морохаси Тэцудзи.** Дай канва дзитэн (Большой китайско-японский словарь): в 13 т. – Токио: Тайсю:кан сётэн, 1967. – Т. 5. – 1074 с. (на яп. яз.).
- Накамура Оки.** Расслоение общества дзёмон по данным погребальных комплексов // Сайсин дзёмон гаку-но сэкай (Новейшие исследования по миру дзёмон). – Токио: Асахи симбун, 1999. – С. 48–60 (на яп. яз.).
- Окамура Ватару.** Яёй сю:каку-дзо: но гэнтэн во минаосу – Торо исэки (Пересмотр первоначальной точки зрения на древнюю периоду яёй – памятник Торо). – Токио: Синсэн-ся, 2014. – 95 с. (на яп. яз.).
- Попова И.Ф.** Предисловие к русскому изданию // История китайской цивилизации: в 4 т. – М.: Шанс, 2020. – Т. 1: С древнейших времен до 221 г. до н.э. / гл. ред. Янь Вэньмин; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой, М.Ю. Ульяновой. – С. 5–8.
- Руйго дайджитэн** (Большой словарь синонимов) / ред. Т. Сибата, С. Ямада – Токио: Коданся, 2002. – 1502 с. (на яп. яз.).
- Сасаки Фудзио.** Гэнси кё:до:тай-рон дзёсэцу (Введение в теорию первобытного общества). – Токио: Коганэй, 1973. – 109 с. (на яп. яз.).
- Сасаки Фудзио.** Северная цивилизация и южная цивилизация (нижняя): теория деревень эпохи дзёмон в художественной литературе // Ибоу. – 1999. – Вып. 17. – С. 79–90 (на яп. яз.).
- Сасаки Фудзио.** Каменные круги и иерархическое общество стиля дзёмон (средний – поздний периоды регионов Тохоку, Канто и Тюбу) // Дзёмон сякай-рон (Теория общества дзёмон). – Токио: До:сэйся, 2002. – С. 3–50 (на яп. яз.).
- Синнихон кокогаку сё:дитэн** (Краткий словарь по современной японской археологии) / ред. Т. Эсака, Т. Сэридава, С. Сакамунэ. – Токио: Нью:саиэнсу-ся, 2005. – 502 с. (на яп. яз.).
- Су Бинци.** Новый рассвет китайской цивилизации // Дуннань вэньхуа. – 1988. – № 5. – С. 1–7 (на кит. яз.).
- Су Бинци.** Чжунго вэньмин циюань синьтань (Новое исследование происхождения китайской цивилизации). – Гонконг: Шаньфу иньшугуань, 1997. – 152 с. (на кит. яз.).
- Сунь Цинвэй.** Поиски значения китайской цивилизации: Перечитывая «Шесть лекций по археологии» Чжан Гуанчжи // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 2021. – Т. 58, № 2. – С. 65–75 (на кит. яз.).
- Сэки Юдзи.** Дзёмон буммэй то тю:гоку буммэй (Цивилизация дзёмон и китайская цивилизация). – Токио: RHP Publ., 2020. – 224 с. (на яп. яз.).
- Сюй Хун.** Развитие изучения истоков государства в археологическом сообществе Китая и размышления по это-

му поводу // Чжунъюань вэньхуа яньцзю. – 2016. – № 2. – С. 13–17 (на кит. яз.).

Ся Най. Чжунго вэньминдэ циюань (Истоки китайской цивилизации). – Пекин: Вэньхуа чубаньшэ, 1985. – 131 с. (на кит. яз.).

Умэхара Такэси, Ясуда Ёсинори. Дзё:мон буммэй но хаккэн – кёуи но Саннай Маруяма исэки (Открытие цивилизации дзёмон – сенсационный памятник Саннай Маруяма). – Токио: RHP Publ., 1995. – 249 с. (на яп. яз.).

Фудзиро Синъитиро. Дзё:мон ронсо: (Дискуссия об эпохе дзёмон). – Токио: Коданся, 2002. – 262 с. (на яп. яз.).

Харунари Хидэдзи. Значение практики удаления зубов // Ко:когаку кэнкю:. – 1973. – Т. 20, вып. 2, ч. 1. – С. 25–48 (на яп. яз.).

Хаяси Кэнсаку. Погребальная практика периода дзёмон: положение умерших и особенности направления головы // Ко:когаку дзасси. – 1977. – Т. 63, вып. 3, ч. 2. – С. 211–246 (на яп. яз.).

Цубон Киётари. Теория культуры дзёмон // Иванами ко:дза нихон рэкиси (Курс лекций Иванами по истории Японии). – Токио: Иванами сётэн, 1962. – Т. 1: Генси оёби кодай (Первобытный и древний периоды). – С. 109–138 (на яп. яз.).

Чан Хуайин. Обзор исследований происхождения государства в академическом сообществе Китая за последние двадцать лет // Сычуань вэньхуа. – 2016. – № 1. – С. 46–60 (на кит. яз.).

Чжан Гуанчжи. Каогусюэ чжуаньти лю цзян (Шесть лекций по археологии). – Пекин: Вэньхуа чубаньшэ, 1986. – 132 с. (на кит. яз.).

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: АСТ, 2019. – 288 с.

Ямада Ясухиро. Цукура рэта дзё:мон дзидай ниппон бунка но гэндзо: о сагуру (Изучение оригинального образа японской культуры, созданного в эпоху дзёмон). – Токио: Синтё: сэнсё, 2015. – 253 с. (на яп. яз.).

Ямада Ясухиро. История археологии и социальный фон // Кикан ко:когаку. – 2020. – Вып. 150. – С. 28–33 (на яп. яз.).

Яmanoути Сугао. Древние культуры Японии: обзор керамики стиля дзё:мон // Дорумэн дзасси. – 1932. – Т. 1, вып. 4. – С. 40–43 (на яп. яз.).

Янь Вэньмин. Возникновение и развитие цивилизации в бассейне Хуанхэ // Хуася каогу. – 1997. – № 1. – С. 49–54 (на кит. яз.).

Ясуда Ёсинори. Дзё:мон буммэй но канкё: (Окружение цивилизации дзёмон). – Токио: Ёсикава Кобункан, 1997. – 228 с. (на яп. яз.).

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / eds. W. Steinhaus, S. Kaner, M. Jinno, Sh. Shoda. – Oxford: Archaeopress, 2020. – 341 p.

Child V.G. The Urban Revolution // The Town Planning Review. – 1950. – Vol. 21, iss. 1. – P. 3–17.

Evolution and Culture / eds. M.D. Sahlins, E.R. Service. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. – 131 p.

Habu J. Ancient Jomon of Japan / ed. R.P. Wright. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – 332 p.

Habu J., Okamura K. Japanese Archaeology Today: New Developments, Structural Undermining, and Prospects for Disaster Archaeology // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. – N. Y.: Springer, 2017. – P. 11–26.

Ikawa-Smith F. Co-traditions in Japanese archaeology // World Archaeology. – 1982. – Vol. 13. – P. 296–309.

Kradin N.N. Archaeological criteria of civilization // Social Evolution & History. – 2006. – Vol. 5, iss. 1. – P. 88–107.

Melichar H. Japanese Archaeological Terms with English and German Equivalents // Asian Perspectives. – 1964. – Vol. 8, iss. 2. – P. 1–111.

Service E.R. Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. – N. Y.: W.W. Norton & Company Inc., 1975. – 224 p.

The Early State / eds. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton Publ., 1978. – 689 p.

*Материал поступил в редколлегию 16.05.22 г.,
в окончательном варианте – 23.05.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.049-056
УДК 903.27

А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия
E-mail: zaika_al@mail.ru

Петроглифический комплекс Писаный Камень на реке Ангаре: К 300-летию открытия наскальных рисунков Д.Г. Мессершмидтом

Петроглифы Писаного Камня на правом берегу р. Ангары около д. Климино Кежемского р-на Красноярского края, впервые зафиксированные Д.Г. Мессершмидтом в 1725 г., в дальнейшем исследовались многими учеными. Но их работы носили обзорный, поверхностный характер, давали далеко не объективную, противоречивую информацию. Ввиду необходимости уточнения месторасположения, более детального, квалифицированного изучения петроглифов Писаного Камня, определения современного состояния объекта в 1999–2000 гг. на писанице были проведены исследования археологическим отрядом Красноярского педагогического университета. Были выполнены топографическая съемка местонахождения, фотофиксация и копирование рисунков. Выявлены как ранее известные, так и новые изображения (животные, антропоморфные фигуры с масками-личинами, личина). Проведена корреляция информации Д.Г. Мессершмидта с современными результатами исследований. В настоящее время изображения на Писаном Камне датируются в широких хронологических рамках: от эпохи ранней бронзы до позднего железного века (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Наскальные рисунки свидетельствуют о различных сторонах духовной и материальной культуры древнего населения региона. Дальнейшее изучение петроглифов нижней Ангары позволит выявить семантику многих изображений и определить их культурно-хронологическую принадлежность, решить сложные проблемы расо- и этногенеза современных народов Сибири.

Ключевые слова: Мессершмидт, петроглифы, Ангара, всадники, железный век.

A.L. Zaika

Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Lebedevoi 89, Krasnoyarsk, 660049, Russia
E-mail: zaika_al@mail.ru

The Pisany Kamen Rock Art Site on the Angara (Marking the Tercentenary of Its Discovery by D.G. Messerschmidt)

The petroglyphs at Pisany Kamen on the right bank of the Angara, near Klimino, Kezhemsky District, Krasnoyarsk Territory, first described by D.G. Messerschmidt in 1725, have been examined by many specialists. Most previous studies, however, were superficial, and the information they provided was unreliable and contradictory. To specify the site's location and to study the petroglyphs in more detail, using more advanced methods, the archaeological team from the Krasnoyarsk Pedagogical University visited Pisany Kamen in 1999–2000. A topographic survey was carried out, and the petroglyphs were photographed and copied. Both previously known and new petroglyphs were recorded, showing animals, anthropomorphic figures in masks, and a separate mask. Results were compared with those recorded by Messerschmidt. The estimated dates of the site fall within a broad interval from the Early Bronze Age to the Late Iron Age (2nd millennium BC to 1st millennium AD). The petroglyphs are relevant to various aspects of the ideology and material culture of the ancient populations. Their further study will hopefully disclose the semantics of many images and assess their cultural and chronological attribution, relevant to the history of several modern groups of Siberia.

Keywords: Messerschmidt, petroglyphs, Angara, horsemen, Iron Age.

Введение

Петроглифы Ангары отличаются своим многообразием: рисунки на скальных утесах, береговых валунах и упавших каменных блоках, отдельных плитках и минискульптурах. Уникально самое северное в Азии каменное антропоморфное изваяние. Разнообразна и техника исполнения изображений: выбивка, гравировка, шлифовка, прорисовка жидкими и сухими пигментами различных цветов. Известны случаи комбинирования разных техник, когда выбитый контур шлифовывался, а затем прокрашивался. Примечательно, что, несмотря на насыщенность региона памятниками наскального искусства, только один ок. 300 лет назад привлек внимание Д.Г. Мессершмидта, стал стартовой площадкой для последующих исследователей петроглифов Ангары. Это были рисунки на скале Писаный Камень у д. Климово. Д.Г. Мессершмидт (1675–1735), завершая свое многолетнее путешествие с научными целями по Сибири, летом 1725 г. отправился на лодке из Иркутска по Ангаре в Енисейск. Во время пути он в большей степени занимался пополнением естественно-научных коллекций, но вместе с тем не забывал о «древностях» и 8 июля 1725 г. решил остановиться около Писаного Камня, «чтобы осмотреть нарисованные на скале древние фигуры» [Путевой журнал..., 2021, с. 378]. Д.Г. Мессершмидт сделал зарисовку петроглифов, их описание, определил географические координаты Писаного Камня [Заика, 2022]. Судя по этим зарисовкам, им были зафиксированы изображения двух всадников (рис. 1), нанесенные на скальную поверхность, как следует из описания, охрой красного цвета. После Д.Г. Мессершмидта у писаницы побывал

Рис. 1. Зарисовки изображений на Писаном Камне, выполненные в 1725 г. Д.Г. Мессершмидтом [Путевой журнал..., 2021, с. 378].

И.Г. Гмелин, который, кроме изображений тех же, видимо, «двух всадников на лошадях, грубо намалеванных красной краской» [Окладников, 1966, с. 7], ничего нового не обнаружил [Заика, 2022, с. 30]. Позже эта же писаница была отмечена Г.Ф. Миллером. Он в 1738 г. был проездом и, в отличие от предыдущих путешественников, заметил только одно изображение всадника [Миллер, 1999, с. 528–529].

Последующие исследования ангарских петроглифов прослеживаются спустя почти 150 лет. В 1882 г. при поддержке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Н.И. Витковский совершил археологическую разведку по Ангаре практически от ее истоков до устья. Во время работ на Писаном Камне он описал ранее неизвестные изображения лошади и оленя, выполненные красной охрой [Витковский, 1889, с. 11]. Примечательно, что впоследствии на протяжении более чем 100 лет рисунки Писаного Камня не привлекали внимание исследователей. Можно только отметить сообщение геолога В.С. Карпышева, сделанное в конце 1950-х гг. [Заика, 2022, с. 30]. Он во время геологических работ на скале зафиксировал на ее поверхности изображение лося и дал его краткое описание [Окладников, 1966, с. 104].

Судя по информации исследователей, утес с рисунками находится «в 13 верстах ниже устья р. Чадобца и в 17 верстах выше устья р. Муры» [Миллер, 1999, с. 528], «между деревнями Климовой и Гольявино» [Витковский, 1889, с. 11], «между Мурским порогом и устьем р. Ковы» [Окладников, 1966, с. 104]. На этом участке Ангары известен только один береговой утес под названием Писаный Камень на правом берегу реки, расположенный между руч. Обродным и р. Огалевой в окрестностях пос. Хребтового, в 7 км ниже по течению от д. Климино [Карта..., 1984, л. 2], что не противоречит сообщениям Д.Г. Мессершмидта: «...на правом берегу Тунгуски (р. Ангара), около 2–2/3 старых верст вниз по реке от д. Климовой» [Путевой журнал..., 2021, с. 378]. На протяжении почти 200 лет все исследования наскального искусства в регионе ограничивались только одним объектом. По всей видимости, это связано, с одной стороны, с его географическим названием (Писаный Камень), с другой – с отсутствием тематических исследований петроглифов в тот период. С целью уточнения месторасположения писаницы, внесения ясности в неоднозначную информацию о рисунках (всадники, лошадь и олень, лось) в 1999–2000 гг. отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева были проведены археологические исследования памятника [Макулов и др., 1999; Заика, 2000]. В задачи входило более детальное, квалифицированное изучение петроглифов и определение современного состояния объекта. Во время работ были

определены границы памятника, проведены топографическая съемка местонахождения, фотофиксация и копирование изображений, их описание.

Характеристика памятника

Скала Писаный Камень расположена на правом берегу р. Ангары ниже по течению от д. Климино Кежемского р-на и в 700 м к северо-востоку от пос. Хребтового Богучанского р-на Красноярского края (рис. 2). Это береговой утес, сложенный беловато-серыми известняками. Он имеет отвесные стены и несколько уплощенную вершину, частично покрытую таежной растительностью. Рисунки фиксируются на протяжении 50 м вдоль русла реки, расположены на четырех отвесных гранях скалы (рис. 3, 4), выполнены красной охрой и пигментом черного цвета. Представлены изображения животных, всадников, антропоморфных персонажей в виде личин и фигур с масками-личинами. Присутствуют также трудноопределимые образы и их фрагменты.

Плоскость 1 ($0,6 \times 0,6$ м) расположена на высоте 7 м от уреза воды на северной окраине писаницы, обращена на юго-восток (аз. 70°). Выявлена статичная контурная фигура оленя, показанного в условно-реалистичной манере (рис. 5, 1). Туловище у него имеет вид перевернутой равнобедренной трапеции, пересеченной в передней части вертикальной линией; небольшим выступом передан горб. Шея практически не выделена, реалистично показанная голова опущена вниз, венчает ее вертикальный стержень ро-

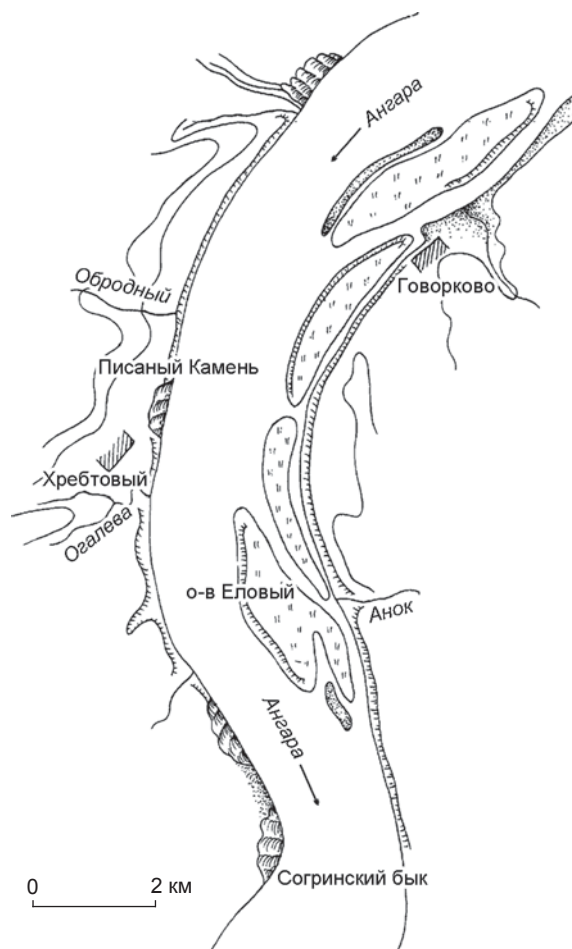

Рис. 2. Ситуационный план расположения Писаного Камня.

Рис. 3. Общий вид с юга берегового утеса с рисунками.

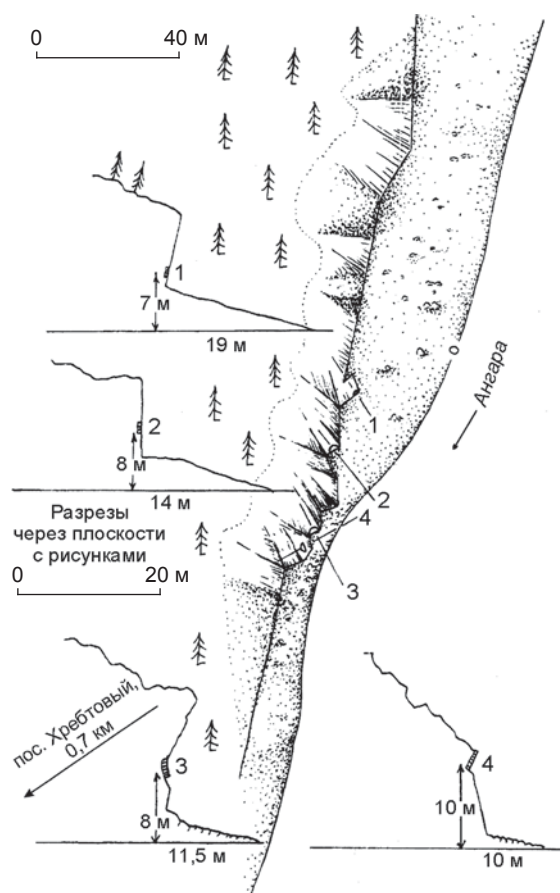

Рис. 4. Топографический план писаницы.

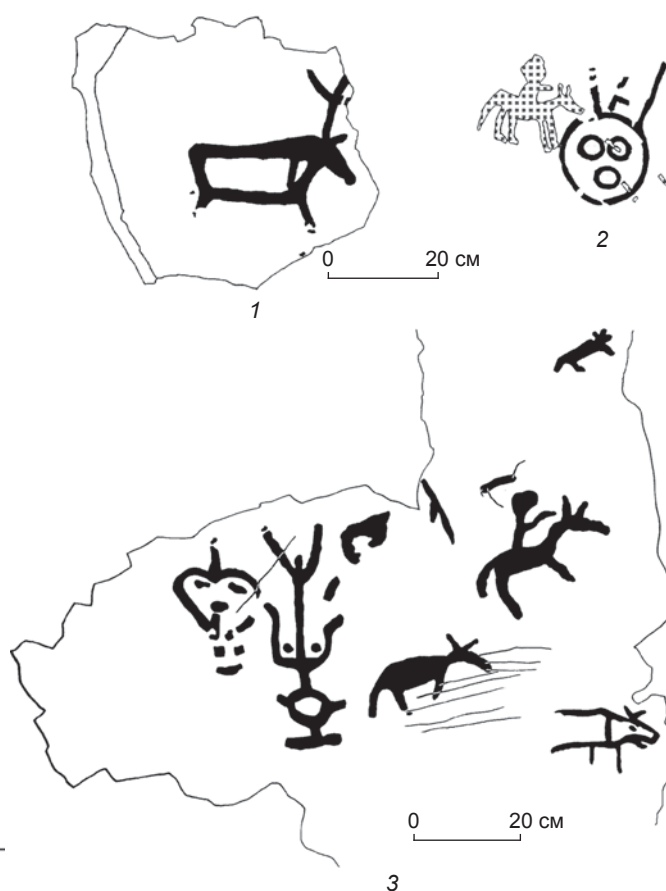

Рис. 5. Копии рисунков плоскости 1 (1), 2 (2) и 3 (3).

гов с двумя боковыми отростками и короткая линия ушей. Широко расставленные в стороны прямые конечности обозначены одинарными короткими линиями. Ориентирована фигура в правую сторону. Цвет охры малиновый.

Плоскость 2 ($0,6 \times 0,7$ м) расположена в 17 м к югу от первой на высоте 8 м от уреза воды. Она вертикальная, обращена на юго-восток (аз. 55°). В центре охрой светло-красного цвета нанесен силуэт всадника (рис. 5, 2). У него прямое широкое короткое туловище, одна рука вытянута вперед, к голове лошади, другая, как и ноги, не обозначена. Гипертрофированных размеров голова всадника представлена в виде округлого с приостренным верхом пятна. У фигуры лошади туловище имеет посередине спинной прогиб и немного отвисший живот, шея прямая, поднятая вверх и вытянутая вперед, передние и задние «валенкообразные» конечности прямые, немного вынесены вперед, широкий угловатый хвост поднят вверх. Голова показана довольно реалистично, выделена развилка длинных ушей. Изображение всадника частично («ступня» передней ноги и голова лошади) наложено на округлый контур личины, расположенной правее. Нанесена она на скалу черным сажистым красителем. Глаза и рот

личины показаны тремя окружностями. Венчают ее две прямые «антенны». Между ними нанесена угловатая линия и косые мазки охры, которой, видимо, выполнена фигура всадника.

Плоскость 3 высотой 1,2, шириной 1,3 м расположена в 20 м к югу от второй, на той же высоте. Она вертикальная, с вогнутой поверхностью, обращена на юго-восток (аз. 60°). Рисунки выполнены красной охрой, цвет которой варьирует в широком спектре: от алого до темно-бордового (рис. 6), что свидетельствует об их исполнении в разное время.

По центру плоскости на участке сравнительно свежего отслоения верхней корочки скальных пород изображен силуэт всадника, ориентированного в правую сторону. Левее находится крупных размеров антропоморфная фигура с маской-личиной, выполненная в линейном стиле и показанная перевернутой вниз головой (см. рис. 5, 3). Головная часть (личина) имеет вид горизонтального овала с короткими «отростками» по бокам (косички, уши?). Венчает ее Т-образное навершие. Слева от антропоморфа расположена сердцевидная личина. Ниже и левее фигуры всадника находится силуэт копытного животного (лось?). Он в определенной степени стилистически подобен изоб-

Рис. 6. Общий вид с юго-востока на плоскость 3.

ражению лошади, но с более крупным туловищем и короткими шеей и конечностями. Правее фигуры животного выявлено неполное контурное условно-реалистичное изображение лося с вертикальным делением туловища, нанесенное на скалу красной охрой, которая под кальцитовыми напусками темно-бордовые тона меняет на розовые. Выше силуэта всадника, надо полагать, изображен хищник, судя по небольшим размерам фигуры, из семейства куньих. Несколько в стороне, в 0,5 м правее от верхнего края основной композиции выявлен реалистичный силуэт головы лося, обращенной в правую сторону (участок 3а).

Плоскость 4 (2,5 × 3,0 м) находится в 5 м к юго-западу от третьей на высоте 10 м от уреза воды. В отличие от других петроглифов она обращена на северо-восток (аз. 340°). Плоскость сравнительно ровная, но обильно покрыта трещинами. На ее поверхности визуально просматриваются фрагменты зооморфных изображений, возможно копытных животных. По причине труднодоступности скального фриза его невозможно было полностью квалифицированно обследовать без использования специального скалолазного оборудования. Удалось зафиксировать только рисунки в правой нижней части плоскости, где находится в наклонном положении линейное изображение животного. У него соразмерные туловище и конечности, вытянутые вперед шея и голова оформлены одной прямой линией. Показана развилка ушей, хвост не обозначен. Видовые признаки животного по причине схематичности образа определить трудно. Ниже него нанесена косая черта охры.

Памятник находится в аварийном состоянии. Скальные плоскости интенсивно разрушаются как в результате естественных процессов (растрескивание и осыпание пород), так и вследствие активного воздействия со стороны человека (посетительские надписи, выжигание в скальных нишах извести).

Обсуждение результатов

В прилагаемой к своему описанию иллюстрации Д.Г. Мессершмидт показал два схожих между собой изображения всадников, расположенные друг над другом на смежных плоскостях, которые разделены диагональной скальной трещиной (см. рис. 1). Судя по результатам современных исследований, подоб-

ное сочетание фигур всадников на писанице не зафиксировано. Все они присутствуют в композициях в одиночном варианте. Также не выявлено признаков утраты фрагментов данных плоскостей или прилегающих каменных блоков, где могло располагаться другое изображение всадника. По всей видимости, исследователь совместил наиболее яркие рисунки, расположенные в различных местах, т.к. несколько позже Г.Ф. Миллер заметил только одну фигуру всадника на одной из плоскостей [1999, с. 528–529]. Необходимо отметить, что вплоть до начала XX в. была распространена практика «натурных зарисовок». Используя ее, исследователи нередко по своему усмотрению совмещали на графических планах плоскости с рисунками или отдельные изображения [Белокобыльский, 1986, рис. 12–15, 32–36].

Изображения всадников присутствуют только на двух участках писаницы (плоскости 2, 3). Расположены они сравнительно недалеко друг от друга (между ними 20 м) на высоте 8 м от уреза воды. Плоскости экспонированы на юго-восток, что не противоречит рисунку Д.Г. Мессершмидта, как и ориентация всадников (в правую сторону), силуэтная манера их исполнения [Заика, 2022, с. 31]. Так же как на зарисовке, лошади изображены в сравнительно статичной позе, у них обозначен хвост, на высоко поднятой шее — уши; туловище наездников прямое, показана только одна рука, которая вынесена вперед к шее лошади, выделена округлая голова всадников. Как уже отмечалось, отличия современных данных незначительные, наблюдаются только в частности: не показаны ноги седоков, пары конечностей лошади на плоскости 2 оформлены одинарными линиями. Видимо, исследователь не избежал субъективного стремления придать изображениям более натуралистичный вид и добавил «недостающие» детали. В любом случае «необходимо отметить высокий профессионализм Д.Г. Мессершмидта и как ученого, и как художника, верно подме-

тившего основные черты наскальных образов» [Там же]. Об отсутствии единой сюжетной связи данных изображений с находящимися рядом фигурами могут свидетельствовать в одном случае – резкий цветовой контраст рисунков и различный стратиграфический уровень наложения их на скальную поверхность (плоскость 2), в другом (плоскость 3) – разная степень патинизации подстилающей скальной поверхности (изображение всадника нанесено на участке сравнительно свежего поверхностного отслоения камня).

Соседние антропоморфный образ с маской-личиной и личины на плоскостях 2, 3 в большей степени соответствуют изобразительным традициям нижней Ангары эпохи бронзы [Заика, 2012]. Среди них простая личина с округлым контуром черного цвета на плоскости 2 соотносится с ранним бронзовым веком [Заика, 2013, с. 155, табл. 129]. Подобные личины характерны для тас-хазинской изобразительной традиции окуневской культуры эпохи ранней бронзы среднего Енисея. Две прямые «антенны» также свойственны личинам этого типа. Они отмечены у антропоморфной фигуры на плите перекрытия погр. 1 могильника Тас-Хазая [Липский, Вадецкая, 2006, табл. XVI] и на ряде наскальных изображений [Шер, 1980, рис. 63, 116, 9, 10]. Подобные соответствия в стиле и иконографии образов могут являться следствием межкультурных контактов, которые прослеживаются в данный период не только на примере петроглифов, но и по другим археологическим свидетельствам [Заика, 2006а, с. 331].

Антропоморфная фигура, показанная на плоскости 3 вниз головой, видимо, выполнена в более поздний период бронзового века. В свете последних открытий в регионе ее головная часть по элементам иконографии близка бронзовой личине, обнаруженной на стоянке Усть-Ката-2. При разборке слоя 1 в переотложенном состоянии была зафиксирована бронзовая пластина в виде личины. Она имеет подовальную форму, Т-образное навершие, боковые петельки-ушки и рукоятку-«шею» в основании [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, рис. 415], что соответствует иконографии рассматриваемого персонажа на Писаном Камне. Предварительно находка отнесена к гунно-сарматской эпохе [Амзараков, 2013, с. 205], хотя А.П. Окладников не исключал датировку подобных литых изделий скифским временем, а наскальных изображений – концом бронзового века (I тыс. до н.э.) [1978, с. 163, 183; 2003, с. 519–527]. В любом случае необходимо учитывать, что представления о том или ином мифическом образе в духовной культуре появляются гораздо раньше, чем его материализованное воплощение в мелкой пластике прикладного характера. Соответственно, данный персонаж, надо полагать, был выполнен на скале в эпоху развитой или поздней бронзы. Пятна по обеим сторонам туловища на уровне груди маркируют женскую ипостась обра-

за, фаллический отросток – мужскую. Перевернутое положение фигуры может иллюстрировать символическую смерть данного мифического «двуполого» духа-божества.

Что касается соседней сердцевидной личины, то этот образ был популярен в наскальном искусстве региона с эпохи неолита и в большей степени характерен для бронзового века [Заика, 2006б]. Фрагменты узкого подпрямоугольного контура под «подбородком» можно трактовать как условное изображение туловища или шеи-рукоятку маски. В последнем случае данный образ семантически близок рассмотренному выше мифическому персонажу и, соответственно, выполнен примерно в то же время. Неполное контурное изображение лоса в правой нижней части плоскости в большей степени соответствует эпохе развитой бронзы [Ключников, Заика, 2002]. Более реалистичная контурная фигура оленя на плоскости 1 соотносится с ранним бронзовым веком [Там же]. Соответственно, изображения всадников следует отнести к более позднему времени – эпохе железа (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.).

Несмотря на различные цветовые оттенки изображений всадников и расхождения в иконографии образов, данные рисунки относительно синхронны. Они выполнены разными авторами, но в общих изобразительных традициях. У наездников акцентирована гипертрофированных размеров голова, показана только одна рука, вытянутая вперед, не обозначены ноги. Лошади изображены в позе «внезапной остановки», у них прямые конечности, тонкая шея, удлинённая зауженная голова, показаны пара ушей и длинный опущенный хвост. Привлекает внимание сочетание в различных вариациях изображений всадников с более ранними антропоморфными образами в виде личины или масок-личин, что, возможно, в семантическом плане не случайно, и с этим как-то связано наличие у наездников непропорционально больших голов. В любом случае данные факты требуют отдельного исследования.

В целом рассматриваемые сюжеты петроглифов свидетельствуют о существовании определенных форм скотоводства (например, коневодства) в хозяйственной жизни современников автора рисунков. Узнаваемость образа лошади говорит о хорошем знании натуры древним художником, условно-реалистичная манера ее изображения – об устоявшихся художественных традициях. Учитывая ярко выраженную позу «внезапной остановки» животных, характерную для скифо-сибирского звериного стиля, нельзя исключать проникновения в таежные районы Ангары носителей тагарской, таштыкской скотоводческих культур Южной Сибири [Макулов и др., 1999, с. 424]. Вместе с тем у ангарских фигур всадников, в отличие от рисунков южных соседей, не обозначены ноги. По-

добная манера изображения наездников характерна не только для петроглифов Приангарья, но и для многих наскальных рисунков таежной зоны Восточной Сибири, что свидетельствует о своеобразии местных изобразительных традиций.

Проникновение номадов в северные таежные районы не могло быть случайным. Видимо, это было вызвано различными причинами экологического, экономического и социально-политического характера. К настоящему времени на писаницах нижней Ангары выявлен представительный комплекс изображений всадников [Ключников, Заика, 2006]. С железным веком соотносятся поясные профильные фигуры наездников на лошадях, аналогичные персонажам на Писаном Камне. К более позднему периоду относятся изображения седоков во фронтальной проекции. В позднем Средневековье, как правило, доминировали ростовые фигуры наездников, которые стоят на спинах не только лошадей, но и оленей, других зверей, мифических животных. Причем, в отличие от петроглифов Южной Сибири, где к более ранним изображениям животных нередко добавлялась фигура седока, на писаницах Ангары зафиксирована обратная ситуация, когда к более древнему антропоморфу снизу добавлялась фигура ездового животного. Соответственно, образ всадника и связанные с ним представления, проникшие извне и надежно закрепившиеся на рубеже эр в духовной культуре таежного населения нижней Ангары, не потеряли своей актуальности, испытав ряд корректив, в последующие периоды.

Также необходимо отметить, что мощный культурный импульс южных степных скотоводческих сообществ нашел свое отражение не только в сюжетах наскального искусства, но и среди других археологических источников. В материалах жертвенников, погребальных памятников обнаружена серия металлических изделий как южного «импортного» происхождения, изготовленных из бронзы, так и в виде местных железных дубликатов. Большинство из них выполнено в художественных традициях, характерных для скифо-сибирского звериного стиля. Преобладает образ грифона, гораздо реже встречаются изображения оленя, хищника семейства кошачьих, волка, верблюда [Заика, 1999; Ломанов, Заика, 2005; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]. Более того, на уровне слоя эпохи раннего железа – Средневековья в ритуальном углублении на территории культового комплекса Каменка выявлено скопление краниальных остатков и костей конечностей лошади (СОАН-4362: 2 295 ± ± 45 л.н.) [Заика, Оводов, Орлова, 2013]. На соседней писанице Зергулей зафиксированы реалистичные изображения лошадей [Ключников, Заика, 2006]. Все это может свидетельствовать о появлении в регионе в раннем железном веке не только местных вариантов коневодства, но и связанных с почитанием коня куль-

тов, которые получили свое развитие в последующее время вплоть до этнографической современности. Так, например, культ коня существовал у нижнеангарских эвенков еще до прихода русских и, по мнению В.А. Туголукова, был заимствован ими от предшествовавшего енисейскоязычного населения (ассаны и котты) [1985, с. 64]. Примечательно, что, по свидетельству И.А. Чеканинского, в начале XX в. крестьяне «тунгусского происхождения», проживавшие на нижней Ангаре и ее левобережных притоках, по традиции хранили в амбарах и сараях деревянные и железные изображения лошадей, более того, они в недавнем прошлом «шаманили по коню» [1914, с. 71].

Заключение

Рисунки на Писаном Камне являются первым археологическим объектом наскального творчества древнего населения Ангары, ставшим известным науке благодаря исследованиям Д.Г. Мессершмидта. Как показал историографический обзор изучения региона, «это было не только первое открытие наскальных рисунков, но и первый шаг в археологическом изучении Приангарья, сделанный известным ученым почти 300 лет тому назад. И это, несомненно, не прошло бесследно, спровоцировало дальнейшее исследование древнего прошлого Ангары, не потерявшего своей актуальности и в наши дни» [Заика, 2022, с. 31].

В результате последних исследований памятника выявлены как ранее известные, так и новые изображения (животные, антропоморфные фигуры с масками-личинами, личина). В настоящее время рисунки на Писаном Камне датируются в широких пределах: от эпохи ранней бронзы до позднего железного века (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Они свидетельствуют о различных сторонах духовной и материальной культуры древнего населения региона.

Зафиксированные Д.Г. Мессершмидтом изображения всадников соотносятся с ранним железным веком и маркируют взаимодействие южных скотоводов с местным таежным населением в этот период. Проникновение некоторых элементов хозяйственной деятельности степняков (например, коневодство) в таежную среду внесло не только определенные коррективы в материальную культуру ангарцев, но и повлекло изменения в мировоззрении таежных племен. Почитание лошади нашло отражение как в материалах жертвенных комплексов, так и в петроглифах региона, не потеряв своей актуальности до периода этнографической современности.

Дальнейшие исследования петроглифов, других археологических объектов Приангарья позволят решить актуальные вопросы реконструкции различных сторон жизни древних и традиционных сообществ, опреде-

лить характер этнокультурных взаимодействий в широких хронологических рамках, разобраться в различных аспектах этногенеза современных народов Сибири.

Список литературы

Амзараков П.Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС // Науч. обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1 (5). – С. 200–205.

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований (XVII – первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 187 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине реки Ангара // Изв. ВСОИРГО. – 1889. – Т. XX, № 2. – С. 1–31.

Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре (краткий очерк) // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77–85. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. – Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1999. – Ч. 2. – С. 11–16.

Заика А.Л. О датировке петроглифов «Писаного Камня» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 282–286.

Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. – СПб.: Эликсис Принт, 2006а. – С. 330–342.

Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Нижней Ангары // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Наука, 2006б. – С. 172–174.

Заика А.Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 62–75.

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2013. – 178 с.

Заика А.Л. Писаный Камень на Ангаре: К 300-летию открытия наскальных рисунков Д.Г. Мессершмидтом // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта / отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – С. 29–31.

Заика А.Л., Оводов Н.Д., Орлова Л.А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Краснояр. краевед. музей, 2013. – С. 107–129.

Карта реки Ангара: От Богучанской ГЭС до устья. – Красноярск: Енисейское бассейновое управление пути, 1984. – 13 с., 18 л. ил.

Ключников Т.А., Заика А.Л. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 63–65.

Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ всадника в петроглифах Нижней Ангары // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 303–305.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. – СПб.: Эликсис Принт, 2006. – С. 9–52.

Ломанов П.В., Заика А.Л. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. IV. – С. 121–126.

Макулов В.И., Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Заика А.Л. Новые петроглифы Нижнего Приангарья (по итогам работ 1999 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 423–426.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Новые наскальные рисунки на Дубинском-Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 160–192.

Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664 с. – (СО РАН. Избранные труды).

Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта: Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы / пер., сост., коммент. Г.Ф. Быкони, И.Г. Федорова, Я.И. Федорова. – Красноярск: Растр, 2021. – 496 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 283 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Чеканинский И.А. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губернии // Этногр. обозрение. – 1914. – № 3/4. – С. 61–80.

*Материал поступил в редколлегию 03.10.22 г.,
в окончательном варианте – 19.01.23 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.057-065
 УДК 903.531/.59(470.54)"634"

О.Н. Корочкова, И.А. Спиридонов, В.И. Стефанов

Уральский федеральный университет
 ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
 E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru; Z-is5@mail.ru

Погребение эпохи энеолита в горно-лесном Зауралье

В статье представлены результаты изучения неординарного погребения эпохи энеолита на территории многослойного поселения Шайтанское 4-6, расположенного на берегу одноименного озера в Свердловской обл. В грунтовой могиле овальной формы размерами 1,6 × 0,56 × 0,2 м был похоронен индивидум в возрасте 18–35 лет. Приводится детальное описание погребального инвентаря, включающего 60 предметов из камня: 3 необычно крупных ножа, сделанных из тонких плиток характерного кремнистого сланца, ближайшие выходы которого встречаются в Северном Казахстане и на Южном Урале; наконечник дротика, 19 наконечников стрел, 18 кремневых пластинок от вкладышевого орудия, шлифованный топор-тесло, комбинированное орудие на пластине, 2 плитки со следами использования и 15 бусин. Оригинальный состав находок – среди них имеются артефакты из сырья «южного» происхождения, а также данные изотопного анализа позволяют рассматривать исследованный объект как свидетельство высокой мобильности, тесных связей и интеграций населения лесного и степного Зауралья в IV–III тыс. до н.э. Энеолитический памятник, который представляют кроме погребения многочисленные артефакты, обнаруженные в слое – керамика разных культурных типов, каменные изделия, в т.ч. крупная серия наконечников стрел и несколько кремневых фигурок, можно трактовать как сложный объект археологического наследия, на территории которого производились, в частности, разнообразные обрядовые действия, ориентированные на поддержание внутренней консолидации коллективов.

Ключевые слова: Урал, энеолит, погребение, наконечники стрел, ножи, кремневая пластика, изотопы.

O.N. Korochkova, I.A. Spiridonov, and V.I. Stefanov

Ural Federal University,
 Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russia
 E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru; Z-is5@mail.ru

A Chalcolithic Burial in the Mountain-Forest Zone of the Trans-Urals

We describe an unusual burial at a stratified Chalcolithic site Shaitanskoye 4-6 on the coast of the eponymic lake in the Sverdlovsk Region. An individual, aged 18–35 was buried in an oval flat-grave pit, 1.6 m by 0.56 m by 0.2 m in size. We give a detailed description of sixty funerary items, made of stone: three unusually large knives manufactured on thin siliceous shale plates (the nearest outcrops are found in Northern Kazakhstan and Southern Urals); a projectile head, 19 arrowheads, 18 flint bladelets from a side-bladed tool, a polished axe-adze, a composite tool on a blade, two plates with use-wear traces, and 15 beads. Notably, some of the artifacts are made of “southern” rocks. Results of the isotope analysis indicate considerable mobility and close ties between the forest and steppe Trans-Urals in the 4th and 3d millennia BC. The Chalcolithic site, which, apart from the burial, includes habitation deposits with numerous artifacts such as ceramics of various types, lithics including a large series of arrowheads and several flint figurines, can be viewed as a complex archaeological object where, among other activities, rites were performed securing group consolidation.

Keywords: Urals, Chalcolithic, burial, arrowheads, knives, flint figurines, isotopes.

Введение

Одними из ярких свидетельств кардинальных перемен в мировоззрении и образе жизни древнего населения горно-лесного Зауралья являются погребения.

Самые ранние из них относятся к IV–III тыс. до н.э. В настоящее время на данной территории известно немногим более десяти достоверных захоронений, поэтому каждый новый комплекс требует научного изучения.

Рис. 1. Археологический памятник Шайтанское 4-6.

В центре внимания – погребение, обнаруженное при раскопках многослойного поселения Шайтанское 4-6 на северо-восточном берегу одноименного озера на территории Кировградского р-на Свердловской обл. (рис. 1), всего в 8–10 км к ЮВ от знаменитого Шигирского торфяника. Памятник открыт в 1989 г. С.Н. Погореловым, дополнительно обследовался в 1996 и 2003 гг. археологами Нижнетагильской социально-педагогической академии; стационарное изучение началось в 2020 г. под руководством И.А. Спиридонова и О.Н. Корочковой. Первые же раскопки показали, что погребение имеет высокий информативный потенциал. Культурный слой мощностью 0,5–0,8 м насыщен каменными предметами и керамикой (свыше 21 тыс. находок), относящимися к разным археологическим периодам – от неолита до раннего Средневековья. Основу коллекции составляют материалы энеолита и позднего бронзового века (черкаскульская культура). Энеолитический комплекс представлен керамикой шувакишского, липичинского и аятского типов. Особого внимания заслуживает одиночное погребение, находившееся в пределах площадки, которая по составу находок (большое количество отходов камнеобработки в виде первичных сколов, отщепов, чешуек, а также заготовка сырья, фрагментов керамики) в слое соответствует памятнику поселенческого типа. Остатки каких-либо других энеолитических объектов, за исключением нескольких пятен прокалов, не выявлены. Примечательно, что в раскопе площадью всего 128 м² найдены более 170 наконечников стрел, в т.ч. 102 целых, а также 4 кремневые фигурки.

Подобное обилие наконечников не характерно для поселенческих коллекций. Эта особенность и наличие здесь захоронения свидетельствуют о сложном характере памятника, на территории которого происходили погребальные церемонии.

Описание погребения и сопроводительного инвентаря

Погребение было устроено в яме овальной в плане формы, размерами по нижнему контуру 1,6 × 0,56 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, углубленной в материк на 7–8 см (от древней поверхности – предположительно на 25 см) (рис. 2). Обнаруженные в ЮВ части ямы антропологические остатки – фрагменты зубов, находившиеся в анатомическом порядке, – были извлечены монолитом и в дальнейшем расчищены в лабораторных условиях антропологом Е.О. Святовой.

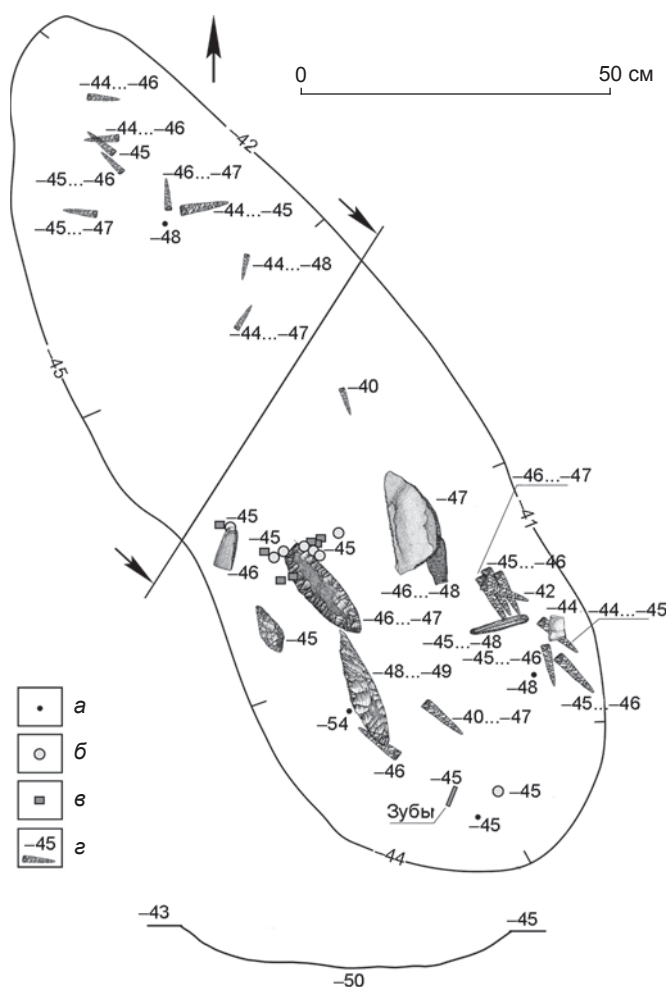

Рис. 2. План и разрез погребения. Поселение Шайтанское 4-6. а – отметка дна могильной ямы; б – бусина; в – вкладыш; з – артефакт, глубина залегания.

Отсутствие следов высокотемпературного воздействия на эмаль зубов, линз прокала, угля и кальцинированных костей позволяет предполагать, что погребение совершено по обряду ингумации. Отметим, что сырая кость, как и другой органический материал, в дерново-подзолистых почвах горно-лесного Зауралья, особенно в сформировавшихся на кислых интрузивных породах (граниты, гранодиориты), очень быстро разлагаются. Судя по местоположению останков и сопроводительного инвентаря, умерший был захоронен, скорее всего, головой на ЮВ. Сведенные челюсти указывают на то, что разложение мягких тканей происходило в ограниченном пространстве. Скорее всего, могила была засыпана грунтом или заложена кусками дерна вскоре после захоронения.

Зубы, как предположила Е.О. Святова, учитывая степень изношенности отдельных элементов их жевательной поверхности, принадлежали взрослому индивиду в возрасте 18–35 лет. Одонтологические расово-диагностические признаки указывают на наличие компонентов западного и восточного расового стволов. Зубная система находится в удовлетворительном состоянии; отсутствие кариозных поражений и линий эмалевой гипоплазии свидетельствует о том, что погребенный в детском возрасте не испытывал длительных физиологических стрессов (голодание/болезнь).

Сопроводительный инвентарь включал 60 каменных изделий: 3 массивных ножа, 19 наконечников стрел, 1 наконечник дротика, 18 вкладышей, 1 тесло, 1 комбинированное орудие, 15 бусин, 2 плитки со следами использования. В заполнении ямы были также два мелких отщепы и две кремневые чешуйки, попавшие туда, вероятно, случайно из разрушенного культурного слоя. Скорее всего, в могиле находились какие-то вещи из органического материала, но они, подобно костям скелета и костяному изделию с пазами для вкладышей, не сохранились.

В центре могилы обнаружены массивные ножи, шлифованный топор-тесло и наконечник дротика (рис. 2), кремневые вкладыши составного орудия (часть пластинок образовывала линию, остальные располагались в беспорядке) и 14 бусин. Еще одна бусина находилась в зоне предполагаемого черепа. Наконечники стрел были рассредоточены по всей яме: два – в центре, десять – в СЗ части, семь – около ЮВ стенки. Рядом с последними зафиксированы полифункциональное орудие на крупной пластине и фрагмент мелкозернистой шлифовальной плитки.

Вещи образуют весьма любопытный и неординарный замкнутый комплекс: одни из них находят многочисленные параллели в каменном инвентаре памятников горно-лесного Зауралья, другие резко выделяются по морфологическим признакам и сырью. Отсутствие в погребении керамики затруд-

няет определение его хронологической и культурной принадлежности. Однако имеются достаточные основания для позиционирования исследованного объекта в рамках энеолита.

В составе погребального инвентаря обращает на себя внимание абсолютно не типичный для региона комплект из трех бифасиальных изделий, выполненных из кремнистых плиток светло-коричневого цвета слоистой структуры. Сырье, по заключению геологов*, явно неместного происхождения, тяготеет к выходам кремнистого сланца на Южном Урале, в Северном и Центральном Казахстане.

Нож № 1 (рис. 3, 10; 4, 3) – орудие пламевидной формы, самое крупное в серии. Размеры: длина 205 мм, ширина в средней части 76,6, толщина 11,7 мм. Одна сторона изделия практически полностью покрыта плоской крупнофасеточной ретушью, сохранились лишь небольшие «пятна» желтой желвачной корки со слабовыраженными продольными бороздками, которые появились в ходе предварительной шлифовки мелкозернистым абразивом. С противоположной стороны орудие обработано иначе: по контуру нанесена краевая приостряющая ретушь, углубление внутри вышлифовано. Окончательная доводка лезвийных кромок выполнена частично.

Нож № 2 (см. рис. 4, 1; 5, 27) – орудие иволистной формы с максимальным расширением в срединной части. Его длина более 170,7 мм (один конец обломан), ширина 57,0; толщина 12,5 мм. На одной стороне поверхность обработана сплошь аккуратной плоской ретушью, на другой – оформлена по краю краевой крупной ретушью, сохранился протяженный участок желвачной корки с едва заметными следами шлифовки.

Нож № 3 (см. рис. 4, 2; 6, 20) – орудие сегментовидной формы. Его длина 160,7 мм, ширина 80,3; толщина 6,5 мм. Одна из плоскостей обработана крупной краевой ретушью, частично сохранена желвачная корка, зашлифованная мелкозернистым абразивом. Лезвие оформлено по дуге крупной двусторонней приостряющей ретушью. Противоположный край орудия оббит и немного притуплен крупной отвесной ретушью.

По мнению Л.Л. Косинской, изучившей описываемые ножи под бинокляром, орудия № 2 и 3 не подвер-

*Благодарим за консультации канд. геол.-мин. наук, старшего научного сотрудника лаборатории петрологии магматических формаций Института геологии и геохимии им. академика А.Н. Заварицкого УрО РАН Е.С. Шагалова, старшего научного сотрудника минералогического музея «Планета» (г. Екатеринбург) В.И. Ермоленко, ведущего геолога отдела региональной геологии и полезных ископаемых севера Сибири Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского А.А. Устинова.

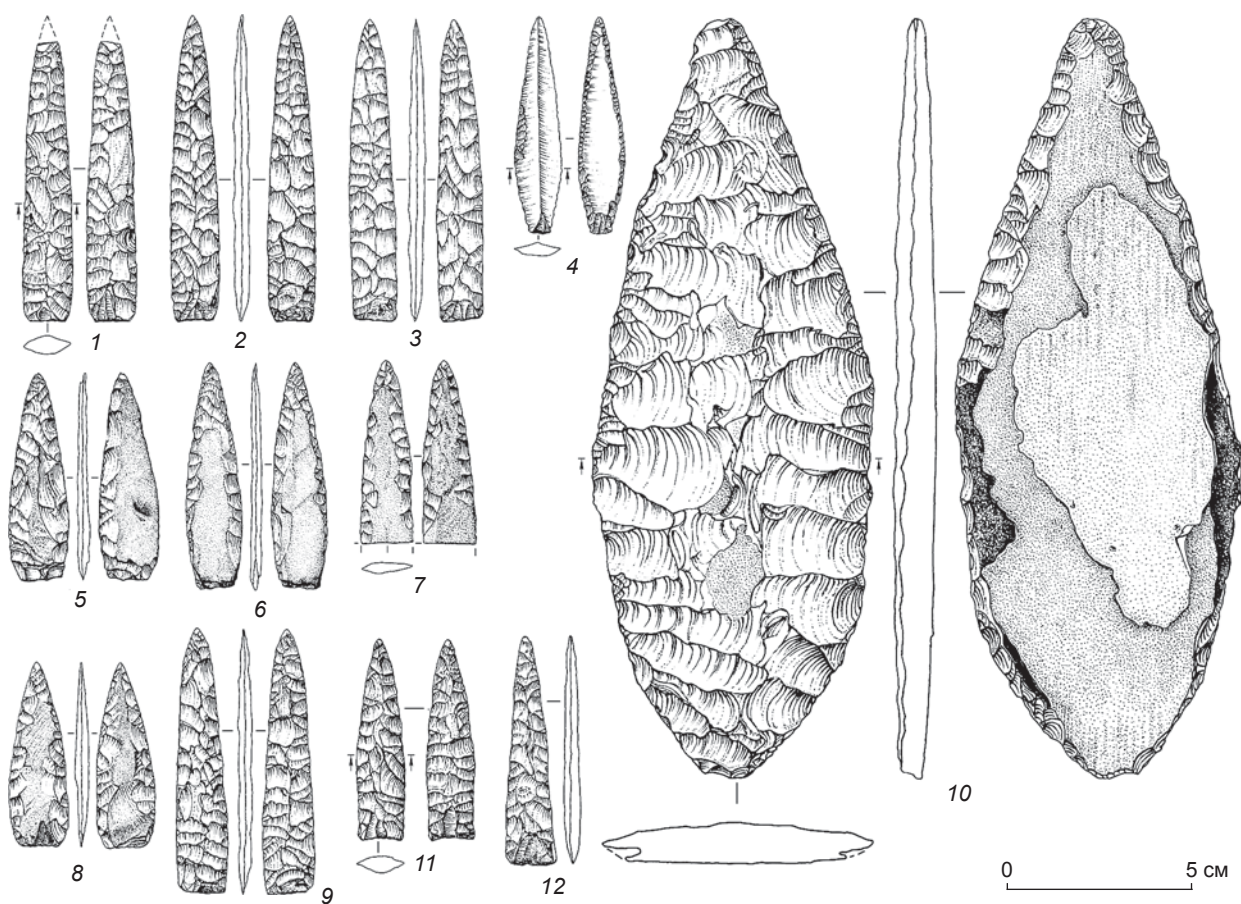

Рис. 3. Каменный инвентарь из погребения. Поселение Шайтанское 4-6.
1-9, 11, 12 – наконечники стрел; 10 – нож.

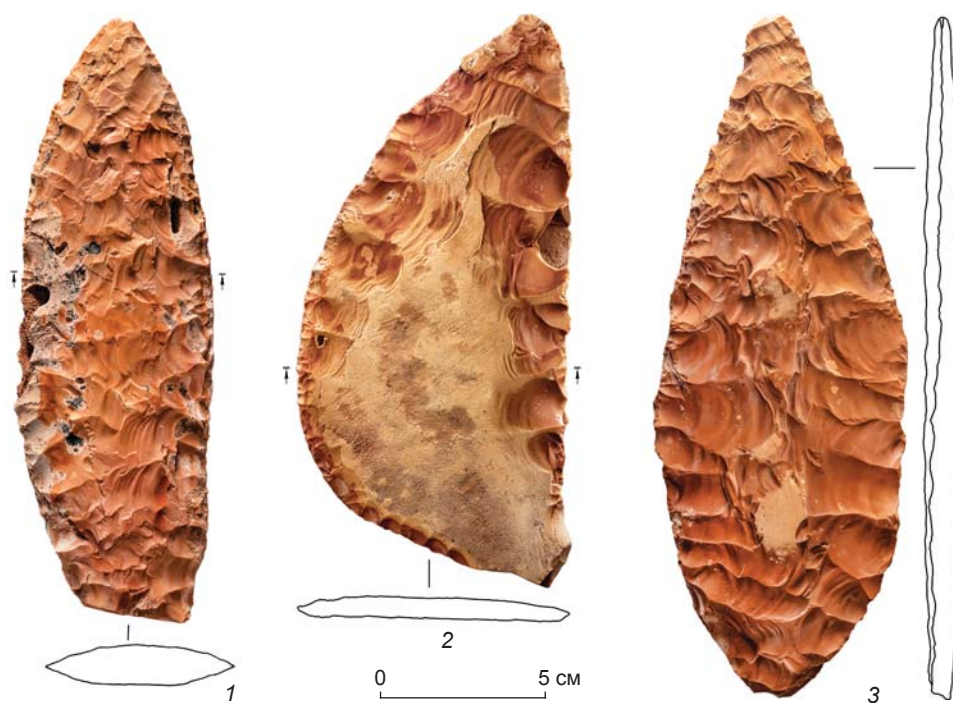

Рис. 4. Каменные ножи из погребения. Поселение Шайтанское 4-6.

Рис. 5. Каменный инвентарь из погребения. Поселение Шайтанское 4-6. 1–17 – вкладыши; 18–25 – наконечники стрел; 26 – наконечник дротика; 27 – нож.

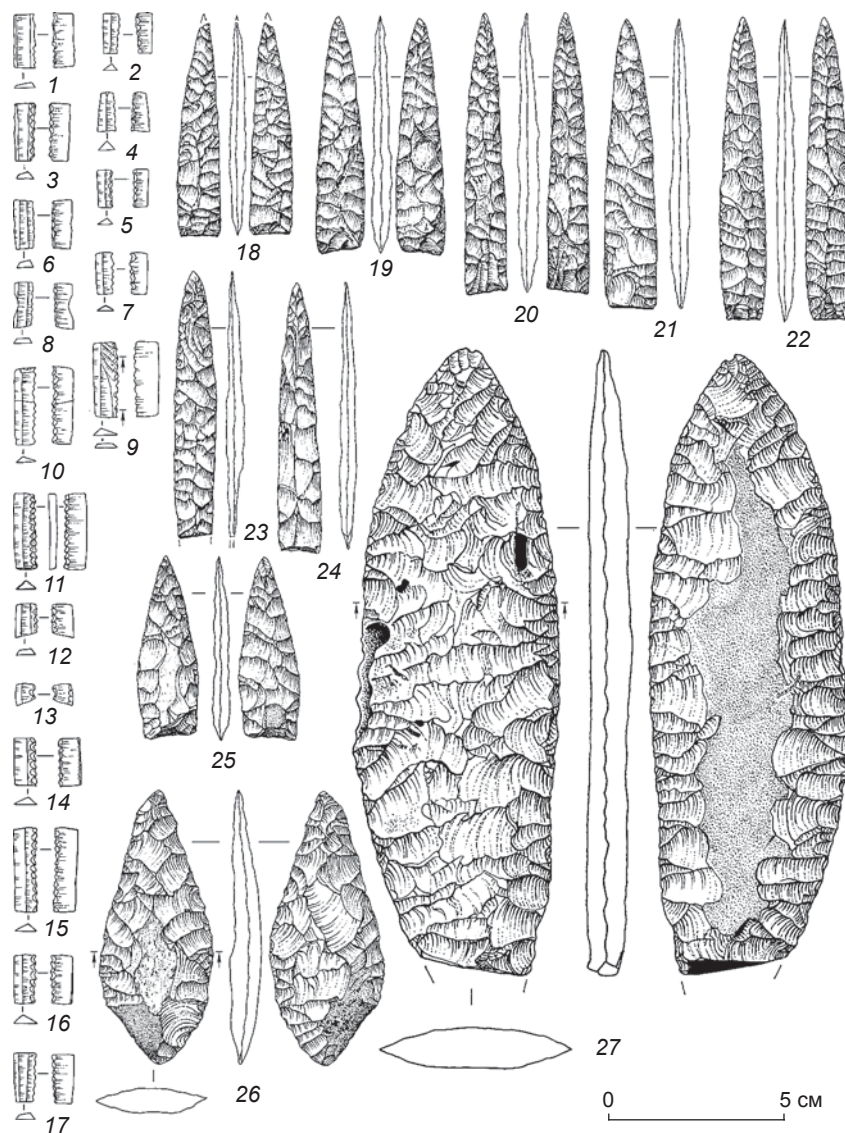
гались длительной эксплуатации. Наличие на лезвийных краях отдельных участков со следами выкрашивания может указывать на кратковременное (разовое?) использование. На ноже № 1 следы эксплуатации не выявлены.

Ближайшие аналоги описанных изделий имеются в материалах ботайской культуры Северного Казахстана [Зайберт, 2011, с. 230, рис. 2]. Казахстанскими коллегами они определены как копья или кинжалы для закалывания животных. Мы отнесли наши находки к категории ножей. Изделия, очень похожие на рассматриваемые в данной работе ножи № 1 и 2, но сделанные из другого сырья и интерпретированные как кинжалы, известны в поздненеолитических и энеолитических комплексах Барнаульско-Бийского Приобья (Усть-Иша, Шипуновское местонахождение) [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. 20, 21; Кирюшин, 2002, рис. 31, 32]. Сегментовидное орудие находит параллели в комплексах хвалынской культуры степного Приуралья [Моргунова, 2011, рис. 64].

Шлифованное тесло (рис. 6, 1) – изделие трапециевидной формы, уплощенно-овальное в поперечном сечении, со слегка скошенной, выпуклой лезвийной кромкой. Грани нечеткие, местами скруглены, обух оббит. Орудие изготовлено из тонкозернистой породы светло-зеленого цвета, близкой к серпентинитам. Его длина 73,5 мм, ширина лезвия 33,0; обух 20 × 15 мм.

Топоры и тесла являются типичными атрибутами каменного инвентаря как памятников местных культур IV–III тыс. до н.э., так и синхронных памятников в лесостепном/степном Зауралье и Казахстане.

Комбинированное орудие на крупной пластине трапециевидного сечения (рис. 6, 21). Его длина 102,5 мм, толщина 5–6, наибольшая ширина 17 мм. Со спинки оформлено краевой ретушью по всему контуру. Изготовлено из темно-серой со светлыми прожилками, тонкозернистой высококремнистой породы. Судя по размерам и наклону ретуши, орудие предназна-

лось для выполнения скребковых операций на различных материалах, а также использовалось в качестве ножа.

Наконечники стрел – 19 экз. (см. рис. 3, 1–9, 11, 12; 5, 18–25), из них незначительно повреждены лишь 3 изделия, остальные – целые. На первый взгляд, большая часть вещей сделана одним мастером. Наиболее многочисленны (14 экз.) наконечники из углистого кремнистого сланца, иволистной формы, с прямым или чуть скошенным основанием, удлиненной формы (54,3–85,3 мм при ширине 11,8–15,0 и толщине 3,7–6,0 мм), тщательно обработанные сплошной двусторонней ретушью (напр., см. рис. 3, 1–3). Еще четыре изделия (см. рис. 3, 5–8), выполненные на тонких (3–4 мм) сланцевых плитках, длиной 50–61 мм и шириной от 14,5 до 17,0 мм, имеют слегка зауженное прямое основание и обработаны с обеих сторон краевой ретушью.

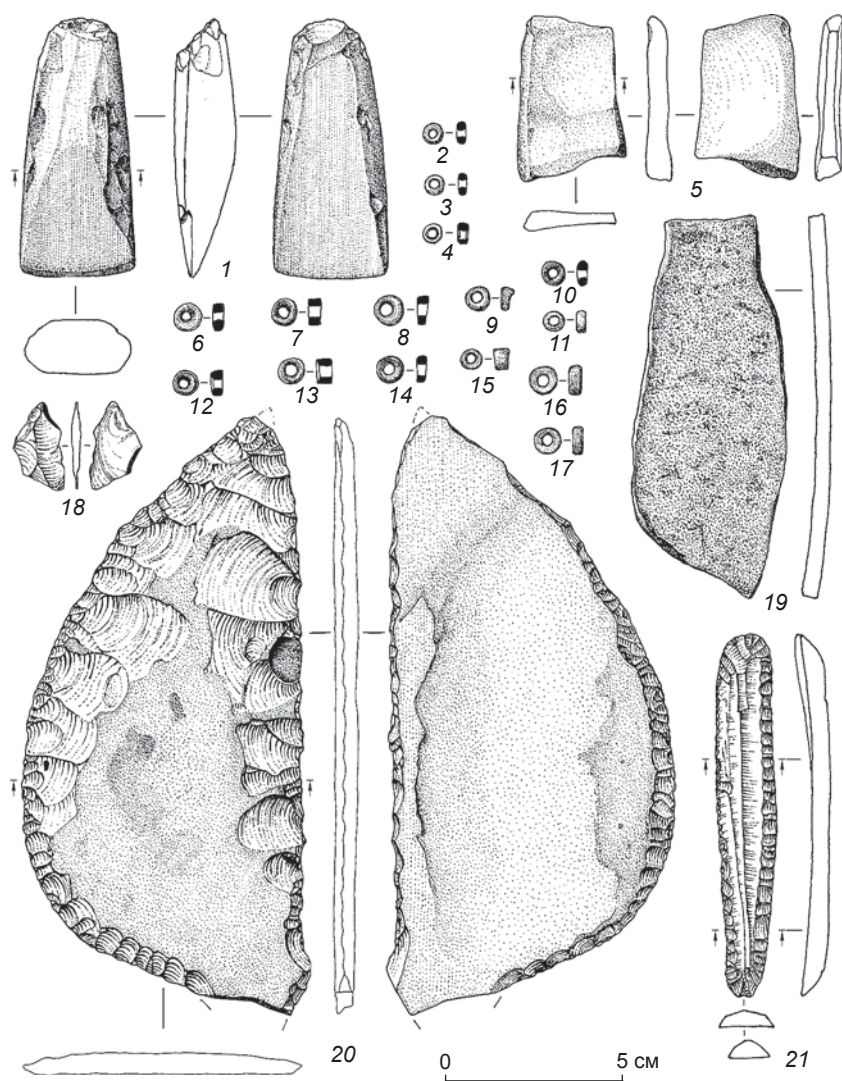

Рис. 6. Каменный инвентарь из погребения. Поселение Шайтанское 4-6. 1 – тесло; 2–4, 6–17 – бусины; 5, 19 – плитки; 18 – отщеп (из культурного слоя); 20 – нож; 21 – орудие на пластине.

но с обеих сторон крупной плоской ретушью; подтреугольный насад частично подтесан, на одной из его широких плоскостей сохранились небольшие участки желвачной корки. Материал – углистый кремнистый сланец. Вполне типичная находка для энеолитических комплексов Зауралья.

Вкладыши – 18 экз. (см. рис. 5, 1–17). Выполнены из медиальных частей кремневых пластин треугольного или трапециевидного сечения, прямого профиля. Их длина от 6–9 до 22–24 мм, ширина 4,5–6,5; толщина 1,5–2,2 мм. Являлись частями какого-то составного орудия. Три пары пластинок подбираются друг к другу, общая длина составленных в одну линию вкладышей превышает 25 см. Изделия аккуратно ретушированы по одной боковой грани с обеих сторон или только с брюшка, ретушь тонкая краевая. О том, как могло выглядеть составное орудие, и о его назначении можно только догадываться.

В собрании выделяется наконечник, изготовленный из подтреугольной в сечении пластине светло-серого кремня, ланцетовидной формы, размерами $58,5 \times 12,7 \times 4$ мм, с брюшка обработанный краевой и непрерывной мелкой ретушью (см. рис. 3, 4). Со стороны спинки у него частично подработаны насад и небольшой участок на одной грани. Данный экземпляр, находившийся в СЗ части могилы в окружении девяти других наконечников, может относиться к колчанному набору.

Наконечники стрел из изучаемого погребения составляют комплект, интересный своей «стандартизованностью», но отнюдь не самый многочисленный и оригинальный. Аналогичные находки известны в каменном инвентаре многих памятников периода энеолита Среднего и Южного Урала и сопредельных регионов. Подобные наконечники обнаружены в культурном слое памятника Шайтанское 4-6 (рис. 7, 2, 6).

Наконечник дротика (см. рис. 5, 26) – изделие листовидной формы, целое, длиной 77,5 мм, шириной в средней части 32,2; толщиной до 9 мм, обработан-

Плитки со следами использования. Изделие № 1 представляет собой тонкую плитку мелкозернистого сланца серого цвета с темно-зелеными вкраплениями (см. рис. 6, 19). Следы работы слабо прослеживаются только на одной узкой боковой грани. Длина предмета 107,7 мм, ширина 43,0; толщина 4,7 мм. Изделие № 2 – кварц-силицитовая сланцевая плитка оранжевого цвета с бурыми прожилками (см. рис. 6, 5). Боковые грани обломаны. На обеих плоских сторонах заметны следы продольных и круговых движений. Изделие использовалось, вероятно, для тонкой шлифовки поверхности каких-то предметов. Его длина 47 мм, ширина 31, толщина 2,6–8,0 мм. Подобные артефакты типичны для инвентаря энеолитических памятников Среднего Зауралья, в т.ч. погребальных [Чаиркина, 2011, рис. 20].

Бусины – 15 экз. (см. рис. 6, 2–4, 6–17). Изготовлены в виде коротких (2,5–4,9 мм) цилиндров диаметром 6,0–8,5 мм с отверстиями диаметром 2,7–3,6 мм, выполненными двусторонним сверлением. Материал – хлорит, широко распространенный на Урале ми-

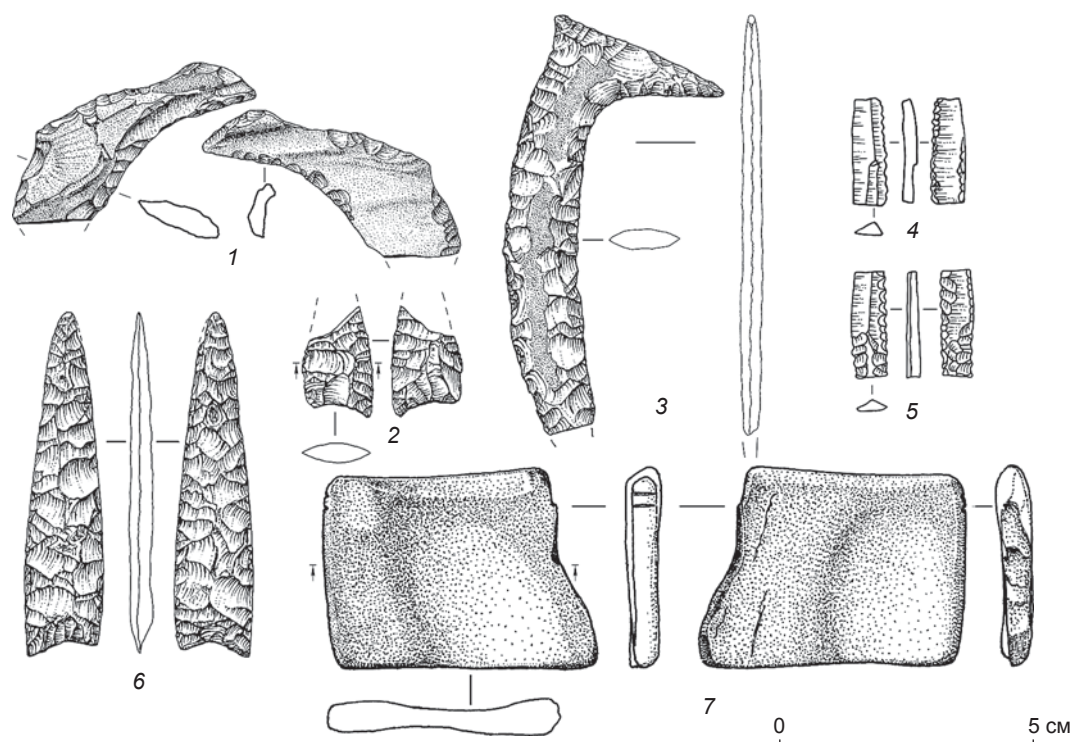

Рис. 7. Каменный инвентарь из культурного слоя поселения Шайтанское 4-6.

нерал. Каменные бусы/бусины очень редко встречаются в погребениях, тем более в культурных слоях энеолитических стоянок и поселений. Подобные украшения изготавливали, как правило, из кости и раковин, но в рассматриваемом погребении они, если и были, то из-за особенностей почвы не сохранились.

Интерпретация материалов

Как отмечено выше, мы склонны рассматривать исследованное погребение в контексте зауральских древностей эпохи энеолита. При отсутствии абсолютных дат (результаты радиоуглеродного датирования образцов пока не получены), убедительных стратиграфических наблюдений, керамики и каменных предметов, обладающих диагностирующими признаками, и, наконец, детального представления о комплексе разнотипных и разновременных памятников, приуроченных к одному участку побережья (Шайтанское 4-6 занимает площадь ок. 11 200 м², из них вскрыто всего 128 м²), наше мнение основывается на аналогиях и косвенных данных.

О безусловной связи погребального объекта с одним из периодов заселения данного места свидетельствуют залегающие в культурном слое каменные изделия, которые мало чем отличаются от предметов, находившихся в захоронении. Среди них отметим серию наконечников стрел из углисто-кремнистого слан-

ца (целые (21 экз.) и сломанные (7 экз.)) (см. рис. 7, 2, 6)), ретушированные кремневые вкладыши (7 экз.) (см. рис. 7, 4, 5), шлифованные рубящие орудия, сланцевые шлифовальные плитки, в т.ч. со следами круговых движений (см. рис. 7, 7). Особый интерес вызывают неординарные находки – кремневые фигурки: три практически целые, еще одна представлена обломком (см. рис. 7, 1, 3). Обнаруженные на разных участках раскопа, они не имеют соответствий в погребальном инвентаре; примечательно в них другое – сырье. Две скульптурки выполнены на тонких плитках светло-коричневого кремнистого прослоя, покрытых желвачной коркой коричнево-белесого цвета (см. рис. 7, 3). Это тот же «неместный» материал, из которого изготовлены положенные в могилу массивные ножи [Корочкова, Спиридонов, 2021, с. 197].

Важно отметить, что других изделий из этого сырья в составе каменного инвентаря (более 12 тыс. экз.), даже среди обломков, отщепов, чешуек, нет. Возможность синхронизации крупноразмерных ножей и каменных фигурных изделий, к сожалению, немного дает для определения хронологической позиции погребения, поскольку, во-первых, уральские скульптуры датируются в широком интервале – от мезолита до бронзового века, хотя их основная масса относится к эпохе энеолита [Сериков, 2011, с. 158–160]; во-вторых, на поселении Шайтанское 4-6 не установлена достоверная связь кремневых фигурок с каким-либо из выделенных по керамике культурно-хронологи-

ческих комплексов. Речь может идти только о двух из них – неолитическом или энеолитическом, иные варианты (эпоха бронзы, ранний железный век, раннее Средневековье) обсуждению не подлежат.

В могиле не было керамики, но отсутствие в сопроводительном инвентаре сосудов – одна из особенностей погребальной практики населения Среднего Зауралья эпохи энеолита [Шорин, 1999, с. 45; Чаиркина, 2011, с. 95, 119]. О такой специфике в эпоху неолита ничего не известно, т.к. погребальные объекты этого времени в данном регионе не выявлены. Для соотнесения захоронения на поселении Шайтанское 4-6 с определенным культурно-хронологическим горизонтом могли бы иметь значение, пусть и не решающее, отдельные фрагменты керамики, попавшие в могилу из разрушенного слоя, но их тоже не было.

Обломки сосудов различных неолитических типов составляют в коллекции очень небольшую группу – ок. 2 %. В энеолитическом собрании абсолютно доминирует керамика аятской культуры (более 51 % от общего количества), представительность других выборок оценивается как малая (шувакишский тип) и ничтожно малая (липчинский тип). Фрагменты неолитической керамики относительно равномерно рассредоточены по вскрытой площади и не образуют заметных локальных скоплений. С учетом того, что по данным о количестве и планиграфии разнотипной керамики в раскопе невозможно установить точное время и конкретную принадлежность исследованного объекта, по нашему мнению, целесообразно ограничиться его эпохальной атрибуцией.

Индивидуальные захоронения в неглубоких ямах, размещенные на территории поселений, характерны для погребальной обрядности энеолитического населения не только горно-лесного Зауралья [Шорин, 1999, с. 41–56; Чаиркина, 2011, с. 95–103], но и многих других регионов. Погребения эпохи энеолита с богатым и разнообразным инвентарем на Урале редки, но не настолько, чтобы говорить об их исключительности. Например, на расположенном недалеко от Шайтанского озера памятнике Скворцовская Гора V в погр. 1 обнаружены ок. 400 целых и сломанных изделий из камня и кости [Чаиркина, 2011, с. 52–93]. Отсутствие в могилах сосудов – особенность зауральского энеолита. Трасологи, осматривавшие находки из шайтанского погребения и образцы кремневой скульптуры из слоя, допускают возможность использования при изготовлении некоторых предметов металлических ретушеров-отжимников [Корочкова, Спиридонов, 2021, с. 197]. Как известно, первые металлические изделия в Зауралье появляются именно в энеолите. Аналоги каменных предметов в материалах ботайской и хвалынской культур поддерживают относительную датировку погребения в рамках энеолита.

Характеризуя погребальную практику энеолитического населения Зауралья и сопредельных территорий, исследователи отмечают среди присущих ей особенностей использование охры и важную роль огня в ритуалах [Шорин, 1999, с. 49; Чаиркина, 2011, с. 95]. В шайтанском погребении проявления этой специфики не зафиксированы. Не было в нем и вполне обычных для энеолитических комплексов каменных каплевидных подвесок, шлифованных наконечников стрел с продольным желобком на пере, наконечников с боковой выемкой или «рыбковидной» формы. Напротив, в указанном погребении находились артефакты, не имеющие прямых соответствий в инвентаре других энеолитических захоронений, – крупные ножи и комплект микропластинок-вкладышей составного оружия. Вообще на Урале вкладышевые костяные изделия – наконечники, кинжалы, ножи – представлены в большом количестве (стоянка Талицкого, Шигирский торфяник, пещера в Камне Дыроватом, Лобвинская пещера и др.), но все они относятся к более ранним эпохам – палеолиту, мезолиту, неолиту.

Приведенные данные, строго говоря, нельзя считать безусловными доказательствами энеолитического возраста шайтанского погребения, но они подводят к оценке данного варианта его эпохальной датировки как более предпочтительного. Не вдаваясь в детали дискуссии о хронологии зауральского энеолита [Шорин, 1999; Чаиркина, 2005, 2011; Епимахов, Мосин, 2015; Чаиркина, Кузьмин, 2018; Шорин, Шорина, 2021], определим его временные границы в интервале IV – первая половина III тыс. до н.э. Вопрос о культурной принадлежности исследованного на Шайтанском озере погребального объекта остается открытым. Здесь важно подчеркнуть позицию рассматриваемого комплекса в рамках энеолита и обширной ассоциации культур Зауралья и Северного Казахстана, объединенных общими знаковыми системами, которые воплощены, в частности, в погребальной обрядности, символике и орнаментике.

Заключение

Одинокое захоронение с богатым сопроводительным инвентарем, совершенное на территории поселения, пополнило скудную базу источников по погребальной обрядности населения Среднего Зауралья эпохи энеолита. В распоряжении специалистов оказался оригинальный комплекс, свидетельствующий о формировании в IV–III тыс. до н.э. новой символической системы. Немногочисленность погребений и их заметная вариативность указывают на процессы становления такой системы. Отсутствие больших некрополей, подобных известным в лесном

и лесостепном Притоболье (Второй Перейминский, на Большом Андреевском озере, Чепкуль-20, Бузан-3, Дуванское XVII, Верхняя Алабуга и др.), можно, вероятно, связывать со спецификой зауральского культурогенеза.

Период позднего атлантика – это время серьезных ландшафтно-климатических перемен, обусловивших заторфовывание озер горно-лесного Зауралья, которое вызвало существенное сокращение пищевых ресурсов и, как следствие, отток групп населения в соседние районы Приуралья и Западно-Сибирской равнины, обострение межгрупповой конкуренции за промысловые территории. В этих условиях разнообразные ритуалы, в т.ч. погребальные, проводившиеся на специальных культовых площадках, в гротах, на пещерных святилищах и поселениях, по-видимому, выполняли важную роль в поддержании внутргрупповой консолидации. Не исключено, что многочисленные наконечники стрел на памятнике Шайтанское 4-6 также представляют символическую сферу деятельности обитавших здесь коллективов.

Наличие в составе погребального инвентаря массивных ножей и кремневых статуэток вызывает вопрос об их происхождении: эти находки являются результатом движения вещей или людей? Ответ подсказывают результаты изотопного анализа, выполненного на базе ЦКП «Геоаналитик» (Институт геологии и геохимии УрО РАН). Изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образцах эмали зубов из погребения (0.710093) заметно отличаются от фоновых отношений биодоступного стронция из окрестностей Шайтанского озера: трава, взятая на участке в непосредственной близости от раскопа, – 0.709053, раковины моллюсков из озера – 0.708562. Эти значения позволяют предполагать, что индивидуум, останки которого обнаружены в рассматриваемом захоронении, по происхождению связан с местностью, отличавшейся по геохимическому фону и/или особенностям геологического строения подстилающих пород от территории, прилегающей к Шайтанскому озеру. Предварительные данные распределения изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в водотоках и водоемах южной части Челябинской и Оренбургской обл., находящихся в диапазоне 0.70985–0.71588 [Епимахов и др., 2021], с известной долей вероятности могут указывать на степное (в рамках Восточно-Уральской структурно-формационной мегазоны) происхождение индивидуума, погребенного на поселении Шайтанское 4-6. Это предположение нуждается в проверке, но нельзя не отметить, что оно вполне согласуется с другими данными о высоких темпах интеграции

и мобильности в пределах обширной общности культур эпохи энеолита Зауралья, Западной Сибири и Северного Казахстана.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00066.

Список литературы

- Епимахов А.В., Анкушев М.Н., Анкушева П.С., Киселева Д.В., Чечушков И.В. Предварительные результаты анализа изотопов стронция в рамках изучения мобильности населения бронзового века Зауралья // Геоархеология и археологическая минералогия. – 2021. – Т. 8. – С. 11–17.
- Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 4 (31). – С. 27–36.
- Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации. – Алматы: Балауса, 2011. – 480 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Новые находки кремневой пластики в горно-лесном Зауралье // КСИА. – 2021. – № 264. – С. 193–200.
- Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2011. – 220 с.
- Сериков Ю.Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 1 (14). – С. 146–161.
- Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.
- Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская Гора V). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 224 с.
- Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Урал. ист. вестн. – 2018. – № 2 (59). – С. 124–134.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 181 с.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А. Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение»: начало эпохи энеолита в Зауралье // РА. – 2021. – № 3. – С. 37–51.

*Материал поступил в редколлегию 04.04.22 г.,
в окончательном варианте – 28.07.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.066-073
УДК 572

А.Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: alexanderkozintsev@yandex.ru

Окуневская культура и дене-кавказская макросемья

В статье рассматривается вопрос о языковой принадлежности окуневцев. Приводятся аргументы в пользу того, что они говорили на каком-то языке дене-кавказской макросемьи, относящемся к енисейской ветви. Об этом косвенно свидетельствуют генетические и культурные связи их предков с аборигенами Нового Света, параллели окуневскому искусству в древнем Китае и на северо-западном побережье Северной Америки, а также петроглифы окуневского типа в Северном Кашмире, где сохранился лингвистический изолят в виде бурушаски – языка, родственного енисейским. Будучи реликтовой группой, оставшейся там, откуда дене-кавказские племена мигрировали в разных направлениях, окуневы могли быть не только предками енисейцев (на эту роль, впрочем, могут претендовать и карасукцы, родство которых с окуневцами предстоит уточнить), но и боковыми родственниками на-дене, сино-тибетцев и других носителей дене-кавказских языков. Альтернативные предположения – о принадлежности языка окуневцев к евразийской макросемье, в частности к самодийской ветви уральской семьи, – по ряду причин менее правдоподобны. Совсем маловероятной кажется индоиранская его принадлежность, являющаяся почти неизбежным следствием гипотезы о решающей роли ямно-катакомбного населения в этногенезе окуневцев. Между тем такое предположение вполне правдоподобно по отношению к чаахольцам Тувы ввиду их чрезвычайно близких краниологических параллелей среди ямных и катакомбных групп, а также скифов восточно-европейских степей. У собственно окуневцев такие параллели не обнаружены.

Ключевые слова: Южная Сибирь, бронзовый век, окуневская культура, дене-кавказские языки, енисейские языки, бурушаски.

A.G. Kozintsev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: alexanderkozintsev@yandex.ru

Okunev Culture and the Dene-Caucasian Macrofamily

The article discusses the linguistic affiliation of the Okunev people. Arguments are cited favoring the idea that they spoke a Dene-Caucasian language belonging to the Yeniseian branch. This is indirectly evidenced by genetic and cultural ties between Okunev ancestors and Native Americans, by parallels to Okunev art in prehistoric China and on the northwestern coast of North America, and by Okunev type petroglyphs in northern Kashmir; where, in addition, a linguistic isolate is preserved—Burushaski, a language related to Yeniseian. Being a relict population, which remained in the place from where the Dene-Caucasian speaking tribes had migrated in various directions, Okunevans may have been ancestors of Yeniseians (another contender is the Karasuk population, whose ties with Okunevans remain to be established), as well as collateral relatives of Na-Dene, Sino-Tibetans, and other Dene-Caucasians. Alternative proposals, such as a Uralic, specifically Samoyed affiliation of the Okunev language, are less probable for several reasons. The idea that this language was Indo-Iranian, which almost necessarily follows from the hypothesis that the key role in Okunev origins was played by Yamnaya-Catacomb tribes, is quite unlikely. This idea is much more plausible with regard to Chaa-Khol people of Tuva, who display marked cranial affinities with a number of Yamnaya and Catacomb groups and with Scythians of the Pontic steppes. Okunevans proper show no such affinities.

Keywords: Southern Siberia, Bronze Age, Okunev culture, Dene-Caucasian languages, Yeniseian languages, Burushaski.

Введение

Вопрос о языковой принадлежности носителей доисторических культур часто считают в принципе неразрешимым. Однако сопоставление данных лингвистики, антропологии, популяционной генетики и археологии иногда существенно проясняет картину. Излагаемые в этой статье соображения не являются доказательствами; напротив, они сами нуждаются в доказательствах. Пока что это всего лишь материал для размышления.

Основными макросемьями на территории Северной Евразии являются две – евразийская, выделенная Дж. Гринбергом [Greenberg, 2000, 2002], и дене-кавказская, реконструированная по частям С.А. Старостиным [1984; Starostin S.A., 2005], С.Л. Николаевым [Nikolaev, 1991], Э. Вайдой [Vajda, 2010], Г.С. Старостиным [Starostin G.S., 2012], Дж. Бенгтсоном [Bengtson, 2017] и включающая северокавказскую, енисейскую и сино-тибетскую семьи, а также языки на-дене, баскский и бурушаски.

Что касается ностратической макросемьи в том виде, в котором ее реконструировали В.М. Иллич-Свитыч [1971, с. 45, рис. 1] и А.Б. Долгопольский [2013, с. 13], то, как сейчас установлено, дравидийская и картвельская семьи, если и родственны ее «ядру», представленному индоевропейской, уральской, алтайской, чукотско-камчатской и эскимосско-алеутской семьями, а также юкагирским языком (данную группировку иногда называют «узконостратической»), то лишь на очень глубоком уровне. Еще дальше от этого «ядра» находится афразийская (семито-хамитская) семья [Starostin G., Zhivlov, Kassian, 2016]. «Узконостратическая семья» в значительной мере совпадает с евразийской, выделенной Дж. Гринбергом.

Задача данной статьи – рассмотреть факты, которые могут приблизить решение вопроса о языковой принадлежности носителей окуневской культуры хотя бы на уровне макросемей, а возможно, и на уровне отдельных ветвей.

Евразийская семья или дене-кавказская?

В последние годы я занимался применением различных методов моделирования к лексикостатистическим материалам из базы данных *The Global Lexicostatistical Database* (<http://starling.rinet.ru/new100/trees.htm>), составленной ведущими представителями московской школы компаративистики – Г.С. Старостиным, А.С. Касьяном и М.А. Живловым*. И использованные модели – генеалогически-

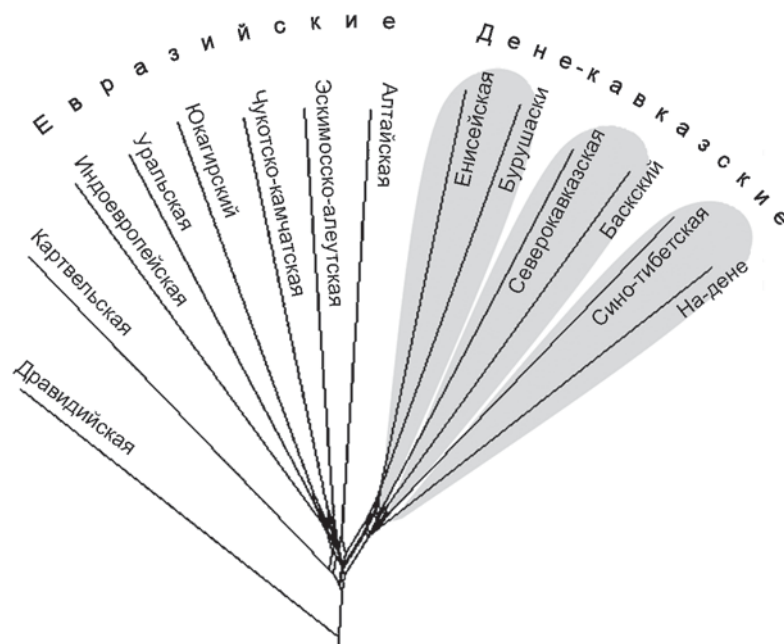
ареальная и ареальная – описаны в моих работах по классификации языков различных семей: индоевропейской [Козинцев, 2018, 2019; Kozintsev, 2018, 2019], евразийской [Козинцев, 2020a; Kozintsev, 2020], афразийской [Козинцев, 2021] и дене-кавказской [Козинцев, 2023; Kozintsev, 2023].

В результате применения генеалогически-ареальной модели с помощью пакета SplitsTree4 Д. Хусона и Д. Брайанта (<https://software-ab.informatik.uni-tuebingen.de/download/splitstree4/welcome.html>) построено сетчатое древо основных языковых семей (см. *рисунок*). В общих чертах оно соответствует глоттохронологическому древу, построенному Г.С. Старостиным (https://starlingdb.org/new100/eurasia_short.jpg). Но, в отличие от обычного родословного древа, сетчатое учитывает не только вертикальные (временные) связи, но и горизонтальные (пространственные). Поэтому ветви внутри кластеров расположены не в произвольном порядке, как на обычных деревьях, а в соответствии с возможными ареальными контактами, которые показаны в виде «коллатералей» у основания ветвей. В качестве корневой выбрана дравидийская семья, наиболее обособленная от прочих. Картвельская же ветвь связана с евразийской макросемьей, конкретно с индоевропейской ее ветвью, посредством ареальных, а возможно, и генетических связей.

Дене-кавказская семья распадается на три пары (см. *рисунок*), выделенные Г.С. Старостиным [Starostin G.S., 2009; Старостин Г.С., 2016, с. 361]. Наиболее четко обособленная пара, центральная по своему географическому положению, включает енисейские языки и бурушаски. Они явно родственны [Toporov, 1971; Starostin S.A., 2005], хотя глоттохронологическая оценка их расхождения – середина VII тыс. до н.э. (неопубликованные данные Г.С. Старостина; см.: [Kassian, 2010, p. 424]). Довольно отчетливо выделяется и западная пара – баскско-северокавказская. Общность же происхождения семей восточной пары – сино-тибетской и на-дене – наиболее проблематична из-за максимальной древности их предполагаемого общего предка и из-за ареальных связей (подробнее см.: [Козинцев, 2023; Kozintsev, 2023]). Географически центральная пара – енисейско-бурушаскская – на графике занимает в пределах дене-кавказской макросемьи крайнее положение по причине ее связи с евразийской макросемьей, в частности с алтайской ветвью (самой изолированной среди евразийских). «Коллатерали», возможно, указывают на ранние контакты между общим предком енисейских языков и бурушаски, с одной стороны, и праалтайским языком – с другой.

Поскольку географические соображения исключают принадлежность языка носителей окуневской культуры к дравидийской или картвельской семье,

*Я сердечно признателен им за предоставление доступа к их неопубликованным данным по 50-словным спискам.

Сетчатое древо языковых семей и изолированных языков, укорененное по дравидийской семье.
«Лепестки» – предположительно монофилетические группировки внутри дене-кавказской макросемьи.

остается выбирать между двумя крупными макросемьями – евразийской и дене-кавказской. Собственно говоря, выбор можно было бы сделать уже на основании антропологических и генетических связей окуневцев с аборигенами Нового Света [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Заселение..., 2015, с. 323–325; Балановский, 2015, с. 312; Allentoft et al., 2015; Zacho, 2016, p. 38; Hollard et al., 2018; Kim et al., 2018] и параллелей окуневскому искусству в Китае и Америке [Заселение..., 2015, с. 469, 489–538]. Правда, то, что окуневская художественная традиция прослеживается в культурах гумугоу и сяохэ Восточного Туркестана эпохи бронзы [Молодин, Комиссаров, Нестеркина, 2019], могло бы внушить мысль о ее связи с тохарами. Но тохары, говорившие на индоевропейском (т.е. евразийском) языке, были людьми несомненно западного происхождения, и именно с ними можно связать западные черты в культуре древних обитателей Синьцзяна. В окуневском искусстве ничего подобного нет.

Неожиданностью стали результаты широкогеномного анализа обитателей бассейна р. Тарим, погребенных на трех могильниках, примерно одновременных окуневским, – Сяохэ (XIX–XVIII вв. до н.э.), Гумугоу (XXII–XX вв. до н.э.) и Бэйфан (XVIII–XVII вв. до н.э.). Проведенное ранее исследование однородительских маркеров свидетельствовало либо о смешанности, как в Сяохэ [Li et al., 2010], либо о чисто западном происхождении, как в Гумугоу [Cui et al., 2009], тогда как краниометрические данные ин-

дивидов из этого могильника указывали на родство с андроновцами бассейна среднего Иртыша и Рудного Алтая [Козинцев, 2009]. Однако детальное изучение выборки, происходящей в основном из Сяохэ, на уровне всего генома продемонстрировало родственные связи с ботайцами, окуневцами и их вероятными предками, представленными ребенком из Мальты [Zhang F. et al., 2021]. Высокое содержание аутосомного компонента ANE (Ancient North Eurasian) свидетельствует об очень глубоких южносибирских корнях этих людей. Несоответствие прежним данным может частично объясняться неоднородностью серий (в частности, хронологической). В то же время индивиды, жившие в более раннюю эпоху (в начале III тыс. до н.э.) в Джунгарии, были генетически родственны афанасьевцам, и они-то, вероятно, и являлись предками тохаров [Ibid.].

Если новые генетические данные действительно более точны, чем прежние, то окуневские черты в культурах гумугоу и сяохэ (см. выше) получают вполне разумное объяснение. Они не только делают понятнее свидетельства экспансии окуневцев на юг, но и дают косвенные указания на их языковую принадлежность. Дело в том, что петроглифические изображения личин с «антеннами» или «рогами» окуневского, т.н. мугур-саргольского типа (по имени эпонимного памятника в Туве) обнаружены в верховьях Инда [Jettmar, 1985; Дэвлет, 1997; Sokolova, 2012]. Хотя такие личины наиболее часты среди петроглифов бассейна верхнего Енисея, их ареал гораз-

до шире (от Армении до низовьев Амура). Будучи, по мнению большинства авторов, связаны с окуневской традицией*, они в массе, видимо, датируются более поздним временем [Дэвлет, 1997]. Так как в Средней Азии подобных изображений нет, а в Восточном Туркестане, как теперь ясно, окуневцы или люди из их круга побывали, было высказано предположение, что окуневская изобразительная традиция распространилась в верховья Инда именно оттуда [Francfort, 1991; Bruneau, Bellezza, 2013]. Новые генетические данные придают этой гипотезе большую убедительность.

Какая из ветвей дене-кавказской семьи?

Нет никаких указаний на то, что тохары и вообще какие-либо индоевропейские или иные евразийские по языковой принадлежности племена достигли Гиндукушко-Гималайского региона до того, как он был заселен индоиранцами в процессе андроновской экспансии. В этой связи приобретает особую значимость родство двух ветвей дене-кавказской макросемьи – енисейской и бурушаски (см. выше). Так как они разошлись за много тысячелетий до возникновения окуневской культуры, имеющей местные корни в Южной Сибири, можно предположить, что языки енисейско-бурушаскской ветви долгое время существовали там, а затем один из них попал в Северный Кашмир в результате миграции.

Как это могло произойти? Наибольшей известностью пользуется высказанная Ж. ван Дримом «карасукская гипотеза», согласно которой «макроенисейский» язык, предковый по отношению к бурушаски, был занесен в Северный Кашмир из степей какой-то группой, родственной карасукцам [Driem, 2001, p. 1201–1206]. Исследователь основывался, в частности, на выводах Н.Л. Членовой, показавшей связь между ареалами карасукской культуры и кетской топонимии [1969]. Кеты действительно пришли с юга, но их южные корни не прослеживаются дальше Алтае-Саян. Вопреки Ж. ван Дриму, ничто не указывает на проникновение карасукской культуры в верховья Инда. Зато некая культура, связанная с потомками окуневцев или их родственников, судя по петроглифам, туда проникла.

В то же время некоторые факты свидетельствуют о приходе предков буришей из бассейна Тарима [Чеснов, 1977] – оттуда же, откуда, возможно, попала в Северный Кашмир и окуневская изобразительная

традиция (см. выше)*. Возможную принадлежность этих изображений языковым предкам буришей уже обсуждал К. Йеттмар [1986, с. 305, 307–308]. Если она подтвердится, это будет означать, что окуневцы говорили на дене-кавказском языке, относящемся к енисейско-бурушаскской ветви, скорее всего, на енисейском. О вероятной принадлежности к енисейской семье языка носителей ботайской культуры на территории Северного Казахстана (IV тыс. до н.э.) писал Вяч.Вс. Иванов [2011], к тому же склоняется и В. Блажек [Blažek, 2017]. Генетическое родство ботайцев с окуневцами [Yu et al., 2020] подкрепляет предположение о том, что язык последних относился к енисейской ветви.

Правда, буриши генетически не родственны ни окуневцам, ни кетам (это еще один пример несовпадения данных, полученных из разных источников, см.: [Козинцев, 2022]). Судя по гаплогруппам Y-хромосомы, они практически не отличаются от своих соседей, говорящих на индоиранских языках [Qamar et al., 2002]**. Таким образом, язык мог быть передан путем заимствования.

Вернемся к генетическим корням окуневцев и енисейцев и обратим особое внимание на уже упоминавшийся компонент ANE. Он был впервые описан у верхнепалеолитического мальчика, жившего на стоянке Мальта ок. 24 тыс. л.н., а затем у мужчины и девочки со стоянки Афонтова Гора II древностью 15–17 тыс. лет [Raghavan et al., 2014; Fu et al., 2016]. Его частота весьма высока у кетов, а также селькупов, чукчей, коряков и американских индейцев. Из древних групп наиболее близки к кетам в этом отношении карасукцы и окуневцы [Flegontov et al., 2016]. От последних, как полагают, кеты и унаследовали данный компонент на своей алтае-саянской прародине [Ibid.]. Из Южной Сибири ANE распространился в двух направлениях – на запад, в Восточную Европу и на Кавказ, а также на восток, в Новый Свет, где у американских аборигенов он весьма част [Ibid.]. На возможную связь между распространением из Сибири на запад компонента ANE и экспансией языков дене-кавказской макросемьи указал А.А. Романчук [2019, с. 166–167, 181; 2020].

*По мнению Я.В. Чеснова [1977], близость енисейских языков к бурушаски обусловлена контактами их носителей в бассейне Тарима. Однако сейчас считается установленным, что эта близость вызвана не контактами, а единством происхождения и возникла гораздо раньше, чем элементы окуневской культуры проникли в Восточный Туркестан.

**Впрочем, то же относится и к дравидоязычным брауи, и к тибетоязычным балти. Лишь хазарейцы отличаются от прочих [Qamar et al., 2002]. Видимо, это свидетельствует о недостаточной чувствительности генетического анализа на уровне гаплогрупп.

*Кажется, единственным, кто в этом сомневался, был Я.А. Шер [1980, с. 229–232], который вообще был склонен считать чуть ли не все окуневское искусство афанасьевским [Шер, 2006], с чем трудно согласиться.

Обсуждение

Все изложенные факты в целом дают основание придавать окуневцам особую роль в этноязыковой истории Евразии. Их язык мог относиться к енисейской семье. Краниологические и генетические данные о «боковом» родстве носителей окуневской культуры с аборигенами Нового Света, а также параллели между искусством окуневцев и тлинкитов заставляют вспомнить гипотезу о лингвистической связи енисейских языков с языками на-дене [Vajda, 2010]. Правда, по данным Г.С. Старостина и коллег, эта связь довольно неотчетлива. Но так или иначе принадлежность языка окуневцев к дене-кавказской макросемье кажется весьма вероятной. Широчайшее распространение параллелей окуневскому художественному стилю на территории Сибири, Дальнего Востока, Китая и Америки [Дэвлет, 1997; Заселение..., 2015, с. 469] подкрепляет это предположение.

Не могли ли окуневцы быть также боковыми родственниками носителей сино-тибетских языков, прародина которых, по последним данным, находилась в VI–V тыс. до н.э. в среднем течении Хуанхэ [Sagart et al., 2019; Zhang M. et al., 2019]? И не могло бы это объяснить намечающуюся связь между енисейско-бурушаскской ветвью дене-кавказской макросемьи и алтайской ветвью евразийской семьи, на что указывает генеалогически-ареальная модель (см. *рисунок*)? Такое предположение вполне вероятно, тем более что исторические судьбы предков носителей этих языков были сходны. Первичные прародины обеих макросемей находились, скорее всего, на территории Южной Сибири или Восточного Казахстана (свидетельства этого в отношении евразийской семьи см.: [Козинцев, 2020а], в отношении дене-кавказской – [Козинцев, 2023; Kozintsev, 2023]). Носители и тех, и других языков, видимо, мигрировали оттуда в Китай по одному и тому же маршруту – через Джунгарию. В конце пути вторичные алтайская и сино-тибетская прародины оказались близки и во времени (VII–IV тыс. до н.э.), и в пространстве (Южная Маньчжурия) [Robbeets, 2017].

Приведенные соображения, казалось бы, несовместимы с временной шкалой, ведь дене-кавказская макросемья, согласно глоттохронологической оценке, распалась в середине XI тыс. до н.э. [Kassian, 2010, р. 323], а потому язык окуневцев, живших во второй половине III – начале II тыс. до н.э., мог принадлежать лишь к одной из дочерних ветвей дене-кавказской макросемьи, скорее всего к енисейской, как и язык карасукцев (см.: [Косарев, 1973])*.

Но, хотя сами окуневцы не могли участвовать ни в заселении Америки, ни в миграциях прасино-тибетцев в Китай (потому

что жили позже) и языковых предков буришей в верховья Инда (потому что енисейская и бурушаскская ветви разошлись задолго до этого), вся совокупность археологических, антропологических и генетических данных заставляет видеть в них уникальную реликтовую группу, на несколько тысячелетий задержавшуюся в местах, откуда ее предки и потомки расселились в разных направлениях.

Можно ли исключить евразийскую (узконостратическую) принадлежность языка, на котором говорили окуневцы? Нет, нельзя. Он мог бы относиться, например, к уральской семье, в частности к ее самодийской ветви [Вадецкая, 1983], или к алтайской (см. выше). Но чем тогда объяснить «американские» связи окуневцев, проявляющиеся и в антропологических, и в генетических, и в археологических данных? Чем объяснить появление языка, родственного енисейскому, и петроглифов, схожих с окуневскими, в одном и том же труднодоступном горном районе, весьма удаленном от Южной Сибири?

Высказывалась и мысль о том, что окуневцы – индоевропейцы, в частности индоиранцы [Пяткин, 1987; Sokolova, 2012]. Такой вывод был бы почти неизбежен, если бы можно было доказать степные восточноевропейские корни окуневской культуры. Однако сделать это не удалось и едва ли удастся. Нельзя ли допустить индоиранскую принадлежность хотя бы гипотетических пришельцев – представителей уйбатского этапа окуневской культуры, погребальный обряд которых имел отдельные ямные и ямно-катакомбные черты [Поляков, 2022, с. 83, 132, 154 и др.]? Но если считать уйбатцев индоиранцами, то кто же тогда чаахольцы – люди, сходные с окуневцами по культуре, но резко отличающиеся от них по физическому типу, сближающему их с некоторыми ямными и катакомбными популяциями на территории Украины, а также скифами [Козинцев, 2007; Козинцев, Селезнева, 2015]? Теснейшая близость чаахольцев со скифами – веский аргумент в пользу индоиранской (возможно, даже иранской) их принадлежности. Окуневцы – по крайней мере, изученные до сих пор, – столь явных антропологических параллелей в Восточной Европе не обнаруживают [Козинцев, 2020б]. Впрочем, ведущееся сейчас А.В. Громовым и его учениками исследование черепов из погребений уйбатского этапа, возможно, позволит скорректировать этот вывод.

А нельзя ли допустить, что уйбаты (по крайней мере, те из них, которые мигрировали в Южную Сибирь из восточноевропейских степей) говорили на одном из дене-кавказских языков? Такое предположение, на первый взгляд, согласуется с позицией Г.С. Старостина [2016, с. 363–365] и А.С. Касьяна [Kassian, 2010, р. 416–417, 428–432], которые полагают, что эти языки распространялись в Центральную Азию с запада – из районов, примыкавших к ближневосточному центру

*Ю. Янхунен полагает, что енисейцами могли быть носители таштыкской культуры [2022].

возникновения производящего хозяйства. Но если прародиной гипотетических мигрантов был Северо-Восточный Кавказ и если они говорили на одном из дене-кавказских языков, то этот язык мог принадлежать только к северокавказской ветви. Между тем никаких следов северокавказских языков в Сибири не обнаружено, тогда как в пользу южносибирской локализации дене-кавказской прародины свидетельствуют не только географические соображения, но и распространение компонента ANE из данного района как на запад (в Европу и на Кавказ)*, так и на восток (в Новый Свет). В реконструированную картину хорошо вписывается и тот факт, что именно у окуневцев, живших неподалеку от предполагаемой дене-кавказской прародины, содержание компонента ANE особенно высоко, как и у их предполагаемых потомков (кетов) и боковых родственников (американских индейцев).

Выводы

1. Вся совокупность имеющихся биологических и археологических данных указывает на исключительный статус окуневцев как аборигенной реликтовой группы.

2. Язык этой группы, скорее всего, принадлежал к енисейской ветви дене-кавказской макросемьи. Евразийская, в частности уральская или индоевропейская, его принадлежность менее вероятна.

3. Даже если окуневская культура складывалась под воздействием миграционного импульса с Северо-Восточного Кавказа, язык предполагаемых пришельцев, независимо от того, принадлежал ли он к индоиранской ветви индоевропейской семьи или к северокавказской ветви дене-кавказской макросемьи, был вытеснен языком местного населения.

Список литературы

Балановский О.П. Генофонд Европы. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. – 354 с.

Вадецкая Э.Б. Поиски «самодийцев» на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: тез. докл. обл. науч. конф. по лингвистике. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1983. – С. 20–23.

*Недавно получены данные, позволяющие предположить реконструировать и пути проникновения прабасского языка в Пиренеи: аутосомный компонент AF, появившийся в Европе из Анатолии вместе с «пакетом неолитизации», возник, как считают генетики, в результате смешения доземледельческого анатолийского населения с мигрантами с востока (с территории Ирана). Миграция же, по их заключению, произошла в XI тыс. до н.э., что совпадает с глоттохронологической оценкой времени распада дене-кавказской макросемьи [Chintalapati, Patterson, Moorjani, 2022].

Долгопольский А.Б. Индоевропейский словарь с ностратическими этимологиями. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. – Т. 1. – 847 с.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 240–250.

Заселение человеком Нового Света: Опыт комплексного исследования / С.А. Васильев, Ю.Е. Березкин, А.Г. Козинцев, И.И. Пейрос, С.Б. Слободин, А.В. Табарев. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 692 с.

Иванов Вяч.Вс. Современное состояние индоевропейской проблемы // Вестн. РАН. – 2011. – Т. 81, № 1. – С. 18–30.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). – М.: Наука, 1971. – Т. 1. – 370 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 524 с.

Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 143–157.

Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 125–136.

Козинцев А.Г. Южный адстрат в праиндоевропейском языке и древнейший этап индоевропейской истории // Этнография. – 2018. – № 1. – С. 143–174.

Козинцев А.Г. Новые лексикостатистические данные о южном адстрате в праиндоевропейском языке // Этнография. – 2019. – № 3. – С. 122–155.

Козинцев А.Г. О прародине носителей евразийских языков // В поисках неслучайной изменчивости: сб. ст. в честь 90-летия Г.Л. Хить / ред. И.Г. Ширококов. – СПб.: Нестор-История, 2020а. – С. 142–170.

Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020б. – Т. 48, № 4. – С. 135–145.

Козинцев А.Г. Азия или Африка? О локализации афразийской прародины // Этногр. обозрение. – 2021. – № 4. – С. 24–41.

Козинцев А.Г. Аборигены или мигранты? Дискуссия о происхождении окуневцев на новом этапе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 129–136.

Козинцев А.Г. Дене-кавказская макросемья: лексикостатистическая классификация и прародина // Этнография. – 2023 (в печати).

Козинцев А.Г., Селезнева В.И. Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 51–62.

Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 7. – С. 65–77.

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Нестеркина А.Л. Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Цен-

трального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 5: Археология и этнография. – С. 69–86.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: тез. докл. обл. науч. конф. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – Ч. 2. – С. 79–83.

Романчук А.А. Восточноевразийская гипотеза дене-кавказской прародины и данные геногеографии. – Кишинев: Stratum Plus, 2019. – 221 с.

Романчук А.А. «Древнеямный» генетический компонент и индоевропеизация Европы: критический анализ гипотезы // Stratum Plus. – 2020. – № 2. – С. 243–257.

Старостин Г.С. (при участии А.В. Дыбо, А.Ю. Милитарёва, И.И. Пейросы). К истокам языкового разнообразия: Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским. – М.: Дело, 2016. – 581, [1], VIII с.

Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М.: Наука, 1984. – Ч. 4. – С. 19–38.

Чеснов Я.В. Земледельческие культуры как этногенетический источник // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. – М.: Наука, 1977. – С. 109–136.

Членова Н.Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969. – С. 143–146.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Была ли окуневская культура? // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 248–250.

Янхунен Ю.А. Великое прошлое малых народов (на примере самодийцев) // Археология евразийских степей. – 2022. – № 2. – С. 283–289.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarycz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevičius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. – 2015. – Vol. 522, N 7555. – P. 167–172.

Bengtson J.D. Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm. – Cambridge, MA: Mother Tongue Press, 2017. – 515 p.

Blažek V. Yenisisean homeland and migrations // *Man in India*. – 2017. – Vol. 97, N 1. – P. 69–94.

Bruneau L., Bellezza J.V. The rock art of Upper Tibet and Ladakh: Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the Western Tibetan Plateau style // *Revue des Études Tibétaines*. – 2013. – T. 28. – P. 5–161.

Chintalapati M., Patterson N., Moorjani P. Reconstructing the spatiotemporal patterns of admixture during the European Holocene using a novel genomic dating method // *eLife*. – 2022. – 11:e77625. – URL: <https://doi.org/10.7554/eLife.77625>

Cui Y.Q., Gao S.Z., Xie C.Z., Zhang Q.C., Wang H.J., Zhu H., Zhou H. Analysis of the matrilineal genetic structure of population in the Early Iron Age from Tarim Basin, Xinjiang, China // *Chinese Science Bull.* – 2009. – Vol. 54, N 21. – P. 3916–3923. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11434-009-0647-8>

Driem G., van. Languages of the Himalayas. – Leiden et al.: Brill, 2001. – Vol. 1. – 1375 p.

Flegontov P., Changmai P., Zidkova A., Logacheva M.D., Altinisik N.E., Flegontova O., Gelfand M.S., Gerasimov E.S., Khrameeva E.E., Konovalova O.P., Neretina T., Nikolsky Y.V., Starostin G., Stepanova V.V., Travinsky I.V., Triska M., Triska P., Tatarinova T.V. Genomic study of the Ket: A Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant Ancient North Eurasian ancestry // *Scientific Rep.* – 2016. – N 6. – Art. 20768. – URL: <https://www.nature.com/articles/srep20768>

Francfort H.-P. Note on some Bronze Age petroglyphs of Upper Indus and Central Asia // *Pakistan Archaeology*. – 1991. – Vol. 26, N 1. – P. 125–135.

Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Furtwängler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel B., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A., Drozdov N., Slavinsky V., Tsybankov A., Cremonesi R., Mallegni F., Gély B., Vacca E., Morales González M., Straus L., Neugebauer-Maresch C., Teschler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Crevecoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M., Cupillard C., Bocherens H., Conard N., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D., Svoboda J., Richards M., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe // *Nature*. – 2016. – Vol. 534, N 7606. – P. 200–205.

Greenberg J.H. Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family. – Stanford: Stanford Univ. Press, 2000. – Vol. 1: Grammar. – XI, 326 p.; 2002. – Vol. 2: Lexicon. – 216 p.

Hollard C., Zvenigorodsky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubézy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between Bronze Age Siberian populations // *Am. J. of Phys. Anthropol.* – 2018. – Vol. 167, iss. 1. – P. 97–107.

Jettmar K. Non-Buddhist traditions in the petroglyphs of the Indus valley // *South Asian Archaeology 1983: Proceedings of the Seventh International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe (Bruxelles)* / eds. J. Schotsmans-Wolfers, M. Taddei. – Naples: Istituto Universitario Orientale, 1985. – P. 751–777.

Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian Language // Ugarit-Forschungen. – 2010. – Vol. 41. – P. 309–447.

Kim A.M., Kozintsev A.G., Moiseyev V.G., Rohland N., Mallick S., Reich D.E. Native American relatives in Bronze Age southern Siberia? Okunev Culture and the new dialogue of genome-wide ancient DNA and physical anthropology // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2018. – Vol. 165, suppl. 66. – P. 139.

Kozintsev A. On certain aspects of distance-based models of language relationships, with reference to the position of Indo-European among other language families // J. of Indo-European Studies. – 2018. – Vol. 46, N 1/2. – P. 173–205.

Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The prologue // J. of Indo-European Studies. – 2019. – Vol. 47, N 3/4. – P. 293–380.

Kozintsev A. On the homelands of Indo-European and Eurasiatic: Geographic aspects of a lexicostatistical classification // J. of Indo-European Studies. – 2020. – Vol. 48, N 1/2. – P. 121–150.

Kozintsev A.G. The Dene-Caucasian macrofamily: Classification and homeland // Mother Tongue. – 2023 (forthcoming).

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1999. – Vol. 108, iss. 2. – P. 193–204.

Li C.X., Li H.J., Cui Y.Q., Xie C., Cai D., Li W., Mair V.H., Xu Z., Zhang Q., Idelisi A., Jin L., Zhu H., Zhou H. Evidence that a West–East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the Early Bronze Age // BioMed Central, Biology. – 2010. – N 8. – P. 1–12. – URL: <http://www.biomedcentral.com/1741-7007/8/15>

Nikolaev S. Sino-Caucasian languages in America // Dene-Sino-Caucasian Languages / ed. V. Shevoroshkin. – Bochum: Brockmeyer, 1991. – P. 42–66.

Qamar R., Ayub Q., Mohyuddin A., Helgason A., Mazhar K., Mansoor A., Zerjal T., Tyler-Smith C., Mehdi S.Q. Y-chromosomal DNA variation in Pakistan // Am. J. Hum. Genet. – 2002. – Vol. 70, iss. 5. – P. 1107–1124.

Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford T.W., Orlando L., Metspalu E., Karmin M., Tambets K., Rootsi S., Mägi R., Campos P.F., Balanovska E., Balanovsky O., Khusnutdinova E., Litvinov S., Osipova L.P., Fedorova S.A., Voevoda M.I., DeGiorgio M., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Demeshchenko S., Kivisild T., Villems R., Nielsen R., Jakobsson M., Willerslev E. Upper Paleolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. – 2014. – Vol. 505, N 7481. – P. 87–91.

Robbeets M. Austronesian influence and Transeurasian ancestry in Japanese. A case of farming/language dispersal // Language Dynamics and Change. – 2017. – Vol. 7, N 2. – P. 210–251.

Sagart L., Jacques G., Lai Y., Ryder R.J., Thouzeau V., Greenhill S.J., List J.-M. Dated language phylogenies shed light on the ancestry of Sino-Tibetan // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. – 2019. – Vol. 116, N 21. – P. 10317–10322.

Sokolova L.A. The southern migration of the Sayan archaeological complex // J. of Indo-European Studies. – 2012. – Vol. 40, N 3/4. – P. 434–456.

Starostin G.S. Dene-Yeniseian and Dene-Caucasian: Pronouns and Other Thoughts: Paper at the Athabaskan/Dene Languages Conference. Berkeley, CA. July 10–12, 2009. – URL: https://www.academia.edu/839575/Dene_Yeniseian_And_Dene_Caucasian_Pronouns_And_Other_Thoughts

Starostin G.S. Dene-Yeniseian: A critical assessment // J. of Language Relationship. – 2012. – Vol. 8. – P. 117–138.

Starostin G., Zhivlov M., Kassian A. The “Nostratic” roots of Indo-European: From Illich-Svitych to Dolgopolsky to future horizons // Slovo a slovesnost. – 2016. – Vol. 77, N 4. – P. 392–415.

Starostin S.A. Sino-Caucasian: Manuscript. – 2005. – URL: <http://starling.rinet.ru/Texts/scc.pdf>

Toporov V.N. Burushaski and Yeniseian languages: some parallels // Travaux Linguistiques de Prague. – Praha: Academia, 1971. – T. 4. – P. 107–125.

Vajda E. A Siberian link with Na-Dene Languages // The Dene-Yeniseian Connection / eds. J. Kari, B.A. Potter. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press. 2010. – P. 33–99.

Yu H., Spyrou M., Karapetian M., Shnaider S., Radzevičiūtė R., Nägele K., Neumann G., Penske S., Zech J., Lucas M., LeRoux P., Roberts P., Pavlenok G., Buzhilova A., Posth C., Jeong C., Krause J. Paleolithic to Bronze Age Siberians reveal connections with first Americans and across Eurasia // Cell. – 2020. – Vol. 181, N 6. – P. 1232–1245.

Zacho C.G. Population Genomics of the Bronze Age Okunevo Culture: Master Thesis. – Copenhagen: Univ. of Copenhagen, 2016. – 64 p.

Zhang F., Ning C., Scott A., Fu Q., Bjørn R., Li W., Wei D., Wang W., Fan L., Idilisi A., Hu X., Ruan Q., Niyazi A., Dong G., Cao P., Liu F., Dai Q., Feng X., Yang R., Tang Z., Ma P., Li C., Gao S., Xu Y., Wu S., Wen S., Zhu H., Zhou H., Robbeets M., Kumar V., Krause J., Warinner C., Jeong C., Cui Y. The genomic origins of the Bronze Age Tarim mummies // Nature. – 2021. – Vol. 599, N 7884. – P. 256–261.

Zhang M., Yan S., Pan W., Jin L. Phylogenetic evidence for Sino-Tibetan origin in northern China in the Late Neolithic // Nature. – 2019. – Vol. 569, N 7754. – P. 112–115.

*Материал поступил в редколлегию 19.05.22 г.,
в окончательном варианте – 23.05.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.074-084
УДК 902.694

**В.С. Мыглан¹, А.Р. Агатова^{2, 3}, Р.К. Непоп^{2, 3},
А.В. Тайник¹, М.О. Филатова⁴, В.В. Баринов¹**

¹Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: dend_ro@mail.ru; Tainik_anna@mail.ru; nelisgar@mail.ru

²Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: agatr@mail.ru

³Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mayaphylatova@gmail.com

Новый подход к изучению древесных углей из археологических памятников на примере металлургических печей Юго-Восточного Алтая

В последние годы применение метода дендрохронологии в археологии претерпевает существенную трансформацию, позволяющую привлекать древесный материал, ранее считавшийся малоперспективным. Одним из ярких примеров являются древесные угли из археологических памятников. В рамках представленной работы было исследовано 448 образцов углей, собранных в местах раскопок металлургических (железоплавильных) печей в Курайской и Чуйской котловинах Русского (Горного) Алтая. Анализ существующих решений по пробоподготовке такого материала показал их низкую скорость и результативность. В данной статье предлагается авторский подход, позволяющий с минимальными затратами выполнить быструю и качественную пробоподготовку большого числа древесных углей практически любого размера и формы. Его несомненными преимуществами являются существенное снижение затрат на приобретение оборудования, повышение качества измерения годичных колец, возможность полноценной удаленной работы по измерению образцов, снятие проблемы верификации, расширение диапазона измеряемых параметров годичного кольца. Потенциально проведение дальнейших исследований позволит решить принципиальную проблему, связанную с построением длительной древесно-кольцевой хронологии в аридной зоне Южной Сибири. Такая хронология будет уникальным инструментом для определения календарного возраста древесины из многочисленных курганов, расположенных в межгорных котловинах Алтае-Саянского региона, погодичных реконструкций режима увлажнения, выявления частоты экстремальных засух и других природных явлений на этой территории.

Ключевые слова: дендрохронология, археология, антракология, угли, металлургические печи, Горный Алтай.

**V.S. Myglan¹, A.R. Agatova^{2, 3}, R.K. Nepop^{2, 3},
A.V. Taynik¹, M.O. Filatova⁴, and V.V. Barinov¹**

¹Siberian Federal University,
Pr. Svobodny 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia
E-mail: dend_ro@mail.ru; Tainik_anna@mail.ru; nelisgar@mail.ru

²Sobolev Institute of Geology and Mineralogy,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Koptuyuga 3, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: agatr@mail.ru

³Yeltsin Ural Federal University,
Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

⁴Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
Email: mayaphylatova@gmail.com

A New Approach to the Study of Archaeological Charcoal: The Case of Metallurgical Furnaces of the Southeastern Altai

In recent years, dendrochronological analysis in archaeology has undergone a substantial transformation, offering an opportunity to use samples of wood that were previously considered uninformative. One striking example is the analysis of charcoal excavated from archaeological sites. We have studied 448 samples of charcoal collected from metallurgical (iron smelting) furnaces in the Kurai and Chuya basins of the Russian Altai Mountains. Earlier methods of preparing such samples were slow and inefficient. Our approach guarantees fast, simple, and high-quality preparation of a large number of samples of virtually any size and shape. Its advantages include low cost of apparatus, high quality measurement of annual rings, the possibility of efficient remote measurement, no need for verification, and a wider range of measured parameters of the annual ring. Hopefully, the new approach will help to solve the critical problem relating to the construction of a tree-ring chronology in the arid zone of Southern Siberia. Such a chronology will be highly prospective for assessing the age of wood from numerous mounds in the intermountain depressions of the Altai-Sayan region, and year-by-year reconstructions of the humidity regime; and for revealing extreme droughts and other climatic phenomena in this territory.

Keywords: *Dendrochronology, archaeology, anthracology, charcoals, metallurgical furnaces, Altai Mountains.*

Введение

Стремительное развитие науки и техники в XX в. породило широкий спектр новых методов, применяемых исследователями для изучения объектов материальной культуры. Опыт привлечения естественно-научных методов оказался настолько успешным, что они прочно внедрились в повседневную практику археологических исследований. Одним из таких методов стал дендрохронологический, который повсеместно применяется при обнаружении древесины удовлетворительной сохранности [Мыглан и др., 2020; Жарников и др., 2020; Büntgen, 2019]. В результате сначала за рубежом, а затем и в России сформировалось отдельное направление дендрохронологических исследований – дендроархеология [Hollstein, 1984, S. 21; Карпучин 2016, с. 52]. В последние годы данное направление претерпевает существенную трансформацию, связанную с тем, что в практику активно внедряются неинвазивные методы исследования древесины [Domínguez-Delmás, 2020]. Параллельно с этим происходит цифровизация исходных данных, т.е. переход от непосредственного измерения ширины годовичных колец на образцах древесины к одновременному измерению нескольких параметров на цифровых изображениях, полученных с помощью различного рода сканеров, фотоаппаратов, микроскопов и другого подобного оборудования. Например, применение нового подхода позволило определить возраст досок старорусских икон XV–XVII вв. [Matskovsky, Dolgikh, Voronin, 2016]. С помощью анализа плотности годовичных колец методом «blue intensity» были датированы деревянные постройки г. Енисейска [Мыглан и др., 2018].

Использование новых подходов позволило вовлечь в научный оборот материалы, ранее не представляв-

шие большой научной ценности вследствие технической невозможности извлечения из них всей полноты информации. Одним из ярких примеров таких материалов являются древесные угли, изучение которых было выделено в специальное направление – антракологию [Scheel-Ybert et al., 2003]. Древесные угли широко распространены и часто встречаются в ходе археологических раскопок. Тем не менее до сих пор они считались пригодными только для определения видового состава и радиоуглеродного датирования [Филатова, Филатов, 2021], но бесперспективными в дендрохронологическом плане. Как следствие, потенциал древесных углей – важного источника информации о прошлом – пока остается нераскрытым.

В статье демонстрируется эффективность новой методики пробоподготовки древесных углей из археологических памятников, которая снимает ранее существовавшие ограничения на применение дендрохронологического подхода. Результаты исследования наглядно показывают, что в настоящее время древесный уголь является одним из самых недооцененных и при этом весьма перспективных источников информации о прошлом.

Материалы и методы

Анализируемая в настоящей работе коллекция древесных углей собрана на археологических памятниках в Чуйской и Курайской котловинах Русского (Горного) Алтая (рис. 1). Система этих впадин, разделенных Чаган-Узунским массивом, протягивается в субширотном направлении на 120 км. Территория характеризуется резко континентальным холодным климатом, отличающимся высокими годовыми и су-

Рис. 1. Расположение участков отбора углей (а) и образцов древесины для построения древесно-кольцевых хронологий Kur и Jelo (б).

1 – Кузхтонар; 2 – Юстыд; 3 – Кур для лесостепной зоны; 4 – Jelo для верхней границы леса.

точными амплитудами температур, коротким безморозным периодом, малоснежными зимами и общим дефицитом осадков. По данным метеостанции Кош-Агач, расположенной в Чуйской котловине, среднегодовая температура здесь ниже 0°C и за период 1981–2010 гг. составила $-4,2^{\circ}\text{C}$. Годовая сумма осадков в Чуйской котловине 80–150 мм, в Курайской – 150–200 мм; около двух третей осадков выпадает в летний период.

Чуйская котловина, крупнейшая на Алтае, достигает 70 км в длину и 40 км в ширину, сужаясь до 12 км в восточной части. Ее слабоогнутое днище понижается от 2 100 до 1 730 м над ур. м. в северо-западном направлении. Центральная часть впадины расположена на абсолютных высотах 1 750–1 850 м и представлена в основном полупустынями с соле- и засухоустойчивой растительностью. В поймах рек произрастают тополя и ивы, изредка встречаются одиночные деревья лиственницы сибирской. На несколько более широкое ее распространение еще в недавнем прошлом указывают остатки лиственничных пней в пойме недалеко от с. Кош-Агач. Небольшие лиственничники изредка встречаются в Чуйской котловине на склонах северной и северо-западной экспозиции.

Курайская котловина достигает 25 км в длину и 20 км в ширину и также имеет общий уклон в северо-западном направлении. В юго-восточной части ее днище плоское, оно характеризуется отметками 1 500–1 600 м над ур. м., но поднимается к обра-

мляющим котловину хребтам. Здесь развиты опустыненные степи. В северо-западной части котловины на поверхность выходит скальный фундамент, выраженный холмистой равниной с преобладанием сухих степей. Лиственница сибирская произрастает здесь в виде лент и куртин, расположенных в понижениях рельефа. На южном склоне котловины пояс елово-кедрово-лиственничного леса с верхней границей на высоте ок. 2 350 м над ур. м. протягивается непрерывно и продолжается далее на восток в долину Чуи, на северном – лес разрежен из-за большей инсоляции и засушливости, имеет островное распространение и представлен в основном лиственничником.

Засушливый климат и незначительная численность населения способствуют хорошей сохранности на данной территории огромного количества археологических памятников от позднего палеолита до Средневековья [Деревянко, Маркин, 1987; Кубарев, 1991; и др.]. К ним относятся и железоплавильные печи, многочисленность которых позволила выделить Чуйско-Курайский металлургический район Русского Алтая [Зиняков, 1988, с. 31].

Коллекции образцов в виде шлаков с высоким содержанием древесных углей и отдельных углей были собраны А.Р. Агатовой и Р.К. Непопом в местах археологических раскопок металлургических печей в Курайской и Чуйской котловинах и в долине р. Чуя между ними (рис. 2). Первоначально отбор образцов проводился для установления возраста памятников радиоуглеродным методом, определения верхнего хронологического рубежа формирования террас, на которых они располагались, а также расчета скорости отступания склонов [Agatova, Nepop, Korsakov, 2017; Агатова, Непоп, Слюсаренко, 2017; Агатова и др., 2018]. Однако хорошая сохранность углей и значительное количество хорошо различимых колец даже в небольших обломках привели к идее задействовать для их датирования дендрохронологический метод. В восточной части Чуйской котловины в долине р. Юстыд образцы собирались в течение ряда лет на месте раскопок, проведенных Н.М. Зиняковым в 1978 г. [1988, с. 38–42]. Куски шлака размером до 40–50 см с многочисленными включениями углей залегали либо непосредственно в западинах, образовавшихся на месте раскопанных печей вдоль бровки нижней левобережной террасы, либо у подножия ее склона. По этой причине атрибуция углей, собранных на участке Юстыд с печами № 2 (образцы маркированы u2), 3 (u3) и 5 (u5) достаточна условна. Несмотря на то что шлаки с фрагментами древесных углей пролежали на дневной поверхности более 35–40 лет, сохранность последних была удовлетворительной для проведения дендрохронологического исследования. В устье р. Куектанар (в долине р. Чуя между Чуйской и Курайской котловинами) образ-

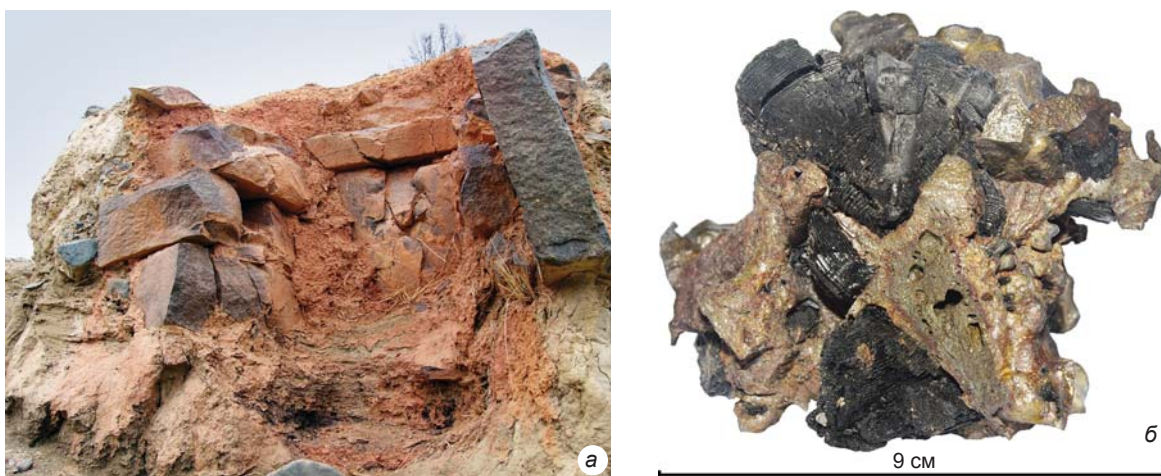

Рис. 2. Внешний вид железоплавильной печи памятника Куэхтонар-1 (а) и шлак с фрагментами древесного угля с памятника Куэхтонар-2 (б).

цы первоначально (в 2014 г.) отбирались из кусков шлака, рассредоточенных на террасе после раскопок Н.М. Зиняковым памятника Куэхтонар-2 в 1976 г. [Там же, с. 48], затем (в 2020 и 2021 гг.) из отвала, сохранившегося после раскопок Е.В. Водясова в 2019 г. [Vodyasov et al., 2020]. Образцы 2020 г. маркированы литерой «к», 2021 г. – «kk». Общий объем коллекции составил 12 кусков шлака (размером от 10 до 40 см) и отдельных древесных углей.

Для оценки дендрохронологического потенциала коллекции в лабораторных условиях были отобраны небольшие угли диаметром до 20 мм. Выполненные поперечные разломы показали, что они содержат 50 и более годовичных колец. Поскольку в коллекции имеется значительное число более крупных углей, она обладает большим потенциалом для построения длительной древесно-кольцевой хронологии (ДКХ). Однако нерешенным оставался принципиальный момент, связанный с выбором эффективного способа пробоподготовки для получения качественных изображений.

Анализ существующих подходов показал их низкую результативность применительно к задаче быстрой обработки коллекции углей (в России отсутствуют исследования, связанные с построением ДКХ по углям). Кратко остановимся на них. Классический способ подразумевает разламывание угля в поперечном направлении. Несомненно, на разломе четко видны годовичные кольца и отсутствуют следы внешних загрязнений. Однако в нашем случае сложно разломить крупные угли (диаметром более 50 мм), а мелкие (до 8 мм) часто разрушаются в результате механического воздействия. Главными недостатками этого подхода являются отсутствие возможности стабильно получать ровную плоскость по линии разлома и потеря образца в случае неудачи. Способ ручной подрезки

лезвием поверхности углей под микроскопом и с контрастированием (порошком мела, пастой и другими мелкодисперсными составами), несмотря на хороший конечный результат, плохо применим для массовой обработки, т.к. требует существенных трудозатрат и высокой квалификации персонала. Вариант с пропиткой углей сложными составами и последующей подрезкой (шлифовкой) дает возможность получать превосходное по качеству изображение. Но высокая себестоимость оборудования и расходных материалов для подготовки образцов также не позволяет использовать его для массовой обработки.

В результате для решения стоящей задачи сотрудниками Сибирской дендрохронологической лаборатории был разработан метод, позволяющий с минимальными трудозатратами выполнить быструю и качественную пробоподготовку большого числа древесных углей любых размеров и формы. Важно подчеркнуть, что он опирается на использование стандартного (обычного) шлифовального и микроскопического оборудования, имеющегося в распоряжении практически каждой естественно-научной лаборатории, которая занимается изучением древесины. То есть данный метод имеет высокую степень доступности (воспроизводимости) без дополнительных финансовых затрат на приобретение специализированного оборудования.

Образцы поступили в лабораторию в виде не только отдельных углей, но и кусков шлака с включениями фрагментов несгоревшего древесного угля (рис. 2, б), которые нужно было извлечь с наименьшими потерями. Для этого крупные обломки шлака с большим содержанием углей разделяли с помощью кирки, в некоторых случаях применялась углошлифовальная машина с алмазным диском. Всего было подготовлено 448 образцов. Они обрабатывались на тарельчато-

ленточном шлифовальном станке (лента P600, 1000, круг P1000). В процессе шлифовки образцов скапливается угольная пыль, которая заполняет трахеиды и препятствует визуализации клеточной структуры. Для ее удаления использовали промышленный пылесос. Очень важно предварительно высушить угли (до уровня не более 7%-ной влажности), поскольку при избыточной влажности пыль забивает трахеиды, слипается, при высыхании затвердевает и ее невозможно удалить.

Подготовленные древесные угли (рис. 3) фотографировались в отраженном свете при 30-кратном увеличении с помощью микроскопа Zeiss AXIO Zoom.V16, оснащенного моторизованным предметным столиком. Полученные фотографии годичных колец образцов шивались в программном пакете ZEN (Carl Zeiss), дополнялись сопроводительной информацией об увеличении, масштабе и т.п., после чего конвертировались в формат TIFF (Tagged Image File Format). В дальнейшем изображения обрабатывались в программе CooRecorder 9.3 (CR) [Larsson, 2013], где в ручном режиме измерялись линейные параметры: ширина годичного кольца, ранней и поздней древесины (рис. 3, б). Графическое представление полученных данных выполнялось в программе CDendro 9.3 [Ibid.]. Датирование всех измеренных серий было проведено посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1984] и TSAP V3.5 [Rinn, 1996]. В ходе этой процедуры выявлялись выпавшие кольца и ошибки измерений с последующим обращением к цифровым изображениям: проверялся факт наличия или отсутствия годичного кольца,

вносились поправки в измерения. Возрастной тренд измеренных серий убирался путем стандартизации сплайном в $\frac{2}{3}$ длины каждой серии [Cook, Krusic, 2008]. Выбор такого способа определялся наличием у отдельных образцов коротких периодов с резким увеличением прироста (что характерно для деревьев из лесостепной зоны). Оценка качества построенных хронологий выполнялась на основе применения традиционных показателей: коэффициентов корреляции (множественной и Пирсона), чувствительности, стандартного отклонения, EPS, RBAR и др. [Wigley, Briffa, Jones, 1984].

Результаты

Из 448 образцов пригодными для измерения линейных параметров годичных колец оказались 360. Определение видовой принадлежности осуществлялось путем сопоставления диагностических структур с ключами атласа «Анатомия древесины растений России» [Benkova, Schweingruber, 2004]. Установлено, что представлен вид *Larix sibirica* Ledeb. (лиственница сибирская) сем. *Pinaceae* (сосновые). Образцы были измерены, после чего из индивидуальных серий прироста на основе анализа таких параметров, как длина и стабильность прироста (отсутствие кратковременных периодов резкого увеличения ширины годичных колец, предположительно неклиматического происхождения), были отобраны 10 эталонных. На первом этапе относительно каждой из них выполнялась перекрестная датировка остальных образцов. Это позволило получить 10 групп перекрестно датированных индивидуальных серий прироста, по которым были

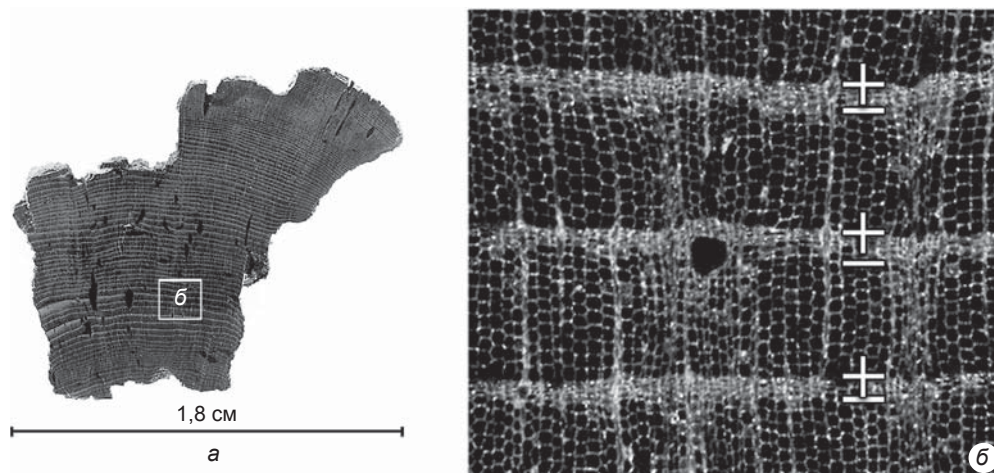

Рис. 3. Пример результата пробоподготовки образца k18.
а – общий вид и размеры образца, содержащего 107 годичных колец; б – подготовленная поверхность угля для измерения линейных параметров годичного кольца. Крестиками отмечены границы годичных колец, горизонтальными черточками – граница между ранней и поздней древесиной.

построены отдельные усредненные хронологии. Их сопоставление друг с другом показало, что только две (под номерами 1 и 4) перекрестно датировались и были объединены в одну общую хронологию 1_4 (рис. 4, а). На втором этапе проводилась процеду-

ра стандартизации полученных групп образцов, т.к. за счет усреднения индивидуальных различий стандартизированные хронологии стали лучше отражать общий сигнал, связанный с изменением внешних условий произрастания деревьев. Относи-

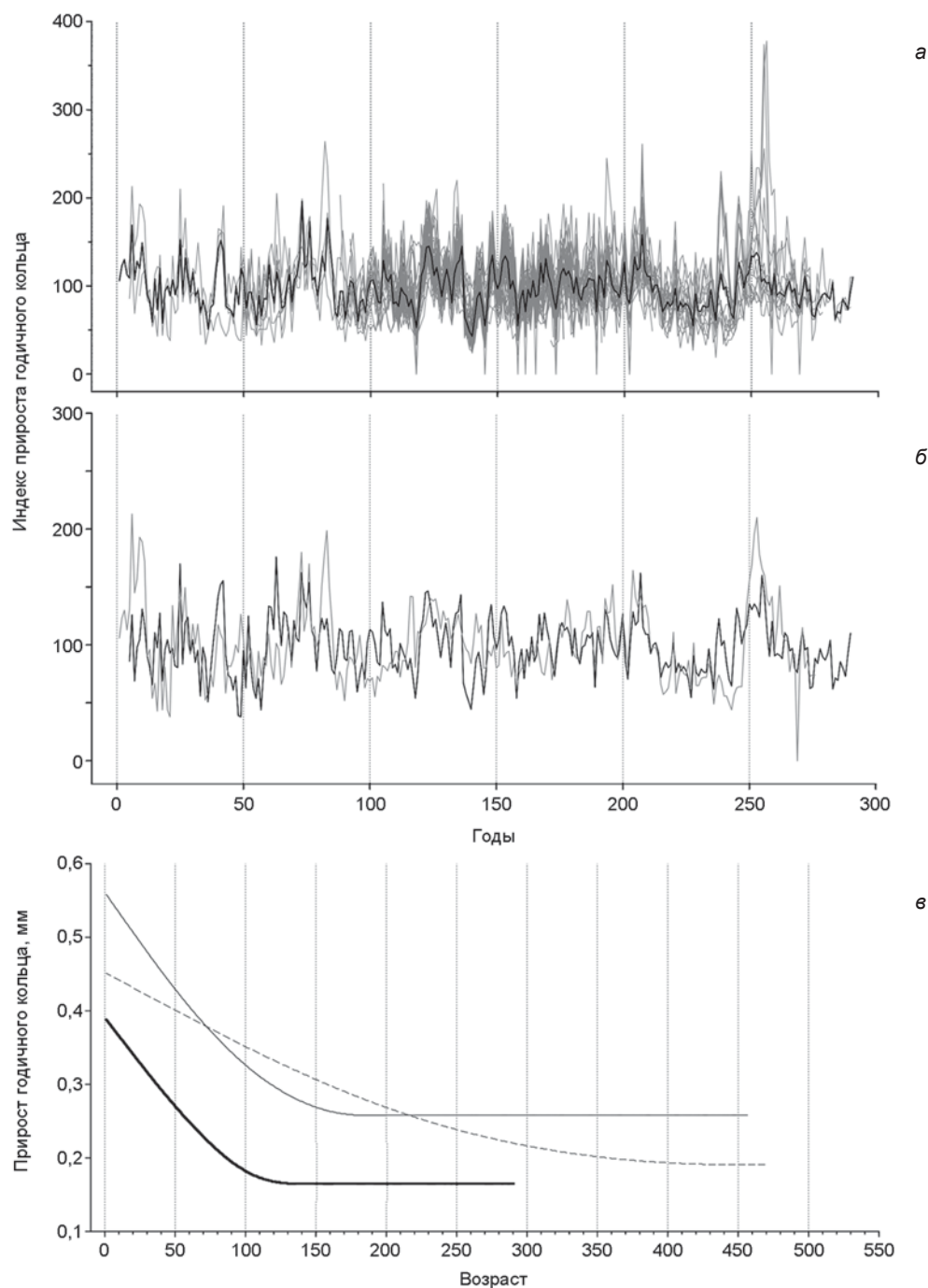

Рис. 4. Хронология 1_4.

а – индивидуальные серии прироста (серая линия) и построенная по ним стандартизированная обобщенная хронология (черная линия); б – перекрестная датировка обобщенных серий прироста по углям с участков Куэхтонар (черная линия) и Юстыд (серая линия); в – сравнение возрастных кривых, полученных по древесным углям (черная линия), деревьям в Курайской котловине (Kur, серая линия), по произрастающим деревьям и палеодревесине на верхней границе леса Южно-Чуйского хребта (Jelo, пунктирная линия).

тельно стандартизированных хронологий была выполнена повторная перекрестная датировка ранее не датировавшихся индивидуальных серий прироста. Конечным итогом работы стали девять древесно-кольцевых хронологий, в которые вошли 160 об-

разцов (см. *таблицу*), т.е. примерно 44 % от общего числа измеренных (рис. 5).

Анализ образцов, которые не удалось датировать, показал, что, как правило, это серии с небольшим количеством (менее 20–30) годичных колец или длитель-

Параметры древесно-кольцевых хронологий

ДКХ	Участок	Высота над ур. м., м	Кол-во образцов, шт.	Протяженность ДКХ, годы		Средняя длина серии, годы	Ширина годичного кольца, мм		Межсерийный коэффициент корреляции	Чувствительность	Стандартное отклонение
				Длина	Интервал		Mean	Max			
1_4	Куэختонар, Юстыд		106	290	0–289	67	0,31	1,43	0,64	0,19	0,24
2	То же		13	176	0–175	81	0,32	2,13	0,74	0,28	0,31
3	Юстыд	2 100	9	76	0–75	37	0,33	1,08	0,55	0,26	0,28
5	»	2 100	2	83	0–82	58	0,27	0,57	0,78	0,32	0,35
6	»	2 100	3	108	0–107	88	0,16	0,58	0,64	0,21	0,26
7	»	2 100	3	99	0–98	82	0,17	0,46	0,41	0,18	0,26
8	Куэختонар, Юстыд		13	115	0–114	60	0,24	0,94	0,51	0,18	0,22
9	Юстыд	2 100	7	117	0–116	88	0,17	1,02	0,72	0,34	0,32
10	»	2 100	4	175	0–174	95	0,20	0,69	0,45	0,18	0,22
<i>Итого</i>		–	160	1 239	–	68	–	–	0,60	–	–
Kur	Курайская степь	1 550	30	457	1 559–2 015	302	0,37	4,10	0,72	0,337	0,379
Jelo	Северо-Чуйский хребет	2 400	130	1 900	112–2 011	392	0,31	2,77	0,704	0,271	0,297

Примечание. ДКХ 1–10 построены по древесным углям из железоплавильных печей, Kur – по деревьям для лесостепных участков, Jelo – для верхней границы леса (Северо-Чуйский хребет).

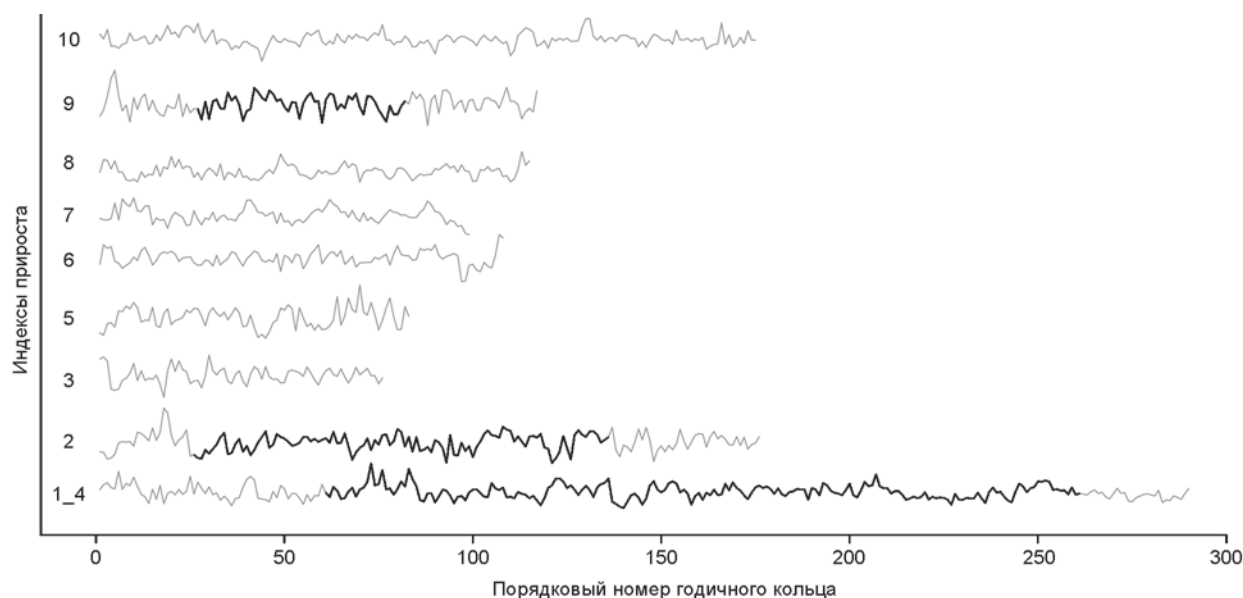

Рис. 5. Обобщенные стандартизированные хронологии (серые линии), построенные по углям с участков Куэختонар и Юстыд. Черной линией выделен период с $EPS \geq 0,85$.

ные с отклонениями в приросте. В дальнейшем с привлечением новых материалов теоретически появится возможность выполнить их перекрестную датировку.

Количество датирующихся образцов в хронологиях неравномерно: наиболее представительна объединенная ДКХ 1_4 (106 образцов), наименее – хронология 5 (два образца). Длина полученных стандартизированных ДКХ изменяется от 76 до 290 годичных колец, межсерийный коэффициент корреляции – от 0,41 до 0,78, но эти показатели напрямую не зависят от степени наполненности хронологий образцами. Такой параметр, как средняя длина серий в ДКХ, варьирует в пределах 37–95 годичных колец (см. таблицу). У трех хронологий параметр EPS значим, т.е. прирост отражает сигнал генеральной совокупности: № 1_4 – на интервале в 200 лет, № 2 – 110 лет, № 9 – 55 лет (рис. 5). Поскольку девять полученных ДКХ перекрестно не датируются друг с другом, можно предположить, что при продолжении работы с древесными углями с участков Куэхтонар и Юстыд появится потенциал для построения как минимум 1200-летней древесно-кольцевой хронологии для степных и лесостепных участков исследованных котловин, где лимитирующим фактором для прироста древесной растительности является дефицит увлажнения.

Неожиданным результатом стал факт перекрестной датировки древесных углей не только из одной печи, но и из печей, расположенных на участках Куэхтонар и Юстыд (см. рис. 4, б). Несмотря на то что участки удалены друг от друга на 82 км (по прямой), а разница их гипсометрических отметок достигает 350 м, в хронологиях 1_4, 2 и 8 датируются образцы с Куэхтонара и Юстыда (соответственно u2 и u3, u3, u2). Данный факт указывает на однородность климатических условий произрастания деревьев в Курайской и Чуйской котловинах (под действием общего лимитирующего фактора – недостатка увлажнения). Примечательна минимальная разница во времени образования периферийных колец, зафиксированная по древесным углям из печей на участках Куэхтонар и Юстыд. Так, в хронологии № 1_4 она составляет 14 лет (образцы u3_32 и kk48, более поздняя дата у углей из Куэхтонара), № 2 – 22 года (образцы k2_56 и u3_22, более поздняя дата у углей из Юстыда), № 8 – 1 год (образцы u2_27 и kk181, более поздняя дата у углей из Куэхтонара). Исходя из полученных результатов можно предположить, что железоплавильные печи использовались примерно в одно время.

Для остальных хронологий в распределении образцов с участков Куэхтонар и Юстыд наблюдается следующая картина: № 3 представлена образцами из печей 2, 3 и 5 Юстыда (u2, u3 и u5); № 5 – из печи 2 Юстыда (u2); № 6 – из печи 5 Юстыда (u5); № 7, 9 и 10 – образцами из печи Куэхтонара.

Обсуждение

Наш опыт работы в сфере дендроархеологии наглядно показывает, что увеличение доступности профессионального оборудования и происходящая цифровизация приводят к повышению качества измерений, расширению возможностей применения существующих методик пробоподготовки и появлению новых. Это позволяет использовать дендрохронологический метод для анализа материалов, ранее считавшихся непригодными для обработки. Например, появляется возможность задействовать древесные угли для построения тысячелетних древесно-кольцевых хронологий в лесостепной зоне. Несомненными преимуществами предложенного нами подхода являются существенное снижение затрат на приобретение оборудования, повышение точности измерения годичных колец, возможность полноценной удаленной работы по измерению образцов (достаточно установить специализированную программу CooRecorder на подходящий по параметрам компьютер), снятие проблемы верификации (качество измерений на изображении может быть легко проверено независимыми исследователями), расширение диапазона измеряемых параметров годичного кольца (одновременно можно определить ширину кольца, его ранней и поздней части, оптическую плотность и др.). Важно подчеркнуть, что полученное изображение фиксирует клеточную структуру образца в момент оптимального состояния (качество поверхности, полученной при пробоподготовке, со временем неизбежно снижается, т.е. в дальнейшем не придется тратить время на повторную подготовку).

Применение разработанного нами подхода к пробоподготовке древесных углей наглядно показало, что вопреки устоявшемуся мнению данный материал обладает значительным потенциалом для построения длительной древесно-кольцевой хронологии. Полученные результаты демонстрируют реальные перспективы построения непрерывной 1200-летней ДКХ. Ее предполагаемая длительность хорошо согласуется с данными радиоуглеродного датирования по углям из печей Куэхтонара [Vodyasov et al., 2020]. Полученные ^{14}C -даты приходятся на широкий диапазон – с середины I тыс. до н.э. по I тыс. н.э. На наш взгляд, такой разброс связан с «эффектом старого дерева». Суть данного явления заключается в том, что при датировке древесины ключевое значение имеет наличие подкорового кольца, которое прямо указывает на время ее заготовки. В случае древесных углей крайне сложно определить количество утраченных периферийных колец. Как следствие, радиоуглеродные даты не отражают реальный возраст датируемых объектов, которые фактически моложе на величину, соответствующую отсутствующим годичным кольцам. Классический подход к решению этой проблемы

заключается в том, что для радиоуглеродного датирования отбираются образцы углей, ширина годичных колец которых указывает на близость подкорового кольца. За год заготовки древесины в таком случае принимается группа наиболее поздних близких дат [Ibid.]. По нашему мнению, данный подход следует применять с большой осторожностью, поскольку радиоуглеродное датирование без построения древесно-кольцевой хронологии по образцам с памятника существенно увеличивает вероятность ошибки.

Для подтверждения изложенного тезиса проанализируем возрастную кривую прироста (она отражает снижение влияния эндогенных и усиление воздействия экзогенных факторов по мере увеличения возраста деревьев, что приводит к стабилизации годичного прироста) и продолжительность жизни деревьев в прошлом и настоящем в районе исследования. Так, прирост у произрастающих деревьев стабилизируется примерно в возрасте 150 лет (см. рис. 4, в), при этом максимальный зафиксированный возраст дожития деревьев в Курайской степи составляет более 450 лет (см. таблицу). Для оценки возрастной кривой у палеодеревьев были использованы образцы из коллекции древесных углей с сохранившимся центральным кольцом. Следует отметить, что динамика изменения прироста в прошлом (полученная по углям) хорошо соотносится с возрастной кривой деревьев, произрастающих в настоящее время (см. рис. 4, в). Однако есть и отличия. Так, средний прирост деревьев в прошлом несколько меньше, а его стабилизация наступает в более раннем возрасте. Это указывает на более суровые условия произрастания палеодеревьев, использовавшихся в качестве топлива в железоплавильных печах.

Опыт дендрохронологических исследований показал, что чем суровее условия, тем дольше живут деревья [Büntgen et al., 2019]. Однако средний возраст, установленный по измеренным образцам углей, составляет 68 лет, в то время как у деревьев, произрастающих в настоящее время, он превышает 300 лет. В этом случае у древесных углей отсутствует значительное количество годичных колец. Как показал проведенный выше анализ, палеодеревья произрастали в более суровых (засушливых) условиях, а значит и их максимальный возраст должен быть больше, чем у современных деревьев. Так, например, максимальный возраст деревьев, произрастающих в Убсунурской котловине в сопредельной Республике Тыве в более суровых (засушливых) условиях, достигает 778 лет [Тайник и др., 2022]. Опираясь на это, можно предположить, что наличие у древесного угля признаков стабилизации прироста не является достоверным доказательством близкого расположения подкорового кольца. На наш взгляд, единственный способ уйти от широкого разброса радиоуглеродных дат – проведение предварительного дендрохронологического анализа образцов.

Важное значение имеет вопрос об источнике древесины, которая использовалась в железоплавильных печах на участках Юстыд и Куэхтонар. Рядом с последним в настоящее время произрастает лиственный лес. Совершенно другая ситуация складывается с участком Юстыд. Сейчас деревья на нем не произрастают. Но есть основания предполагать, что лес мог быть здесь в прошлом. Так, название р. Юстыт переводится как «сто лиственных» [Молчанова, 1979, с. 186]. В настоящее время одиночные лиственные встречаются в пойме реки выше по течению, а небольшие лиственные рощи произрастают в 4 км к югу от участка с железоплавильными печами на склоне северной экспозиции на высоте до 2 400 м над ур. м. При этом следует принять во внимание процесс усиления аридизации климата и, как следствие, изменение ареала древесной растительности в восточной части Чуйской котловины за последние полтора-два тысячелетия [Agatova et al., 2016; Churakova et al., 2022], а также вырубку леса номадами для хозяйственных нужд [Agatova, Nepor, Korsakov, 2017; Агатова, Непоп, Слюсаренко, 2017]. Поскольку климат был менее аридным, чем сейчас, скорее всего, на южном склоне долины произрастал лес, который мог спускаться вниз по ручью почти до места расположения печей. В этом случае проблема с древесиной для углежжения на участке Юстыд также отсутствовала.

Чтобы установить источник древесины, использовавшейся для выплавки металла, необходимо было сравнить параметры хронологий, полученных по древесным углям (для сравнения выбрана наиболее представительная хронология 1_4, в которую вошли 99 образцов с участка Куэхтонар и 7 с участка Юстыд), и ДКХ, построенных для степной части Курайской котловины (Kur) и верхней границы леса (Jelo) [Мыглан, Жарников, Малышева и др., 2012]. Сравнение показало, что все параметры хронологии 1_4 (средняя и максимальная ширина годичного кольца, межсерийный коэффициент корреляции, чувствительность, стандартное отклонение) существенно ниже, чем у лесостепной ДКХ Kur (см. таблицу). Это указывает на более суровые условия произрастания деревьев, использовавшихся в производстве металла. Несколько иная ситуация наблюдается при сравнении с ДКХ Jelo для верхней границы леса: такой параметр, как средняя ширина годичного кольца, имеет одинаковые значения, остальные у хронологии 1_4 более низкие (см. таблицу). Таким образом, ДКХ 1_4 по своим характеристикам ближе к хронологии по верхней границе леса (Jelo), чем к хронологии по современным деревьям степной зоны Курайской котловины. Казалось бы, это может свидетельствовать о заготовке древесины для железоплавильных печей высоко на склоне. Однако сравнение характеристик возрастных кривых прироста деревьев (динамика снижения

прироста и время стабилизации прироста) показало, что возрастные кривые, полученные по древесным углям и деревьям, произрастающим в Курайской степи, схожи и кардинально отличаются от построенной для верхней границы леса (см. рис. 4, в). ДКХ по углям не коррелируют со сверхдлительными горными хронологиями Jelo и Mongun [Там же; Мыглан, Ойдушаа, Ваганов, 2012] из-за действия разных лимитирующих факторов на верхней границе произрастания древесной растительности и в лесостепной зоне Юго-Восточного Алтая, что хорошо согласуется с аналитическими данными, полученными для сопредельных территорий (Республики Тыва и Бурятия, Забайкальский край). В этом случае деревья, произрастающие на верхней границе леса, не могли быть источником древесины для железоплавильных печей.

Следует отметить, что построение тысячелетней древесно-кольцевой хронологии по древесным углям для аридной зоны Южной Сибири имеет принципиальное значение. В прикладном аспекте ее календарная привязка даст возможность точно установить время функционирования железоплавильных печей. В более широком плане проведение дальнейших исследований позволит привлечь археологическую древесину (древесные угли) в качестве важного источника экологической и палеоклиматической информации. Кроме того, получение древесно-кольцевой хронологии такой длительности заложит прочный фундамент для проведения работ по календарной датировке образцов древесины из многочисленных курганов, расположенных в степных районах Республики Алтай, и откроет широкие перспективы для выполнения реконструкций увлажнения исследуемой территории с высоким (годовым) разрешением.

Заключение

Таким образом, разработка нового подхода к исследованию древесных углей из металлургических печей Юго-Восточного Алтая и внедрение современных способов анализа дендрохронологических данных открывают новые перспективы в изучении климатических изменений и культурного наследия прошлого. Потенциально проведение дальнейших исследований позволит решить принципиальную проблему, связанную с построением длительной древесно-кольцевой хронологии в аридной зоне Южной Сибири (на сегодняшний день наибольшая длительность ДКХ в этой зоне достигает 778 лет). Следовательно, создание ДКХ по древесным углям, охватывающей I тыс. н.э., и ее календарная привязка позволят впервые построить 2000-летнюю древесно-кольцевую хронологию для степного пояса Южной Сибири. Такая хронология представляет собой уникальный инструмент для

решения большого количества прикладных задач, связанных как с календарной датировкой древесины из многочисленных курганов, расположенных в межгорных котловинах Алтае-Саянского региона, так и с проведением погодичных реконструкций режима увлажнения, выявлением частоты экстремальных засух и других природных явлений на этой территории.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-27-00454.

Список литературы

- Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю. Археологические памятники как маркер перестройки гидросети Курайской и Чуйской впадин (Юго-Восточный Алтай) в неоплейстоцене – голоцене: обобщение результатов исследований и палеогеографические реконструкции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 25–35.
- Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С. Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 90–99.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. – Новосибирск: Наука, 1987. – 112 с.
- Жарников З.Ю., Мыглан В.С., Сидорова М.О., Аболина Л.А. Генезис деревянной архитектуры Енисейска в контексте последствий пожара 1869 г. // Былые годы. – 2020. – Т. 55, № 1. – С. 173–187.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечно-го ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 276 с.
- Карпунин А.А. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). – М.: ИА РАН, 2016. – С. 52–68.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 194 с.
- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1979. – 398 с.
- Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Сидорова М.О., Барinov В.В., Тайник А.В. Применение метода blue intensity для датирования памятников деревянного зодчества Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 109–113.
- Мыглан В.С., Жарникова О.А., Малышева Н.В., Герасимова О.В., Ваганов Е.А., Сидорова О.В. Построение древесно-кольцевой хронологии и реконструкция летней температуры воздуха юга Алтая за последние 1500 лет // География и природные ресурсы. – 2012. – № 3. – С. 22–30.
- Мыглан В.С., Ойдушаа О.Ч., Ваганов Е.А. Построение 2367-летней древесно-кольцевой хронологии для Ал-

тае-Саянского региона (горный массив Могун-Тайга) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 76–83.

Мыглан В.С., Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В. Методические аспекты определения типа, возраста и происхождения археологической древесины (на примере построек Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 3. – С. 80–89.

Тайник А.В., Мыглан В.С., Баринов В.В., Ойду-паа О.Ч., Наумова О.В. Сеть опорных древесно-кольцевых хронологий для проведения судебно-ботанических (дендрохронологических) экспертиз и датировки архитектурных построек в Республике Тыва: патент № 2022620160 Российская Федерация: № 2021622526: заявл. 12.11.2021: опубл. 19.01.2022.

Филатова М.О., Филатов Е.А. Первое антракологическое исследование древесных углей в Восточной Сибири: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 289–293.

Agatova A.R., Nepov R.K., Bronnikova M.A., Slyusarenko I.Y., Orlova L. Human occupation of South Eastern Altai highlands (Russia) in the context of environmental changes // *Archaeol. and Anthropol. Sci.* – 2016. – Vol. 8, iss. 3. – P. 419–440.

Agatova A.R., Nepov R.K., Korsakov A.V. Vanishing iron-smelting furnaces of the South Eastern Altai, Russia – Evidences for highly developed metallurgical production of ancient nomads // *Quat. Int.* – 2017. – Vol. 483. – P. 124–135.

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian woods = Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России. – Bern: Haupt, 2004. – 456 p. (на англ. и рус. яз.).

Büntgen U. Re-thinking the boundaries of dendrochronology // *Dendrochronologia*. – 2019. – Vol. 53. – P. 1–4.

Büntgen U., Krusic P.J., Piermattei A., Coomes D.A., Esper J., Myglan V.S., Kirdyanov A.V., Camarero J.J., Crivellaro A., Körner Ch. Limited capacity of tree growth to mitigate the global greenhouse effect under predicted warming // *Nature Communications*. – 2019. – Vol. 10. – Art. n. 2171.

Churakova (Sidorova) O.V., Zharkov M.S., Fonti M.V., Trushkina T.V., Barinov V.V., Taynik A.V., Porter T.J., Kirdyanov A.V., Arzac A., Saurer M. Tree-ring oxygen isotope patterns from Siberian and Canadian subarctic to test usability of local versus gridded climate data // *EGU General Assembly, Vienna, Austria, 23–27 May 2022, EGU22-8756*. – URL: <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu22-8756>

Cook E.R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) / Tree-Ring Laboratory, Lamont-Doherty Earth Observatory, Columbia University, Palisades. – N.Y., 2008. – URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html> (дата обращения: 27.05.2022).

Domínguez-Delmás M. Seeing the forest for the trees: New approaches and challenges for dendroarchaeology in the 21st century // *Dendrochronologia*. – 2020. – Vol. 62. – Art. n. 125731.

Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. – Washington: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.

Hollstein E. Gründungsdaten in Trier // *Kurttrierisches Jahrbuch*. – 1984. – Jahrg. 24. – S. 21–36.

Holmes R.L. Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research. – Tucson: University of Arizona, 1984. – 51 p.

Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. 2013. – URL: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/index.htm> (дата обращения 27.05.2022).

Matskovsky V., Dolgikh A., Voronin K. Combined dendrochronological and radiocarbon dating of three Russian icons from the 15th–17th century // *Dendrochronologia*. – 2016. – Vol. 39. – P. 60–68.

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Scheel-Ybert R., Gouveia S.E.M., Pessenda L.C.R., Aravena R., Coutinho L.M., Boulet R. Holocene palaeoenvironmental evolution in the São Paulo State (Brazil), based on anthracology and soil $\delta^{13}\text{C}$ analysis // *Holocene*. – 2003. – Vol. 13, iss. 1. – P. 73–81.

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // *J. Archaeol. Sci.: Rep.* – 2020. – Vol. 31. – Art. n. 102383.

Wigley T., Briffa K., Jones P. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology // *J. Clim. Appl. Met.* – 1984. – Vol. 23. – P. 201–213.

*Материал поступил в редколлегию 31.05.22 г.,
в окончательном варианте – 11.10.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.085-092
УДК 904

Н.Г. Артемьева

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690650, Россия
E-mail: artemieva_tg@list.ru

Чжурчжэньская храмовая постройка на Южно-Уссурийском городище в Приморье

В статье представлены результаты исследования культовой постройки, обнаруженной на территории Южно-Уссурийского городища (Приморский край), идентифицированного как столица округа Сюйпинь чжурчжэньской империи Цзинь. Ранее считалось, что город был построен бохайцами и на первом этапе своего существования являлся центром бохайского округа Шуайбинь, а уже позже на его территории появились чжурчжэни. Однако, как показали исследования, он изначально был чжурчжэньским. Несмотря на плотную современную застройку на месте средневекового города, изучение остатков культурных отложений позволило выделить строительные горизонты и связать объекты с определенными историческими периодами. На основе анализа археологических материалов, полученных при исследовании здания верхнего строительного горизонта, выявлены характерные архитектурные особенности средневековой постройки, относящейся к буддийской традиции: колоннадная конструкция, оформление крыши, скульптурные украшения в виде драконов, фениксов, буддийских мифологических бессмертных. Впервые обнаружены новые орнаментальные мотивы на отливах фронтальной черепицы и концевых дисках, прослежены новые стандарты строительного материала. Результаты исследований позволяют отнести культовую постройку к XIII в., а именно ко второму этапу существования на территории Дальнего Востока чжурчжэньского государства Восточное Ся (1234–1276 гг.) – периоду до образования династии Юань. Характерные особенности архитектуры, выявленные при исследовании буддийского храма в верхнем строительном горизонте, могут служить точными индикаторами при датировании материалов других памятников Приморья.

Ключевые слова: чжурчжэни, средневековая археология, культовые сооружения, Южно-Уссурийское городище, государство Восточное Ся, Дальний Восток.

N.G. Artemieva

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences,
Pushkinskaya 89, Vladivostok, 690650, Russia
E-mail: artemieva_tg@list.ru

A Jurchen Temple at the Southern Ussuri Fortified Site, in Primorye

The article outlines the findings of excavations of a ritual building discovered at the Southern Ussuri fortified site (Primorye Territory), identified as the capital of the Xupin county of the Jurchen Jin Dynasty. Previously it was thought that the Southern Ussuri town was founded by the Balhae people and that during its early period it was the center of the Balhae district of Shuaibin, while the Jurchens appeared there later. However, our findings suggest that the town belonged to the Jurchens from the beginning. Despite the high density of modern buildings on the territory of the medieval town, our study of what was left of the habitation deposits has allowed us to determine the architectural horizons and to associate them with specific historical periods. Based on the analysis of materials excavated from a building located on the upper architectural horizon, architectural features of a medieval building representing the Buddhist tradition were described: the colonnade, roof style, and sculptural representations of dragons, phoenixes, and Buddhist immortals. New decorative motifs on the tiles of the front and eaves of the roof were discovered, and new standards of building materials were identified. The findings suggest that the ritual structure dates to the 13th century—the second period of the Jurchen Eastern Xia State (1234–1276), preceding the Yuan Dynasty. Special architectural features revealed during the excavations of the upper architectural horizon are reliable indicators for assessing the age of other sites in Primorye.

Keywords: Jurchens, medieval archaeology, ritual buildings, Southern Ussuri fortified site, Eastern Xia State, Far East.

Введение

Памятники чжурчжэньской культуры на Российском Дальнем Востоке представляют собой уникальные объекты, хранящие чистоту культурного содержания с ясно выраженными локальными особенностями. После падения государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) большинство поселений периода его существования подверглись разрушению, поэтому верхний строительный горизонт имеет довольно четкую датировку, чего нельзя сказать о чжурчжэньских памятниках на северо-востоке Китая. Они датируются в довольно широких пределах – Ляо–Цзинь–Юань (906–1368 гг.).

Согласно исторической географии, территория Приморья входила в чжурчжэньский округ Сюйпинь. Благодаря обнаруженным остаткам погребального комплекса чжурчжэньского вождя и военачальника Ваньяня Чжуна было доказано, что именно сюда переселилось его племя [Ларичев, 1966, с. 234–235; 1974; Линь Юнь, 1992] в 1124 г. из местности Елань [Цзинь ши, цз. 24]. Найденная в 1995 г. на Красноярском городище печать Еланьского мэнъяня свидетельствует о наличии топонима Елань в Приморье. Существуют и письменные источники, подтверждающие этот факт: «Елань и Сюйпинь отстоят друг от друга на 1000 ли, в 11-м году Да-дин император Шицзун для того, чтобы обитающим в Сюйпине (Еланьским Ваньянь) нельзя было забыть своих корней, повелел называть управляемый родственниками (Еланьскими Ваньянь) мэнъянь – Еланьским мэнъянем» [Артемьева, Ивлиев, 2000; Цзинь ши, цз. 24]. Таким образом, упомянутый в тексте печати Еланьский мэнъянь существовал под таким названием в районе современного Уссурийска с 1171 г. (11-го года Да-дин) более 50 лет, а входившие в его состав чжурчжэни жили здесь ок. 100 лет [Артемьева, Ивлиев, 2000].

Датировка Южно-Уссурийского городища XII – началом XIII в. с учетом нахождения здесь следов деятельности Ваньяня Чжуна и его потомков позволяет идентифицировать этот памятник с центром цзиньской области Сюйпинь. Однако долгие годы в научной литературе господствовало мнение, что город был построен бохайцами и на первом этапе своего существования являлся центром бохайской области Шуайбинь, а уже позже в нем поселились чжурчжэни. Китайский археолог Чжан Тайсян был одним из первых, кто идентифицировал с центром этой области крупное бохайское городище Дачэнцзы в долине р. Суйфэнхэ (Раздольная) в уезде Дуннин пров. Хэйлунцзян [1981].

Археологические исследования культовой постройки

Исследования Южно-Уссурийского городища убедительно доказали, что это чжурчжэньский памятник,

являвшийся центром цзиньского округа Сюйпинь [Артемьева, 2008а, б, 2010]. На городище стратиграфически выделены три строительных горизонта, причем с каждым связаны определенные слои: верхний – коричневый суглинок, средний – серый суглинок, нижний – ярко-оранжевая глина. Все они содержали остатки чжурчжэньской археологической культуры. Первые два строительных горизонта можно отнести к цзиньскому периоду (XII – начало XIII в.), верхний – к последнему этапу существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (конец XIII в.). В нижнем и среднем горизонтах обнаружены жилища с канами, хозяйственные ямы, а также административные здания; в верхнем – мощеная дорога, колодец, жилищные комплексы и здания колоннадной конструкции, одно из которых относится к культовому.

Остатки храма были найдены на юго-восточном участке городища при проведении охранных археологических работ в г. Уссурийске, на ул. Лермонтова, 16. Большая его часть уничтожена современной застройкой. После снятия слоя строительного мусора во многих местах выявлен слой глинистой супеси с фрагментами битого кирпича и черепицы, обнаружена вывернутая базальтовая база колонны (рис. 1, 6). Аналогичные четыре базы находятся в парке 40-летия Победы, через дорогу напротив исследуемого участка [Артемьева, 2001, 2008б], и на расположенной рядом частной территории на ул. Нечаева, 8. Площадь раскопов 2013–2014 гг. составляла 554 м². В них попала северо-восточная часть постройки (ок. 120 м²), от которой сохранились каменные блоки от облицовки фундамента (рис. 1, 3), каменные базы, забутовки под них (рис. 1, 1, 2), остатки крыши – черепица с орнаментированными отливами и концевыми дисками (рис. 1, 4), коньковые лепные украшения *чивэй*, скульптурные изображения фениксов и голов драконов.

Судя по распространению черепицы, встречавшейся на других участках жилой застройки города, здание имело площадь ок. 400 м², было ориентировано углами по сторонам света. Фундамент был облицован обработанными каменными брусками 20 × 35 × 15 см, уложенными в цепочку (рис. 1, 3). Внешняя сторона этой облицовки дополнительно укреплена большими плоскими камнями, часть из которых подведена под каменные блоки (рис. 1, 5).

На земляном полу обнаружены четыре забутовки под каменные базы – основания для деревянных колонн (рис. 1, 1, 2). Забутовка 1 размерами 180 × 300 см, глубиной 90 см с западной стороны была уничтожена при сооружении современного погреба. По всей глубине ямы прослеживались фрагменты битого кирпича, черепицы и керамики. Хорошо видно, что кирпич специально измельчали до размеров

Рис. 1. Строительные остатки здания.

1 – забутовка под основание колонны; 2 – профиль каменной забутовки; 3 – каменные блоки от облицовки платформы здания и развал черепичной крыши; 4 – остатки черепичной крыши; 5 – каменная облицовка платформы здания; 6 – база от основания колонны.

менее 10 см. Для забутовки использовали материал из более ранних построек. Это прослежено по фрагментам черепиц с орнаментальными отливами. Для большей плотности слой забутовочного материала (битый кирпич, черепица и керамика) толщиной 20 см чередовали со слоем глины в 10–20 см. Это напоминает технику *ханту*, которая применялась при возведении чжурчжэньских валов. При разборке забутовки найдены фрагменты отливов нижних черепиц с елочным, растительным и сетчатым орнаментом. Забутовка 2 размерами 90 × 80, глубиной 20 см

состояла из слоя битого кирпича, черепицы и фрагментов керамики. Остальные две конструктивно аналогичны первой. Размеры забутовки 3 200 × 130, глубина 85 см. Верхняя ее часть располагалась под слоем глины толщиной 20 см. Это позволяет предположить, что забутовки находились под полом здания. При разборке найдены фрагменты скульптурного изображения дракона, трех концевых дисков с растительным орнаментом, *чивэя*, орнаментированного отлива, рога с орнаментом, лепнины, а также глиняный клык дракона.

Размеры забутовки $4\ 160 \times 160$ см, глубина 100 см. При ее разборке найдены фрагменты скульптурных изображений дракона (четыре – рогов, два – бороды, язык, чешуя), обломки пяти концевых дисков с растительным орнаментом, шесть фрагментов треугольных отливов также с растительным орнаментом, обмазка, три обломка *чивэя*, семь фрагментов нижних черепиц и два коньковых. В верхней части забутовки обнаружена каменная база, представлявшая собой гранитный монолит размерами $80 \times 60 \times 15$ см. Еще семь подобных камней найдены в разных частях раскопа. Являлись ли они базами или использовались для наружной облицовки фундамента, точно установить нет возможности. Если эти камни были базами, то они оказались сдвинутыми со своего первоначального места. Верхней части гранитного монолита придана форма квадрата ($60 \times 60 \times 10$ см), в центре которого находится круглый постамент диаметром 55 см, высотой 6 см (рис. 1, б). В этом районе было найдено ок. 10 баз с таким оформлением. Скорее всего, они имели отношение к данной постройке. Такие базы устанавливались в зданиях дворцового типа или культовых.

Остатки черепичной крыши обнаружены в северо-западной (вокруг облицовки каменного фундамента) и северо-восточной (за внешней стенкой здания) частях раскопа (рис. 1, 3, 4), хотя фрагменты встречались на большой территории в переотложенном слое. Черепичные завалы сохранились в виде полос шириной ок. 3 м, идущих вдоль остатков стен здания с наружной стороны. Большая часть черепицы найдена разбитой, но также зафиксированы места, где она после разрушения здания осталась в неповрежденном состоянии. Верхние черепицы перекрывали нижние. Здесь же найдены верхние черепицы с концевыми дисками (рис. 2, б). В северо-восточной части раскопа среди черепичного завала обнаружено большое количество обмазки. Толщина некоторых фрагментов достигала 10 см. На многих кусках видны следы от деревянных конструкций крыши. Судя по оранжевому цвету обмазки, здание горело в процессе разрушения. Также найдено много застывшего белого кладочного раствора, напоминающего известь. Скорее всего, благодаря ему верхняя черепица закреплялась на обрешетке кровли. Коллекция черепицы и лепных украшений крыши дает возможность реконструировать ее форму и выявить новые элементы в оформлении здания. Аналогии обнаруженным изображениям на концевых дисках, орнаментам отливов нижней черепицы, а также лепным украшениям пока не найдены.

Дальневосточная средневековая черепица традиционно подразделяется на два типа, а каждый из них – на два подтипа.

1. Нижняя:

1А – большие конусовидные желоба длиной 34–36 см с хордой широкого края 23–24 см, узкого – 19–20 см, толщиной 1,8–2,0 см; узкий торцовый край обычно слегка скруглен, широкий – ровный (рис. 2, 2);

1Б – фронтальные с отливом шириной 6–9 см, отходящим от черепицы под углом 90° . Его внешняя сторона украшена четырьмя вдавленными горизонтальными полосами, поверх которых нанесены чередующиеся штампы (по три-четыре): пятилепестковая розетка и ромбовидная сетка из вдавленных квадратиков (рис. 2, 4). Нижний край отлива оформлен фестонами, украшенными вдавленными полосами. На верхнем крае там, где он прикреплялся к черепице, трезубым штампом сделаны углубления. Они придавали орнаменту композиционную законченность и одновременно уплотняли место соединения отлива.

Рис. 2. Детали оформления крыши.

1 – верхняя черепица с хвостовиком; 2 – нижняя черепица; 3, 5 – концевые диски; 4 – орнаментальный отлив нижней черепицы; 6 – верхняя черепица с концевым диском; 7 – украшения в виде цветочной розетки; 8 – железные гвозди.

2. Верхняя:

2А – узкие желоба длиной 28–34 см с хордой 18 см, которые могли быть с хвостовиком (рис. 2, 1) и без него;

2Б – фронтальные с концевым диском диаметром 18 см, толщиной 2 см (рис. 2, 6). Он украшен зооморфным изображением (диаметр 14 см), обрамленным выпуклым кольцом.

Все изображения на дисках выполнены в одном стиле, но по форме рта их можно разделить на «добрые» (рис. 2, 5) и «злые» (рис. 2, 3). У первого вида глаза показаны в виде уплощенных полусфер, расположенных в центре вдавленных глазниц. Нос имеет подтреугольную форму, удлиненную переносицу. По бокам, чуть ниже глаз, выделены щеки. Рот (пасть) овальной формы, по внутреннему контуру маленькими выпуклинами изображены зубы. Выпуклыми линиями переданы грива и борода, разделенные надвое. У образцов второго типа глаза, нос и щеки представляют собой полусферы. Рот оформлен в виде приподнятого с одной стороны овала с частыми выпуклинами-зубами. Грива, обрамляющая верхнюю часть изображения, как корона, и борода, разделенная на две части, переданы выпуклыми линиями. Зооморфные изображения второго вида выглядят агрессивными и устрашающими. Концевые диски изготавливались отдельно, затем их при помощи дополнительного подлеса с внутренней стороны крепили к черепице.

Впервые на чжурчжэньских памятниках Приморья зафиксированы лепные украшения в виде шести-лепестковой розетки с отверстием (0,5 см) в центре (рис. 2, 7), являвшиеся заглушками гвоздей, при помощи которых верхняя черепица крепилась на стропилах крыши. Они представляли собой полусферы диаметром 9 см, высотой 4 см. Через отверстие в розетку вставлялся железный гвоздь длиной до 30 см с пирамидальной шляпкой (рис. 2, 8).

Верхняя часть крыши, судя по фрагментам лепных украшений, была декорирована двумя массивными керамическими *чивэями* с изображением головы дракона. Раскрытые пасти скульптур с двух концов удерживали коньковые элементы крыши. Эта горизонтальная композиция должна была придавать кровле особый силуэт. Обнаружено большое количество фрагментов скульптурных изображений драконов (чешуя, «завитушки» бакенбардов, рога, борода, уши, плавники, зубы, глаза).

В районе северного угла постройки найдена массивная (39 × 36 × 30 см) керамическая голова дракона (т.н. *шоу тоу* – «звериная голова») [Ащепков, 1959, с. 47] (рис. 3, 3). Подобные скульптуры обычно устанавливались на скатах крыши. Изображение выполнено в агрессивной манере: широко открытая пасть обнажает клыки и приподнятый язык, крючкообразный хобот подпирает раздутые ноздри, глаза выпучены. Над овальными глазницами горизонтальными поло-

Рис. 3. Скульптурные изображения (керамика).
1 – голова калавинки; 2 – голова бодхисаттвы; 3 – дракон *шоу тоу*; 4 – туловище бодхисаттвы; 5 – феникс.

сами изображены брови. На раздутые щеки нанесены окружности, имитирующие чешую. Уши овальной формы подняты вверх. Под ними изображена грива, переходящая в бороду, концы которой оформлены в виде треугольных языков пламени. Вокруг скульптуры найдено множество относящихся к ней деталей, в т.ч. рог. Он должен был располагаться на лбу чудовища. Через пасть дракона была продета железная раздвоенная на конце полоса длиной ок. 1 м, при помощи которой скульптура крепилась на стропилах крыши.

За керамической головой дракона на скатах крыши устанавливались фигуры зверей, птиц, бодхисаттв, имевших, как и дракон, символическое значение – оберегали обитателей здания от злых сил. При разборке заполнения современного погребка были найдены керамические туловище обезглавленной скульптуры (рис. 3, 4), которая лепилась на керамической трубе (высота оставшейся части ок. 30 см, диаметр 9,5 см), и голова (12 × 7 см), скорее всего относящаяся

к ней, без наклепной части лица (рис. 3, 2). Судя по халату с левым запахом (эта особенность одежды чжурчжэней отмечена М.В. Воробьевым [1983, с. 27, 95]), подпоясанному широкой лентой (разновидность ритуального пояса [Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975, с. 36]), и длинным рукавам, закрывающим кисти рук, это изображение бодхисаттвы. Подобными скульптурами украшались скаты крыш буддийских храмов.

В южной части раскопа обнаружена голова (12×8 см) керамической скульптуры, которая первоначально была принята за изображение Будды (рис. 3, 1). Глаза скульптуры прикрыты, взгляд устремлен вдаль, на губах умиротворенная улыбка. Верхняя губа слегка выдается вперед, нижняя разделена на две части, под ней точечное углубление. Нос имеет раздутые ноздри, будто в процессе вдоха. Уши с удлинненными мочками прижаты к голове, на которой изображена плотно надетая шапочка с заостренным верхом. В ее нижней части имеются три складки, возможно, это следы ко-

роны. Черты лица скульптуры соответствуют характеристикам бодхисаттв периода династий Сун и Цзинь. По мнению китайских коллег, это могло быть изображение фантастического бессмертного существа из буддийской мифологии – *калавинки*. Данное создание имеет человеческую голову и тело птицы с длинным хвостом, черным оперением, напоминающим воробьиное, очень изящными крыльями.

В буддийских трактатах говорится, что *калавинка* обладает чудесным голосом и может петь сутры. Согласно легендам, данное существо родом из Индии и обитает в местах, где много высоких снежных гор, горных ущелий и широких равнин. В Китае наиболее ранние изображения *калавинки* в виде каменных барельефов относятся к эпохе Северной Вэй (386–534 гг.). Этот образ широко представлен на танских фресках Дуньхуана и бронзовых зеркалах. На территории южной башни Верхней столицы династии Ляо (совр. хошун Байрин-Юци городского округа Чифэн автономного района Внутренняя Монголия, КНР) была найдена статуя *калавинки*, волосы которой собраны в узел, а на лбу нарисована красная точка. На всех изображениях этого существа верхняя часть тела человеческая, а нижняя – птичья; ладони сложены на уровне груди, что обозначает «жест поклонения», которым выражают почтение божеству или уважаемому лицу [Терентьев, 2004, с. 62].

В юго-восточной части раскопа обнаружена безголовая скульптура лунного феникса, который в буддийской мифологии считается вторым по значимости символом после дракона. Он изображен с распахнутыми крыльями, на которых параллельными линиями из вдавленных полосок показаны перья (рис. 3, 5). Тело и хвост оформлены ромбами с орнаментом «птичья лапка». Оперенье бедер передано длинными вдавленными полосками. Лапы с пятью когтями крепко захватывают подставку выпуклой керамической плиты ($33 \times 30 \times 2,5$ см). В этой скульптуре чувствуется экспрессия. Так же, как и статуя бодхисаттвы, феникс был вылеплен на трубе диаметром 9,5 см, многие детали крепились на железную арматуру.

Судя по остаткам здания, можно констатировать, что оно имело высокий статус и представляло собой дворец или храм. Традиционная архитектура сооружений такого ранга была одинаковой – колоннадная конструкция, черепичная крыша и большая площадь. Судить о функциональном назначении исследованного объекта можно по лепным украшениям крыши и остаткам посуды, предназначенной для буддийских ритуалов.

Ритуальная посуда представлена двумя керамическими ножками трипода высотой 6,5 см, диаме-

Рис. 4. Ритуальная посуда.

1–3 – сосуд кундики и его фрагменты; 4 – чашечка-светильник; 5, 6 – фрагменты трипода.

тром 3 см (рис. 4, 5, 6) и верхней частью бронзового сосуда – *кундики* (рис. 4, 2), найденной с северо-восточной стороны исследованного здания (раскоп 2011 г.). Этот кувшин для воды использовался в ритуалах очищения и освящения. Он символизировал чистоту и распространение благословений путем разбрызгивания «воды жизни» или «нектара бессмертия». В буддийском ритуале сосуд выполнял функцию очищения священного пространства (рис. 4, 1). Он мог быть из любого материала, а съемный полый металлический конус или разбрызгиватель вставляли в центральное отверстие верхней части. Такие сосуды начали изготавливать из бронзы в Индии, затем они распространились по всей Восточной и Юго-Восточной Азии. В китайском буддизме *кундика* выступает как атрибут бодхисаттвы Гуаньинь [Бир, 2013, с. 256]. Еще один фрагмент подобного сосуда, но из глины (рис. 4, 3), обнаружен рядом с местом исследования (раскоп 2008 г.). Восточнее (раскопы 2006, 2014 гг.) было найдено большое количество глазурованной посуды, в т.ч. блюдо и чаш с голубой и зеленоватой глазурью сорта *цзюньяо* [Weidong Li et al., 2018, fig. 2, 3] (рис. 5, 3–10), а также два бронзовых зеркала (рис. 5, 1, 2), железный меч и керамические чашечки-светильники (см. рис. 4, 4).

Рис. 5. Бронзовые зеркала (1, 2) и глазурованная посуда (3–10), обнаруженные рядом с храмом.

Заключение

В верхнем строительном горизонте Южно-Уссурийского городища обнаружены остатки здания колоннадной конструкции с черепичной крышей, которое можно отнести к культовым. Оно возведено по всем канонам буддийской архитектуры, но без высокой платформы и массивного цоколя. Пол состоял из утрамбованной земли, облицованной со всех сторон каменными блоками в два ряда. Под базы колонн были сооружены специальные забутовки, предотвращающие их проседание. Забутовки засыпались слоем глины и на них сверху устанавливались каменные базы, углубленные в пол здания. Деревянные колонны имели диаметр 30–50 см. В Цзинь отношение их диаметра к высоте составляло 1 : 8 или 1 : 9. В одноэтажных постройках внутренние колонны были выше

наружных в 1,4–1,8 раза, что создавало крутую «летающую кровлю» [Воробьев, 1983, с. 184]. Колонны играли как конструктивную, так и композиционную роль.

При возведении здания конструктивные формы хорошо сочетались с декоративным оформлением. Крыша была двускатной. Ее конек венчали две скульптуры в виде голов драконов с широко открытыми пастьми (*чивэй*). Хребты боковых коньковых скатов украшали керамические головы драконов, за которыми помещались фигуры бодхисаттв, фениксов и *калавинок*. Фронтон был декорирован орнаментированными отливами нижней черепицы и концевыми дисками верхней с зооморфными изображениями. Верхняя фронтальная черепица в средней части прикреплялась к стропилам при помощи длинных гвоздей с пирамидальной шляпкой, которые проходили через шестилепестковые розетки. Сейчас трудно вычислить точную

площадь здания, но, судя по распространению фрагментов черепицы, она составляла ок. 400 м². Скорее всего, это было культовое сооружение, которое датируется временем существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). Обнаруженная черепица по орнаменту и стандартам пока не находит аналогий, но скульптуры, украшавшие крышу, стилистически сходны с подобными находками с других средневековых памятников Приморья [Забелина, 1960, с. 222–223; Шавкунов, 1966]. Большой (чем стандартный) размер черепицы, возможно, является хронологическим маркером. В более поздний период стандарты черепиц изменились в сторону увеличения, поэтому можно предположить, что раскопанное на Южно-Уссурийском городище здание могло относиться ко второму периоду существования Восточного Ся – с 1234 до 1276 г., т.е. до основания династии Юань. В этот период Восточное Ся стало реальным государственным образованием. Будучи в вассальной зависимости от монголов, оно сохраняло определенные границы и военные силы, назначало чиновников, осуществляло управление государством [Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990, с. 2–3]. С установлением династии Юань началось объединение Монгольской империи. Государство Восточное Ся не могло находиться в прежнем положении. Административные территории Ляодунского полуострова и, очевидно, Приморья были переведены под непосредственное управление империи Юань. Характерные особенности архитектуры, выявленные при исследовании буддийского храма в верхнем строительном горизонте Южно-Уссурийского городища, могут служить точными индикаторами при датировании материалов других памятников государства Восточное Ся.

Список литературы

Артемьева Н.Г. Отчет об археологических исследованиях Шайгинского городища в Партизанском районе, Южно-Уссурийского городища в Уссурийском районе и городища Красный Мыс в Шкотовском районе Приморского края в 2001 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 454.

Артемьева Н.Г. О датировке Южно-Уссурийского городища // Вестн. ДВО РАН. – 2008а. – № 2. – С. 95–106.

Артемьева Н.Г. Уссурийские древности в свете новых археологических исследований // Окно в неведомый мир: сб.

ст. к 100-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008б. – С. 227–232.

Артемьева Н.Г. Оборонительные сооружения Южно-Уссурийского городища // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. – Ч. 1. – С. 93–96.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // РА. – 2000. – № 2. – С. 165–172.

Ащепков Е.А. Архитектура Китая: очерк. – М.: Госстройиздат, 1959. – 368 с.

Бир Р. Тибетские буддийские символы: справочник. – М.: Ориенталия, 2013. – 336 с.

Ван Шэньжун, Чжао Минци. Дунся ши (История Восточного Ся). – Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 1990. – 306 с. (на кит. яз.).

Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 368 с.

Забелина Н.Н. Из области средневекового искусства Дальнего Востока // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 214–224. – (МИА; № 86).

Ларичев В.Е. Тайна каменной черепицы. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 254 с.

Ларичев В.Е. Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 205–224. – (Материалы по истории Сибири; вып. 4: Древняя Сибирь).

Линь Юнь. Повторное исследование стелы Ваньянь Чжуня // Бэйфан вэнью. – 1992. – № 4. – С. 30–45 (на кит. яз.).

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм: Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве. – М.: Наука, 1975. – 134, XXXI с.

Терентьев А. Определитель буддийских изображений. – СПб.: Нартанг, 2004. – 304 с.

Чжан Тайсян. Об обследовании городища Дачэнцзы // Вэнью цзыляо цункань. – 1981. – Вып. 4. – С. 223–227 (на кит. яз.).

Цзинь ши (История династии Цзинь) // Эршиу ши (24 династийные истории). – Шанхай: [Гуцзи чубаньшэ, б.г.]. – Т. 9. – 578 с. (на кит. яз.).

Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960–1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 286–296.

Weidong Li, Xiaoke Lu, Zhushchikhovskaya I.S., Nikitin Yu.G., Artemieva N.G., Hongjie Luo. Provenance identification of the high-fired glazed wares excavated from the Late Jin Dynasty (Dong Xia State) sites in Russia's Primorye Region // J. Archaeol. Sci.: Reports 21. – 2018. – P. 512–527.

*Материал поступил в редколлегию 18.04.22 г.,
в окончательном варианте – 16.06.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.093-101
 УДК 903-035.3(571.15)+902.6

**Н.А. Константинов¹, Т.А. Бекетова² (Акимова),
 В.И. Соенов¹, С.В. Жилич³, Н.А. Рудая³**

¹Горно-Алтайский государственный университет
 ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия
 E-mail: nikita.knstntny@yandex.ru; soyonov@mail.ru

²Алтайский государственный природный биосферный заповедник
 пер. Набережный, 1, а/я 91, Горно-Алтайск, 649000, Россия
 E-mail: vdovina-ta@mail.ru

³Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: snezhy@yandex.ru; nrudaya@gmail.com

Ирригационные системы Алтая: результаты и перспективы археологических исследований

В статье рассматриваются результаты исследования оросительных систем Алтая и перспективы их дальнейшего изучения. Отмечено, что памятники ирригации, распространенные в горных долинах и межгорных котловинах на значительной территории, представлены каналами саево-ручьевого самотечного вида орошения. Наибольшее количество оросительных систем находится в Центральном Алтае и в долине р. Чулышман в Восточном Алтае. Выделены сложные по устройству комплексы в районе устья рек Бильгебаи и Сардума в долине р. Чуя, в районе устья р. Чульча в Чулышманской долине и в урочище Тётё в Курайской котловине. На основе результатов зачисток магистральных каналов установлено, что при их строительстве и ремонте применялись деревянные желоба, которые укладывались на дно. По данным радиоуглеродного датирования, деревянные желоба из комплексов Чеба и Ороктой относятся к позднему Средневековью, а грунт со дна канала Теньгинской оросительной системы – к раннему Средневековью. Отмечено, что в XIX – начале XX в. каналы использовались местным населением для полива главным образом небольших участков ячменя, а также посевов пшеницы и ржи. Земледелие в той или иной степени было знакомо населению Алтая, как минимум, с раннего железного века; расцвета оно достигло, вероятно, в раннем Средневековье. Сделан вывод о том, что первые оросительные системы появились на Алтае вместе с первыми земледельцами, однако ввиду длительной эксплуатации и модификаций магистральных каналов установление времени изначального строительства затруднено.

Ключевые слова: ирригация, оросительные системы, Алтай, каналы, земледелие, сувак, датирование.

**N.A. Konstantinov¹, T.A. Beketova² (Akimova),
 V.I. Soenov¹, S.V. Zhilich³, and N.A. Rudaya³**

¹Gorno-Altai State University,
 Lenkina 1, Gorno-Altai, 649000, Russia
 E-mail: nikita.knstntny@yandex.ru; soyonov@mail.ru

²Altai State Nature Biosphere Reserve,
 Per. Naberezhny 1, P.O.B. 91, Gorno-Altai, 649000, Russia
 E-mail: vdovina-ta@mail.ru

³Institute of Archaeology and Ethnography,
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
 Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
 E-mail: snezhy@yandex.ru; nrudaya@gmail.com

Irrigation Systems of the Altai: Results and Prospects of Archaeological Studies

We present the findings of studies concerning the irrigation systems of the Altai and outline the directions of their further exploration. Irrigation canals, widely distributed in alpine valleys and intermontane depressions, are streams of the drift type. Most are found in central Altai and in the Chulyshman River valley of eastern Altai. Complex irrigation systems were recorded in the Bilgebash and Sarduma river mouths in the Chuya valley, in the Chulcha River mouth in the Chulyshman valley, and in Tötö, the Kurai basin. Pilot excavations of the main canals showed that wooden troughs had been placed on their bottoms. Radiocarbon analysis of wood from those troughs (Cheba and Oroktoi) suggests that they date to the Late Middle Ages, and a soil sample from the bottom of the canal of the Tenga irrigation system indicates early medieval age. In the 1800s and early 1900s, canals were used by natives mainly for watering small plots of barley, but also of wheat and rye. Agriculture has been practiced in the Altai at least since the Early Iron Age, having flourished, apparently, during the Early Middle Ages. The first irrigation systems must have appeared together with the first farmers; however, taking into account the prolonged use and modifications of the main canals, assessing the time of the initial construction is difficult.

Keywords: Irrigation, irrigation systems, Altai, canals, agriculture, suvak, dating.

Введение

Относительно высокая степень исследованности археологических памятников Алтая позволяет считать этот регион одним из ключевых для понимания процессов, происходивших в Южной Сибири и Центральной Азии в древности и Средневековье. На территории Алтая исследованы преимущественно погребальные памятники, слабо изучены объекты, связанные с хозяйственной деятельностью. Одними из многочисленных и малоизученных являются ирригационные (оросительные) сооружения.

Наличие практики ирригации на Алтае обусловлено природно-климатическими условиями. Для российской части Алтайской горной страны характерен резко континентальный климат. Рельеф типично горный, четко выражена высотная поясность. Высоты речных долин, межгорных котловин и плато значительно повышаются с севера на юг. Необходимо от-

метить благоприятную для сооружения оросительных систем гидрологическую ситуацию. Речная сеть Алтая включает более 20 тыс. рек, имеющих горный характер, их общая протяженность превышает 62 тыс. км [Маринин, Самойлова, 1987, с. 4, 45–46]. Скорость потока высокая из-за существенного уклона продольных профилей рек.

Оросительные системы многочисленны в речных долинах и межгорных котловинах, а также в некоторых других районах Центрального, Южного и Восточного Алтая. Каналы являются привычными элементами ландшафтов Алтая; упоминания о них имеются в работах таких исследователей, как А.А. Бунге [Ледебур, Бунге, Майер, 1993, с. 204], В.В. Радлов [1989, с. 437, 474], Н.М. Ядринцев [1883, с. 192, 202] и др. Изучением оросительных каналов в урочище Төтө на Алтае в 1935 г. занимался С.В. Киселев [1949, с. 287–289], в различных районах Алтая в 2003–2007 гг. – Т.А. Бекетова (Акимова) (см.: [Вдовина, Трифанова, 2003; Вдовина, 2004, 2005, 2007а, б; Смирнов, Акимова, 2014]).

В 2019–2021 гг. в рамках проекта по изучению средневекового хозяйства населения Алтая проводились полевые работы, направленные на выявление оросительных систем в центральной и восточной частях региона.

Целью работы является обобщение полученных результатов изучения оросительных систем Алтая и определение направлений дальнейших исследований.

Материал и методы

Оросительные каналы (алт. *суаки*, *суваки*) распространены на значительной территории Российского Алтая (рис. 1). О том, что алтайцы используют каналы для полива участков с посевами, чаще всего ячменя, со-

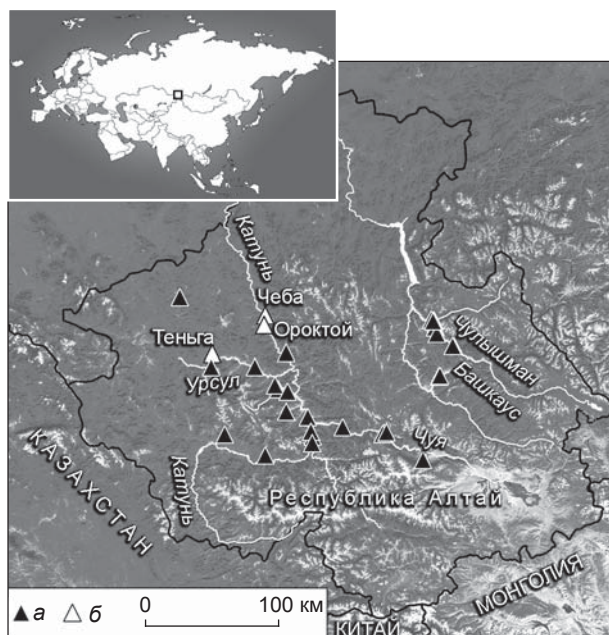

Рис. 1. Оросительные системы Алтая (а); каналы, на которых производились разрезы (б).

общал в 1826 г. А.А. Бунге [Ледебур, Бунге, Майер, 1993, с. 204]. По мнению исследователей XIX в., каналы были построены в более ранние времена [Ядринцев, 1883, с. 192; Радлов, 1989, с. 437; Швецов, 1900, с. 280]. В XX в. многие каналы были перестроены советскими мелиораторами.

Большинство известных оросительных систем Алтая имеют следующее устройство (рис. 2). В грунте прокапывались углубления, по которым вода само-

теком поступала на орошаемые участки. Водозабор осуществлялся обычно из рек второго порядка с использованием разного рода дамб или естественного уклона. В некоторых долинах фиксируется несколько уровней магистральных каналов, места водозаборов которых находились на различных участках течения реки. Такая система обследовалась авторами на левом берегу р. Купчегень (рис. 3). На участках понижения рельефа для прохождения воды часто сооружались ка-

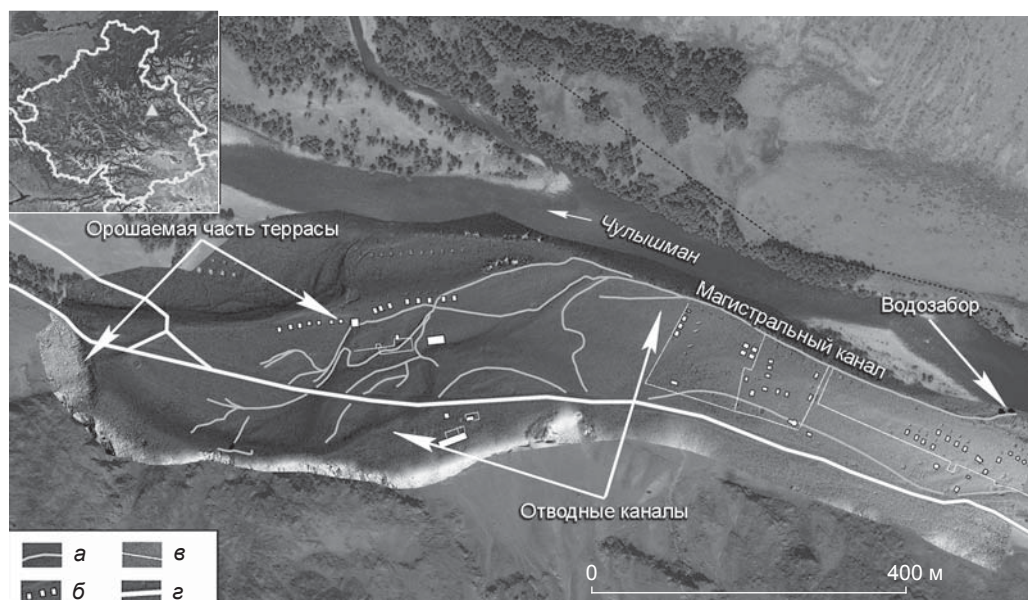

Рис. 2. Оросительная система Кату-Ярык-1. Восточный Алтай, долина р. Чулышман.
а – оросительные каналы; б – современные строения; в – современные изгороди; г – дорога.

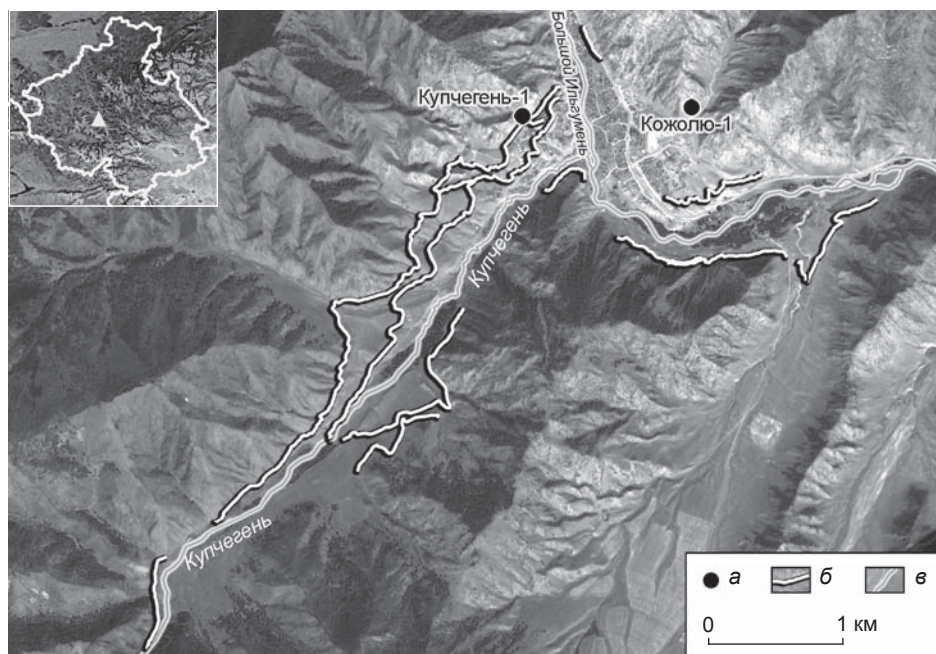

Рис. 3. Оросительные системы у с. Купчегень. Центральный Алтай, долина р. Большой Ильгумень.
а – средневековые поселения; б – оросительные каналы; в – реки.

менные или деревянные опоры-водоводы (акведуки). При прокладке каналов иногда подрубались скальные выступы [Вдовина, 2005, с. 174; 2007б, с. 63]. Создавались также накопительные резервуары.

К орошаемым полям вода поступала по отводным каналам. По участкам она распространялась с помощью напускных борозд. В местности Каткы в нижней части долины Чулышмана А.С. Суразаковым были обнаружены заброшенные поля, которые он описал как возделывавшиеся ранее «ячейки» раз-

мерами ок. 30×40 м, разделенные оплывшими валами [2003, с. 93].

Похожую картину мы наблюдали на правобережье Чулышмана, где находится оросительная система Карасу-1. У подножия горного склона на небольшом уступе прослеживался ряд вытянутых участков, разделенных оплывшими валами, по которым проходили распределительные каналы (рис. 4). Ниже этих участков находились два вытянутых узких уступа, напоминающих искусственные террасы.

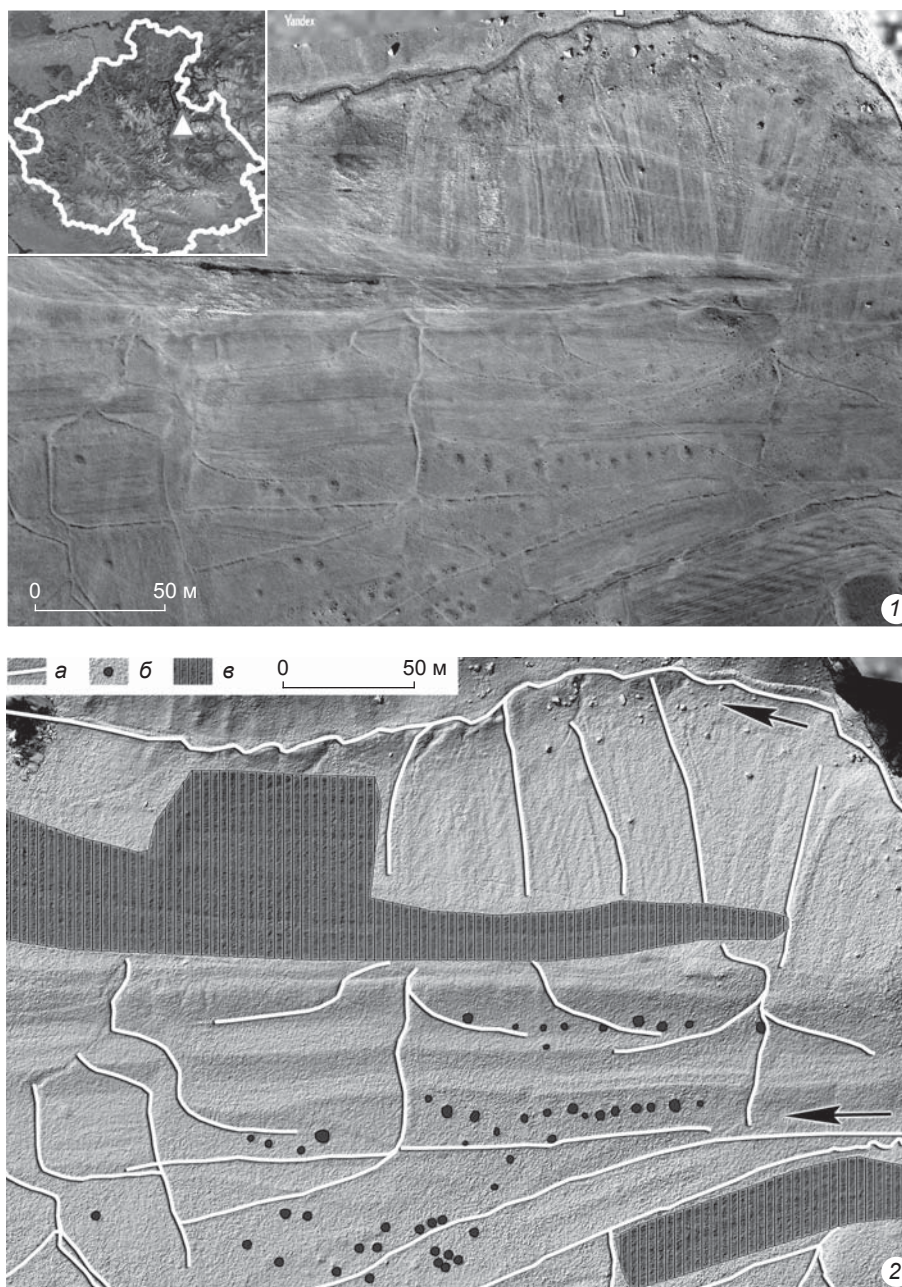

Рис. 4. Ортофотоплан (1) и модель рельефа (2, стрелки указывают направление течения) участка оросительной системы Карасу-1. Восточный Алтай, долина Чулышмана.

a – каналы; *б* – скопления камней; *в* – пашня XX в.

Рис. 5. Деревянный желоб магистрального канала Чеба.

Для фиксации оросительных систем нами применялся метод воздушной фотограмметрии. Получаемые модели рельефа и ортофотопланы загружались в программу QGIS, в которой производилась отрисовка планов оросительных систем. Современные методы выявления памятников существенно облегчают процесс изучения оросительных систем.

На памятниках Чеба, Ороктой и Теньга Т.А. Бекетовой (Акимовой) в 2006 г. были выполнены поперечные разрезы магистральных каналов [Вдовина, 2007б].

Чеба. Разрез магистрального канала на р. Чеба (правый приток Катунь) был заложен на месте пересечения каналом скального выхода. Скальный выступ был подрублен, а обрыв за выступом оформлен каменно-земляной насыпью. Шурф заложен между скальным выходом и каменной обваловкой канала. На дне канала обнаружен деревянный желоб шириной 45 см с бортиками высотой до 10 см (рис. 5; 6, 1, 2).

Ороктой. В месте выхода магистрального канала из долины р. Ороктой на левобережную террасу Катунь зачищена стенка траншеи, пересекавшей русло. Глубина канала ок. 1 м от дневной поверхности. На дне обнаружены остатки деревянного желоба, над которыми

была прослойка наносов рыхлого крупнозернистого песка. Выше, на глубине 0,2 и 0,35 м, зафиксированы две прослойки песка.

Теньга (канал Аргымая). На левом берегу р. Теньга (левый приток р. Урсул) произведена зачистка стенки траншеи, пересекавшей русло. Глубина канала ок. 0,4 м. На нижнем берегу канала зафиксирован выкид, на дне – прослойка плотного заиленного грунта (рис. 6, 3).

Результаты

Все изученные на Алтае оросительные каналы относятся к системам саево-ручьевого самотечного типа. Эффективность таких каналов обеспечивается естественным уклоном склонов гор и дна речных долин.

Самый сложный вопрос – определение времени строительства каналов. Магистральные каналы в условиях горного рельефа прокладывались, как правило, единовременно. Они проходили по оптимальному уровню и могли неоднократно использоваться. В советское вре-

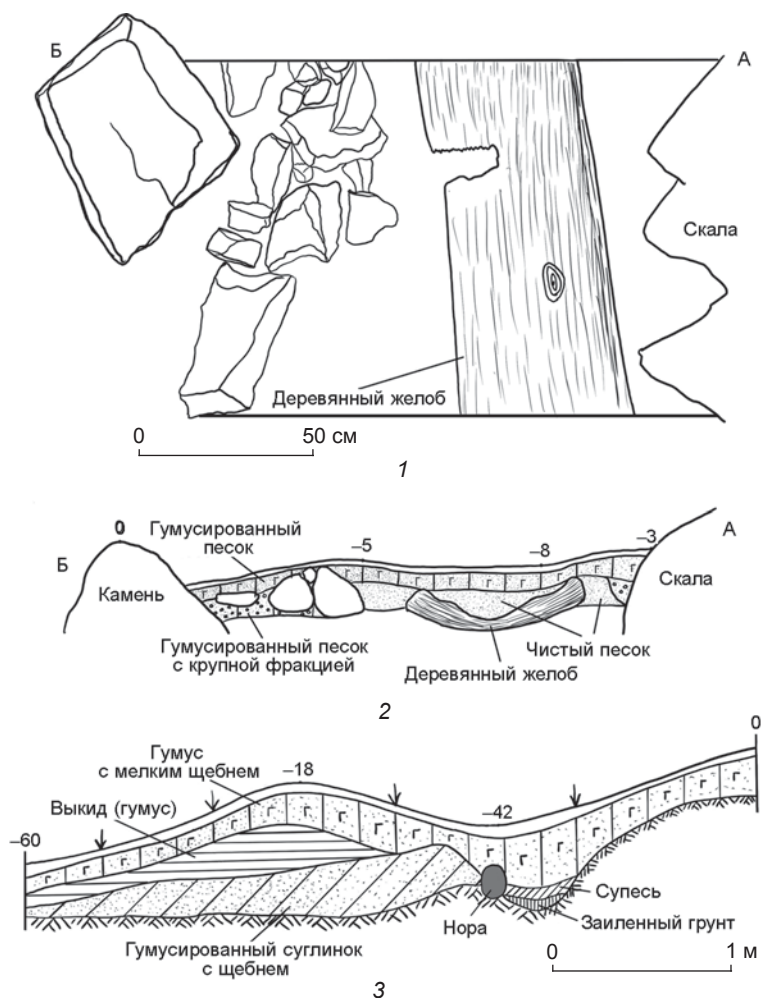

Рис. 6. План (1) и профиль (2) зачистки магистрального канала Чеба, профиль магистрального канала Теньга (3).

Радиоуглеродные даты магистральных каналов на территории Алтая

Памятник	Материал	Индекс	Возраст, л.н.	Калиброванная дата (вероятность)
Чеба	Древесина желоба	SOAN-6618	285 ± 30	XVI в. (60 %)
Ороктой	» »	SOAN-6619	420 ± 50	XV – первая треть XVI в. (69,8 %)
Теньга	Наносы грунта со дна канала	SOAN-6620	1 340 ± 100	VI–IX вв. (95,4 %)
	Грунт древней погребенной поверхности из внешнего борта канала	SOAN-6621	2 395 ± 65	761–384 гг. до н.э. (95,4 %)

мя такие каналы перестраивались, часто с применением бетонных и металлических конструкций.

Результаты радиоуглеродного датирования указывают на принадлежность деревянных желобов из каналов Чеба и Ороктой к позднему Средневековью (см. *таблицу*). Эти даты связаны с последним этапом использования каналов. Однако вопрос о времени ранних этапов их функционирования и изначальной прокладки остается открытым. Согласно данным радиоуглеродного анализа, илистый грунт со дна Теньгинского канала относится к раннему Средневековью.

Использование местным населением оросительных каналов для полива посевов подтверждается прямыми сообщениями исследователей XIX в. [Вдовина, 2004, с. 116]. Поселения и другие хозяйственные памятники Алтая слабо изучены, однако имеется немало свидетельств существования земледелия на Алтае в древности и Средневековье.

Среди таких материалов – зерна проса, найденные в кург. 1 могильника Туэкта (скифское время) [Руденко, 1960, с. 200]. В Денисовой пещере обнаружено скопление пшеницы (ок. 15 кг), относящееся к последним векам I тыс. до н.э. [Деревянко, Молодин, 1994, с. 26, 105; Орлова, 1994, с. 202]. В ходе палеоботанического изучения в образцах грунта из культурного слоя средневекового поселения Кожолу-1 выявлено большое количество зерен крахмала злакового типа.

Пыльца культурных злаков не обнаружена, вероятно, в силу ее низкой концентрации в целом. Наличие крахмальных зерен в образцах грунта не считается надежным показателем наличия земледелия, поскольку условия их сохранности и распространения в различных типах отложений изучены слабо [Haslam, 2004; Hutschenreuther et al., 2017]. Однако большое количество крахмальных зерен злакового типа в совокупности с другими данными может свидетельствовать о практике земледелия.

С практикой земледелия связаны относящиеся к эпохе раннего Средневековья отвалы и лемехи плугов [Кубарев, 1997; Полосьмак, Дядьков, 2021, с. 605]. На могильниках Кок-Паш (IV–V вв. н.э.), Кудырге (VI–VIII вв. н.э.) и в верхнем слое поселения Тыткескень-3 (I тыс. н.э.) [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175, рис. 6, 19; Гаврилова, 1965, табл. V, 3; Кунгуров, 1994, рис. 4, 9] найдены железные серпы и жатвенные ножи (рис. 7, 1). При исследовании археологических памятников Алтая, датируемых разными периодами от раннескифского времени до Средневековья, были обнаружены жернова ручных мельниц (рис. 7, 2, 3) и их заготовки [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 63–69; Молодин, Бородовский, 1994; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 51]. На памятниках различных эпох многочисленны зернотерки (рис. 7, 5) [Соенов, 2003; Шульга, 2015, с. 54–57].

Считается, что механические (водяные) мельницы появились на Алтае в конце XIX в. [Торушев, 2017, с. 96] с приходом или под влиянием русских переселенцев. Однако в 1880 г. Н.М. Ядринцевым в долине Чулышмана были обнаружены брошенные крупные жернова механической мельницы, относящиеся, очевидно, к более раннему периоду [Ядринцев, 1883, с. 192]. В 2020 г. мы осмотрели, вероятно,

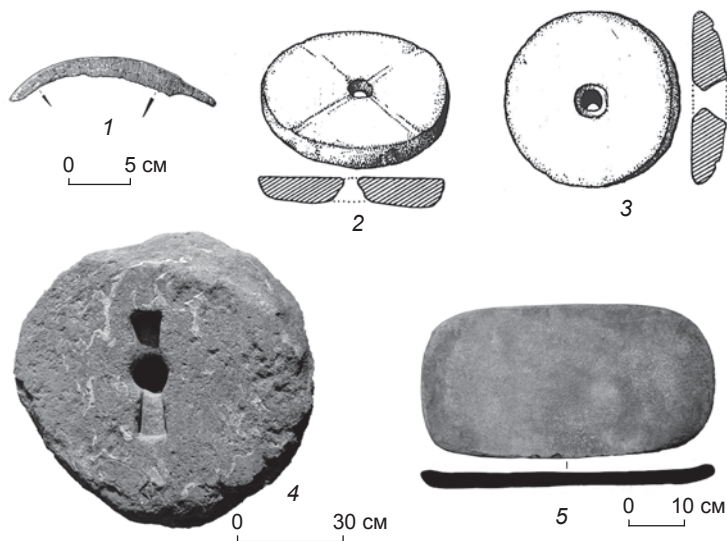

Рис. 7. Орудия земледелия.

1 – серповидный нож; 2, 3 – жернова ручных мельниц; 4 – жернов механической мельницы; 5 – зернотерка. 1 – могильник Кудырге [Гаврилова, 1965, табл. 5]; 2, 3 – могильник Курай VI [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 21]; 4 – р. Карасу (Чулышманская долина); 5 – поселение Кожолу-1.

один из этих жерновов, хранящийся в том же урочище на животноводческой стоянке (рис. 7, 4).

Обсуждение

Памятники древней и средневековой ирригации известны как на сопредельных с Алтаем территориях, так и на более отдаленных. Остатки оросительных систем часто встречаются в Южной Сибири. Каналы в Хакасии, аналогичные по устройству таковым на Алтае, относятся к самотечной системе орошения. Исследователи связывают их с тагарским временем [Киселев, 1949, с. 149, 322; Левашева, 1965; Сунчугашев, 1973; и др.]. В Туве также хорошо известны оросительные каналы [Родевич, 1912, с. 17–18; Грумм-Гржимайло, 1926, с. 356]. Результаты изучения оросительных систем в Туве представлены в обобщающих работах [Прудникова, 2005, 2018; Ашак-оол, 2005].

В последнее время активно исследуются оросительные каналы Синьцзяна, даты которых соответствуют раннему железному веку – эпохе Хань. Появление ирригационных традиций на этой территории, по мнению ученых, является результатом западного влияния либо развития на местной почве культуры населения, практиковавшего комплексное хозяйство [Li et al., 2017, p. 31, tab. 1].

Важнейшим регионом, с которым может быть связано распространение ирригационных традиций в Южной Сибири, является Средняя Азия [Толстов, 1962; Андрианов, 1969]. На этой территории с древнейшей земледельческой культурой использовались разные способы орошения. Следует отметить, что еще в советское время при изучении памятников ирригации региона особое внимание уделялось аэрофотосъемке [Игонин, 1968], она применяется и в наши дни [Галиева, 2007]. Метод существенно облегчает процесс исследования комплексов, расположенных на участках большой площади.

Ввиду слабой изученности палеоэкономики Алтая вопрос о времени появления здесь земледелия остается открытым. Археологические источники свидетельствуют о том, что земледелие на Алтае уже было достаточно хорошо развито, по крайней мере, в эпоху раннего железа, а его расцвет пришелся на Средневековье [Соенов, 2003, с. 171–172]. С учетом засушливого климата данной территории можно предполагать, что необходимость создания оросительных каналов возникла вместе с зарождением земледелия [Там же, с. 171].

Результаты проведенного в 1935 г. палеоботанического исследования грунта в Курайской котловине, где была крупная оросительная система, позволили С.В. Киселеву сделать вывод о том, «что степь

Төтө в древности распахивалась и засеивалась» [1949, с. 277]. Опираясь на стратиграфические наблюдения, исследователь отнес каналы в этой местности к раннему Средневековью [Там же, с. 288].

Согласно данным, зафиксированным исследователями и путешественниками в XIX – начале XX в., каналы в долинах рек Чулышман, Чуя, Катунь и их притоков сооружались для полива возделываемых участков. Одним из самых ранних является сообщение А.А. Бунге об орошаемых участках ячменя, а также ржи и пшеницы в Центральном Алтае, которые он видел в 1826 г. [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 204]. Более поздние источники также содержат многочисленные упоминания о земледелии алтайцев. По этнографическим наблюдениям, в т.ч. современным, оросительные каналы использовались для орошения и сенокосных угодий; их прокладывали чаще всего в пойменных зонах. Обычно такие каналы были неглубокие, небольшой протяженности и простые по устройству.

Все каналы, как отмечалось, относятся к саеворучьевому самотечному способу орошения, эффективному в условиях горного рельефа. С.П. Швецов разделил оросительные системы Алтая на две группы, сходные по принципу работы [1900, с. 280–281]. Местные жители показывали ему сложные оросительные системы, сооруженные «китайцами», и простые каналы, которые, по словам местных жителей, были вырыты более «древним народом». Исследователь писал, что первые представляют собой правильную и более сложную сеть. К ним он относил каналы в междуречье правых притоков р. Чуя – Бильгеша и Сардума. Оросительные системы, называемые более ранними, состояли из одной-двух канав.

К сложным системам можно отнести такие памятники ирригации, как Бильгеша-Сардума (долина Чуи), Карасу-Чульча (долина Чулышмана), Төтө (Курайская котловина), а также некоторые оросительные системы в Центральном Алтае. Судя по всему, это были крупные центры земледелия. В пользу данного предположения свидетельствуют крупные жернова, обнаруженные вблизи одной из таких систем на р. Карасу в Чулышманской долине.

Вполне возможно, названные выше сложные системы ирригации создавались централизованно одним из средневековых государств. Однако до получения серии дат установить, с каким именно государственным образованием связано сооружение каналов, не представляется возможным.

Заключение

Оросительные системы широко распространены в горных долинах Алтая. Как показывают этногра-

фические источники XIX в., каналы использовались главным образом для полива возделываемых участков с посевами зерновых. В меньшей степени они служили для орошения сенокосных угодий.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что население Алтая в той или иной степени практиковало земледелие, как минимум, с раннескифского времени. Однако пока сложно понять, каков был уровень развития этого хозяйственного направления в различные исторические периоды. Не ясно также, применялась ли ирригация в ранние периоды появления земледелия. Согласно этнографическим наблюдениям, даже небольшие участки, обрабатываемые мотыжным способом, орошались водой, которая поступала по протяженным каналам [Ледебур, Бунге, Майер, 1993, с. 204]. Ввиду небольшого количества осадков, высокой водопроницаемости и малой влагоемкости почв на участках, пригодных для обработки и посева, на Алтае могло практиковаться только поливное земледелие [Соенов, 2003, с. 171]. Возможно, впервые простейшие оросительные системы Алтая были созданы первыми земледельцами.

В раннем Средневековье на Алтае земледелие переживало расцвет, о чем свидетельствуют такие находки, как плуги, ручные мельницы, а также следы земледелия на поселении Кожолу-1 и строительства оросительной системы в урочище Төтө в Курайской котловине. Вполне вероятно, что именно с этим периодом связано строительство других сложных оросительных систем.

Благодарность

Исследование проведено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00035), а также средств, выделенных на выполнение госзадания Минприроды РФ № 1-22-2-1. Палеоботанический анализ проведен Н.А. Рудой и С.В. Жилич в рамках темы НИР FWZG-2021-0010 ИАЭТ СО РАН.

Список литературы

- Андрианов Б.В.** Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). – М.: Наука, 1969. – 258 с.
- Ашак-оол А.Ч.** Земледелие Тувы с древнейших времен до монгольского завоевания: С конца III тысячелетия до н.э. по XIV в. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кызыл, 2005. – 24 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.
- Вдовина Т.А.** Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 116–131.
- Вдовина Т.А.** Оросительные системы Чемальского района // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по историко-культурному наследию Республики Алтай, 2005. – Вып. 1. – С. 174–178.
- Вдовина Т.А.** Методические аспекты археологического изучения остатков ирригационных сооружений Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по историко-культурному наследию Республики Алтай, 2007а. – Вып. 5. – С. 144–153.
- Вдовина Т.А.** Обследование останков ирригационных систем Горного Алтая в 2006 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: археология, этнография, устная история. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007б. – С. 62–65.
- Вдовина Т.А., Трифанова С.В.** Обследование оросительных систем Горного Алтая в 2003 году (предварительные итоги) // Горный Алтай: история, современность, перспективы. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2003. – С. 239–243.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Галиева З.С.** Аэрометоды в реконструкции эволюции исторических ландшафтов Восточного Приаралья // Археология и геоинформатика. – 2007. – Вып. 4. – URL: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-4/Galiev/1.html>
- Грумм-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.: Изд. Ученый комитет Монгольской Народной Республики, 1926. – Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – 900 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. I. – 262 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиций // Труды ГИМ. – М.: Изд-во ГИМ, 1941. – С. 75–117.
- Игонин Н.И.** Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 257–267.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.
- Кубарев Г.В.** О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1997. – № 2. – С. 154–157.
- Кунгуров А.Л.** Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1994. – С. 43–58.
- Левашева В.П.** Остатки древней оросительной системы в долине р. Абакана // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 242–244. – (МИА; № 130).
- Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.** Путешествие по алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: Наука, 1993. – 414 с.
- Маринин А.М., Самойлова Г.С.** Физическая география Горного Алтая. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1987. – 110 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П.** Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. – 1994. – № 4. – С. 72–79.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование пещеры Денисова // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – С. 202–207.

Полосьмак Н.В., Дядьков П.Г. Археологические исследования Катандинской долины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 600–607.

Прудникова Т.Н. Природные закономерности развития орошаемого земледелия в древней Туве: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Красноярск, 2005. – 24 с.

Прудникова Т.Н. К вопросу о древнем земледелии на аридных территориях Центральной Азии: земледелие в Убсунурской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 1. – С. 66–75.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели. – СПб.: [тип. М.М. Стасюлевича], 1912. – 66 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 360 с.

Смирнов В.В., Акимов Т.А. Опыт применения малых беспилотных аппаратов в археологических целях // Изв. Алт. отд-ния Рус. геогр. об-ва. – 2014. – № 35. – С. 114–117.

Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. – С. 169–172.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2018. – 242 с.

Сунчугашев Я.И. Из истории орошаемого земледелия в Хакасии // СА. – 1973. – № 3. – С. 238–239.

Суразаков А.С. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000 г. // Археология и этнография Алтая. – Гор-

но-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 90–98.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 324 с., вкл.

Торусhev Э.Г. Традиционное земледелие алтайцев (XIX – первая треть XX в.). – Горно-Алтайск: Издательство Полиграфика, 2017. – 176 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул: Гл. Упр. Алт. окр., 1900. – Т. I. – Вып.: Кочевники Бийского уезда. – 487 с.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 336 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // Тр. Моск. археол. об-ва. – М., 1883. – Т. 9, вып. 2/3. – С. 181–205.

Haslam M. The decomposition of starch grains in soils: Implications for archaeological residue analysis // J. of Archaeol. Sci. – 2004. – Iss. 31. – P. 1715–1734.

Hutschenreuther A., Watzke J., Schmidt S., Büdel T., Henry A.G. Archaeological implications of the digestion of starches by soil bacteria: Interaction among starches leads to differential preservation // J. of Archaeol. Sci.: Rep. – 2017. – Iss. 15. – P. 95–108.

Li Y., Storozum M., Wang X., Guo W. Early irrigation and agropastoralism at Mohuchahangoukou (MGK), Xinjiang, China // Archaeol. Res. in Asia. – 2017. – Vol. 12. – P. 23–32.

*Материал поступил в редколлегию 29.04.22 г.,
в окончательном варианте – 18.07.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.102-109
УДК 904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

К вопросу об устройстве скита старообрядцев в окрестностях деревни Мальцево ведомства Чаусского острога (анализ письменных сведений середины XVIII века и их корреляция с этнографическими и археологическими данными)

Статья посвящена анализу характеристики скита старообрядцев в окрестностях д. Мальцево ведомства Чаусского острога по письменным источникам середины XVIII в. Установлено, что в специальной современной литературе об этом ските и самосожжении в нем существует целый ряд разночтений. Они касаются локализации места самосожжения и количества сгоревших, а также конструктивных особенностей скита. Описание этого скита является одним из наиболее полных и развернутых по сравнению с аналогичными объектами XVIII в. в России. Детальный анализ письменных данных показал, что по конструктивным особенностям он близок к сибирским острогам. Это проявляется в наличии внешней тыновой стены высотой до 2,45 м, а также использовании срубов изб в качестве башен. Такое сходство могло быть обусловлено тем, что в скиту среди проповедников имелись специалисты по организации строительства подобных укреплений и остальные его обитатели были хорошо знакомы с фортификацией Чаусского острога. Случаи использования техники строительства оборонительных сооружений для обустройства старообрядческих скитов в Верхнем Приобье не единичны. Расчет жилого пространства изб показал полное соответствие с письменными данными о количестве укрывшихся в скиту. Поиск в будущем этого объекта археологическими методами представляется не только перспективным, но и важным, поскольку существовавший не более полутора месяцев (май – июнь 1756 г.) и впоследствии сгоревший скит – уникальный памятник начала второй половины XVIII в.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, XVIII в., старообрядцы, скит, самосожжение, деревянные конструкции, аналоги острожных укреплений.

A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

An Old Believers' Skete near Maltsevo, Fort Chaus, Based on Mid-18th Century Documents and Their Comparison with Ethnographic and Archaeological Sources

This study focuses on an Old Believers' skete near the village of Maltsevo, Fort Chaus, north of modern Novosibirsk, where, according to mid-18th century documents, community members committed self-immolation. Documents differ as to where the rite occurred, how many people died, and how the skete was built. As compared to other contemporaneous sketes in Russia, this one is described in more detail. To all appearances, its construction resembled that of other Siberian forts. Similarities include an outer palisade wall, up to 2.45 m high, and the use of the logwork of houses as towers. The reason behind those parallels may be that preachers and community members were familiar with the fortifications of Fort Chaus. Fortified Old Believers' sketes are known in the Upper Ob region. The estimated living space of the log cabins fully corresponds to written data about the number of persons who took refuge in the skete. The search for the actual remains of the skete is ongoing and should be continued because this architectural structure, which existed for no more than one and a half months before the fire (May–June 1756), is a unique site of the late 18th century.

Keywords: Upper Ob region, 18th century, Old Believers, skete, self-immolation, wooden architecture, Russian forts.

Введение

Середина XVIII столетия в России была отмечена последним всплеском массовых самосожжений старообрядцев. Такие события происходили не только в европейской части страны (1753 г. – Ентала Устюжинской вол., 1754 г. – Нименская вол. Каргопольского у.), но и на юге Западной Сибири (1751 г. – д. Гилёва Тюменского у., 1753 г. – д. Лучинкина того же уезда, 1756 г. – окрестности д. Мальцево ведомства Чаусского острога) [Пулькин, 2013, с. 266]. «Гарь» в районе д. Мальцево в специальной литературе более чем за 100 лет со времени выхода первых публикаций [Сибирская жизнь, 1897; Беликов, 1905, с. 38] обросла достаточно большим количеством неточностей, которые транслируются в ряде изданий. Они касаются локализации места самосожжения [Пулькин, 2013, с. 85], числа сгоревших, конструктивных особенностей скита.

В публикациях существуют определенные разночтения относительно расположения самой д. Мальцево. В конце XIX в. сообщалось, что «самозажигательство» произошло в д. «Мальцовой, находящейся за Чаусским острогом» [Сибирская жизнь, 1897]. В издании начала XX столетия точное местонахождение деревни не указывалось [Беликов, 1905, с. 38]. В современной литературе представлена точка зрения, согласно которой самосожжение в окрестностях с. Мальцева произошло неподалеку от г. Барнаула [Пулькин, 2013, с. 211]. Однако это не соответствует исторической действительности. Ближайшим центром административного образования первой половины XVIII в. ведомства Колывано-Воскресенского горного округа с управлением в г. Барнауле являлся Чаусский острог, в ведении которого находилось население окружавших его деревень (в т.ч. и д. Мальцево). Жители этих населенных пунктов с 1730 по 1760-е гг. были только приписаны для отработки части государственного налога к заводам [Мамсик, 2009, с. 5, 11].

Поэтому отдельно следует остановиться на вопросе о локализации скита в окрестностях д. Мальцево. Выбор места для самосожжения определялся несколькими факторами: во-первых, наибольшим распространением влияния древлеправославия и отсутствием ощутимых для старообрядцев репрессий на данной территории; во-вторых, наличием эффекта «последней капли», когда общее притеснение со стороны властей становилось особенно интенсивным [Пулькин, 2013, с. 85]. Все эти факторы в полной мере представлены при создании скита в «лесах и болотах» у ныне не существующей д. Мальцево [Беликов, 1905, с. 38]. Отражением экономического давления является «Известие» о причинах решимости добровольно умереть, посланное властям обитателями скита на рубеже мая – июня 1756 г. В этом документе упоминаются тяготы

и обман должностных лиц при оплате поставки казенного провианта в Ямышевскую крепость в 1747 г., проблемы при исполнении приказа о доставке провизии на Колывано-Воскресенский завод в 1753 г., необходимость выполнения в 1755–1756 гг. поставок казенного провианта в г. Кузнецк, а также неоплаченные работы по починке судов у Чаусского острога [Там же, с. 39]. В довершение следует отметить указ от мая 1756 г. по Сибирской губернии о ямском обслуживании Тарско-Томского участка Московского тракта [Миненко, 1990, с. 37]. К этим причинам нужно еще добавить то обстоятельство, что одни из инициаторов самосожжения казаки братья Мальцевы могли не получить официального разрешения узаконить место их нового поселения, поскольку в середине XVIII столетия власти крайне не одобряли такую самостоятельную переселенческую деятельность, особенно в рамках ее официального признания [Булыгин, 1974, с. 86].

Говоря о возможной локализации скита в окрестностях д. Мальцево, следует отметить, что территориально ведомство Чаусского острога середины XVIII в. располагалось на месте нынешнего Колыванского р-на Новосибирской обл. [Мамсик, 2009, с. 7]. Однако в настоящее время населенного пункта с названием Мальцево в этом административном образовании нет. В списке населенных пунктов Новосибирского округа Сибирского края в начале XX в. числилось несколько заимок и хуторов с наименованиями Мальцев, Мальцево [Список..., 1928, с. 533]. Однако все они были основаны в 1923–1924 гг. и располагались вне территории современного Колыванского р-на Новосибирской обл. В этом районе в границах 1928 г. на р. Ояш была мельница Мальцева, год основания которой неизвестен [Там же, с. 472].

Следует также отметить, что на картах и в документах первой половины XVIII в. точное указание расположения д. Мальцево отсутствует. В частности, на карте «Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства крестьянских жилищ, на коем расстоянии они отстоят от заводов и рудника, так же при каких положениях мест находятся» от 14 февраля 1771 г. (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1) к северо-западу от Чаусского острога в болотистых истоках речушки Боярки отмечена безымянная точка, соответствующая условному обозначению деревни (рис. 1). По данным письменных источников, среди инициаторов создания скита значатся братья Степан и Федор Мальцевы [Беликов, 1905, с. 38]. Названия деревень чаще всего происходили от фамилий или имен их основателей [Булыгин, 1974, с. 33]. Не исключено, что Мальцевы основали деревню-однодворку, которая получила наименование по их фамилии (прозвищу). Такие случаи были очень широко распространены в Новосибирском Приобье [Миненко, 1990, с. 40], но не приветствовались местными властями во второй половине XVIII столетия [Булыгин, 1974,

Рис. 1. Фрагмент «Карты находящихся в введении Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства крестьянских жилищ, на коем расстоянии они отстоят от заводов и рудника, так же при каких положениях мест находятся. Сочинена 1771 года, февраля 14 дня» (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1).

с. 86]. Однако в документах Чаусской судной избы, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области, таких данных нет. Зато имеется документ от 19 октября 1755 г. о судебном разбирательстве и возврате украденного имущества казаку Федору Мальцеву (ГАО. Ф. Д-107. Оп. 1. Л. 138/1298).

В рамках локализации сгоревшего скита в окрестностях д. Мальцево следует еще рассмотреть вопрос об отражении тех событий в народной памяти. По мнению ведущего специалиста по самосожжению старообрядцев XVII–XVIII вв. М.В. Пулькина, именно в этой сфере традиционной нематериальной культуры сохранялись сведения о таких местах и особенностях их маркирования. Для современной территории Колыванского р-на, когда-то входившей в состав ведомства Чаусского острога, факты маркирования места самосожжения старообрядцев в 1756 г. пока не выявлены. Причин этого может быть несколько. Одна из них – избирательность и локальность народной памяти [Громыко, 1991, с. 227]. Однако определенное топонимическое отражение присутствия в прошлом в окрестностях Чаусского острога старообрядцев все же представлено. Это р. Керженец – небольшая протока системы озер Казыки. На одноименной реке в Нижегородской губ. в XVII–XIX вв. было много скитов. От гидронима Керженец впоследствии образовали прозвище старообрядцев – «кержаки».

Материалы и источники

Анализируя современную трактовку событий в скиту у д. Мальцево, следует обратить внимание на раз-

ночтения о количестве сгоревших старообрядцев. Если в ранних изданиях указывалось 174 [Сибирская жизнь, 1897] и 175 чел. [Беликов, 1905, с. 38; Миненко, 1973, с. 60], то в дальнейшем – 172 [Пулькин, 2013, с. 266] и 200 чел. [Романов, 2019, с. 260]. Эти различия могут быть обусловлены тем, что количество людей в ходе осады скита менялось по разным причинам. Одной из них было бегство части тех, кто собрался на самосожжение, другой – добровольное или насильное инкорпорирование в среду раскольников некоторых казаков из числа осаждавших [Беликов, 1905, с. 39]. В связи с этим можно привести аналогичный пример осады скита старообрядцев в 1742 г. в д. Лепихино ведомства г. Кузнецка. Там планировалось послать переодетых «нищенским образом» казаков и драгун, чтобы, обманным путем проникнув в скит, арестовать всех, кто собирался погибнуть в огне [Пулькин, 2013, с. 120].

Другие неточности связаны с описанием конструктивных особенностей внутреннего ограждения скита у д. Мальцево. В одной из первых газетных публикаций указывалось, что скит был «окружен полисадником с немалыми укреплениями» [Сибирская жизнь, 1897], в издании начала XX столетия – что «избы были обнесены заплотом», на котором во время «гари» спасся один человек [Беликов, 1905, с. 38], в современной монографии, посвященной самосожжению старообрядцев в XVII–XVIII вв. описан эпизод со спасением на «палисаде» [Пулькин, 2013, с. 211]. Заплот и палисад – совершенно разные виды ограждения, что, безусловно, искажает характеристику устройства скита. Под заплотом в Сибири подразумевалась сплошная ограда из досок или бревен, уложенных горизонтально [Этнография..., 1981, с. 116], а палисад – это стена из столбов или свай длиной в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю на треть своей длины [Толковый словарь..., 1882, с. 6]. Из письменных источников известно, что высота заплотов могла достигать до одной сажени (2,16 м) [Шостын, 1975, с. 256, 259]. Однако она могла быть и менее 2 м. В качестве примера приведу описание внутренней ограды в Чаусском остроге, относящееся к первой четверти XVIII в., – «заплот досками в пояс» [Миненко, 1989, с. 86].

В археологической литературе представлено мнение, что изготовление и установка тына в сравнении с заплотом более трудозатратны. Это аргументируется большим объемом земляных работ (тыновая канавка) и необходимостью обожжения оснований тыновин для их сохранности [Скобелев, 2012, с. 191]. Однако следует заметить, что такая обработка велась далеко не всегда. По результатам археологических исследований факты обожжения оснований сохранившихся тыновин не выявлены [Бородовский,

2021а, с. 373]. Кроме того, даже если объем земляных работ при возведении тыновой стены может быть и большим в сравнении с выкапыванием ям для разреженных столбовых опор заплота, то количество древесины в обоих случаях примерно одинаковое. Ширина пролета заплота не менее 3–5 м, для него требуется не меньше бревен, чем для аналогичного участка тына. Еще один аргумент в пользу заплота – в отличие от него тын на определенных типах (каменистых) грунтах возвести сложно [Скобелев, 2012, с. 191] – не актуален для суглинков Верхнего Приобья. Правда, одно преимущество заплот имеет перед тыновой стеной. Дело в том, что необожженные тыновины, судя по результатам экспериментального восстановления стен Умревинского острога, достаточно быстро начинают выпирать из общего ряда, если с внутренней стороны тына отсутствует помост. Тогда как отдельные секции горизонтально уложенных бревен заплота имеют более жесткое крепление в пазах опорных столбов, установленных вертикально. Эти столбы должны быть достаточно толстыми в сравнении с горизонтально уложенными бревнами.

Уточнения конструктивных особенностей внутреннего ограждения скита в окрестностях д. Мальцево приведены не в качестве критических замечаний в адрес указанной публикации [Пулькин, 2013], они обусловлены стремлением корректно интерпретировать сведения об этом сооружении в исходном издании [Беликов, 1905, с. 38, 40, 41]. Следует также подчеркнуть, что для XVIII в. в нем дана, пожалуй, самая развернутая характеристика старообрядческого скита, где произошла «гарь», в сравнении с другими аналогичными объектами [Пулькин, 2013, с. 266]. Не менее важно и то, что при строительстве скита в окрестностях д. Мальцево была использована техника возведения оборонительных сооружений (тын), типичная для сибирских острогов. Это не единственный случай в Верхнем Приобье. Так, в 1739 г. в лесах по рекам Чумыш и Лосиха перед сожжением были построены несколько изб и острог [Там же, с. 264].

Обсуждение

Итак, по данным письменных источников, скит в окрестностях д. Мальцево был снаружи огражден тыном, за которым располагался заплот. Высота тыновых стен составляла «три с половиной аршина» [Беликов, 1905,

с. 38], т.е. 2,45 м [Шостын, 1975, с. 256, 259]. Если учесть, что величина зарытой в землю части тыновины должна быть не менее одной трети от общей длины, то для возведения тына использовались бревна длиной ок. 3 м. По данным, полученным при археологических раскопках Умревинского острога, диаметр тыновин составлял от 15 до 25 см, а их сохранившиеся в тыновой канавке части – 70–80 см [Бородовский, Горохов, 2008, с. 75; Бородовский, 2021б, с. 96] (рис. 2). Деревья (сосны) такой толщины, как правило, растут в лесной чаще, где они тянутся к свету и имеют достаточно длинные стволы (до 15–20 м) с более или менее равномерным диаметром. Из этого сырья можно заготовить не менее трех тыновин (рис. 3). Для установки тына необходимо было вырыть канавку (рис. 4).

Рис. 2. Сохранившиеся части тыновин Умревинского острога.

Рис. 3. Экспериментальное изготовление тыновин Умревинского острога.

Рис. 4. Тыновая канавка Умревинского острога.

Археологические исследования Умревинского острога позволили выявить такое земляное сооружение, заполненное тленом от тыновин. Глубина тыновой канавки составляла 0,87 м, ширина 0,5 м [Бородовский, Горохов, 2009, с. 74; Бородовский, 2021б, с. 94].

Известные параметры тына позволяют рассчитать общие трудозатраты и объем исходного сырья. В письменных источниках для некоторых острогов указывалось точное количество тыновин, которые следовало установить при сооружении или ремонте тыновых стен. Например, для ремонта тына Илимского острога в 1753 г. было заготовлено не менее 1 500 бревен [Русские, 2003, с. 19]. Общая протяженность и конфигурация тынового ограждения скита у д. Мальцево неизвестны. Однако с учетом того, что тын ограждал внутренний заплот и девять плотно поставленных изб, площадь этого объекта была значительной. При раскопках Умревинского острога обнаружен хорошо сохранившийся участок тыновой стены в 1,5 м, состоявший из семи тыновин шириной до 20 см [Бородовский, Горохов, 2009, с. 34]. Правда, они были изготовлены из расколотых пополам бревен, хорошо отесаны и очень плотно пригнаны друг к другу. Вполне воз-

можно, что именно такой тын наблюдал И.Г. Гмелин при посещении этого острога в 1741 г. [Бородовский, 2021б, с. 99]. Опыт экспериментального восстановления тына Умревинского острога из тыновин диаметром 15–20 см показал, что на одном метре располагалось пять–шесть тыновин [Бородовский, Горохов, 2020, с. 61–63] (рис. 5). Согласно данным письменных источников, в Илимском остроге в 1703 г. на участке между двумя башнями протяженностью 61 сажень (131 м 76 см) было установлено 648 тыновин [Русские, 2003, с. 19], следовательно, их диаметр составлял 20 см или чуть больше. Такие параметры вполне сопоставимы с размерами малого и среднего сибирского острога.

Что касается заплота, то сооружения такого типа в XVIII столетии были характерны не только для жилых и хозяйственных построек, но и для некоторых острогов (Селенгинского, Енисейского, Иркутского) [Крадин, 1988, с. 63, 73, 123]. Заплот выявлен при раскопках Саянского острога на среднем Енисее [Скобелев, 2012, с. 190; 2013, 2018; Майничева, Скобелев, Береженко, 2018]. На севере Верхнего Приобья такое ограждение имели Бердский острог [Миненко, 1989, с. 90; Резун, Васильевский, 1989, с. 107; Русские остроги..., 2003, с. 13] и Сузунский медеплавильный завод. Археологические исследования последнего позволили установить, что упоминавшийся в письменных источниках при характеристике укреплений этого объекта «оплот» высотой до 3 сажень (ок. 4,5 м) в действительности являлся заплотом [Шаповалов, Росляков, 2013, с. 178–179]. В ходе раскопок удалось проследить протяженность его отдельных пролетов – до 5 м. Заплот скита в окрестностях д. Мальцево мог иметь бытовое назначение. Как уже упоминалось, во время самосожжения с него сняли одного живого человека [Беликов, 1905, с. 38]. Значит, высота заплота

Рис. 5. Восстановленная тыновая стена Умревинского острога.

была не слишком значительной, если человек смог залезть на него, – не более 1,5 м. Это наводит на мысль, что, возможно, он задумывался не только как одна из линий укреплений, но и как ограда для будущего «кладбища» старообрядческих новомучеников после их самосожжения. Следует отметить, что в ходе археологических исследований на внутренней площадке Умревинского острога, использованной впоследствии как территория кладбища конца XVIII – XIX в., были прослежены опорные столбы заплота [Бородовский, Горохов, 2009, с. 80; 2020, с. 86–89; рис. 50, 52, 59, 60, 63, 68].

Скит в окрестностях д. Мальцево состоял из девяти изб с погребями, две из них были «тесно поставлены одна к другой» [Беликов, 1905, с. 38]. Размеры этих срубных построек неизвестны. Однако, используя этнографические данные, можно рассчитать несколько вариантов общей площади жилого пространства в них. Известно, что средние размеры русской крестьянской избы варьировались от 4×4 до $5,5 \times 6,5$ м, у богатых крестьян они достигали 8×9 и 9×10 м [Русские, 2003, с. 280]. Из девяти построек в скиту жилых было семь. Поскольку сдвоенная изба выполняла роль молельного дома [Беликов, 1905, с. 38], ее параметры будут рассмотрены отдельно. При размерах срубов 4×4 м площадь семи изб составит 112 м^2 , при $5,5 \times 6,5$ м – $250,25 \text{ м}^2$, 8×9 м – 504 м^2 , 9×10 м – 630 м^2 . Однако следует учесть, что примерно четвертую или пятую часть русской избы занимала печь [Русские, 2003, с. 280]. В описании другого скита старообрядцев – в окрестностях д. Филиппово на р. Чумыш, – относящемся к 1759 г., упоминается, что «в избушке была устроена новая глинобитная печь» [Беликов, 1905, с. 38]. В таком случае общее жилое пространство семи изб 4×4 м составит $84,0\text{--}89,6 \text{ м}^2$, $5,5 \times 6,5$ м – $187,6\text{--}200,2 \text{ м}^2$, 8×9 м – $378,0\text{--}403,2 \text{ м}^2$, 9×10 м – $472,5\text{--}504,0 \text{ м}^2$. Однако, по данным археологических исследований на Умревинском остроге, размеры печи середины XVIII в., судя по опечку $3,4 \times 3,0$ м [Бородовский, Горохов, 2009, с. 59], были несколько иными. Если учесть занимаемую ей площадь ($10,2 \text{ м}^2$), то варианты для семи изб указанных размеров будут $40,6 \text{ м}^2$; $178,85$; $432,5$; $558,6 \text{ м}^2$. Теперь следует рассчитать площадь культового сооружения, состоявшего из сдвоенных срубов. Если каждый из них был 4×4 м, то общее пространство помещения составляло 32 м^2 , при размерах срубов $5,5 \times 6,5$ м – $71,5 \text{ м}^2$, 8×9 м – 144 м^2 , 9×10 м – 180 м^2 . В действительности размеры срубов могли быть и иными, также не исключено, что в этом сооружении могла быть печь. Однако в целом данную конструкцию можно охарактеризовать как двухрядную жилую застройку [Этнография..., 1981, с. 122, рис. 3, д].

Таким образом общая площадь изб скита в окрестностях д. Мальцево могла составлять от $184,6$ до

$738,6 \text{ м}^2$. Расчеты жилого пространства необходимы для оценки возможностей размещения людей в скиту. Если общее количество укрывшихся в нем первоначально доходило до 200, то на каждого человека при общей площади в $184,6 \text{ м}^2$ приходилось до $0,9 \text{ м}^2$, а при $738,6 \text{ м}^2$ – до $3,6 \text{ м}^2$.

Молельный дом (сдвоенная изба) – это помещение массового пребывания людей. При его площади 144 м^2 на каждого человека приходилось $0,72 \text{ м}^2$, а при 180 м^2 – $0,9 \text{ м}^2$. Оценка этой площади на предмет плотности расположения людей возможна с использованием формулы Г. Джейкобса, предназначенной для оперативного определения численности толпы. Расчет ведется путем сложения значений длины и ширины участка, занимаемого скоплением людей, и умножения на коэффициент плотности – 10 для плотной толпы и 7 для разреженной. В соответствии с такими расчетами люди, стоящие на расстоянии вытянутой руки, занимают по 1 м^2 ; когда между ними еще возможно пройти, плотность составляет 2 чел./ м^2 , а если они стоят плечом к плечу – 4 чел./ м^2 . Эта формула, неоднократно проверенная эмпирически, позволяет дать оценку с точностью до 20 %. Применение такого вычислительного приема к ситуации в скиту вполне корректно, поскольку в старообрядческой практике при подготовке и осуществлении самосожжения «толпы не раз сходились, чтобы сгореть» [Пулькин, 2013, с. 211].

Теперь следует сказать об особенностях жилых срубных сооружений в скиту. Поскольку «на крышах домов денно и ночью стояли караульные с ружьями в руках» [Беликов, 1905, с. 38], вполне можно предположить, что крыши были уплощенные. Судя по этнографическим данным, в Сибири верхний бревенчатый накат изб в ряде случаев мог быть одновременно потолком и кровлей. Сверху на такую крышу в целях тепло- и гидроизоляции насыпали толстый слой земли [Этнография..., 1981, с. 112]. Однако если кровли использовались как караульные площадки, то избы должны были явно выше внешней тыновой стены ($2,45$ м). Высота 3 м с учетом расстояния от тыновой стены вполне достаточна для того, чтобы крыша служила боевым помостом. Сруб избы мог выполнять функции боевой башни. К примеру, при описании созданного в 1697 г. Каштакского острога указано, что «на углах построено четыре избы, а на трех избах построены три башни» [Каштакский сереброплавильный промысел, 2016, с. 98].

Описанные сооружения скита в окрестностях д. Мальцево ведомства Чаусского острога отражают тот факт, что старообрядческие «учителя самогубительной смерти» явно обладали необходимыми техническими познаниями [Пулькин, 2013, с. 241]. В этой связи следует обратить внимание на фигуру проповедника Федора Немчинова, сына казачьего началь-

ника, имевшего чин «головы» [Беликов, 1905, с. 38]. Помимо родственной связи с достаточно высоким чином из казацкой среды, вовлеченной не только в воинскую службу, но и в острожное строительство, важно его происхождение из г. Тары. В ведомстве Чаусского острога с 20-х гг. XVIII в. проживало много выходцев из этого города и его округа, бежавших от преследования за отказ присягать императрице Екатерине I после петровского указа о престолонаследии от 1722 г. [Миненко, 1984, с. 9]. Среди них были и старообрядцы, часть из которых пострадала в ходе антиправительственных волнений в г. Таре [Пулькин, 2013, с. 213]. Следует отметить, что в строительстве старообрядческих скитов в Верхнем Приобье участвовало достаточно много крестьян, либо проживавших в острогах (выходец из Бердского острога, руководивший самосожжениями на реках Чумыш и Лосиха в 1739 г.) [Там же, с. 264], либо длительно трудившихся в непосредственной близости от них (крестьяне из скита в окрестностях д. Мальцево) [Там же, с. 40, 41]. Кроме того, и крестьянская усадьба иногда обносилась оградой типа острожной [Этнография..., 1981, с. 116].

Заключение

Детальный анализ сведений письменных источников о старообрядческом ските в окрестностях д. Мальцево ведомства Чаусского острога, сгоревшем в 1756 г., подтверждает факт длительного сохранения традиций фортификации Московского царства, которые окончательно сформировались еще в XVII в. Это обусловлено не только идеологической приверженностью сибирских старообрядцев «правилам старины», но и практикой сооружения русских острогов в Верхнем Приобье в XVIII столетии по «стандартам» допетровской эпохи. Одним из наглядных примеров являются результаты археологических исследований Умревинского острога, в котором вплоть до первой трети XVIII в. возводились оборонительные сооружения (башни) бастейного, а не бастионного типа [Бородовский, 2021б, с. 100].

При строительстве скита в окрестностях д. Мальцево был выполнен значительный объем земляных работ. Кроме внешней тыновой канавки и ям для опор внутреннего заплота, под избами были вырыты погреба, где хранились солома и смолье для самосожжения [Беликов, 1905, с. 38]. Их могло быть девять или восемь, если дом-молельня (двойная изба) имел один общий. Характеристика земляных сооружений крайне важна при возможном обнаружении в будущем этого скита как объекта археологического наследия. На уровне условной материковой поверхности его остатки должны быть окружены тыновой канавкой, за которой расположены единичные ямы

от столбов внутреннего заплота. В центральной части этого объекта должно находиться несколько котлованов (погребов), один из которых может быть большего размера. Культурный слой должен содержать многочисленные следы горения. Это типично не только для единомоментно сгоревших компактных комплексов деревянных сооружений, но и для таких объектов, как остроги, неоднократно пострадавшие от пожаров [Бородовский, 2021а].

Для деревянных оборонительных и заградительных сооружений старообрядческого скита в окрестностях д. Мальцево характерно сочетание заплотной и тыновой техники возведения стен. По данным письменных источников и результатам археологических исследований, это свойственно деревянным укреплениям целого ряда острогов Сибири (Селенгинского, Енисейского, Иркутского, Саянского). В Верхнем Приобье стены заплотного типа были и у Сузунского медеплавильного завода и монетного двора. Однако заплот гипотетически может соотноситься с кладбищенскими оградами, что археологически прослежено на некрополе, образовавшемся на рубеже XVIII–XIX вв. на территории Умревинского острога. Выявление недолго существовавшего сожженного скита у д. Мальцево, точное место расположения которого неизвестно, очень важно. Это позволит археологически исследовать один из репрезентативных комплексов старообрядческой культуры начала второй половины XVIII в. на верхней Оби.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005.

Список литературы

- Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. – Томск: [Паровая тип. Н.И. Орловой], 1905. – 68 с.
- Бородовский А.П. Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021а. – Т. XXVII. – С. 371–376.
- Бородовский А.П. Изменения деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога (по данным археологических и письменных источников) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021б. – Т. 49, № 2. – С. 94–101. – doi:10.17746/1563-0102.2021.49.2.094-101
- Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 70–82.
- Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 220 с.

Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.

Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.

Каштакский сереброплавильный промысел: сб. док. и мат-лов / сост. В.Н. Добжанский, А.Н. Ермолаев. – Кемерово: [б.и.], 2016. – 192 с. – (Документальное наследие Кузбасса; вып. 2).

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 191 с.

Майничева А.Ю., Скобелев С.Г., Береженко Д.Ю. Реконструкция деревоземляных внутрикрепостных построек как знаковых сооружений Сибири XVII–XVIII веков (на примере Саянского острога) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 100–108. – doi:10.17746/1563-0102.2018.46.4.100-108

Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 226 с.

Миненко Н.А. История Новосибирской области с древнейших времен до конца XIX века. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 79 с.

Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1984. – С. 3–32.

Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области / сост. Л.М. Горюшкин, Б.И. Семко. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – С. 80–91.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. – 184 с.

Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. – 336 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Романов П.И. Обветшание и ремонт оборонительных конструкций приобских острогов Томского уезда в

XVIII веке // Баландинские чтения. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусства, 2019. – Т. XIV. – С. 258–262.

Русские. – М.: Наука, 2003. – 827 с.

Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / сост. А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2003. – 44 с.

Сибирская жизнь. – 1897. – № 276. – 25 с.

Скобелев С.Г. Стены Саянского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 187–193.

Скобелев С.Г. Стены заплотного типа в русском сибирском остроге (на примере Саянского острога XVIII в.) // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 166–171.

Скобелев С.Г. Варианты виртуальной реконструкции Саянского острога на Енисее // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Новокузнецк, 25–26 окт. 2018 г. – Новокузнецк: Новокузн. фил. Кем. гос. ун-та, 2018. – С. 73–81.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск: Сиб. краев. стат. отд., 1928. – Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. – 833 с.

Толковый словарь живого великорусского языка / авт.-сост. В.И. Даль. – 2-е изд. – СПб.: [Тип. М.О. Вольфа], 1882. – Т. 3. – 584 с.

Шаповалов А.В., Росляков С.Г. Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 175–179.

Шостынь Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. – М.: Изд-во стандартов, 1975. – 272 с.

Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XVIII в. / отв. ред. В.А. Александров. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

*Материал поступил в редколлегию 08.08.22 г.,
в окончательном варианте – 05.10.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.110-119
УДК 392/394(=511.1)(571.121/571.122)

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bau194@yandex.ru

Изделия урало-венгерского центра IX–X веков из культовых комплексов обских угров: новые материалы

В статье вводятся в научный оборот четыре серебряных блюда и одна медная бляха из культовых комплексов обских угров, расположенных на территории Ямало-Ненецкого а.о. и Ханты-Мансийского а.о.-Югры. Представленные находки – блюдо с изображением птицы, схватившей рыбу; блюдо и бляха с фигурой оленя; медальон блюда с изображением грифона и двух летящих птиц; разрезанное на пластины блюдо со сценой свадебного пира – автор относит к продукции урало-венгерского центра IX–X вв. Приводится описание находок, указаны аналоги из средневековых мастерских Ирана и Средней Азии. Семь изделий урало-венгерского центра по технологическим и орнаментальным признакам выделены в отдельную подгруппу. Данные предметы изготовлены из трех наложенных один на другой серебряных листов без золочения; декор выполнен с лицевой стороны тонким точечным чеканом; на оборотной стороне отчетливо виден негатив изображения. Орнаментация включает узор бордюра из двух расположенных поперек него параллельных дуг и отходящего от них вертикального штриха с тремя круглыми отпечатками чекана, сгруппированными в пирамидку; отпечаток пунсона на лапе животного; люди и животные изображены с большими миндалевидными глазами с радужной оболочкой без зрачка. Среди изделий урало-венгерского центра впервые встречено блюдо с изображением, процарапанным поверх основной композиции. Объясняется, почему публикуемые предметы оказались в культовой сфере обских угров; приводятся варианты их использования в религиозно-обрядовой практике.

Ключевые слова: урало-венгерский центр, серебро, блюдо, олень, всадник, грифон.

A.V. Baulo

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bau194@yandex.ru

Artifacts from the Ural-Hungarian Center (800–1000 AD), Recently Found at Ob Ugrian Sanctuaries

This article introduces four silver dishes and a copper plaque from Ob Ugrian sanctuaries in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi (Yugra) Autonomous Okrugs. A dish representing a bird snatching a fish; a dish and a plaque representing deer; a medallion of a dish showing a griffin and two flying birds; and a dish (sliced into pieces) with a scene of a wedding feast were apparently manufactured at the Ural-Hungarian center in the 9th or 10th century. Parallels from medieval workshops of Iran and Central Asia are listed. In terms of technology and ornamentation, seven artifacts from the Ural-Hungarian center can be regarded as a separate subgroup. Each is made from three superimposed silver sheets without gilding and has a thin punched ornamentation on the face (its negative image is clearly visible on the reverse side). The ornamentation includes a border consisting of two parallel arches and a vertical dash with three round imprints of a punch, arranged in a pyramid, and a punch imprint on the animal's paw. Both humans and animals have large almond-shaped eyes with iris but no pupil. A dish with a scratched drawing superimposed on the principal composition is the first known example of such an item among the Ural-Hungarian artifacts. An explanation is provided as to why those artifacts survived in the ritual practice of Ob Ugrians, and ways they could be used in the ritual are suggested.

Keywords: Ural-Hungarian center; silver; dish; deer; horseman, griffin.

Введение

Север Западной Сибири за последние полвека приобрел статус сокровищницы серебряных сосудов из Ирана, Средней Азии, Византии, Волжской Булгарии, Европы и др., оказавшихся на данной территории в эпоху Средневековья (см., напр.: [Сокровища Приобья, 1996; Сокровища Приобья..., 2003; Бауло, 2002; Федорова, 2019; и др.]). Особое место в этом импорте занимают несколько серебряных сосудов, которые первоначально Б.И. Маршаком были отнесены к раннемадьярской группе [Сокровища Приобья, 1996, № 53–55]. По мнению исследователя, в Восточной Европе существовал производственный центр, продукция которого по стилю была близка к изделиям как позднесогдийских мастеров начала IX в., так и мадьярских конца IX – X в., хотя вещей раннемадьярской группы не было обнаружено ни на территории Венгрии («страна Ателькуза»), куда мадьяры пришли в последние годы IX в., ни вдоль пути их переселения в VIII–IX вв. [Маршак, 1996, с. 16]. Н.В. Федорова, изучив все известные в начале XXI в. подобные предметы и места их обнаружения, высказала предположение, что это изделия венгерских мастеров «Великой Венгрии» (или первоначальной Венгрии, которая у восточных географов ассоциировалась со страной башкиров), т.е. приуральских центров расселения венгров до начала их переселения в Европу [2003, с. 141–144].

Обнаруженные в начале XXI в. в культовых комплексах хантов на территории Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) изделия, в частности, большое блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя, стали дополнительным свидетельством в пользу уральской локализации венгерской группы серебряных блюд. Стало понятно, что это не продукция дунайской Венгрии и что в иконографии и стиле этих сосудов сочетаются признаки зарождавшегося искусства восточно-европейских кочевых венгров, старой уральской традиции их предков и торевики Аббасидского халифата и государства Саманидов [Бауло, Маршак, Федорова, 2004]. Мастера этого центра были связаны с традициями Средней Азии. В качестве образцов они выбирали попавшие в их мастерские согдийские и хорасанские сосуды, а затем развивали и варьировали мотивы их декора. Для некоторых изображений и орнаментов на изделиях данного центра можно найти среднеазиатские и иранские аналоги X в. [Маршак, 1996, с. 16–18]. Атрибутирующими признаками изделий урало-венгерского центра являются такие элементы декора, как контур из двух дуг с отходящим от них штрихом, штрих с тремя сгруппированными треугольником точками, отпечаток пунсона на лапе животного;

кроме того, серебряные блюда изготовлены методом наложения друг на друга трех листов металла.

До публикации данной статьи группа урало-венгерского серебра IX–X вв. состояла из семи серебряных сосудов [Федорова, 2019, с. 75]. Задачами статьи являются введение в научный оборот пяти изделий, которые по вышеперечисленным признакам можно атрибутировать как урало-венгерские, а также выделение в этой группе сосудов, изготовленных в одной мастерской.

Описание и атрибуция новых находок

В июне 2022 г. в Музее Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске состоялось открытие выставки «Обские угры: Дом и Космос», посвященной юбилею известного этнографа И.Н. Гемьева (1942–2005). На ней удалось познакомиться с мужчиной – представителем одной из фамилий хантов, проживающих в бассейне р. Назым (Ханты-Мансийский р-н ХМАО-Югры). Он рассказал о том, что у его деда в верховьях Назыма хранились «старинные вещи», которые после его смерти забрали в городскую квартиру. Это оказались предметы традиционной утвари из бересты и сукна, а также предметы культа – серебряная чаша и большая медная бляха, завернутые в платки. О том, каким образом вещи попали к деду и как их использовали в обрядовой сфере, мужчина не знал и рассказал лишь о том, что чаша и бляха хранились в небольшом сундучке в священном углу дома.

Серебряное блюдо (чаша) с изображением хищной птицы и рыбы (рис. 1, а, б). Круглое блюдо диаметром 20,5 см выполнено ковкой из трех наложенных один на другой металлических листов, вертикальный бортик утолщен, снизу с лицевой стороны пройден чеканом. Декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны. На оборотной поверхности отчетливо виден негатив изображения.

Декор сосредоточен в центральном медальоне. Медальон круглый, диаметром 11 см, обведен бордюром шириной 0,5 см. Бордюр орнаментирован узором, состоящим из двух параллельных дуг, которые расположены поперек, и отходящего от них вертикального штриха с тремя круглыми отпечатками чекана, сгруппированными в пирамидку. Композиция состоит из двух взаимодействующих персонажей: хищная птица держит в лапах крупную рыбу.

Туловище и голова птицы изображены в профиль, крылья распахнуты, мощные когтистые лапы удерживают рыбу. От крыльев вниз спускаются по шесть перьев, орнаментированных насечками. Туловище гладкое, неорнаментированное. Лапы четырехпалые, один палец резко отставлен, на каждой

а

б

в

Рис. 1. Серебряное блюдо с изображением птицы, схватившей рыбу. Урало-венгерский центр, IX–X вв. а – лицевая сторона; б – оборотная сторона; в – граффити в виде личины на груди птицы.

лапе – отпечаток пунсона. Хвост состоит из шести перьев, заштрихованных насечками, и отделен от туловища полоской жемчужин. Глаз круглый со зрачком, вправо от глаза отходит линия. Клюв загнут вниз, в его основании – отпечаток пунсона. Линии крыльев в их основании и туловища завершаются узором в виде трех отпечатков пунсона, сгруппированных в пирамидку.

Рыба изображена в профиль, выделены хвост и плавники. Чешуя передана в виде овалов, оконтуренных насечками, ориентирована влево, внутри каж-

дого овала имеется дополнительная насечка. Глаз обозначен отпечатком пунсона.

На груди птицы – более поздняя слабо читаемая гравированная антропоморфная личина (рис. 1, в). Граффити, выполненное поверх имевшегося изображения, на изделиях урало-венгерской группы встречено впервые.

Аналоги. Хищная птица обычно показана стоящей на животном: на позднеасанидском блюде VII–VIII вв. орел с распахнутыми крыльями стоит на спине лани [Тревер, Луконин, 1987, с. 116, кат. № 29]; хищная птица на спине газели изображена в овальном медальоне серебряной бутылки VI–VII вв., которая была обнаружена около д. Куриловой Осинского у. Пермской губ. [Там же, с. 116, кат. № 31], и на блюде VII–VIII вв. из клада, найденного у д. Мальцевой Кудымкарского р-на Пермской губ. [Там же, с. 119, кат. № 41]; сюжет «птица на спине оленя» передан на блюде X в. из Томской губ. [Сокровища Приобья..., 2003, кат. 28] и на блюде IX–X вв. из Шурышкарского р-на ЯНАО [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с. 108, рис. 1].

Большая бляха с изображением оленя (рис. 2). Диаметр 19,5 см, масса 144 г. Изделие выполнено ковкой из медного листа, чуть выпуклое. По краю бляхи ударами с оборотной стороны выбиты крупные круглые жемчужины. В верхней части бляхи с оборотной стороны просверлены два крупных отверстия, под рогами оленя – также два отверстия, но меньшего диаметра. Поскольку в зоне крупных отверстий не были прочеканены жемчужины, можно предположить, что четыре отверстия просверлили для крепления ручки.

Декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны. На обороте отчетливо виден нега-

Рис. 2. Медная бляха с изображением оленя. Урало-венгерский центр, IX–X вв.
а – фотография; б – прорисовка.

тив изображения. Декор сосредоточен в центральном медальоне. Медальон круглый, диаметром 15,5 см, обведен бордюром шириной 0,8 см. Бордюр орнаментирован узором, состоящим из дуг, расположенных поперек него, и трех круглых отпечатков чекана, сгруппированных в пирамидку.

Фигура оленя вписана в границы медальона. Животное, ориентированное влево, показано в профиль, возможно, в прыжке. Рога из четырех отростков. Очертания, пропорции тела, рисунок короткого хвоста соответствуют реальному прототипу; задние ноги сведены вместе, передние раздвоены, правая нога поднята вверх. Раздвоенные копыта непропорционально длинные. В середине линии живота обозначен небольшой вертикальный отросток. Из пасти оленя свешивается плод или бутон цветка.

В нижней части медальона от бордюра поднимается на стебле пальметтовидный цветок, верхние лепестки которого украшены узором в виде трех кружков на коротком стебельке. Подобный растительный мотив типичен для торевтики восточных районов Средней Азии VIII–IX вв. [Даркевич, 1976, с. 87].

Аналоги. Оформление края прочеканенной с оборотной стороны полоской жемчужин характерно для круглых кованых серебряных западносибирских блях X–XII вв. (см., напр.: [Спицын, 1906, рис. 53, с. 32; Чернецов, 1957, с. 243; Бауло, 2011, с. 124, 243–244; и др.]). Подобными жемчужинами украшены найденная в погр. 73 Сайгатинского VI могильника бронзовая литая бляха X–XI вв. с фигурой филина [Древние бронзы Оби..., 2000, кат. № 28], которая тождественна изображению филина на войкарском

блюде [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с. 108, рис. 1], и бляха IX–X вв. с изображениями медведя, рыбы и двух змей из бассейна р. Конда [Бауло, 2013, рис. 4]. На публикуемой бляхе с оленем жемчужины по краю изделия, возможно, были нанесены позже; подобным образом был доработан край серебряной бляхи IX–X вв. из кондинского могильника [Там же, рис. 1].

Серебряное блюдо с изображением оленя (рис. 3). Хранится на стойбище хантов в бассейне

Рис. 3. Серебряное блюдо с изображением оленя.
Урало-венгерский центр, IX–X вв.

Рис. 4. Культовый амбарчик хантов.

р. Охлым (Ханты-Мансийский р-н ХМАО-Югры). Диаметр 19 см. Блюдо выполнено ковкой из трех наложенных один на другой металлических листов. Вертикальный бортик утолщен, снизу с лицевой стороны пройден чеканом. Декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны. На оборотной стороне отчетливо виден негатив изображения. Под бортиком просверлено небольшое отверстие.

Декор сосредоточен в центральном медальоне. Медальон круглый, диаметром 12 см, обведен бордюром шириной 0,5 см. Бордюр орнаментирован узором из двух параллельных дуг, расположенных поперек него.

Фигура оленя вписана в границы медальона, при этом три роговых отростка наложены на бордюр, это позволяет предполагать, что первым был изображен олень, а потом вокруг него нанесены линии бордюра. Животное показано в профиль, в движении влево. Рога из шести отростков. Большой овальной формы глаз без зрачка. На крупе двумя ладьевидными фигурами условно переданы ребра. Из пасти оленя свешивается плод или бутон цветка. Очертания, пропорции тела, рисунок короткого хвоста, копыта соответствуют реальному прототипу.

Медальон серебряного блюда. Хранится в сундучке в священном амбарчике казымских хантов в ка-

честве жертвенного приклада (рис. 4). Изделие является вырубком из большого блюда, диаметр медальона 14 см, ширина бордюра 0,6 см (рис. 5). Бордюр орнаментирован узором, состоящим из дуг, расположенных поперек, и трех круглых отпечатков чекана, сгруппированных в пирамидку. Декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны. На оборотной стороне отчетливо виден негатив изображения.

В композиции центральное место занимает фигура грифона, над и под ней изображены летящие утки.

Рис. 5. Медальон серебряного блюда с изображением грифона и летящих птиц. Урало-венгерский центр, IX–X вв.

а – фотография; б – прорисовка.

Грифон – мифический зверь с телом льва и головой орла – показан в профиль, идущим влево. У него массивное тулово, мощные когтистые лапы. На каждой лапе – отпечаток пунсона. Поднятый вверх хвост с кисточкой в виде пальметты орнаментирован волнистой линией. Линии живота и лап заштрихованы – таким образом, возможно, показана шерсть; линии в основании левых лап и нижняя линия головы заканчиваются узором в виде трех отпечатков пунсона, сгруппированных в пирамидку. Так же украшены линии верхнего крыла и ребер. В середине линии живота – небольшой вертикальный отросток. Условно переданы линии ребер. На шее, в центре тулова – орнамент в виде трех круглых отпечатков пунсона, сгруппированных в пирамидку. От спины отходят два крыла, каждое с шестью перьями, заштрихованными насечками. У грифона небольшая, не пропорциональная массивному тулову голова; показаны загнутый вниз клюв (в его основании – отпечаток пунсона) и ухо на макушке. Глаз миндалевидной формы со зрачком.

Утки изображены в профиль, в полете к зрителю. Клюв удлинённый, прямоугольной формы. Длинная шея вытянута и заштрихована насечками, крыло поднято, лапа поджата к животу. На крыле и хвосте верхней птицы по пять перьев, нижней птицы – по четыре; все перья орнаментированы короткими насечками. На плавно обрисованной лапе, прижатой к животу, – отпечаток круглого пунсона.

Аналоги. Образы близкого к грифону сенмурва известны на иранских и согдийских серебряных сосудах VII–VIII вв. [Даркевич, 1976, с. 64, рис. 4; табл. 5, 3; Маршак, 1971, с. 21, 22]. Грифоны изображены на двух золотых сосудах VII в. из Надь-Сент-Миклошского клада (территория современной Румынии): одиночный образ грифона – на чаше с пряжкой, грифон, терзающий оленя, – на одном из медальонов на кувшине. Сам клад долгое время остается предметом споров: его могли захоронить древние болгары или авары; не исключено, что находившиеся в нем сосуды были изготовлены хазарами. Многие исследователи придерживаются мнения о том, что владельцами сосудов клада в X–XI вв. являлись венгры [The Gold of the Avars..., 2002, p. 17, N 2; p. 40, N 20; p. 59–61]. В согдийском искусстве следует выделить росписи VII в., украшавшие дворец в Варахше: воин и погонщик слона отбиваются от грифонов; один из залов по оформлению получил название «зал грифонов» (датируется примерно VII–VIII вв.) [Дьяконов, 1954, с. 93, рис. 2; с. 142–143, рис. 14].

В Больше-Тиганском могильнике IX в. (Алексеевский р-н Республики Татарстан), который связывают с одной из групп ранних венгров, живших на левом берегу в нижнем течении Камы, найдены поясные бляшки с изображениями, по определению авторов раско-

Рис. 6. Серебряная бляха с изображением грифона.

пок, собак-сенмурвов [Финно-угры..., 1987, с. 238, 239; 352, рис. 9]; эти существа похожи и на молодых львов с крыльями и птичьей головой, т.е. грифонов. В д. Лопхари Шурышкарского р-на ЯНАО в составе клада была большая серебряная чаша с изображением сцены полета Александра на грифонах (Византия, конец XII – начало XIII в.) [Сокровища Приобья, 1996, кат. 69]. Клад, обнаруженный в Тазовском р-не ЯНАО, включает большую серебряную бляху с фигурой грифона (диаметр 12 см; хранится в фондах Тазовского районного краеведческого музея) (рис. 6).

Изображение грифона на блюде из амбарчика кызымских хантов, в отличие от изящных львинообразных фигур в искусстве Ирана и Согда, массивное. Выполняя заказ, мастер, скорее всего, ориентировался на фигуру быка – животного, которое он мог видеть в действительности.

Серебряное блюдо, разрезанное на пластины (рис. 7). Сохранились крупный фрагмент верхней части чаши и пять узких пластин. По информации, полученной от местных жителей, пластины были нашиты на меховую одежду погребенного в неизвестном могильнике на территории Приуральского р-на ЯНАО.

Изначальный диаметр находки 26 см, диаметр медальона 20 см. Декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны.

В медальон вписана композиция из сидящих в креслах друг напротив друга мужчины и женщины, между которыми изображен прямоугольный сосуд для вина (?) с двумя ручками. Кружку с закругленным дном женщина правой рукой передает мужчине, который левой рукой тянется к ее голове, вероятно, пытаясь обнять. На фрагменте настенной живописи

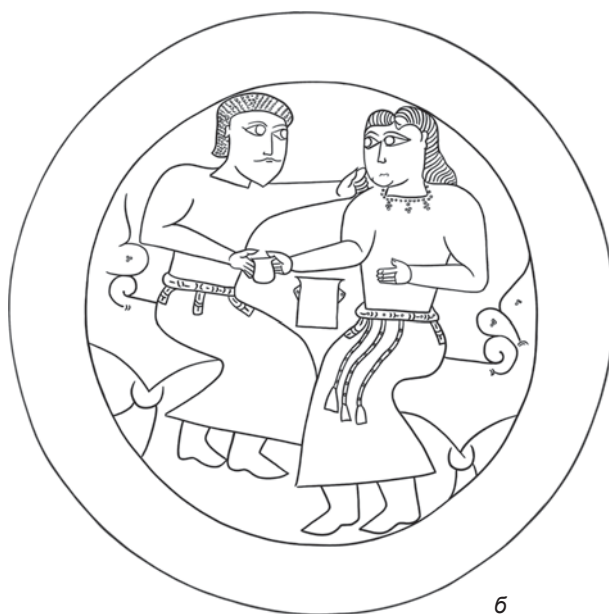

Рис. 7. Серебряное блюдо, разрезанное на пластины.
Урало-венгерский центр, IX–X вв.
а – фотография; б – прорисовка.

в Пенджикенте (объект XVI, помещение 10) показано, что согдийцы эпохи раннего Средневековья держали кружки для вина в руке при помощи специального щитка-упора, прикрепленного к верхней части ручки,

на котором располагался большой палец [Маршак, 2017, с. 503, рис. 21].

Лица персонажей овальные, длинные брови расположены параллельно верхнему контуру больших миндалевидных глаз, у которых обозначена радужная оболочка, но не изображен зрачок.

Линия прямого носа тянется от внутренних углов глаз, рты персонажей маленькие, у мужчины короткие усы. У женщины полукруглый подбородок, а у мужчины клиновидный, возможно, так условно передана небольшая борода. Волосы у мужчины короткие, надо лбом показаны полосками, на затылке – точками; видно небольшое правое ухо. У женщины волосы переданы двумя заштрихованными волнами; очерчено маленькое левое ухо. Кисти рук с обозначенными ногтями.

Оба персонажа в длинных рубахах. Из-под подола рубах видны остроносые сапоги с каблуками. Рубахи с узким воротом, без воротника, с длинными узкими рукавами. Ворот женской рубахи украшен вышивкой или нашивками. Узкие пояса орнаментированы узором из двух поперечных параллельных дуг, от которых отходит штрих с точкой. С поясов свисают короткие прямоугольные полосы, оформленные так же, как пояса. Возможно, у мужчины таким образом показаны подвесы для ножен меча или кинжала. У женщины от пояса дополнительно свешиваются три узких длинных шнура с колоколовидными подвесками; шнуры орнаментированы небольшими кружками.

Блюдо сохранилось в виде пластин, поэтому точно описать кресла невозможно; их спинки украшены узором в виде пальметт (внутри них – узоры из трех кружков пунсона, сгруппированных в пирамидки), а ножки представляют собой столбики, вставленные в шары.

Аналоги. Разрезанные серебряные чаши известны в материалах средневековых памятников. Среди них – пластины центрального медальона блюда с изображением всадника (урало-венгерский центр, IX в.), которое предположительно происходит из могильника Хето-се на юге п-ова Ямал [Сокровища Приобья..., 2003, кат. 22]. Еще один пример – разрезанный на пластины медальон чаши IX–X вв. с изображением мужчины и женщины, найденный в верховьях р. Конда (Советский р-н ХМАО-Югры): в погребении находились останки умершего, одетого в шубу; поверх нее в районе груди лицевой поверхностью вниз равномерно были уложены серебряные пластины [Бауло, 2013].

Пояса с подвесками на шнурах являются элементами одежды женщин, показанных на кувшине с изображениями музыкантов и на серебряном блюде со сценой царского пира. Б.И. Маршак атрибуировал оба сосуда как согдийские и датировал

VIII–IX вв. [1971, с. 23, 91, 92], а В.П. Даркевич относил их к продукции Восточного Ирана второй половины VIII – первой половины IX в. [1976, с. 40, 41; табл. VI, 4; VII, 4]. Пояса в виде узкой полоски с тремя подвесными ремешками известны по фрескам Самарры (Ирак) и Лашкари Базара (Афганистан); такими же поясами подпоясаны два персонажа, которые показаны на ковше XI в., найденном у пос. Шурышкары [Сокровища Приобья, 1996, с. 85–89], и мужчина, изображенный на кондинской серебряной бляхе IX–X вв. [Бауло, 2013, рис. 1].

Застольная сцена представлена на внешней стороне серебряной чаши (Северный Тохаристан (?), VI–VII вв.), найденной в Пермском крае: в позе лотоса сидят слева женщина и справа мужчина с поднятым в руке бокалом [Маршак, 2017, с. 496, рис. 16]. На дне найденной в Кустанае (Казахстан) серебряной чаши (Тохаристан или земли к югу от него, IV–V вв.) со сценами из трагедий Еврипида изображены сидящие слева мужчина и справа женщина [Там же, с. 498, рис. 18]. В росписи VII–VIII вв. на южной стене (объект XXIV) в Пенджикенте показана сцена пира: мужчина и женщина сидят лицом друг к другу на длинной скамье, в руках у каждого – фигурный ритон [Средняя Азия..., 1999, табл. 33, 4]. А.М. Беленицкий в росписях Пенджикента были выявлены иллюстрации к сказанию о Рустаме (зал VI/41) из поэмы Х. Фирдоуси «Шахнаме» («Книга царей») [1973, с. 47, 48]. Можно предположить, что на нашей чаше воспроизведен известный сюжет данной поэмы – «Рустам берет в жены дочь шаха Самангана – Тахмину».

Таким образом, совокупность ранее упомянутых признаков торовитки однозначно позволяет отнести вводимые в научный оборот изделия к продукции урало-венгерского центра IX–X вв.

О выделении группы изделий урало-венгерского центра, относящихся к одной мастерской

Сегодня можно говорить уже о 12 изделиях урало-венгерского центра, из них 11 выполнены из серебра, одно – из меди*. Это блюда с изображением всадника с копьем с территории ЯНАО [Сокровища Приобья..., 2003, кат. 19], льва из д. Кудесовой Чердынского у. [Там же, кат. 20], всадника в доспе-

хах из с. Мужы [Там же, кат. 21], всадника с ловчей птицей из могильника Хето-се [Там же, кат. 22], всадника с ловчей птицей и слугой из починка Утемилский Вятского у. [Даркевич, 1976, табл. 56, 4], филина на олене [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, рис. 1], всадника и льва [Там же, рис. 3] (последние два из бассейна р. Войкар, Шурышкарский р-н ЯНАО) и публикуемые в данной статье пять предметов. Территориально изделия разделяются на две группы: два блюда из Прикамья, остальные – с территории ЯНАО и ХМАО-Югры. Четыре чаши выполнены с золочением, остальные не имеют признаков золочения.

Следует отметить, что сюжеты, запечатленные на сосудах этой группы, восходят к искусству Ирана и Средней Азии [Маршак, 1996, с. 16–18]; какой-либо сибирской специфики они не имеют. Следовательно, изделия, оказавшиеся на севере Западной Сибири, были выполнены не на заказ для местной знати; это была обычная продукция мастерских, которую экспортировали в рамках каких-то обменных связей.

Анализ основных деталей всех 12 находок позволяет объединить 5 впервые публикуемых предметов и 2 войкарских блюда – с филином, стоящим на олене и со всадником, убивающим льва [Бауло, Маршак, Федорова, 2004] – в подгруппу изделий урало-венгерского центра. С достаточной степенью уверенности изделия данной подгруппы можно связать с одной мастерской. Основные признаки этой подгруппы следующие (см. таблицу):

технологические – предметы изготовлены из трех наложенных один на другой серебряных листов* без применения золочения; вертикальный бортик утолщен, снизу с лицевой стороны пройден чеканом; декор выполнен тонким точечным чеканом с лицевой стороны; с оборотной отчетливо виден негатив изображения;

орнаментальные – узор на бордюре состоит из двух параллельных дуг, расположенных поперек него, и отходящего от них вертикального штриха с тремя круглыми отпечатками чекана, которые сгруппированы в пирамидку; завершение линии узором из трех отпечатков пунсона, сгруппированных в пирамидку; отпечаток пунсона на лапе животного; отпечаток пунсона в основании клюва; вертикальный отросток на линии живота; оформление перьев хвоста и крыльев насечками; раздвоенные длинные копыта; большие миндалевидные глаза с радужной оболочкой

*По мнению Н.В. Федоровой, к этой же группе, возможно, относятся два бронзовых ковша с ручкой, на которых изображен сидящий человек с бобром на руках [2019, с. 76], но они в данной статье не рассматриваются, т.к. по основным признакам не соответствуют изделиям урало-венгерского центра.

*Количественным химическим анализом определено содержание серебра в верхнем, среднем и нижнем слоях серебряного блюда с изображением филина, стоящего на олене: 60,5; ~37,0; ~63,6 % массы соответственно [Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с. 110].

Основные технологические и орнаментальные признаки изделий УВЦ выделенной подгруппы

Признаки	Филин на олене* (чаша)	Всадник и лев* (чаша)	Птица и рыба (чаша)	Олень (бляха)	Олень (чаша)	Грифон (медальон)	«Пир» (чаша)
Чаша из трех листов серебра	+	+	+	–	+	+	+
Узор из двух параллельных дуг и отходящего от них штриха с тремя отпечатками чекана, сгруппированными в пирамидку	+	+	+	+	+	+	+
	(Бордюры)	(Пояс всадника, сбруйный ремень коня)	(Бордюры)	(Бордюры)	(Бордюры: только дуги)	(Бордюры)	(Пояса)
Завершение линий узором из трех отпечатков пунсона, сгруппированных в пирамидку	–	–	+	–	–	+	–
Отпечаток пунсона на лапе	+	+	+	+	–	+	–
Отпечаток пунсона в основании клюва	–	–	+	–	–	+	–
Вертикальный отросток на линии живота	+	+	–	+	–	+	–
Оформление перьев хвоста и крыльев насечками	+	+	+	–	–	+	–
Раздвоенные длинные копыта	+	+	–	+	–	–	–
Большие миндалевидные глаза с радужной оболочкой без зрачка	–	+	–	–	–	–	+
		(Всадник, лев, конь)					(Мужчина, женщина)

* Опубликованы [Бауло, Маршак, Федорова, 2004].

без зрачка у людей и животных. На серебряном блюде с изображением фигуры оленя из бассейна р. Охлым меньше всего деталей, характерных для продукции урало-венгерского центра.

Заключение

Публикация пяти новых предметов позволяет не только дополнить список известных изделий урало-венгерского центра, но и выделить в нем подгруппу вещей, возможно, относящихся к продукции одной мастерской. Ареал предметов торевтики из урало-венгерского центра на территории Западной Сибири расширился за счет включения в него территорий к югу до устья Иртыша.

На всех найденных ранее блюдах из указанного центра переданы образы реальных людей и животных; медальон блюда казымских хантов является первым изделием среди продукции этого центра, на котором изображено мифическое существо – грифон. Более того, очевидно его сходство с фигурой грифона на литой серебряной бляхе. Напомню, что Н.В. Федорова одним из характерных признаков изделий урало-венгерского центра считала сходство с бронзовыми художественными отливками западносибир-

ского производства (пример – блюдо с изображением филина, стоящего на олене) [2019, с. 76]; ее мнение можно распространить и на круг литых серебряных изделий. Данные бляхи, вероятно, также относились к продукции урало-венгерского центра, следовательно, их можно датировать IX–X вв.

Из других особенностей публикуемых в статье изделий необходимо отметить впервые зафиксированное граффити, которое было нанесено поверх уже имевшейся композиции. Важно, что антропоморфная личина процарапана на груди хищной птицы (см. рис. 1, в); возможно, для автора рисунка образцом служило бронзовое литое изображение птицы с распахнутыми крыльями и личиной на груди. Подобные отливки широко представлены в средневековых памятниках на севере Западной Сибири (см., напр.: [Бауло, 2011, кат. 290, 292, 294, 300, 301; и др.]).

На вопрос, почему серебряные блюда и медная бляха оказались в культовой сфере обских угров, можно дать два ответа. Первый – образы оленя или птицы, схватившей рыбу, были понятны сибирскому населению. Второй связан с мифологическим подтекстом, проявившимся в образах на серебряном медальоне с р. Казым: они могли быть соотнесены с популярным у вогулов и остяков божеством – *Мир-сусне-хумом*, который в сказаниях передвигался

на крылатом коне* и в случае опасности был способен превратиться в гуся [Гондатти, 1888, с. 18].

К сожалению, информация об использовании предметов минимальна, что во многом объясняется закрытостью религиозной сферы обских угров**; в любом случае такие вещи относят к «старинному». Блюдо с фигурой оленя, судя по наличию в нем отверстий, подвешивали во время обрядовых действий; на другие блюда, возможно, клали жертвенную пищу, в частности, во время магических действий с просьбой об удачной охоте на оленя или сохранности оленьих стад, богатого рыбного улова и др.

Публикация новых образцов торевтики урало-венгерского центра позволяет скорректировать ее основные признаки и внести большую ясность в сложную картину складывания художественных школ в молодых государствах и догосударственных образованиях на северо-востоке Европы, таких как Волжская Болгария, Великая Венгрия и прикамские городки.

Благодарности

Автор благодарит дизайнера М.О. Миллер (ИАЭТ СО РАН) за подготовку к печати графических изображений предметов и канд. ист. наук А.А. Богордаеву (ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН) за консультации по описанию одежды.

Список литературы

Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 12–27.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 123–128.

Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 107–114.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.; Л.: Наука, 1976. – 198 с.

Древние бронзы Оби. Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000. – 28 с.

Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись Древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83–158.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 157 с.

Маршак Б.И. Вступительная статья // Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж; Формика, 1996. – С. 6–44.

Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – 736 с.: ил.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 96 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. отд. русской и славянской археологии Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–145.

Средняя Азия в раннем Средневековье. – М.: Наука, 1999. – 378 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 157 с., 124 илл.

Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. III. – С. 138–153.

Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность: Очерки. – Омск: [Тип. «Золотой тираж»], 2019. – 150 с.

Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: 1957. – С. 136–246. – (МИА; № 58).

The Gold of the Avars. The Nagyszentmiklós treasure. – Budapest: Durer Printing House, 2002. – 152 p.

Материал поступил в редколлегию 10.02.23 г.

*Грифон с крыльями мог восприниматься как изображение крылатого коня *Мир-сусне-хума*.

**В одном из стойбищ на севере Шурышкарского р-на ЯНАО в священной нарте хранится серебряное блюдо, которое, скорее всего, также является продукцией урало-венгерского центра; в его медальоне прочеканена фигура сенмурва с пышным хвостом в виде трилистника, большими распахнутыми крыльями, головой с распахнутой пастью и четырьмя клыками, длинным рогом. Владельца чаши не удалось уговорить сделать ее фото.

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.120-128
УДК 904

Е.В. Барсуков, М.П. Чёрная

Томский государственный университет
пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: barsukovevg@mail.ru; mariakreml@mail.ru

«Горы» на «Чертеже земли Нарымского города» С.У. Ремезова

Статья посвящена уникальному источнику – «Чертежу земли Нарымского города» из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Чертеж представляет пространственно-графическую модель, в условно-схематичной форме воспроизводящую действительность конца XVII в. Он охватывает территорию Нарымского и Кетского уездов, что на современной административной карте соответствует северной части Томской обл., известной под названием «Нарымский край». Обосновывается информационный потенциал чертежа, на котором зафиксированы разнообразные данные по истории, географии, этнографии, сведения о системе расселения и инфраструктуре этой территории в конце XVII в. Анализируется один из элементов чертежа, передающий положительные формы рельефа, рассматривается вопрос его достоверности и историко-культурного значения для обитателей Нарымского края, предложен определенный методический алгоритм решения этой проблемы. Установлено, что для обозначения возвышенностей картограф использовал два типа условных знаков: изображение горы или гряды гор и утолщенные линии. Проведенное исследование позволяет сделать заключение о том, что «горы» на «Чертеже земли Нарымского города» обозначают реальные природно-географические особенности Нарымского края, которые зафиксированы путешественниками и исследователями Сибири XVII–XIX вв., запечатлены в устных преданиях местного населения и подтверждаются современной естественно-географической ситуацией. С.У. Ремезов отобразил возвышенные элементы ландшафта, исходя из их практической пользы в освоении земель.

Ключевые слова: «Чертеж земли Нарымского города», С.У. Ремезов, «горы», XVII–XIX вв., историко-географический контекст, методика анализа пространственных знаков.

E.V. Barsukov and M.P. Chernaya

Tomsk State University,

Pr. Lenina 36, Tomsk, 634050, Russia

Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: barsukovevg@mail.ru; mariakreml@mail.ru

“Mountains” on the Draft of the Land of Fort Narym by S.U. Remezov

This article describes an unusual source—“The Draft of the Land of Fort Narym” from the “Draft Book of Siberia” by Semen Remezov. This is a spatial-graphic model, rendering late 17th realities in a conventional schematic manner. It covers the Narymsky and Ketsky uyezds (currently, northern Tomsk Region, known as Narym Territory). The encoded information relates to history, geography, ethnography, settlement, and infrastructure. One of the features represents elevations. We discuss its accuracy and relevance to the history and culture of the Narym Territory, and outline the ways of solving related problems. To render elevations, the cartographer used two types of conventional signs: those actually representing mountains and ranges, and thick lines. We conclude that “mountains” on the draft refer to real geographic features of the Narym Territory, described by 17th–19th century travelers and scholars and by the local oral tradition, and supported by modern geographical records. S.U. Remezov represented elevated areas with reference to their practical meaning for Russian reclamation.

Keywords: “Draft of the Land of Fort Narym”, S.U. Remezov, “mountains”, 17th–19th centuries, historical and geographical context, methods of analyzing spatial symbols.

Введение

Процесс освоения Сибири нашел отражение в разнообразных картографических материалах. В их число входили и географические чертежи, прилагавшиеся к описаниям новых земель («рописям») и ставшие уже в XVII в. массовыми отчетными документами, которые составлялись по требованию правительства. Такая постановка дела позволяла центральной и местной администрации направлять, отслеживать, контролировать, регулировать процессы заселения и освоения сибирских пространств.

История изучения наследия С.У. Ремезова начинается с момента издания «Чертежной книги Сибири» в конце XIX в., что сделало этот уникальный документ доступным для большого круга исследователей. За последующие почти 150 лет обращения к богатой информации атласов сформировался широчайший круг научной литературы [Андреев, 1940; Гольденберг, 1990; Уманский, 1996; Матвеев, 2009; Тихонов, 2013; и др.]. Специалисты разного профиля анализировали содержание ремезовских карт, исходя из специфики своих научных направлений и конкретных задач. Не имея возможности дать сколько-нибудь развернутый историографический обзор, отметим несомненный вклад наших предшественников в раскрытие информационного потенциала этих карт.

В атласах С.У. Ремезова сгенерирован огромный массив первичных материалов, собранных и составленных на местах. Это тем более важно, что значительный объем исходных данных погиб при разных обстоятельствах, а отобранные из них и систематизированные сведения сохранились только в ремезовских «чертежных книгах». Как всякий картографический документ, чертежи С.У. Ремезова представляют пространственно-графическую модель, в условно-схематичной форме воспроизводящую действительность. При создании карт шло неизбежное обобщение отображаемых реалий, которое подразумевало и обязательный отбор наиболее существенных, значимых. Картосоставитель выбирал объекты из природного и исторического ландшафта и средства их изображения на чертеже [Чёрная, 2002, с. 10–13]. В своей избирательности С.У. Ремезов не только руководствовался задачей нанесения на карту особенностей местности, но и был озабочен отбором нужных элементов с точки зрения их полезности при освоении земель. В представлении об иерархической значимости составных частей карты служилый человек, сын боярский, выполнявший свою работу «по указу Великого государя», ставил практическую полезность и достоверность изображаемых объектов на первое место.

Разумеется, необходимо критически и дифференцированно подходить к оценке степени адекватности отображения объектов на ремезовских чертежах. За-

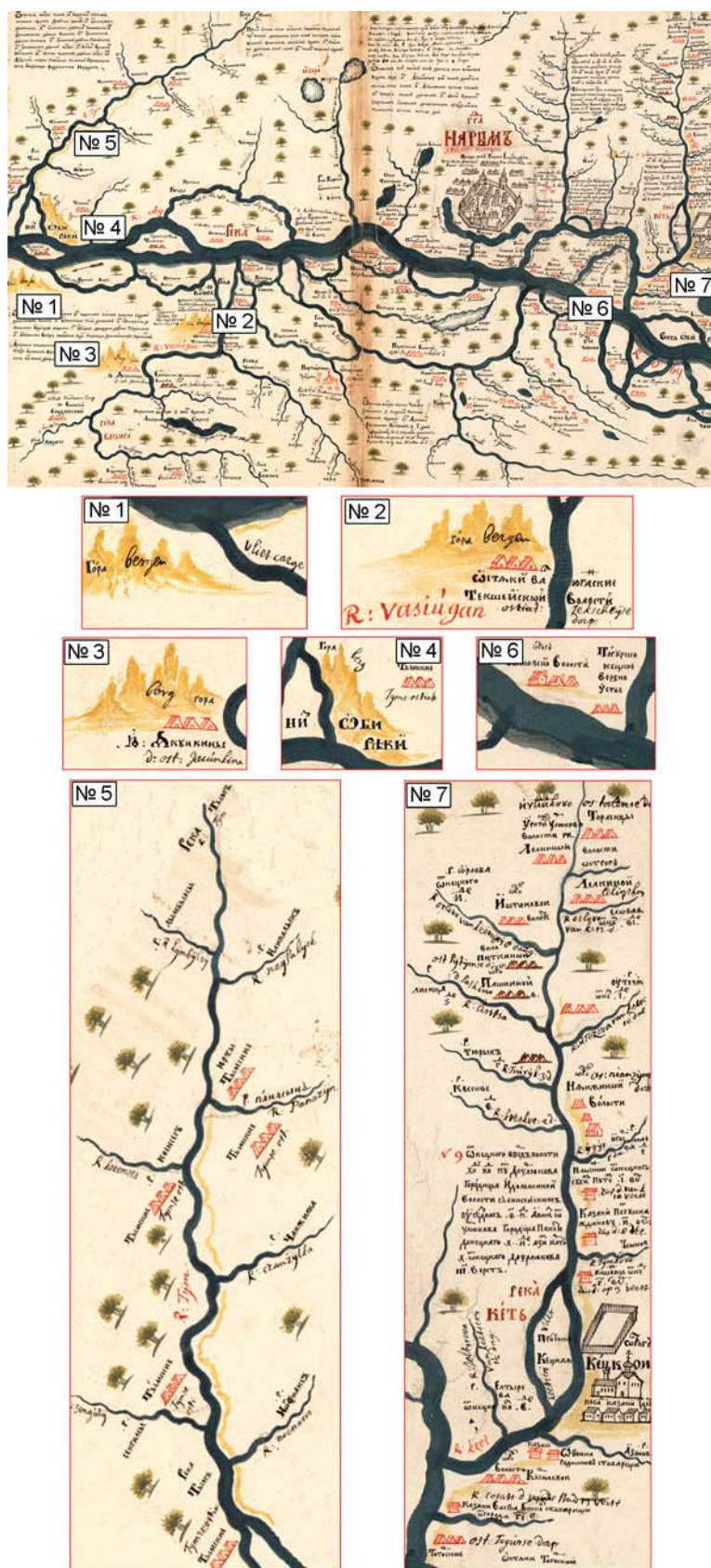
дача данной работы – проанализировать один из элементов под названием «гора»/«горы» и разобраться, какие за ним скрываются географические и исторические факты. Сделаем это, обратившись к «Чертежу земли Нарымского города» из «Чертежной книги Сибири» [1882, л. 10]. Настоящей статьей мы открываем серию публикаций, посвященных детальному историко-географическому и археологическому анализу этого уникального источника.

Как отмечает А.В. Контев, на русских картах название «гора» вообще отсутствует вплоть до конца XVII в. и появляется только на чертежах С. Ремезова [2022, с. 163]. Он же цитирует мнение Ч. Кудачиной о том, что горы на русских чертежах «либо уменьшали... до коротких жирных полос, которые почти не отличались от водных потоков, либо игнорировали их для обильного изображения рек... Не было никакой очевидной необходимости изображать их. Они играли незначительную роль, если таковая вообще существовала, в русском мире... В отличие от рек, естественные возвышенности были слишком причудливыми и не имели особой ценности, которая сделала бы их достойными быть представленными» [Там же, с. 163–164].

Возвышенности на «Чертеже земли Нарымского города»

Проанализируем «Чертеж земли Нарымского города» (далее «Чертеж»), на котором зафиксированы объекты «гора»/«горы», и попробуем выяснить, почему С.У. Ремезов считал «их достойными быть представленными». На момент создания «Чертежа» охватывал Нарымский и Кетский уезды, населенные в основном селькупам, а также южную часть Сургутского уезда, включавшего бассейны Васюгана и Тыма, где население, видимо, было смешанным – селькупо-хантыйским. Зафиксированная на нем территория на современной карте локализуется в северной части Томской обл., практически полностью занимая четыре крупнейших ее района. Эта территория, несмотря на неоднократные административные преобразования, известна под названием «Нарымский край».

«Визитной карточкой» региона является высокая степень заболоченности, что подразумевает низменный ландшафт. Объем сведений об особенностях рельефа даже в конце XIX в. был достаточно скромным, тем не менее в немногочисленных работах обобщающего характера выводы однозначны: «Гор на всем пространстве Нарымского края нет» [Костров, 1872, с. 1]; «Нарым значит болото, болотная страна, что вполне правильно характеризует эту местность, совсем небогатую возвышенностями» [Плотников, 1901, с. 1, 3]. В контексте этих выводов несомненный

Положительные формы рельефа на «Чертеже земли Нарымского города» С.У. Ремезова [Чертежная книга..., 1882, с. 10].

интерес представляет «Чертеж земли Нарымского города», даже беглое знакомство с которым формирует другое представление о природно-географической ситуации в крае. Среди использованных С.У. Ремезовым условных обозначений имеются знаки, однозначно интерпретируемые как положительные формы рельефа, т.е. разного рода возвышенности, причем нескольких видов (см. рисунок). В свете сформировавшихся представлений о Нарымском крае данная деталь выглядит нелогично. При этом на «Чертеже Томского города» (сопредельного с Нарымским), в границы которого попадают северные отроги Кузнецкого Алатау, не зафиксировано ни одного подобного обозначения [Чертежная книга..., 1882, л. 11].

Возможно, явный для XVII в. дефицит сведений по географии отдаленных уголков Сибири, одним из которых был Нарымский край, являлся причиной неточностей и ошибок, в т.ч. в передаче рельефа. Иллюстрацией служит изданный Н. Витсенем «План города Нарыма», где за селитебной территорией располагается уходящая «пиками в небо» горная гряда – нонсенс для болотистого Принарымья [Окладная книга..., 2015, с. 186–187].

В качестве рабочей гипотезы предположим, что С.У. Ремезов использовал условные знаки для положительных форм рельефа не формально, а имея объективные основания, что было связано с системой жизнеобеспечения местных обитателей, информацией о которых обладали картографы XVII в. Проанализируем гипотезу в контексте современных географических знаний и сведений письменных источников, чтобы определить значение указанных элементов рельефа в жизни местного населения.

С.У. Ремезов для обозначения положительных форм рельефа использовал два типа условных знаков, которые принципиально различаются манерой исполнения, но окрашены в желто-коричневый цвет разной степени интенсивности. Первый, несомненно, связан с изображением гряды гор либо отдельной горы. Графическая идентичность их исполнения на «Чертеже» позволяет объединить эти знаки в одну группу. Кроме того, та-

кие изображения дополнены уточняющей надписью на русском и голландском языках. Зафиксировано два варианта: в одном случае указатель «гора» дополняется голландским «berg», в другом тот же русский термин приводится с ударением на первый слог («гѡра») и сопровождается голландским словом «bergen», что, видимо, указывает на множественное число.

Второй тип условных знаков – утолщенная линия, окрашенная аналогично «горам» в желто-коричневый цвет. Как правило, это обозначение приурочено к долинам крупных рек, линия идет параллельно руслу, зачастую повторяя его изгибы. В случае, если условное обозначение пересекает какая-либо река или ее приток, линия прерывается и продолжается на другом берегу.

Уже первые путешественники и исследователи, непосредственно знакомые с краем, сходились во мнении, что все природные возвышенности здесь связаны с речными руслами. Местное население называло их увалами и береговыми утесами [Костров, 1872, с. 1]. На «Чертеже» условные обозначения возвышенностей также связаны с основными водотоками, что наглядно демонстрирует особенность их локализации: знаки привязаны лишь к четырем рекам – Обь, Тым, Васюган, Кеть. Это не удивительно, даже во второй половине XIX в. значительные «увалы и береговые утесы» упоминались только применительно к Оби, Кети и Васюгану [Там же].

Самая северная возвышенность расположена на левом берегу Оби приблизительно напротив дельты Тыма (см. рисунок, № 1). Она обозначена рисунком гор и надписью «гѡра – bergen» (множественное число). Горы начинаются у нижнего устья протоки «Карге» и тянутся параллельно обскому руслу до границы чертежа. На этом отрезке долина Оби обладает ярко выраженной асимметрией. На левобережье надпойменные террасы встречаются редко, занимая небольшие площади. В основном они сосредоточены на правобережье, в то время как русло располагается у левого борта долины и подходит к водораздельному плато – «материку», обнажая его геологическое строение в высоких ярах Чагином, Висковом, Каргинском [Природа..., 1968, с. 13–14]. Эти «материк» и яры хорошо знало местное население и зафиксировали посещавшие Среднее Приобье исследователи и путешественники. Одним из первых их упоминал русский посланник в Китай Н. Спафарий, проследовавший по Оби в 1675 г.: «...яр Весков, а на нем лес: кедровник, пихта, ельник, таволга и иной многой. Да по конец того Вескова яру юрты остяка Веска...» [Путешествие..., 1882, с. 64]. Вероятно, своим названием яр обязан именно остяку Веску. О ярах этого отрезка Оби подробно повествовал Г.Ф. Миллер в середине XVIII в.: «Бесков яр, по-остяцки: на нарымском языке Wes-madschi, а на сургутском языке Wes-jach-wont,

возвышенный обрывистый берег на левой стороне реки... который, по словам остяков, должен быть связан с неоднократно упоминавшимся так называемым материком. Здесь он, однако, простирается вдоль Оби лишь на 4 версты, где его снова сменяют низкие места... Кычагин яр, по-остяцки Seajago-wont, на левом берегу, в 24 верстах от предыдущего Бескова яра, продолжением которого он является и простирается на 2 версты» [Сибирь..., 1996, с. 200].

Висков яр интересен еще тем, что в его обнажениях в июле 1912 г. проводились палеонтологические раскопки. «Холмы Вескова яра» осмотрел финский исследователь К. Доннер. Он намеревался найти скелет мамонта, но из-за твердости грунта и нехватки времени успел обнаружить лишь несколько крупных костей, видовая принадлежность которых осталась невыясненной [Доннер, 2008, с. 44]. Именно «Весков яр» упоминается в источниках чаще всего; видимо, он выделялся физическими характеристиками и внушительным внешним видом. Кроме того, по данным XIX в., он использовался как ориентир для определения северной границы Нарымского края, проходившей «в 4 верстах от урочища Висков-яра» [Плотников, 1901, с. 1].

Фрагмент водораздельной равнины рассматриваемого района отделяется от долины Оби, представленной на левобережье только поймой, отчетливо выраженным в рельефе крутым уступом высотой 30–40 м над поверхностью поймы, 40–50 м над урезом воды. Обь вплотную подходит к равнине лишь в нескольких местах, образуя высокие обнаженные яры [Природа..., 1968, с. 11–12]. Сам «материк» тянется параллельно Оби на несколько десятков километров, то приближаясь к руслу, то удаляясь от него. В современном Александровском р-не этот фрагмент водораздельной равнины фигурирует под названием «Полуденная гора».

На фоне низменных ландшафтов Нарымского края «материк» выделяется прежде всего выходящими к реке высокими ярами, которые местное население и путешественники могли воспринимать как горы, что отразилось в топонимике (например, «Полуденная гора»). Приобская часть левобережной равнины, расчлененная многочисленными речками и ручьями, хорошо дренируется, поэтому ее заболоченность минимальна. Эта «прогрессивно осушаемая территория» в советское время рекомендовалась для первоочередного хозяйственного освоения [Там же, с. 11]. Современные трубопроводы и связанные с ними коридоры коммуникаций на севере Томской обл. располагаются именно на возвышенном левом берегу. В настоящее время здесь находятся поселки Вертикос и Октябрьский. В этом же районе известен пос. Карга (Усть-Карга). В конце XIX в. его заселяли русские крестьяне, хотя он располагался на землях инородцев Тымской вол. [Плотников, 1901, с. 183, 245–246].

Геоморфологическая ситуация способствовала появлению рядом с поселком небольших пахотных угодий и огородов, что для Нарымского края было важным показателем перспективности освоения [Карта населенных мест..., 1914].

Изображения гор, идентичные вышеописанным, есть и в двух пунктах на левобережье Васюгана. На приустьевом участке знак сопровождается надписью во множественном числе «гора – bergen» (см. *рисунок*, № 2), в среднем течении реки, где русло образует огромную излучину, – надписью в единственном числе «гора – berg» (см. *рисунок*, № 3). Логично предположить, что указанные С.У. Ремезовым возвышенности в бассейне Васюгана связаны с долиной реки, ее надпойменными террасами и сопредельными участками водораздела. Исследователи и путешественники неоднократно замечали, что Васюган в нижнем течении значительно отличается от Оби, причем именно наличием выходящих к руслу возвышенных берегов и высоких яров [Шостакович, 1877, с. 5]. Это характерно и для его притоков, например Чижалки, о берегах которой местные говорили: «Такие горы, что шапка валится с головы, когда смотришь на вершину» [Там же, с. 3].

В XIX в. выделяющиеся на фоне однообразия равнинных нарымских пейзажей комплексы высоких, выходящих к Васюгану мысов и яров-обнажений местного населения называло скалами и связывало с ними различные предания. По сохранившимся письменным свидетельствам второй половины XIX в. их известно более десятка [Плотников, 1901, с. 194–202]. Поэтому обозначения С.У. Ремезовым возвышенностей в бассейне Васюгана воспринимаются как должное. Но нужно иметь в виду, что «горы» указаны на конкретных участках левобережья и только в двух местах, хотя, по письменным сведениям, яры-«скалы» встречаются на всем его протяжении.

Проанализируем локации указанных С.У. Ремезовым «гор», используя современные сведения о рельефе и геоморфологических особенностях долины Васюгана. На его левобережье в нижнем течении прослеживается высокий берег, но он ничем не отличается от противоположного, даже уступает ему по высоте. Тем не менее интересен факт расположения инородческих поселений в XIX в. в приустьевой части Васюгана именно на левом берегу, где они занимали фрагменты высоких, выходящих к реке террас, которые обозначались в то время термином «боровая берег» [Шостакович, 1877, с. 5]. Первыми были юрты Югины, затем Наунак. Как «берег с коренными бровками» этот фрагмент обозначен на лоциях р. Васюган. На левобережье в нижнем течении отмечено несколько таких участков. Как правило, в их пределах располагались населенные пункты [Карта реки Васюган..., 1982, с. 98, 104]. Вплоть до XX в. местные инородцы

предпочитали селиться на этом отрезке левого берега Васюгана, а не на правобережье. С.У. Ремезов указал на наличие в 1 дне пути на судне от устья Васюгана мест, удобных для «селитьбы» крестьян [Чертежная книга..., 1882, л. 10]. В заболоченном Нарымском крае такие места были скорее исключением, их хорошо знали аборигены. Вероятно, эти удобные для «селитьбы» места были связаны именно с упоминаемыми «горами». Таким образом, считаем, что обозначение Ремезовым «гор» в нижнем течении Васюгана обусловлено наличием водораздельной равнины, которая на этом отрезке подходит с севера к долине реки, переходя в третью надпойменную террасу. «Боровой берег», в нескольких местах выходящий непосредственно к руслу, столетиями используется для устройства поселений и объектов жизнедеятельности местного населения.

Наличие «гор» на «Чертеже» в низовьях Васюгана находит подтверждение в современных географических характеристиках этого района, но их обозначение в среднем течении вызывает ряд затруднений (см. *рисунок*, № 3). Здесь на левобережье зафиксировано несколько высоких яров-обнажений, выделяемых местным населением. Наиболее интересной и, наверное, самой известной является возвышенность в черте современного села Средний Васюган, которое в конце XIX в. называлось Васюганским. Возвышенность упоминается как Шайтанский, Шаманский или Шаманный мыс. Одним из первых о ней сообщил Б.П. Шостакович. Согласно его сведениям, Шайтанский мыс располагался у сельской церкви. Здесь росла лиственница, на которую местные вешали «приклады шайтану для того, чтобы он не чинил жертвоприношению препятствий и убытков, в особенности, чтобы не шел впереди его на промысле и не разгонял зверя» [Шостакович, 1877, с. 14]. Лет 10 спустя с. Васюганское посетил Н.П. Григоровский и отметил внушительные размеры возвышенности, назвав ее горой. На самом деле это фрагмент высокой террасы, выходящий в виде мыса к руслу двух водотоков – Васюгана и его притока р. Варингъёган (устар. Варен-Ёган). На лоции Васюгана на данном отрезке берега обозначен фрагмент коренной террасы, так же его характеризуют археологи [Средний Васюган..., 2000, с. 8].

О происхождении Шайтанского мыса у местных бытовало предание, записанное в конце XIX в. Необычное название объяснялось просто: «эта гора названа потому, что в прежнее время на ней обитали нечистые духи...». Н.П. Григоровский, посетивший с. Васюганское в 1883 г., осмотрел мыс и отметил, что рядом с ним находились два священных дерева. Одно – ель, посвященная здешним духам. Для них на ветвях было навешано много подарков: ленточек, тесемок, тряпочек, большей частью красного цвета, звериных

шкурок, по несколько аршин ситца и других недорогих материй. Второе дерево практически на кромке мыса – толстая лиственница, у нижних ветвей которой устроен деревянный амбарчик – «жилище» духа. Это место почиталось не только инородцами. Н.П. Григоровский отметил среди подарков восемь аршин ситца, «привешанного» осенью 1881 г. вахтером Васюганского хлебного магазина, казаком А. Сосниным, который всю весну и лето страдал от лихорадки и по совету известного на Васюгане шамана принес дар духам [1884, с. 23]. К сожалению, уже в конце XIX в. священное место грабили приезжие торговцы и купцы, знавшие, что в таких местах можно пожить деньгами и ценностями, оставленными инородцами в щелях и корнях дерева. Поэтому к моменту посещения села Н.П. Григоровским амбарчик с изображением духа коренные обитатели Васюгана перенесли в другое место, которое держали в тайне [Там же].

Шайтанский мыс хорошо известен в археологии Томской обл. [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 179–181]. Б.П. Шостакович, первый исследователь, побывавший здесь, обнаружил археологические свидетельства древнего кузнечного производства: «Верстах в четырех от этого места есть другой – “лисий”, где по преданиям была кузница. Действительно, на поросшем возвышенном песчаном бугре я нашел отбросы кузнечного мастерства – шлак. Теперь этот мыс любимое место боровой птицы и лисиц» [1877, с. 14]. Здесь открыт ряд археологических памятников, самый известный из которых – утраченное городище Шаманский Мыс раннего железного века. Небольшая, но яркая коллекция культового бронзового литья из него хранится в Новосибирском краеведческом музее.

Выбор именно данного места для строительства церкви не случаен. С одной стороны, оно находится приблизительно на середине Васюгана, и его могут посещать обитатели как верховья, так и низовья реки; с другой – фрагмент берега занимал доминирующее положение в среднем течении и, видимо, играл важную роль в культовой практике коренных жителей. Очевидно, строительство церкви на священном для аборигенов месте должно было обеспечить преемственность в обрядовой сфере, смену объекта религиозного поклонения, но на деле привело к параллельному функционированию храма и священного места, на что указывали даже сами церковнослужители. Вероятно, именно эта широко известная среди местного населения возвышенность обозначена на нарымском «Чертеже».

Несколько возвышенностей С.У. Ремезов указал на обском правобережье. Одна из них – южнее устья Тыма (см. *рисунок*, № 4), впадающего в Обь несколькими рукавами. Северная (правобережная) часть дельты Тыма характеризуется исключительно низкими от-

метками, которые в редких случаях превышают 50 м. Местный рельеф представлен огромными сегментами поймы и сильно заболоченным комплексом надпойменных террас, прорезанных многочисленными протоками и остаточными водоемами, часто заболоченными. Здесь есть крупные и протяженные протоки: Миля, Киевская, Радайка, Жаркова, Панинский, Мураховский истоки и др. Водораздельная равнина фиксируется только на крайнем северо-востоке современной Томской обл. На этом фоне геоморфологическая ситуация в районе основного устья Тыма и южнее выглядит вполне благоприятно. Неслучайно именно здесь расположены современные села Усть-Тым и Тымск. Гипсометрические отметки в этой части превышают 60 м. Пригодные для освоения возвышенные, незаболоченные участки приурочены к кромкам террас, выходящим к руслу водотоков. На «Чертеже» «гора» указана у самого южного рукава Тыма. На современных картах он соответствует протоке Ланга, тянущейся от основного русла Тыма практически до с. Тымск. На «Чертеже» условной границей «гор» с юга является р. Шедугол, современная Шеделга.

В конце XIX в. местоположение с. Тымск описывалось так: «...расположено на правом берегу Оби и протоке Тыма. Место, занимаемое селением, боровое, высокое и состоит из 34 домов» [Плотников, 1901, с. 245]. К. Доннер также заметил, что село «раскинулось на высоких холмах». Возможно, в XVII в. высота террасы здесь была еще значительней. По сведениям начала XX в., на этом отрезке река активно подмывала берег [Доннер, 2008, с. 20]. Фрагмент террасы, занятый селом, выделяется на фоне низких заболоченных пространств дельты Тыма. Его также хорошо знали коренные жители. На протоке Ланга находилось селькупское кладбище, которое занимало одну из грив, получившую в советское время название «Мясокомбинат» [Яковлев, 1994, с. 36]. Более того, участок берега у верхнего устья этой протоки был выбран для основания здесь церкви, а затем и русского села, неоднократно упоминаемого путешественниками и исследователями. Уже в 1740 г. здесь располагался Тымский погост с церковью Живоначальной Троицы для местных остяков. При храме находились только жилища служителей, ни русских, ни инородческих построек не было [Сибирь..., 1996, с. 199]. Эти земли принадлежали инородцам Тымской волости. «Они отделили от себя для священно-церковно-служителей 99 десятин сенокосной земли. Поселившиеся здесь купцы, мещане, крестьяне, пущенные инородцами в 1820 году, сначала для промысла рыбы в виде арендаторов угодий, имели для житья временные балаганы, которые в последствии заменили постоянными и сделались оседлыми жителями, образовав таким образом “разно-сословное” Тымское сельское общество» [Плотников, 1901, с. 185].

Природно-географическая ситуация способствовала освоению в конце XIX в. значительных площадей с. Тымск под огороды [Карта населенных мест..., 1914]. По сравнению с противоположным берегом Оби, который выше почти на 30 м, этот фрагмент вряд ли выглядел как гора. Но С.У. Ремезов не стремился привести в соответствие элементы ландшафта и их высоту. Он фиксировал только характерные участки, по каким-то причинам выделяемые местным населением. Именно таким был участок берега, примыкающий к южному рукаву Тыма (протока Ланга) и выделяющийся на фоне низкой и заболоченной дельты Тыма, охватывающей отрезок правобережья Оби протяженностью более 100 км. Аналогично с. Васюганскому это место выбрали для строительства церкви.

На левобережье Тыма С.У. Ремезов обозначил еще одну возвышенность в виде желто-коричневой полосы, тянувшейся параллельно руслу и оканчивающейся в среднем течении (см. *рисунок*, № 5). В географической литературе подчеркивается, что реки на правобережье Оби обычно имеют высокие левые берега [Григор, 1951, с. 158]. При схожей ситуации на правом и левобережье Тыма «материк», или водораздельное плато, подходит к реке именно с юга, между бывшими юртами Лымбель-Карамо и устьем р. Косес, и обрывается крутым склоном, в некоторых местах есть обнажения [Барков, 1951, с. 178]. В контексте затронутой проблемы обратим внимание на две особенности долины Тыма. Во-первых, река протекает в долине древнего стока, который локально имеет хорошо выраженные борта, причем южный приближен к руслу, а северный находится в нескольких десятках километров. Во-вторых, хотя гипсометрические отметки террас право- и левобережья Тыма близки, на современных картах и космоснимках бассейна этой реки четко фиксируются различия, обусловленные асимметричностью долины. Правые притоки Тыма более протяженные, например, длина р. Сангилька 335 км. Левобережье не уступает правобережью по степени заболоченности, но протяженность даже самых крупных притоков не превышает десятков километров. Водораздел на юге, между реками Тым и Пайдугина, находится в среднем на расстоянии 12–20 км от основного русла Тыма и характеризуется значительными гипсометрическими отметками, а главное, не представляет сплошного болотного массива. Обозначающая возвышенность полоса на «Чертеже» кончается между устьями тымских притоков Косес и Лымбелька. Приблизительно в этом районе заканчивается водораздел между Тымом и Пайдугиной, истоки которой находятся в болотах и системе озер Комарное. Он четко обозначен на «Чертеже» в виде ровной линии из условных знаков дерева между истоками тымских притоков и водотоками, текущими с севе-

ра на юг. Растительность на правобережье Тыма обозначена по-иному: деревья сконцентрированы между тымскими притоками и не организованы в какую-либо систему.

В легендах к «Чертежу» указан зимний «нартяной» путь к устью Лымбельки, где промышляло местное население. Возможно, в этих целях использовался водораздел Тыма и Пайдугиной, чтобы избежать пересечения многочисленных долин тымских притоков. В таком случае геоморфологические особенности левобережья Тыма, хорошо известные местным жителям, представляли для них интерес. Эти моменты, видимо, обусловили обозначение С.У. Ремезовым возвышенности именно на левом берегу. Аналогичным условным знаком показана возвышенность на левобережье р. Кеть, по которому, согласно письменным источникам, тоже проходил старинный зимний путь от с. Тогур в Енисейскую губ. [Пелих, 1981, с. 65].

В южной части «Чертежа» также отмечено несколько возвышенностей. Одна из них обозначена желто-коричневой полосой на мысовом участке острова, образованного Тогурской Кетью и Тогурской протокой Кети (см. *рисунок*, № 6). С точки зрения геоморфологии, здесь находились останцы II надпойменной террасы, не заливаемые в весеннее время. О наличии в районе верхнего устья Кети высоких мест известно еще с первой половины XVII в., когда обсуждался вопрос о строительстве на «раздоре» Кети острога, который должен был заменить Нарымский и Кетский: сообщалось о высоких участках, пригодных для сооружения укреплений и для земледелия [Миллер, 2005, с. 428].

На левобережье Кети протяженная возвышенность обозначена не сплошной полосой, а отдельными желто-коричневыми отрезками, границами которых служат долины ее левых притоков (см. *рисунок*, № 7). Эта возвышенность начинается у верхнего, «тогурского» устья Кети, практически напротив вышеописанного положительного элемента рельефа. В районе Кетского острога она образует некое подобие мыса. Натурные исследования на месте расположения этого поселения подтверждают, что оно занимало вытянутый мыс с высокими крутыми берегами. От Кетского острога обозначающая возвышенность полоса тянется по левобережью параллельно руслу Кети до Нянжинской инородческой волости. Здесь она прерывается и продолжается за рекой «Оутечя», расположенной в 10 днях пути от Кетского острога. Вероятно, это р. Утка, в устье которой в настоящее время находится пос. Степановка. За «Оутечей» полоса гораздо тоньше, чем в приустьевой части Кети, что, видимо, означает нивелирование возвышенности.

Путешественники и исследователи XVII–XIX вв. часто называли левобережье нижней Кети «кряжем».

Например, в первой подробной характеристике реки, данной Н. Спафарием, сообщается: «А от того Филкина яру шли Прорвою Ангиной, а на той Ангиной прорве кряж Обской. А тою прорвою ходу 2 версты. А та прорва на правой стороне Кети (Спафарий следовал вверх по реке и обозначал берега по ходу своего движения. – Е.Б., М.Ч.). А кряж на правой стороне прорвы. <...> А Кецкой острог стоит на красном месте, на том же кряжу по правую сторону Кети» [Путешествие..., 1882, с. 73]. В Словаре В. Даля «кряж» – материк; твердая отдельная часть чего-либо, составляющая по себе целое; сухое, непашанное место, полоса; «материк» – нетронутый пласт поверхности земли, кряж, природный, ненасыпной, ненаносный [1994, с. 533, 795]. На современных картах в междуречье Кети, Оби и Чулыма расположено местечко Бельский Кряж. На этом отрезке Кети к руслу выходят фрагменты водораздельного плато и высоких надпойменных террас, которые обрываются крутыми обнажениями. Кряж тянется вдоль реки на десятки километров. Как уже упоминалось, по левому берегу Кети пролегал старинный зимний путь от с. Тогур через юрты Тайные к юртам Орлюковым и дальше в Енисейскую губ. [Пелих, 1981, с. 65].

Анализ системы расселения в бассейне Кети в XVII–XIX вв. показывает, что русские деревни возникали в пределах района, охватывавшего, за редким исключением, левобережье реки в нижнем течении примерно до ее притока – р. Петейга. Здесь было несколько десятков русских деревень и заимок, образовывавших в XIX в. Кетскую вол. [Карта Томского округа..., 1890]. Видимо, обозначение С.У. Ремезовым возвышенности именно на этом отрезке Кети обусловлено расположением здесь «кряжа», в пределах которого находились русские деревни. Они отмечены на «Чертеже», правда, некоторые еще без названия. В данной местности на момент создания карты были участки, пригодные для пашенного земледелия, что подтверждается многочисленными письменными сведениями о сельскохозяйственных занятиях населения на Кети в XVII–XIX вв. Наглядно это демонстрируют карты конца XIX – начала XX в., где на левобережье приустьевой части Кети обозначен значительный участок пахотных земель и огородов [Карта населенных мест..., 1914]. В первой четверти XX в. исследователи указывали на специфику «Кетского кряжа». В.Я. Нагнибеда определил его границы от юрт Тайных до д. Черной и юрт Пайдугиных. Основу экономики местного населения составляло сельскохозяйственно-промысловое хозяйство [Нагнибеда, 1920, с. 37]. Видимо, уже к концу XVII в. район был известен как отвечающий нуждам крестьянского хозяйства и пригодный для земледелия.

Заключение

Анализ условных знаков, обозначающих возвышенности, на «Чертеже» позволяет говорить об объективности и обоснованности их нанесения. Они отражали реальные природно-географические особенности территории, которые имели практическое значение для местного населения. Указанные возвышенности были известны задолго до составления топографических карт с горизонталями. Эти элементы ландшафта упоминаются путешественниками и исследователями Сибири XVII–XIX вв., фигурируют в преданиях местного населения.

Таким образом, «гора»/«горы» и «кряжи» на «Чертеже земли Нарымского города» являются не «пустой» иллюстрацией. Служилый человек С.У. Ремезов, выполняя «госзадание», отобразил реальные, практически полезные при освоении земель подробности рельефа, что подкрепляется анализом современной естественно-географической ситуации и письменными сведениями.

Благодарности

Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

- Андреев А.И.** Труды Семёна Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII–XVIII вв. // Проблемы источниковедения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Вып. 3. – С. 61–85.
- Барков В.В.** Материалы к геоморфологии реки Тыма // Вопросы географии Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1951. – Сб. 2. – С. 177–194.
- Гольденберг Л.А.** Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды С. Ремезова. – Магадан: Кн. изд-во, 1990. – 408 с.
- Григор Г.Г.** Общий физико-географический обзор Томской области и особенности ее южных районов // Вопросы географии Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1951. – Сб. 2. – С. 157–176.
- Григоровский Н.П.** Описание Васюганской тундры // Зап. ЗСОИРГО. – Омск: [Тип. окружного штаба], 1884. – Кн. VI. – С. 1–68.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – Т. 2. – 912 с.
- Доннер К.** У самоедов в Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. – Томск: Ветер, 2008. – 176 с.
- Карта населенных мест Нарымского края Томской губернии**, по данным статистико-экономического исследования, произведенного Томским переселенческим районом в 1910–1911 гг. – Томск: Том. переселен. район, 1914.

Карта реки Васюган: От селения Катыльга до устья. – М.: ЦКФ ВМФ, 1982. – 128 с.

Карта Томского округа Томской губернии / карту чертил чертежник Томской губернской чертежной И. Зайцев. – Томск: Картограф. заведение А. Ильина, 1890.

Контев А.В. Верхнее Приобье и Прииртышье на старинных картах (XVI–XVII вв.). – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2022. – 280 с.

Костров Н. Нарымский край. – Томск: [Тип. Губерн. правления], 1872. – 96 с.

Матвеев А.В. Притарье и северо-западная Бараба в «Хорографической чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 132–138.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 3-е изд., доп. – М.: Вост. лит., 2005. – Т. 1. – 630 с.: ил., карта.

Нагнибеда В.Я. Томская губерния: стат. очерк. – 2-е изд., доп. – Томск: [Нар. тип. № 3], 1920. – Вып. 1. – 42 с., карта.

Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Истор. музей, 2015. – 296 с.

Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.

Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): ист.-стат. очерк. – СПб.: [Тип. В.Ф. Киршбаума], 1901. – 366 с.

Природа и экономика Александровского нефтеносного района (Томская область) / ред. А.А. Земцова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1968. – 475 с.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: Дорожный дневник Спафария с введением

и примечаниями Ю.В. Арсеньева. – СПб.: [Тип. В. Киршбаума], 1882. – 216 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – 310 с.

Средний Васюган – 300 лет: ист. очерк / под ред. проф. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – 112 с.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 3. – С. 52–56.

Уманский А.П. Чертежи Томского и Кузнецкого уездов С.У. Ремезова как источник по истории Верхнего Приобья // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 100–104.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: [Тип. А.М. Котомина и Ко], 1882. – 1 атл. (1 л. текст, 24 сдв. л. карт) + прил. (58 с.).

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – Т. 1. – 341 с.

Шостакович Б.П. Поездка по рекам Васюгану и Чижапке в 1876 году. – Томск: [Губ. тип.], 1877. – 20 с.

Яковлев Я.А. Могильники дорусского населения XVIII – начала XX вв. на территории Томской области // Тр. Том. гос. объедин. ист.-культ. музея. – 1994. – Т. VII. – С. 28–54.

*Материал поступил в редколлегию 22.07.22 г.,
в окончательном варианте – 04.10.22 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.129-141
 УДК 39+397.4+930.85+398

О.Б. Наумова¹, И.В. Октябрьская²

¹Институт этнологии и антропологии РАН
 Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия
 E-mail: olganaumova@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: siem405@yandex.ru

Из истории этнографического изучения Енисейского края. Сибирские материалы Ф.А. Фиельструпа

Статья посвящена творчеству Ф.А. Фиельструпа (1889–1933), который принадлежал к кругу российских этнографов, закладывавших в начале XX в. основы системного изучения тюркского мира Центральной Азии. Источниковую базу работы составили материалы архива ИЭА РАН (фонд Ф.А. Фиельструпа) – дневник Минусинско-Абаканской экспедиции 1920 г. и записная книжка, которые вводятся в научный оборот в данной статье. Авторами рассмотрены неизвестные страницы этнографического изучения Енисейского края, история создания Института изучения Сибири. Воссозданы процесс организации и проведения Минусинско-Абаканской экспедиции, ее маршрут. Изложены записанные у хакасов и обобщенные Ф.А. Фиельstrupом данные о поселениях, предметах быта, родовых структурах и системах родства, семейной обрядности, ритуалах, фольклоре и шаманских воззрениях. Подчеркивается, что ученый на основе историко-генетического подхода обозначил динамичный облик культуры; одним из первых поставил вопрос о синкретичности воззрений хакасов. На основе анализа материалов Минусинско-Абаканской экспедиции сделан вывод о том, что Ф.А. Фиельstrup апробировал комплексный подход, основанный на сочетании языкознания, этнографии, антропологии. В российской гуманитарной науке этот подход сохранял свое значение на протяжении XX в. и сегодня по-прежнему определяет перспективы изучения тюркских народов Центральной Азии.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири, Минусинско-Абаканская экспедиция, традиционная культура хакасов, архив Ф.А. Фиельструпа, этнография, хакасы.

O.B. Naumova¹ and I.V. Oktyabrskaya²

¹Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences,
 Leninsky pr. 32a, Moscow, 119334, Russia
 E-mail: olganaumova@mail.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography,
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
 Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
 E-mail: siem405@yandex.ru

From the History of Ethnographic Studies in the Yenisei Region: F.A. Fjelstrup's Siberian Materials

This article describes the works of Theodor (Fedor) Fjelstrup (1889–1933)—a Russian ethnographer, one of those who laid the groundwork for the systematic studies of the Turkic world of Central Asia. We used materials from the archives of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS (F.A. Fjelstrup's holding): the diary of the Minusinsk-Abakan 1920 Expedition and the notebook. We discuss the hitherto unknown episodes in the ethnographic studies of the Yenisei region, the foundation of the Institute for the Study of Siberia, the organization and work of the Minusinsk-Abakan 1920 Expedition, whose records we introduce, and its route. Data on settlements, utensils, clan structures, systems of kinship, family rites, folklore, and shamanic beliefs are analyzed. Using

the historical approach, Fjelstrup traced the dynamism of the Khakas culture, being one of the first to discuss the syncretism of their beliefs. Using materials of the Minusinsk-Abakan Expedition, we demonstrate that he implemented a comprehensive approach combining linguistic, ethnographic, and anthropological evidence. This scholarly tradition, which was widely practiced in the 20th century, maintains its importance in future studies of the Turkic groups of Central Asia.

Keywords: *Institute for the Study of Siberia, Minusinsk-Abakan Expedition, Khakas traditional culture, F.A. Fjelstrup's archives, ethnography, the Khakas people.*

Введение

В последние десятилетия в российской гуманитарной науке, переживающей переоценку подходов и ценностей, проявился интерес к личностям и судьбам ученых, деятельность которых протекала в условиях смены идеологических доктрин и методологических концептов. С 1990-х гг. появилось немало публикаций о репрессированных этнографах; были напечатаны сборники и монографии, посвященные выдающимся ученым – Ю.В. Бромлею, Л.П. Потапову, Г.М. Василевич, П.И. Кушнеру, Н.П. Дыренковой, Д.А. Клеменцу и др. В них отрабатывался подход, соответствующий концепции новой биографической истории (personal history), которая предполагает фокусировку на персональных данных. Этот подход сформировался в рамках «антропологического поворота» и обретения наукой нового понимания человека в истории, которое характеризуется отказом от типизации и пристальным вниманием к контексту формирования личности. Важной стала работа с авторским наррати-

вом. Системное изучение личных архивов позволило не только уточнить факты биографий, но и выявить общественно значимые тренды, влиявшие на ценности ученых и определявшие их научное творчество.

Рост интереса к собраниям документов российских этнографов начала XX в. связан с открывшимися перспективами воссоздания творческих лабораторий ученых, собравших уникальные материалы, но не реализовавших свои проекты. К числу таких архивов относятся материалы российского и советского ученого, этнографа и путешественника Федора Артуровича Фиельструпа (1889–1933), имя которого было возвращено из забвения лишь в конце 1980-х гг. (рис. 1). В меморативном издании «Репрессированные этнографы» усилиями Б.Х. Кармышевой была воссоздана его научная биография [2002].

Известно, что Ф.А. Фиельstrup родился в Петербурге в семье преуспевающего датского инженера, принявшего российское подданство, окончил Санкт-Петербургский университет, получил системное гуманитарное образование. Будучи студентом, он совершил

Рис. 1. Ф.А. Фиельstrup. Фотография 1920-х гг. Архив ИЭА РАН. Ф. № 94.

поездки на Кавказ, в Монголию, Южную Америку. За доклад об индейцах Бразилии Ф.А. Фиельструп вместе с коллегами был удостоен малой серебряной медали Императорского Русского географического общества. С 1916 г. после окончания университета Ф.А. Фиельструп работает в Музее антропологии и этнографии (МАЭ)/Кунсткамере, с 1918 г. – сотрудничает с Комиссией по изучению племенного состава населения России – занимается составлением этнических карт Приуралья. Затем ученый был приглашен в Томский университет, в котором читал курс географии, в 1920 г. стал участником Минусинско-Абаканской экспедиции. С 1921 г. он, будучи сотрудником этнографического отдела Русского музея, проводил этнографические исследования в Крыму, Средней Азии, на Кавказе. В 1933 г. Ф.А. Фиельструп был репрессирован и скончался во время следствия; реабилитирован в 1958 г. [Там же; Профессора Томского университета..., 2003].

При жизни исследователь опубликовал только несколько статей. В начале 2000-х гг. все его рукописи и полевые дневники были переданы наследниками в Институт этнологии и антропологии РАН и составили фонд № 94. В нем собраны полевые материалы и исследования Ф.А. Фиельструпа 1920-х гг. К 2000-м гг. фрагменты этого архива по кыргызам и казахам были актуализированы Б.Х. Кармышевой, Г.Н. Симаковым, О.Б. Наумовой [Кармышева, 1988; Симаков, 1998; Наумова, 2006а, б]. Большая часть полевых материалов Ф.А. Фиельструпа по ритуалам жизненного цикла кыргызов была опубликована под редакцией Б.Х. Кармышевой и С.С. Губаевой в 2002 г. [Губаева, Кармышева, 2002; Фиельструп, 2002]. Все другие материалы, включая результаты Минусинско-Абаканской экспедиции 1920 г., никогда не обсуждались. Сведения, собранные в ходе этой экспедиции, отражены в дневнике Ф.А. Фиельструпа (Д) и записной книжке (ЗК). Его полевые материалы (ПМ) были дополнены выписками из публикаций и описаниями музейных экспонатов. Их введение в научный оборот является целью данной статьи.

Анализ сибирской части архива Ф.А. Фиельструпа, которую составляют ок. 400 страниц текста, и ее интерпретация в контексте творческих поисков ученого и с учетом системных трансформаций, происходивших в Сибири начала XX в., определили содержание данной работы.

Предыстория Минусинско-Абаканской экспедиции

Минусинско-Абаканская экспедиция 1920 г. с участием Ф.А. Фиельструпа была организована Институтом исследования Сибири совместно с Томским универ-

ситетом. Составляя план поездки, ее организаторы опирались на уже накопленный опыт изучения сибирских регионов.

К началу XX в. долина среднего Енисея была одним из самых освоенных научных полигонов России. Первые сенсационные открытия на этой территории были связаны с деятельностью бугровщиков начала XVIII в. «Золотые бугровые сибирские вещи» стали известны в столице в 1715 г., когда сибирский генерал-губернатор князь М.П. Гагарин привез Петру I несколько предметов. А в 1718 г. Петр I подписал указ о сибирской экспедиции под руководством приглашенного в Россию доктора Д.Г. Мессершмидта. В 1720–1726 гг. ученый проехал от Урала до Байкала и от Саян до нижней Оби. Часть его маршрута проходила по енисейской земле, которая в 1707 г. вошла в состав России. В задачи экспедиции входило изучение «языческих шейтанов», «праотческих письмен», «каменных баб» и т.д. Ученый провел раскопки курганов на левом берегу Абакана, зарисовал писаницы на Енисее, впервые описал обряд почитания каменного изваяния Улуг Хуртуях Тас [Кызласов, 1983]. Академические экспедиции в регион организовывались на протяжении XVIII–XIX вв. В 1893 г. датский языковед В.Л. Томсен прочитал письмена на Уйбатском памятнике – каменной стеле, открытой Д.Г. Мессершмидтом. Дешифровка руники как орхон-енисейского древнетюркского письма, а также открытие памятников различных эпох создавали дискурс по поводу формирования культур региона [Там же].

Изучение Енисейского края на рубеже XIX–XX вв. было связано с именами известных исследователей Ф.Я. Кона, Д.А. Клеменца, А.В. Адрианова, Н.Ф. Катанова, С.Д. Майнагашева и др. Статус и репутацию одного из ведущих исследовательских центров Сибири приобрел основанный в 1877 г. Минусинский музей [Кон, 2019]. В 1900 г. обширные этнографические фонды музея были представлены в каталоге, подготовленном Е.К. Яковлевым [1900].

Заметное влияние на развитие исследований в Саяно-Алтайском регионе оказали ученые Казанского университета, в котором к началу XX в. сложилось направление сравнительно-исторического изучения языков и культур тюркских народов. Одним из его лидеров стал В.В. Радлов, в 1870-е гг. профессор Казанского университета. Выдающийся тюрколог-универсал, занимавшийся лингвистикой, этнографией и археологией Сибири и Центральной Азии, он уже в статусе академика и директора МАЭ/Кунсткамеры поддерживал исследования в Саяно-Алтайском регионе [Кононов, 1972].

С Казанским университетом была связана деятельность Н.Ф. Катанова – одного из самых титулованных языковедов России, представителя коренного населения Енисейского края. После окончания Санкт-

Петербургского университета в 1889–1892 гг. он сосредоточился на изучении тюркского мира, в 1919 г. был избран профессором университета. Один из его учеников – С.Е. Малов – уроженец Казани, выпускник местной духовной академии, а затем Санкт-Петербургского университета, еще в годы учебы при поддержке В.В. Радлова предпринял поездку на юг Сибири, в ходе которой у него возник интерес к древней рунике, языку и воззрениям коренных обитателей региона. В 1917 г. С.Е. Малов стал профессором Казанского университета [Кормушин, Насилов, 1978].

В этом научном центре большое внимание уделялось теории алтайского языкового единства и саяно-алтайской (среднеазиатской) прародины финно-угров. Выдвинутая в середине XIX в. финским ученым М.А. Кастреном, она позже была опровергнута. Но в начале XX в. дискуссия по поводу этой теории велась очень активно. В ней принимали участие лингвисты, археологи и этнографы. Минусинский и Ачинский уезды (ранее округа) Енисейской губ. были полигонами, где проводились подобные исследования. В 1912–1913 гг. здесь работал С.А. Теплоухов – младший представитель одной из известных на Урале династий предпринимателей и ученых. Будучи выпускником Казанского университета, он стажировался в Санкт-Петербургском университете; более всего ориентировался на антропологию и археологию. В 1918 г. С.А. Теплоухов, оказавшегося на Урале, который находился в то время под властью Колчака, в числе преподавателей Пермского университета направляют в Томск. Сюда же были переведены некоторые сотрудники Казанского университета [Китова, 2010].

Перспективы работы ученых, оказавшихся в Томске, связывались с образованием Института исследования Сибири. Он претендовал на роль всесибирского центра, который должен был вывести изучение края на новый уровень. В структуре института был выделен историко-этнографический отдел, деятельность которого имела целью «изучение истории (включая археологию), быта, нрава, языка, словесности, верований, искусства народов Сибири (русского, инородческого и туземного населения) и охрану всякого рода памятников старины и документов прошлого и настоящего» [Труды съезда..., 1919, с. 33]. Институт создавался в период установления советской власти в 1917–1918 гг., но статус государственного учреждения он приобрел, получив поддержку колчаковского режима, утвердившегося к осени 1918 г. и свергнутого в декабре 1919 г. В 1919 г. институт возглавил профессор Томского университета В.В. Сапожников, а историко-этнографический отдел – С.И. Руденко [Некрылов и др., 2012; Молодин, 2015].

Выпускник Санкт-Петербургского университета С.И. Руденко имел репутацию одного из самых эффективных ученых России, ориентированных на систем-

ные археолого-этнографические, антропологические изыскания. С начала 1900-х гг. он работал на Украине и в Западной Сибири, в 1915 г. стал ассистентом при кафедре географии и антропологии Петроградского университета, в 1916 г. издал книгу «Башкиры: опыт этнографической монографии» и был назначен ученым секретарем Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. В 1919–1921 гг. С.И. Руденко работал в Томском университете в должности приват-доцента, затем профессора, декана физико-математического факультета. Преподавание он совмещал с работой в Институте исследования Сибири, одновременно возглавлял музей при историко-этнографическом отделе института и комиссию по составлению карт народов (племен) региона [Кирюшин, Тишкин, Шмидт, 2004].

В контексте деятельности этой комиссии Енисейский край вызывал большой интерес ученых и практиков. Здесь в апреле 1918 г. Минусинский Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов признал права коренного населения и утвердил его единое самоназвание – «хакасы». Таким образом был возвращен из небытия исторический этноним, связанный с государством средневековых кыргызов. Утверждение имени «хакасы» нивелировало экзоэтнонимы (минусинские, кузнецкие и ачинские татары) и обозначило процесс консолидации родоплеменных объединений сагайцев, бельтиров, качинцев, койбалов, кызыльцев, формировавшихся в рамках Качинской, Койбальской, Кызыльской, Сагайской инородческих управ (ранее дум). Это сделало особенно актуальным изучение этнической истории самоопределившихся хакасов, их языковой и культурной общности и этнолокальных различий [Ефремова, 1972]. Развитие этноисторической проблематики предполагало опору на результаты сравнительно-языковых, археолого-этнографических, антропологических изысканий, которые должны были проводиться в рамках Минусинско-Абаканской экспедиции. Это была первая комплексная экспедиция в Сибири, еще переживавшей последствия Гражданской войны. Ее стратегию определяла концепция одного из лидеров российской этнографии Д.Н. Анучина, выступавшего за триединство наук – этнографии, археологии, антропологии [Левин, 1947].

Организация и проведение экспедиции

Минусинско-Абаканскую экспедицию 1920 г. возглавил С.И. Руденко. Одним из ее участников стал Ф.А. Фиельструп. Он приехал в Томск по рекомендации С.И. Руденко, с которым был знаком по Санкт-Петербургскому университету. В 1918 г. они вместе проводили картографирование мест расселения народов Приуралья. В Томске Ф.А. Фиельструп занимал

должность младшего ассистента историко-этнографического отдела Института исследования Сибири; работал переводчиком в правительстве Колчака.

Летом 1920 г. ученый вошел в состав комплексной экспедиции, членами которой были: С.А. Теплоухов – на тот момент старший ассистент кафедры географии и антропологии Томского университета, И.М. Залеский – орнитолог и художник, А.К. Иванов – географ, младший ассистент (впоследствии доцент) физико-математического факультета Томского университета и его жена К.П. Кузьмина, медик. В составе отряда числились трое студентов, в т.ч. М.П. Грязнов – студент естественного отделения физико-математического факультета, а позже один из ведущих археологов-сибиреведов России [Рудковская, 2004; Китова, 2010; Березовиков, 2017]. Группа минералогов Минусинско-Абаканской экспедиции (преподаватели и студенты) работала под руководством С.М. Курбатова, профессора кафедры минералогии и геологии Томского университета. При отъезде из Томска отряд из 11 чел. со снаряжением (и двумя возками) занял две теплушки (Архив ИЭА РАН. Ф. 94. Д. Л. 1).

Согласно записям Ф.А. Фиельструпа, экспедиция продолжалась с 1 июня по 27 сентября 1920 г. Первые страницы дневника ученого занимают описания цветущей степи. В период полевых работ были и дожди, и ураганный ветер, и песчаная буря. В последние дни экспедиции выпал снег.

Выехав из Томска, экспедиция добралась до Ачинска, затем на лошадях через села Андропово, Ужур и Копьево – до оз. Ши́ра. Положение населения в улу-

сах и деревнях по маршруту отряда зачастую было бедственным. К лету 1918 г. в Сибири была свергнута власть Советов. Гражданская война продолжалась в 1918–1919 гг. К началу 1920 г. территорию Сибири почти полностью освободили от колчаковских войск. В Минусинском крае была восстановлена советская власть, но еще действовали «шайки непокорных властей», занимавшиеся грабежом. Здесь находились многочисленные воинские части. В дневнике Ф.А. Фиельструпа значилось: «Неудобный момент для проезда по тракту захватили мы; из Минусинского края возвращается целая армейская дивизия. Колоннами несется черная пыль по дороге; деревни скармливают все до чиста голодным солдатам; квартиры заняты частями; все подводы в разгоне. Овса и сена нет, лошадей кормят соломой... в улусе с большим трудом добыл коня в телеге, все подводы забраны красными, а другие мобилизованы на возку угля в Усть-Абакан... лодки белые угнали, да красные порубили» (Там же. Л. 7, 73–74).

Работы проводились в очень сложной обстановке. Но, несмотря на все трудности, благодаря человеческим и профессиональным качествам и опыту полевой работы, Ф.А. Фиельstrupу и его коллегам удалось выполнить большой объем археологических и антропологических изысканий, запечатлеть жизнь хакасов первых послереволюционных лет во всем ее многообразии.

Программа этнографических исследований была изложена ученым на первых страницах записной книжки (рис. 2). Она включала следующие разделы: общественный строй, знания о человеке и природе,

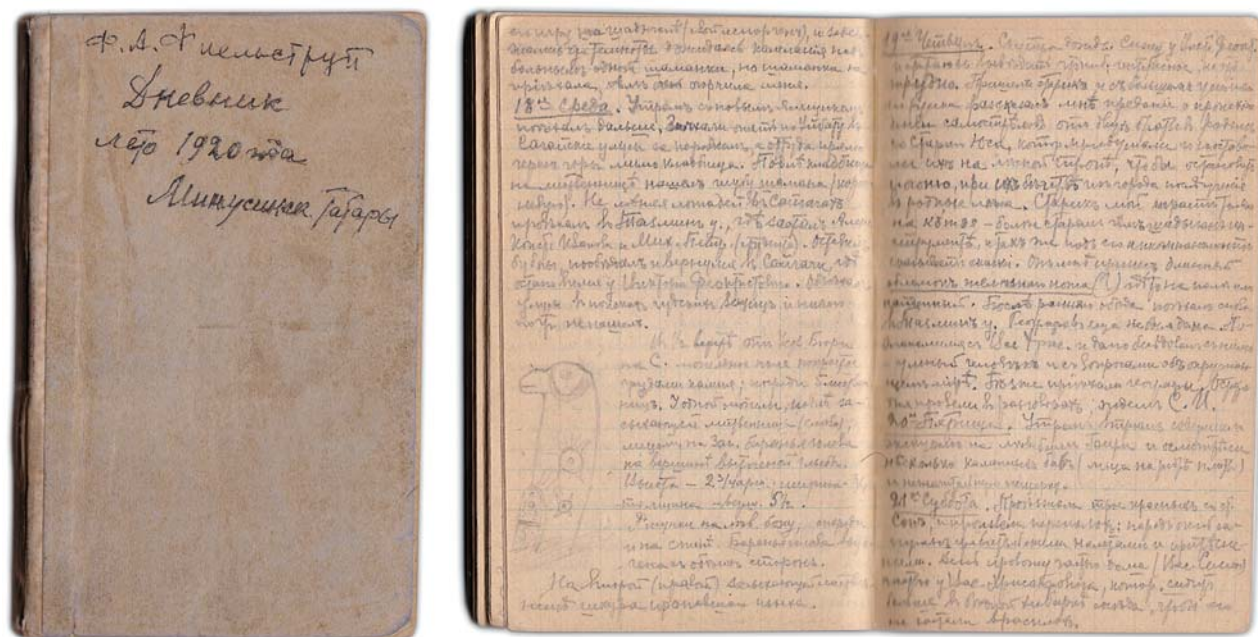

Рис. 2. Обложка и страницы дневника Ф.А. Фиельструпа. Минусинско-Абаканская экспедиция 1920 г. Архив ИЭА РАН. Ф. № 94.

космогонические и астрономические понятия, характеристика шаманизма и т.д. Там же были обозначены темы, которые разрабатывали С.И. Руденко (скотоводство, одежда, обработка кожи и кости, искусство, роды, погребения) и И.М. Залесский (охота и рыболовство). Сбором информации по хозяйственным занятиям, пище, жилищу, играм и проч. занимался С.А. Теплоухов (Там же. ЗК. Л. 1–10б.).

На протяжении июня Ф.А. Фиельструп с провожающими объехал улусы Большие Ворота, Джерома, Мар-

чилгас, Малый Кобежеков и Ефремкин, деревни Тюн и Чернов и др., где собрал большой объем лингвистического, фольклорного, этнографического материала. Около улуса Ефремкин членами отряда было осмотрено несколько пещер. С начала июля вблизи д. Бузуново (бывшая казачья станица) и у. Асочаков (Ачанай) под руководством С.И. Руденко проводились раскопки курганов (рис. 3).

От у. Асочаков С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструп отправились в верховья Аскиза и далее вверх по Ка-

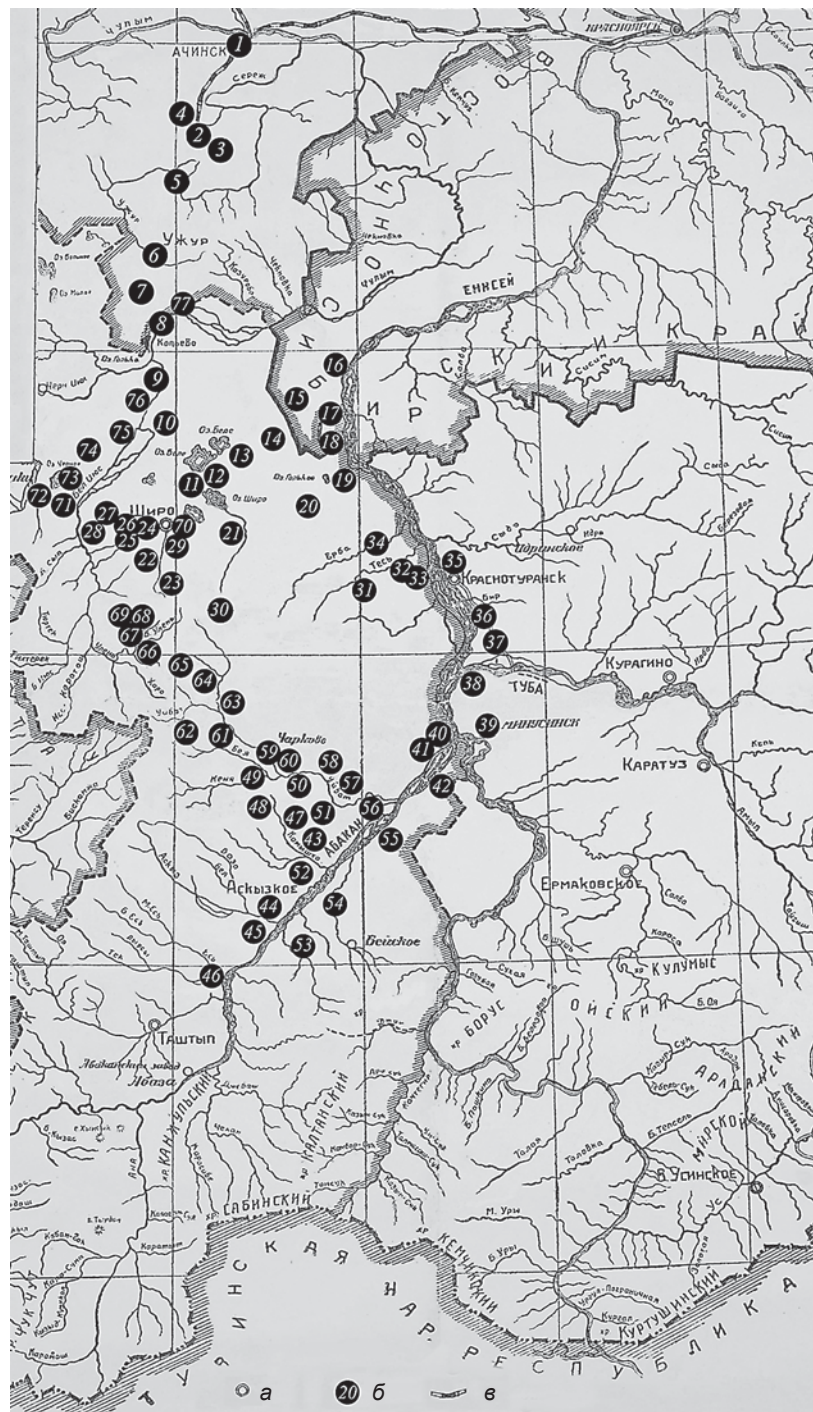

Рис. 3. Зона работ участников Минусинско-Абаканской экспедиции 1920 г. План-схема составлена на основе обзорной карты Хакасии конца 1920-х – начала 1930-х гг. канд. ист. наук, доцентом Гуманитарного института НГУ О.А. Митько.

1 – г. Ачинск; 2 – д. Глядень; 3 – д. Степная; 4 – д. Антропово; 5 – д. Марьясово; 6 – г. Ужур; 7 – Учумская экономия; 8 – г. Копьево; 9 – д. Сютик; 10 – ст. Соленоозерская (Соляной Форпост); 11 – курорт на оз. Шира; 12 – д. Колодец; 13 – у. Большие Ворота; 14 – у. Иджим; 15 – у. Тюн; 16 – у. Аёшки; 17 – д. Черново; 18 – д. Сарагаш; 19 – экономия Четверикова; 20 – у. Бейбулак; 21 – Алексеевский рудник; 22 – у. Орошталевский; 23 – у. Верхний Туим; 24 – у. Марчелгаш; 25 – у. Малый Кобежеков; 26 – у. Топанов; 27 – у. Аешин; 28 – у. Ефремкин; 29 – у. Малый Спирин; 30 – у. Сон; 31 – д. Потехино (Большая Ерба); 32 – д. Сухая Тесь; 33 – д. Абакано-Перевоз; 34 – д. Знаменка; 35 – с. Абаканское; 36 – с. Бузуново; 37 – д. Листвягово; 38 – д. Городок; 39 – г. Минусинск; 40 – с. Усть-Абаканское; 41 – Сапоговские улусы; 42 – у. Белоярский; 43 – у. Усть-Камышта; 44 – у. Аскиз; 45 – у. Асочаков (Ачанай); 46 – у. Усть-Есь; 47 – у. Епишеков; 48 – у. Синявино; 49 – у. Колпаков; 50 – у. Покоянов; 51 – у. Балаганов; 52 – у. Саражаков; 53 – д. Уты; 54 – у. Айдовольский; 55 – у. Аршанов; 56 – у. Калагашев; 57 – у. Капчалы; 58 – у. Верхнее Кобельково; 59 – у. Чарков; 60 – у. Нижний Чарков; 61 – у. Токамесов; 62 – у. Маганак; 63 – у. Усть-Бюрь; 64 – у. Сагайчи; 65 – у. Тазмин; 66 – у. Большой Улень; 67 – у. Малый Улень; 68 – у. Ултугаш; 69 – Сиченташ; 70 – у. Камышев; 71 – у. Тарча; 72 – у. Чебаки; 73 – у. Черное Озеро; 74 – у. Заплот; 75 – у. Большой Ключиков; 76 – у. Кожак; 77 – д. Торчужаны.

а – населенные пункты на карте-основе;
б – населенные пункты на пути следования экспедиции, установленные О.А. Митько;
в – железная дорога.

мыште. С началом августа наступил сезон жертвоприношений и свадеб. Ученые наблюдали традиционные ритуалы и собирали материал о шаманах, певцах, сказителях в улусах Асочаков, Чарков, Тазмин, Улень и др. Одним из их переводчиков и проводников в путешествиях по Бее был Ф.Я. Сараджак, который по окончании уехал вместе с экспедицией в Томск делать операцию на глаза (Там же. Д. Л. 73, 74об.).

В рамках программы экспедиции 1920 г. С.А. Теплоухов изучал коллекции Красноярского и Минусинского музеев; для систематических раскопок был выбран микрорайон близ с. Батени на левом берегу Енисея. С начала сентября участники экспедиции проводили археологические исследования в улусах Аешино и Копьева, где было раскопано шесть курганов.

Под руководством С.И. Руденко, как считают историографы, в ходе Минусинско-Абаканской экспедиции были проведены раскопки четырех курганных могильников тагарской культуры – всего 15 курганов [Рудковская, 2004]. По окончании экспедиции в кабинет географии Томского университета поступили восемь археологических коллекций и антропологические остатки – материалы раскопок. Комплектованием этнографических коллекций в экспедиции занимался Ф.А. Фиельструп: в у. Большой Улень он приобрел оловянную ложку, мельницу, медную трубу и др. вещи, а в Малом Улене – медный кинжал, в у. Улгута – варежки и зыбку и т.д. В конце сентября отряд, отгрузив оборудование и экспонаты, отправился в обратный путь – из Ачинска в Томск (Там же).

Полевые материалы Ф.А. Фиельструпа

Записи Ф.А. Фиельструпа, сделанные в экспедиции 1920 г., делились на несколько блоков. Для полевых исследований (с учетом методик его учителей и коллег – языковедов С.Е. Малова и С.А. Самойловича) ученый разработал сложную систему фиксации звуков с использованием латиницы и кириллицы. Ученый записывал исполнителей «с голоса», отмечая как диалектные, так и индивидуальные особенности, что позволяло передавать «действительную текучую природу и характер языка» [Малов, Фиельструп, 1928, с. 291].

Лингвистический материал включал: названия сезонов года, месяцев, времени суток и проч.; астрономическую, географическую и метеорологическую лексику; названия частей тела, растений, диких и домашних животных, рыб, птиц, насекомых, частей жилища, также музыкальных инструментов и праздников.

Начиная с Минусинско-Абаканской экспедиции Ф.А. Фиельструп уделял очень большое внимание сбору терминов. Он одним из первых оценил важность их фиксации для воссоздания динамичного об-

лика культуры («археологии культуры»), придавал исключительное значение этимологии, которая позволяла не только раскрывать природу вещей и явлений, но и выстраивать этногенетические модели, что особо интересовало ученого. Записи были сделаны им среди всех групп хакасов – качинцев, сагайцев, бельтиров и кызыльцев. Это позволило в дальнейшем провести сравнительно-языковедческие исследования. В дневнике Ф.А. Фиельструпа была описана языковая ситуация в регионе целом. Например, работая в у. Марчелгаши, ученый отмечал: «По-русски мои собеседники говорят очень недурно... Акклиматизация русского языка среди местных качинцев быстро подвигается: они постоянно вставляют русские слова в свою речь и заменяют свои русскими. В нескольких случаях замечал утрату сознания, что данное слово русского происхождения (например, таз, колечко и др.) у молодежи... Ассимилированные русские слова подчинены, разумеется, грамматическому строю татарского языка» (Там же. Д. Л. 57).

Другой значительный блок материалов включал термины родства, названия союзов (патрилинейные экзогамные подразделения), информацию о тамгах и их изображениях. По итогам бесед с респондентами Ф.А. Фиельструп составлял таблицы родства. Возможно, он хотел подготовить обобщающую публикацию по системе родовых структур и отношений, характерной для тюркского мира: в его рукописях были выписки из немногочисленных на начало XX в. работ по качинцам и бельтирам, чувашам, казанским татарам, башкирам, казахам и тувинцам (Там же. ПМ. Л. 43, 44, 60–61) (рис. 4).

Рукописи Ф.А. Фиельструпа содержат записи о семейной обрядности и обычаях избегания; ритуалах, связанных с очагом, установкой юрты и проч. В них имеется обширная информация о поселениях, жилище, предметах быта и утвари хакасов; описаны музыкальные инструменты, техника игры на них и ограничения, касающиеся исполнения музыки.

В фонде Ф.А. Фиельструпа очень широко представлены материалы, связанные с традиционным мировоззрением хакасов, – это данные о шаманских камланиях, на которых он присутствовал. В своих полевых исследованиях ученый опирался на уже известные публикации А.В. Адрианова, Д.А. Клеменца, Н.Ф. Катанова, С.Е. Малова и др. [Клеменц, 1892; Катанов, 1897; Адрианов, 1909; Малов, 1909; и др.].

В у. Ефремином Ф.А. Фиельструп записал рассказ местного жителя П.Ф. Кищева о хозяевах гор. Старик сетовал, что «люди в Бога не верят, шаманов не любят, не верят, что есть хозяины леса, гор, воды»; жертвы небу уже лет десять не делали, от чего происходят несчастья (Там же. Д. Л. 61–66).

Хакасы верили, что хозяева гор любят сказки, и, чтобы расположить их к себе, на охоту брали ска-

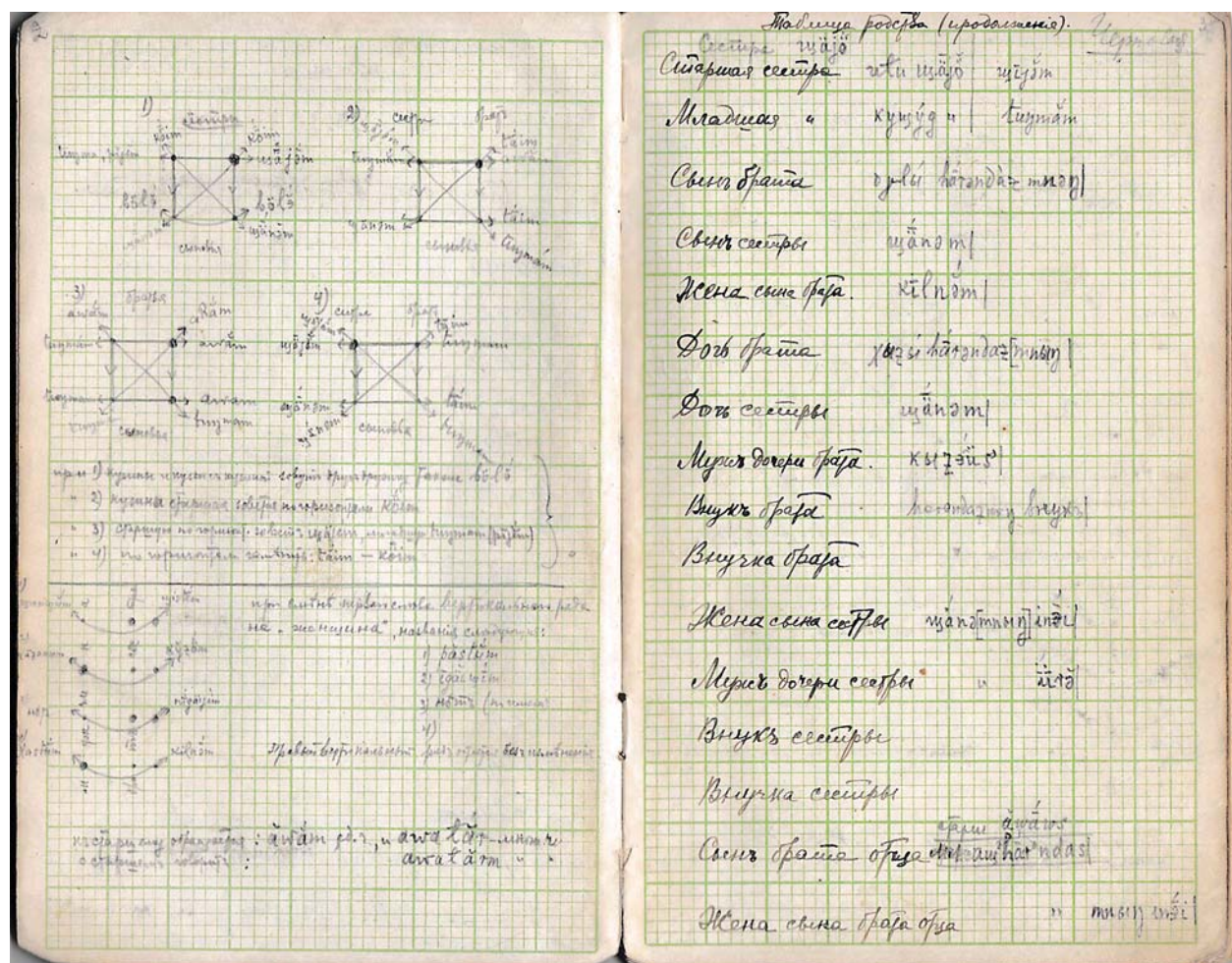

Рис. 4. Страницы записной книжки Ф.А. Фиельструпa с данными о системе родства хакасов. Архив ИЭА РАН. Ф. № 94.

зочников. Это отражено в рассказе П.Ф. Кишеева: «Собрались как-то в его молодости к горе на бруснику с разных улусов, отдельно огни разложили. Народ бесшабашный, смеются, шумят, кто сказки рассказывает – не слушают многие. А хозяин-то часто слушает сам сказки; если сказка понравилась и хорошо ее слушают, он уходит довольный, смеется, свистит; его слышно, когда ходит, тяжело шагает. Так вот, стал он за горой как маленькая собачка лаять тоненьким голоском, потом свистеть, резко, так что уху больно. А на утро двое из мужиков с ума сошли, и пришлось связать и домой везти. Редко видеть можно хозяина. Раз слушал Павел сказку где-то у костра... Когда сказка кончилась, [хозяину] видно понравилась, ушел довольный, слышно было, стучит-шагает, мимо них прошел. Может видеть хозяина обычно только шаман» (Там же. Л. 62–63). Как сообщил П.Ф. Кишеев, горные люди живут, как обычные, – женятся, рожают детей; порой появляются среди живых. «Хозяева не все на одном месте бывают, а так, приезжают. Бывает даже

в улус приедет, зайдет вина немного выпьет, а потом как зайдет за дверь, лыжи [лыжи] наденет и, как ветер, быстро уйдет. Дом-то у них есть где-нибудь. Был один охотник (его внучек и сейчас еще в Кабежиковой живет)... так он вот в лесу был, сидел. Приезжает девушка, просит придти помочь, третий день старается женщина родить, не может, – не поверил, не пошел. Потом опять, уже двое, эта девушка и муж роженицы, очень просят, чем хочет наделат его, наградят, только пусть поможет. Такие, говорит, как и все люди, выглядят они, только на бровях волос нет. Ну, поехал, приехали к скале – каменка; где вход трещина одна. Открыли, впустили его, так, один впереди, другой позади. Внутри все как настоящий дом, и все, что только есть на свете, там есть. Тут лежит и женщина. Не знает он, как помогать-то... Ну, надавил там, и родила женщина, парнишку, что ли. Потом говорят: «Бери, чего хочешь в награду». Повели в соседнюю комнату (езде светло, как надо). Там все, что угодно, есть. Золото, серебро, меха... Ну, никак не могут ничего дать – не берет.

Ну, у него на одежде кровь там попала. “Вот, говорят, тогда в награду тебе – будешь отличный стрелец до самой старости и всю жизнь будешь кормиться охотой, никогда голодать не будешь, всегда будешь находить зверя и убивать его” ...И правда, настоящий стрелок был, сто лет было, когда последнего медведя убил. ... Ну, вот, сам я знаю, а люди не верят, что есть Бог и хозяева!» (Там же. Л. 64–66).

Вопреки скептицизму респондента, хакасы почитали горы и их хозяев, по наблюдениям Ф.А. Фиельструп, регулярно. В районе Аскиза участники экспедиции видели жертвенник ызах-таих, близ у. Епижекова наблюдали жертвоприношение «каменной женщине» (перевезена в Минусинский музей); в августе отряд планировал присутствовать на четырех местных таихах.

Большое место в записях ученого занимали материалы по шаманству. Ф.А. Фиельstrupом были зафиксированы ритуалы сагайских шаманов, в т.ч. «пешего» – не имевшего бубна, который воспринимался как ездовое животное. Шаманов, имевших костюм и бубен, хакасы называли «конными». Несмотря на то, что в традиционной культуре хакасов сакральные атрибуты были табуированы, Ф.А. Фиельstrup, по его словам, свободно отыскивал бубны и одежду умерших шаманов; пользовался при этом помощью своих проводников (Там же. Л. 73об., 76об.–77об.).

На страницах записной книжки ученый подробно описал сеанс лечения ребенка сагайской шаманкой. Он продолжался всю ночь. Этому предшествовали долгие приготовления: поворожив на чашке, шаманка выяснила, какие предметы ей нужны. Для проведения обряда слева от двери протянули аркан, на который повесили девять одежд, вывернутых наизнанку. Они предназначались духам, наславшим болезнь. Рядом поместили две березовые ветки, служившие для очищения. Закололи барана; сварили голову, сердце и печень, правую лопатку и ребра. Рядом с одеждами шаманка поставила столик, покрытый шкурой барана, затем разлила араку в девять бутылок и установила их там же. Готовое мясо разложила в три деревянных корытца, два из них поставила на столик. Для кропления («секенья») заварили богородскую траву, вскипятили молоко. Перед началом сеанса шубу и бубен окропили аракой. Хозяин юрты (муж шаманки) обошел юрту и окурив все богородской травой. Сначала шаманка полечила ребенка «заклинаниями и обметанием старой лопотью», т.е. поношенной одеждой.

Наблюдавший ритуал Ф.А. Фиельstrup отмечал, что его участникам не разрешалось спать – в противном случае шаманке было бы трудно камлат; пристальные взгляды ей также мешали. Временами присутствующие помогали шаманке: повторяли ее возгласы над пациентом. Вновь вошедших в юрту окуривали богородской травой. При описании камла-

ний Ф.А. Фиельstrup обращал внимание на локальную специфику: «Шаманы качинские камлают только ночью, в то время как сагайские в любой момент» (Там же. ПМ. Л. 1, 4об.).

В 1920 г. Ф.А. Фиельstrup подробно описал четыре шаманских бубна. На одном из них по указанию, полученному шаманом во сне, были нанесены рисунки: «8 красных помощников и 1 старший с луком, 1 верховой с запасной лошадей, лягушка, змея, собака – красной краской, и белая береза справа – внизу». Вверху изображены «красное солнце, белый месяц, 2 красных орла, 2 белых филина, красная пихта, белый ызах». Ученый описал одежду и головной убор шамана, выяснил, что его заставили камлат «черные люди» – помощники предшественника; они же «дали ему слова» (Там же. ЗК. Л. 100–101; ПМ. Л. 1–2об.).

Болезнь, по мнению респондентов Ф.А. Фиельstrup, насылали на человека ветром также «черные люди». Известно, что стихия ветра, по представлениям хакасов, была связана с духами; черный цвет служил характеристикой подземного мира [Бурнаков, 2008, с. 614].

«Черные люди» упоминаются в записи Ф.А. Фиельstrup о гадателе по лопатке: «Они (т.н. черные люди. – Авт.) ввели его в избу, где на стенах направо и налево висели белые (не жженные) и черные (жженные) лопатки баранов, и велели гадать. На белых гадать он отказался, т.к. они были ослепительно яркие, и он не смог смотреть на них. Перед ним лежало двое больных: один – давно болевший, другой – только что захворавший. Он стал гадать по жженным лопаткам и увидел, что давно болеющему суждено выздороветь, а другому – помереть. “Черные люди” научили его наговору и приемам гадания. Шаман, к которому он обратился за разъяснением значения сна, сказал ему, что он должен быть ворожеем» (Там же. ПМ. Л. 3) (рис. 5).

Рассказ о превращении шаманов в филинов был записан Ф.А. Фиельstrupом у качинцев: «Иногда поздние путники встречают в дороге филина. Если этот филин – оборотень-шаман, то, увидев человека, он встряхнется и издаст звуки словно бубен бренчит. Чтобы он не причинил путнику вреда, тот кидает ему крупы или вообще что-нибудь из своего запаса. Если застрелить такого филина, то тут же умрет и камлающий в это время шаман» (Там же. Л. 1).

Судя по многочисленным выпискам из литературы и музейных описей, ученый основательно изучал вопрос о тесах – антропоморфных и зооморфных изображениях семейно-родовых покровителей и помощников шаманов. Сам он описал нескольких таких изображений. Одно из них – «тилег тес» (покровитель домашнего скота, хранитель айрана и молочных продуктов) – исследователь видел у сагайцев. «Tilég-tös – короткая деревянная вилка на очень длинном стебле. Концы вилки поперек связаны тесьмой

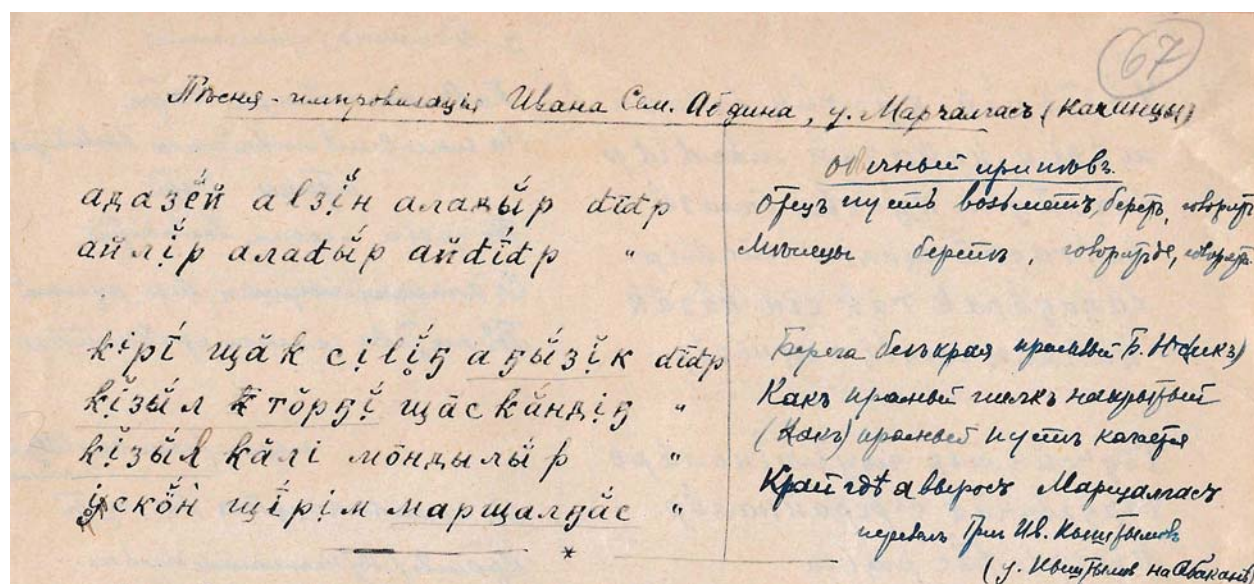

Рис. 5. Страницы полевых материалов Ф.А. Фиельструпa с фольклорными записями. Архив ИЭА РАН. Ф. № 94.

из козьей шкуры. От последней свисают: небольшой синий и побольше зеленый лоскутки и бахрома почти в четверть из шерстяной пряжи, скрученной по две из серой и коричневой шерсти», хранится на женской половине за посудными полками. Ученым также были зафиксированы: «алтынник-тёс» (алтын төс) – золотой тёс и два «аба төс» – медвежьи тёсы, каждый из которых представлял собой «кусоч шкуры с головы гнедого коня, с жилой» и хранился в углу слева от двери (Там же. Л. 50б., 7).

Интересны два тёса, названные Ф.А. Фиельструпом «ōdināзы». Один из них – «прямоугольник из холста размером 4 × 6 вершка приблизительно, со следами красных линий от рисунка... забрызганный жертвами. К левому углу подвязан красный лоскуток, и рядом прядь жил расчесанных. Посреди пришиты в ряд на расстоянии друг от друга три кусочка шкуры выдры». На другом остался рисунок, который не сохранился на первом: «рисунок красный на белом холсте: трое людей стоят в ряд, по правую и левую от них стороны – дерево вверх корнями и дерево вниз корнями; над деревьями месяц и солнце; рисунок обрамлен зигзагом. К солнцу пришит деревянный круглый ободок – подразумевающий шаманский бубен; под ним – прядь расчесанной жилы (не овечьей). К правому углу холста привязан лоскуток красной материи. Между солнцем и месяцем шкуры выдры» (Там же. Л. 50б.). Судя по современным исследованиям, это один из самых почитаемых тёсёй хакасов – чалбах төс [Бурнаков, 2020, с. 48].

Три из описанных Ф.А. Фиельструпом тёся – «коршā», «кинен» и «курёң-ызых» – были связаны с ызыхами – священными конями, которые, по представлениям хакасов, служили ездовыми животными

духов [Бурнаков, 2010]. Коршā представлял собой осеннюю беличью шкурку, ему посвящали ызыха – коня сивой масти; кинен был в виде собольей шкурки, ему посвящали ызыха рыжей масти (Там же. Л. 7). Кинен төс хорошо известен современным исследователям [Бутанаев, 1986, с. 89–107; Бурнаков, 2020, с. 93–96]. Коршā төс (в описании Ф.А. Фиельструпa), вероятно, это хорча төс – небесный фетиш, покровитель сивого коня-ызыха, по версии В.Я. Бутанаева. Однако, согласно описанию, сделанному в 1990-е гг., он сильно отличается от представленного Ф.А. Фиельструпом. По В.Я. Бутанаеву, хорча төс – березовая развилка с «лицом» из лоскута золотой парчи, с «глазами» из синего бисера и крыльями косача [1999, с. 191].

Курёң-ызых в качестве тёса не описан в литературе. Его имя происходит от слова «күрең» – коричневый/бурый, т.к. ему посвящали ызыха бурой масти. Курёң-ызык, по Ф.А. Фиельструпу, – «старая рубаха хозяина, к которой пришит красный лоскуток с правой стороны, 2 кусочка шкуры выдры, золотая нитка, прядь жилы и железное, покрытое листовой медью обручальное кольцо (заменяющее бубен?)» (Там же. Л. 7).

Записывая сведения о тёсах и ызыхах, Ф.А. Фиельструп обращал внимание на связанные с ними обряды: «Изык держится 9 лет (3 × 3)*. На третий таик (на 9-й год), вместе с кандидатами-жеребьятами приносятся и новые төс'ы»; отслужившие тёсы не пускают на плоту вниз по реке, а «уносят в тайгу и веша-

*В традиционной культуре хакасов жертвенные ритуалы, посвященные небу и силам природы, как правило, совершались с интервалом в три года.

ют на березу, привязав покрепче, чтобы они не упали <на> землю. ...Если изых падет, с него сдирают шкуру (и берут себе), а голову и ноги вешают на березу. Новый изых тогда обмывается уже дома без участия шамана; тös'ы остаются старые, до истечения своего срока. При обмывании изыха употребляется особая посуда; изыха «нельзя запрягать, и женщина не должна подходить к нему близко; пользоваться им может хозяин и то только для верховой езды. Изых на таik'е привязан к березе... в случае смены – вместе с кандидатом. После таik'a, обмыв нового изыха... его отпускают на волю. Изыхи имеют-ся и дома. Их посвящают при выгоне весной, кропят аракой, обмывают молоком и пускают на волю» (Там же. Л. 6–60б.).

При описании локализации тёсов в юрте Ф.А. Фиельструп всегда отмечал их расположение по отношению к «иконной стене»; подчеркивал, что хакасы «при входе в юрту (даже вдрызг пьяные) непременно крестятся на иконы, потом обращаются с приветствием» (Там же. Д. Л. 54). Известно, что к началу XX в. большинство хакасов были крещены в православие, которое, по мнению исследователей, вероятно, имело «обрядовый» характер. В у. Асочаков Ф.А. Фиельструпу показали шитый позументами кафтан, присланный от императорского двора родовому начальнику Апаку за крещение 3 тыс. инородцев в один день в 1877 г., о чем свидетельствовала соответствующая грамота* (Там же. Л. 75).

Наблюдая и описывая повседневные и обрядовые практики хакасов, Ф.А. Фиельструп обращал внимание на феномен двоеверия, хотя и не занимался этим специально. Так, в одном из урочищ на р. Туим он увидел листовницу, обуглившуюся у основания от костров; на ветвях дерева висела тазовая кость животного – свидетельство жертвоприношения; тут же на стволе был вырезан большой православный крест (Там же. Л. 51). Отмеченная ученым синкретичность воззрений и ритуалов хакасов много десятилетий спустя стала предметом анализа этнологов и религиоведов.

Заключение

Начатое в Минусинско-Абаканской экспедиции 1920 г. системное исследование верований и культуры хакасов Ф.А. Фиельструп намеревался продолжить в следующем году, но ситуация изменилась. С восстановлением советской власти в Сибири была свернута деятельность Института исследования Сибири.

*По данным Ю.А. Шибаевой, массовое крещение хакасов произошло в 1876 г.; подробнее об этом см.: [Шибаева, 1979, с. 182].

С 1 июля 1920 г. распоряжением Сибревкома он был закрыт [Журналы заседаний..., 2008]. Начались преследования преподавателей университета, сотрудничавших с колчаковским правительством. В 1921 г. Ф.А. Фиельструп вместе с С.И. Руденко и С.А. Теплоуховым вернулись в Петроград. Их дальнейшая деятельность была связана с Русским музеем, Академией истории материальной культуры, Петроградским университетом. В Петроградский университет перевелся ученик С.А. Теплоухова М.П. Грязнов [Кармышева, 2002; Пшеничная, Боковенко, 2002, с. 20; Кирюшин, Тишкин, Шмидт, 2004].

Этнографические исследования, начатые в 1920 г., не получили развития, но результаты комплексной Минусинско-Абаканской экспедиции имели большое значение. Наблюдения С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструпа – сотрудников Комиссии по изучению племенного состава населения России – вероятно, учитывались при этнотерриториальном районировании Енисейского края: в 1923 г. в зоне расселения сообщества, принявшего имя «хакасы», был образован Хакасский национальный уезд, позже ставший округом, а затем автономной областью [Ефремова, 1972].

Результаты экспедиции использовались ее участниками при подготовке работ обобщающего характера: на основе собранного материала С.А. Теплоуховым была создана хронология археологических культур Хакасско-Минусинской котловины, которая соответствовала эволюционно-палеоэтнологическим концепциям ученого и его коллег. В русле этих же концепций написаны статьи Ф.А. Фиельструпа, посвященные свадебным жилищам и молочным продуктам; фольклорные тексты были опубликованы им в соавторстве с С.Е. Маловым [Китова, 2010; Фиельструп, 1926, 1930; Малов, Фиельструп, 1928].

Исследования Ф.А. Фиельструпа ориентировались на перспективу выявления этногенетических и историко-культурных закономерностей в развитии тюркских народов Сибири и Центральной Азии. С 1921 г., являясь сотрудником Русского музея, ученый совершил несколько экспедиций в Среднюю Азию и Казахстан [Кармышева, 1988]. Новый полевой материал он обрабатывал, ориентируясь на сравнительный анализ культур и языков хакасов, кыргызов, казахов, крымских татар, ногайцев. Обозначились планы дальнейших исследований тюркского населения Центральной Азии. Но они не были реализованы – в стране начались репрессии. В 1930 г. по вымышленным обвинениям был арестован С.И. Руденко, в 1933 г. – М.П. Грязнов, С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп и др. Пройдя через ссылку и испытания исправительно-трудовых лагерей, С.И. Руденко и М.П. Грязнов вернулись к научной работе; С.А. Теплоухов и Ф.А. Фиельструп умерли в тюрьме, И.М. Залесский и А.К. Иванов были расстреляны [Кармышева, 2002; Профессора

Томского университета..., 2003]. Архивы сохранили результаты их деятельности. Они позволяют судить о потенциале ученых и возможностях комплексного подхода в археолого-этнографических исследованиях, который отрабатывался в России начала XX в.

Рукописи Ф.А. Фиельструпа 1920-х гг. отразили состояние актуальной российской тюркологии и видение векторов будущих исследований. Обозначенные в них темы получили развитие лишь много десятилетий спустя. С 1960-х гг. началось системное изучение традиционного мировоззрения тюрков Сибири. В 1970-е гг. появились публикации Ю.А. Шибановой, в которых рассматривался религиозный синкретизм; в 2000-е гг. вышли в свет обобщающие работы М.С. Усмановой, В.Я. Бутанаева, В.А. Бурнакова о шаманизме и мифологической картине мира хакасов [Усманова, 1982; Бутанаев, 1986, 2006; Бурнаков, 2006, 2010, 2020; и др.]. С 1990-х гг. под эгидой Сибирского отделения РАН издается академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», несколько томов которой посвящены хакасской эпической и сказочной традиции. В 1999 г. был выпущен «Хакасско-русский историко-этнографический словарь», подготовленный В.Я. Бутанаевым [1999]. В 2006 г. в серии «Народы и культуры» вышел том «Тюркские народы Сибири», в котором на основе комплексного подхода дана характеристика тюркских аборигенных сообществ Саяно-Алтайского региона, в т.ч. хакасов [2006].

Многое из намеченного в 1920-е гг. Ф.А. Фиельstrupом удалось реализовать в современной этнографии/этнологии. Но актуальными остаются сравнительно-исторические исследования тюркских сообществ Центральной Азии в динамике их развития от древности до современности с опорой на языкознание, этнографию, антропологию и археологию. Комплексный интегративный подход, который отрабатывался российскими тюркологами начала XX в., сохранил свое значение и по-прежнему определяет перспективы культурно-исторических и этногенетических исследований Центральной Азии.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Айран в жизни минусинского инородца // Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию этнографии. – СПб.: [Тип. В.Ф. Киришбаума], 1909. – Т. 34. – С. 489–524.
- Березовиков Н.Н.** Иван Михайлович Залесский (1897–1938) – сибирский орнитолог, художник-анималист и один из создателей Томского орнитологического общества // Русский орнитол. журнал. – 2017. – Т. 26. – Экспресс-выпуск № 1481. – С. 3241–3267.
- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 208 с.

Бурнаков В.А. Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 607–617.

Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об языках // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 111–121.

Бурнаков В.А. Фетиши – тэсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 188 с.

Бутанаев В.Я. Почитание тэсей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 89–112.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2006. – 253 с.

Губаева С.С., Кармышева Б.Х. Ф.А. Фиельstrup и его исследования среди киргизов // Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – С. 3–13.

Ефремова Н.И. Образование и правовое положение Хакасского национального уезда // Актуальные вопросы государства и права. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – С. 3–11. – (Тр. Том. гос. ун-та; Сер. юр., т. 216).

Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000341800> (дата обращения 29.11.2022).

Кармышева Б.Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф.А. Фиельstrupа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М.: Наука, 1988. – Вып. 10. – С. 38–62.

Кармышева Б.Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельstrupа // Репрессированные этнографы. – 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – Вып. I. – С. 152–163.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Типо-лит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 9–21.

Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. – 2010. – № 2. – С. 166–173.

Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Изв. Вост.-Сиб. отд. Император. Рус. геогр. об-ва. – Иркутск: [б. и.]. 1892. – Т. XXIII, № 4/5. – С. 23–35.

Кон Ф.Я. Основание Минусинского музея глазами Ф.Я. Кона // Музееведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX – начала XX века. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2019. – С. 184–210.

Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 7–15.

Кормушин И.В., Насилов Д.М. О жизни и творчестве С.Е. Малова // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 5–11.

Кызласов Л.Р. В Сибирь неведомую за письменами таинственными // Путешествия в древность. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – С. 16–49.

Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. – Т. I: Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 1–13.

Малов С.Е. Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. Год 18. – 1909. – Вып. 2/3. – С. 38–41.

Малов С.Е., Фиельструп Ф.А. К изучению турецких абаканских наречий // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. – 1928. – Т. 3, вып. 2. – С. 289–304.

Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 315 с.

Наумова О.Б. Архив российского ученого-этнографа Ф.А. Фиельструпа // Вестн. архивиста. – 2006а. – № 2/3. – С. 196–212.

Наумова О.Б. Казахский баксы: история одной фотографии (публикация материалов Ф.А. Фиельструпа по казахскому шаманству) // ЭО. – 2006б. – № 6. – С. 77–85.

Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Литвинов А.В. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 365. – С. 77–81.

Профессора Томского университета: биографический словарь (1980–2003). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Т. 4, ч. 2. – 424 с.

Пшеничная М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и Средневековье: к 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 19–28.

Рудковская М.А. С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины // Жизненный путь, творчество, науч-

ное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 36–42.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: Ритуальные и практические аспекты. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. – 312 с.

Труды съезда по организации Института исследования Сибири. – Томск: [Тип. Сибирского Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия], 1919. – Ч. I–IV. – 460 с.

Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – 677 с.

Усманова М.С. Дохристианские верования хакасов в конце XIX – начале XX в.: опыт историко-этнографического исследования: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1982. – 170 с.

Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. – Л.: Изд. Гос. Русского музея, 1926. – Т. 3, вып. 1. – С. 111–122.

Фиельструп Ф.А. Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. – М.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 263–301. – (Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. 1927 г.; вып. 15).

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 299 с.

Шибяева Ю.А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1979. – С. 180–196.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. – [б.и.], 1900. – 357 с.

*Материал поступил в редколлегию 09.11.22 г.,
в окончательном варианте – 02.02.23 г.*

doi:10.17746/1563-0102.2023.51.2.142-152
УДК 572.71

**В.Г. Моисеев^{1,2}, А.В. Зубова^{1,2}, Г.Г. Боескоров³,
Такасэ Кацунори⁴, А.Д. Степанов⁵, Т.А. Чикишева⁵,
В.М. Дьяконов⁵, А.Н. Алексеев⁶, М.В. Щелчкова⁷,
М.Д. Томшин³, Е.А. Кербс⁵**

¹Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: vmoiseyev@mail.ru; zubova_al@mail.ru

²Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия

³Институт геологии алмаза и благородных металлов СО РАН
пр. Ленина, 39, Якутск, 677980, Россия
E-mail: gboeskorov@mail.ru; tmd@diamond.ysn.ru

⁴Высшая школа гуманитарных наук, Университет Хоккайдо, Япония
Graduate School of Humanities and Human Sciences, Hokkaido University
Kita-10, Nishi-7, Sapporo, 0600810, Japan
E-mail: takase@let.hokudai.ac.jp

⁵Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: a.d.step@yandex.ru; arkh_muz@mail.ru; chikishevata@mail.ru; katrin1609@mail.ru

⁶Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия
E-mail: inip@ysn.ru

⁷Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия
E-mail: mar-shchelchkova@yandex.ru

Результаты краниологического изучения палеоантропологических материалов из пещеры у села Хатыстыр Республики Саха (Якутия)

В работе представлены результаты исследования краниологических материалов раннеголоценового времени, обнаруженных в пещере у с. Хатыстыр (Якутия) в 1962 г. Для черепа мужчины, погребенного в пещере, были получены измерения восьми признаков. На их основании был сделан дискриминантный канонический анализ с использованием индивидуальных данных по 14 древним выборкам с территории Сибири и Дальнего Востока, рассчитана матрица евклидовых расстояний между сравниваемыми группами, и выполнена их кластеризация при помощи генерализованного алгоритма метода k-средних. Результаты статистического анализа показали наибольшее сходство хатыстырского человека с носителями серовской культуры Прибайкалья и неолитическим населением Барабинской лесостепи. Это, в свою очередь, позволило сделать вывод о том, что хатыстырский человек был тесно связан с наиболее ранней волной заселения Северной Азии в верхнепалеолитическое время. Также они позволили говорить о том, что присутствие родственного хатыстырцу компонента, ассимилированного представителями более позднего населения, проявляется и в других районах северо-востока Азии, вплоть до Сахалина, но отсутствует в составе неолитического населения Приморья и у носителей древнекорякской и древнеберингоморской культур. На основании результатов сравнения характеристик хатыстырского человека с поздне-неолитическими носителями ымыяхтахской культуры Якутии из могильника Дириг-Юрях был сделан вывод об отсутствии популяционной преемственности между ранне- и среднеголоценовым населением этого региона. Серия из Дириг-Юряха не проявляет сходства ни с одной из привлеченных для анализа групп и, вероятнее всего, представляет собой популяционный изолят.

Ключевые слова: ранний голоцен, Якутия, краниометрия, заселение Северной Евразии, палеогенетика, Хатыстыр.

V.G. Moiseyev^{1, 2}, A.V. Zubova^{1, 2}, G.G. Boeskorov³,
K. Takase⁴, A.D. Stepanov⁵, T.A. Chikisheva⁵,
V.M. Dyakonov⁵, A.N. Alekseyev⁶, M.V. Shchelchkova⁷,
M.D. Tomshin³, and E.A. Kerbs⁵

¹Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,

Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: vmoiseyev@mail.ru; zubova_al@mail.ru

²North-East Interdisciplinary Research Institute,

Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,

Portovaya 16, Magadan, 685000, Russia

³Diamond and Precious Metal Geology Institute,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Lenina 39, Yakutsk, 677980, Russia

E-mail: gboeskorov@mail.ru; tmd@diamond.ysn.ru

⁴Graduate School of Humanities and Human Sciences,

Hokkaido University,

Kita-10, Nishi-7, Sapporo, 0600810, Japan

E-mail: takase@let.hokudai.ac.jp

⁵Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: a.d.step@yandex.ru; arkh_muz@mail.ru; chikishevata@mail.ru; katrin1609@mail.ru

⁶Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Petrovskogo 1, Yakutsk, 677027, Russia

E-mail: inip@ysn.ru

⁷Ammosov North-Eastern Federal University,

Belinskogo 58, Yakutsk, 677000, Russia

E-mail: mar-shchelchkova@yandex.ru

A Metric Analysis of a Human Cranium from the Khatystyr Cave, Republic of Sakha (Yakutia)

We present the results of a metric study of a male Early Holocene cranium found in a cave near the Khatystyr village, Yakutia, in 1962. Eight measurements taken on the specimen were subjected to canonical discriminant analysis, using individual data on 14 ancient samples from Siberia and the Far East. Euclidean distances between these samples were calculated, and k-means clustering was performed. Results revealed similarity of the Khatystyr individual with Serovo crania from Cis-Baikal and with the Neolithic series from the Baraba forest-steppe. This suggests that the Khatystyr male is closely related to the earliest Upper Paleolithic populations of North Asia. A related component, assimilated by members of later migration waves, was also detected in other Northeast Asia territories, including Sakhalin, but is absent in the Neolithic samples from Primorye, in the Old Koryak and Old Bering Sea samples. Comparison with the Late Neolithic Ymyyakhtakh sample from Diring-Yuryakh, Yakutia, reveals no continuity between Early and Middle Holocene groups of that region. The Diring-Yuryakh sample shares no similarity with any other group, and likely represents an isolate.

Keywords: Early Holocene, Yakutia, craniometry, peopling of Northern Eurasia, paleogenetics, Khatystyr.

Введение

Антропологические находки раннего голоцена в Северной Евразии большая редкость. Каждая из них является предметом пристального внимания археологов и антропологов. В данной работе мы представляем первые результаты изучения одной из таких находок, обнаруженной в 1962 г. десятиником Алданского леспромхоза А. Ивановым в пещере неподалеку от с. Хатыстыр Алданского р-на Республики Саха (Якутия). Пещера находится на правом берегу р. Алдан, в 2 км от с. Хатыстыр (58°55'07" с.ш., 125°10'25" в.д.; рис. 1) и представляет собой известковую каверну, образовавшуюся на месте глубокой трещины. Обнаруженный в ней скелет лежал на полу недалеко от входа, возле стены.

Рядом находились остатки костра. В глубине пещеры было обнаружено скопление костей медведя, волка и лисицы [Русанов, 1976, с. 127]. Позднее среди собранных там костных остатков животных Г.Г. Боесковым были определены кости бурого медведя *Ursus arctos* L. и домашней собаки *Canis familiaris* L.

Первоначальное обследование скелета выполнялось сотрудниками уголовного розыска и, по их просьбе, геологом Б.С. Русановым. Затем пещеру и костяк осмотрели археологи Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева, которые признали находку современной. На этом ее изучение было прекращено. Скелет передали в Геологический музей Якутского филиала АН СССР (ныне Геологический музей (ГМ ИГАБМ) Института геологии алмаза и благородных металлов СО

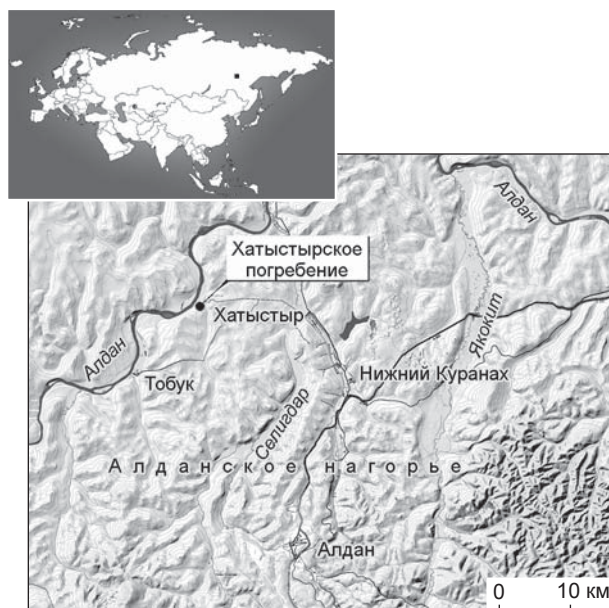

Рис. 1. Географическое положение погребения у с. Хатыстыр.

РАН). Однако часть костей была взята Б.С. Русановым для радиоуглеродного датирования, выполненного в 1970-х гг. Результаты показали большую древность костяка (9 800 л.н.), что делало его на тот момент древнейшей находкой на территории не только Якутии, но и Восточной Сибири в целом. Но, к сожалению, эти данные были опубликованы только в одном научно-популярном издании [Там же, с. 128] и не привлекли внимания исследователей.

В 2017 г. фрагмент кости черепа хатыстырского человека вместе с некоторыми другими остеологическими материалами из ГМ ИГАБМ СО РАН был передан в Институт ускорительного анализа в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) для радиоуглеродного датирования методом ускорительной масс-спектрометрии. Была получена дата $9\,010 \pm 30$ л.н. (табл. 1), калиброванный календарный интервал которой укладывается в довольно узкий хронологический

отрезок 8291–8206 гг. до н.э. (94,4 %) внутри диапазона для $\pm 2\sigma$ (95,4 %) 8291–8022 гг. до н.э. (OxCal 4.4). По костям животных, собранных в Хатыстырской пещере, в той же лаборатории были определены четыре радиоуглеродные даты (табл. 1). Все они находятся в «календарном» интервале 10,2–9,5 тыс. л.н., что соответствует раннему этапу сумнагинской мезолитической культуры, датируемой 9 400–5 900 л.н. (10 700–6 800 кал. л.н.) [История Якутии, 2020, с. 478]. Полученные результаты подтвердили большую древность останков хатыстырского человека и необходимость их дальнейшего изучения.

Материалы и методы

На основании размера угла седалищной вырезки и общей формы тазовой кости пол индивида из Хатыстыра определен как мужской. Состояние ушковидной поверхности и тазового симфиза, степень зарастания швов черепа и стертость моляров нижней челюсти в комплексе позволяют предполагать возраст хатыстырского человека в пределах 35–45 лет.

Обсуждаемый краниологический материал представлен поврежденными костями мозгового отдела черепа и нижней челюстью (рис. 2). Неполная сохранность черепа (основание и лицевой скелет отсутствуют) ограничила количество используемых краниометрических признаков. Всего измерено 10 показателей (табл. 2). Измерения выполнялись по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964]. На основании восьми признаков был проведен межгрупповой сравнительный анализ при помощи нескольких статистических методов. На первом его этапе для реконструкции основных направлений популяционной динамики на территории Сибири и Дальнего Востока и положения хатыстырского человека в этой системе был выполнен дискриминантный канонический анализ. По его результатам на основании усредненных значений нескольких первых канонических векторов (КВ) мы рассчитали евклидовы расстояния между ин-

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования черепа хатыстырского человека и костей животных, обнаруженных в пещере

Лабораторный код	Материал образца	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (мас.)	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ (мас.)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ (АМС)	Данные с коррекцией $\delta^{13}\text{C}$	
					^{14}C -дата, л.н.	Процент современного коллагена
IAAA-170069	Кость черепа человека	–20,0	11,3	$23,00 \pm 0,17$	$9\,010 \pm 30$	$32,58 \pm 0,14$
IAAA-183037	Бедренная кость бурого медведя	–18,3	6,12	$17,79 \pm 0,19$	$8\,560 \pm 30$	$34,43 \pm 0,15$
IAAA-183038	Плечевая кость бурого медведя	–18,7	5,83	$18,30 \pm 0,18$	$8\,660 \pm 30$	$34,03 \pm 0,14$
IAAA-183039	Череп собаки	–20,4	8,37	$20,73 \pm 0,18$	$8\,980 \pm 30$	$32,68 \pm 0,14$
IAAA-183040	Бедренная кость собаки	–19,6	7,73	$18,75 \pm 0,16$	$8\,790 \pm 30$	$33,46 \pm 0,14$

Рис. 2. Череп и нижняя челюсть хатыстырского человека.

дивидом из Хатыстыра и группами, привлеченными для сравнения. Затем на основании матрицы евклидовых расстояний была выполнена кластеризация сравниваемых групп при помощи генерализованного алгоритма метода k-средних с применением модуля Generalized EM and K-means clustering analysis [Generalized EM...]. Использование для кластерного анализа значений координат по КВ вместо исходных признаков позволило, с одной стороны, учесть соотношение внутригрупповой и межгрупповой изменчивости при определении положения каждой из сравниваемых групп, а с другой – уменьшить влияние на получаемый результат случайных колебаний величин размеров черепа, что достигается путем исключения из расчетов последних векторов, координаты по которым в наибольшей степени зависят от стохастических процессов.

Все расчеты выполнялись в программе Statistica for Windows v. 8.0. В качестве сравнительных привлечены индивидуальные данные по 14 мужским древним сериям с территории Сибири, Российского Дальнего Востока и Японского архипелага (табл. 2). Поскольку в публикациях данные по ряду признаков отсутствуют, были произведены необходимые измерения доступных нам черепов.

Результаты

Морфологическая характеристика черепа. Плохая сохранность черепа не позволяет полностью охарактери-

зовать краниологический облик индивида. Можно говорить о том, что мозговая коробка относительно длинная [Алексеев, Дебец, 1964, табл. 6] (продольный диаметр находится на границе средних и больших значений), с выпуклой, очень узкой в месте наименьшего сужения и узкой в коронарной части лобной костью. Теменные кости средней длины, средне изогнуты в сагиттальном направлении.

Результаты дискриминантного канонического анализа. Первые два вектора описывают 66 % общей изменчивости (табл. 3). Первый КВ дифференцирует серии с крупными размерами лобной дуги и лобной хорды и малыми теменными (отрицательные значения вектора) от групп с противоположным сочетанием признаков (положительные значения). На его отрицательном полюсе находится серия из могильника Диринг-Юрях, положительный формируют древние группы Японского архипелага. При этом серия из Диринг-Юряха занимает заметно более изолированное положение, чем японские. Череп из Хатыстыра находится вблизи нулевых значений I КВ (рис. 3).

Второй КВ (18 % общей изменчивости) делит серии прежде всего по наименьшей ширине лба. Наиболее широкой лобной костью характеризуется серия из Диринг-Юряха (положительный полюс вектора), наиболее узкой – индивид из Хатыстыра (отрицательный полюс вектора). Самыми близкими к последнему по данному показателю являются носители глазковской и серовской культур Прибайкалья и неолити-

Таблица 2. Краниометрическая характеристика хатыстырского человека и серий, привлеченных для сравнения

Серия	1. Продольный диаметр	9. Наименьшая ширина лба	SubNB : 9. Высота переносного изгиба лба	10. Наименьшая ширина лба	29. Лобная хорда	SubNB : 29. Высота продольного изгиба лба	26. Лобная дуга	30. Теменная хорда	27. Теменная дуга	12. Ширина затылка	Источник
Хатыстыр	185	88	15,5	113	110	22,5	123	112	125	114	Данная статья
Глазовская культура (Фофаново, Эдучанка, Макарово, Обхой)	189,6 (5)	90,04 (5)	14,44 (5)	118,4 (5)	115,12 (5)	24,58 (6)	126,6 (5)	111,2 (5)	122,6 (5)	...	Неопубликованные данные авторов
Серовская культура (Верхотуринский, Манзурка, Хунжир-Ольхон)	186,5 (12)	93,8 (12)	18 (12)	119,67 (12)	110,625 (12)	25,08 (12)	124,83 (12)	113,27 (12)	125,33 (12)	...	То же
Бойсманская культура (Бойсман-2)	179,5 (2)	91 (2)	...	110 (1)	114,75 (2)	21,95 (2)	126 (2)	103 (2)	116,5 (2)	109,5 (2)	[Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]
Янковская культура (Черепиха-13)	177,5 (2)	93 (2)	...	116 (2)	111,85 (2)	24,85 (2)	126 (2)	107,25 (2)	118,5 (2)	108 (2)	[Громоу, Зубова, Моисеев, 2017]
Древнекорякская культура (Мыс Братьев)	177,17 (6)	95,67 (6)	...	119,2 (5)	111,33 (6)	25,55 (6)	130,33 (6)	107,2 (6)	120,83 (6)	111,33 (6)	[Моисеев и др., 2021]
Ымыяхская культура (Диринг-Юрях)	187,2 (5)	99,4 (5)	20,3 (4)	122 (5)	121,4 (5)	27,86 (5)	137,2 (5)	99,3 (5)	106,8 (5)	120,2 (5)	[Гохман, Томтосова, 1992] и неопубликованные данные авторов
Сусуйская культура (Сусуя)	185,5 (2)	92 (2)	...	110 (2)	112,4 (2)	23,65 (2)	125 (2)	108,5 (2)	122,25 (2)	...	Неопубликованные данные авторов
Охотская культура (Мойоро, Хаманака, Омисаки, Ребун, Шари-Угоро)	184,175 (39)	93,82 (39)	...	116,24 (39)	114,04 (39)	25,87 (40)	128,93 (39)	109,68 (39)	123,23 (39)	...	То же
Мохз (Шапка, Троицкий)	183,92 (12)	91,46 (11)	16,44 (11)	116,4 (5)	114,22 (11)	23,44 (10)	128,45 (11)	106,62 (12)	120,25 (12)	...	[Чикишева, Нестеров, 2000] и неопубликованные данные авторов
Дзёмон (сборная серия из 15 могильников на о-ве Хоккайдо)	179,38 (25)	96,44 (25)	...	116,7 (22)	106,55 (25)	23,54 (25)	123,77 (25)	116,12 (25)	130,54 (25)	...	Неопубликованные данные авторов
Эпидзёмон (Усу-Моши, Ребун, Онкороманай)	184,4 (5)	99,26 (5)	...	119,4 (5)	105,82 (5)	26 (5)	125,4 (5)	113,8 (5)	126 (5)	...	То же
Древнеберингоморская культура (Уэлен)	187,82 (17)	96,67 (17)	...	113,92 (17)	113,5 (17)	26,08 (15)	129,25 (17)	111,56 (17)	125,125 (17)	...	[Дебеч, 1975]
Неолит Барабинской лесостепи (Протока, Венгерovo-2)	182,125 (8)	93,51 (8)	...	116,38 (8)	107,9 (8)	21,5 (8)	121,38 (8)	110,29(8)	124,25 (8)	...	[Чикишева, 2012; Зубова, Поздняков, Чикишева, 2013]
Неолит – энеолит Алтая (Солонцы-5, Васильково-4)	188,75 (4)	94,9 (4)	...	120 (4)	116,28 (4)	23,78 (4)	126,25 (4)	111 (4)	118,25 (4)	...	[Чикишева, 2012]

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и значениями первых трех КВ

Признак	С хатыстырским человеком			Без него		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
1. Продольный диаметр	–0,394	–0,177	0,490	–0,393	–0,186	–0,499
9. Наименьшая ширина лба	0,227	0,643	–0,020	0,222	0,597	0,034
10. Наибольшая ширина лба	–0,087	0,048	–0,318	–0,091	–0,029	0,314
SubNB : 29. Высота продольного изгиба лба	–0,322	0,421	0,434	–0,330	0,383	–0,429
29. Лобная хорда	–0,820	0,158	0,163	–0,822	0,139	–0,161
26. Лобная дуга	–0,436	0,445	0,091	–0,441	0,428	–0,080
30. Теменная хорда	0,665	–0,240	0,252	0,666	–0,252	–0,260
27. Теменная дуга	0,711	–0,235	0,281	0,713	–0,235	–0,287
Доля общей изменчивости, %	48,0	17,9	14,8	49,0	16,6	15,1

Примечание. Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, значимые при $p < 0,05$.

Рис. 3. Расположение хатыстырского человека и 14 серий, привлеченных для сравнения, в пространстве первых двух канонических векторов.

ческое население Барабинской лесостепи. Так же, как в случае I КВ, серия из Диринг-Юряха на фоне остальных выглядит явным аутлайером. Разрыв между ней и самой близкой древнекорякской группой составляет 27 % общей вариальности значений координат по II КВ.

Поскольку хатыстырский человек, характеризующийся крайне малым значением наименьшей ширины лба, формирует один из полюсов вектора, возник вопрос об оценке степени зависимости направления изменчивости, описываемого II КВ, от его индивидуальной морфологической специфики. Для выяснения этого вопроса мы провели повторный анализ, исключив индивида из Хатыстыра. Как видно из табл. 3, величина изменчивости, описываемая первыми тремя векторами, и коэффициенты корреляции исходных признаков со значениями КВ изменяются незначительно. Наименьшая ширина лба по-прежнему является наиболее значимым признаком для II КВ. Даже если крайне малая ее величина и является индивидуальной особенностью хатыстырского человека, она существенно не искажает выявляемые на популяционном уровне взаимосвязи между признаками.

Для более детального рассмотрения связей между группами мы исключили из анализа очевидных аутлайеров – серии из могильника Диринг-Юрях и с Японского архипелага. Дифференциация групп, наблюдаемая в пространстве первых двух КВ, в целом соответствует их географической локализации (рис. 4). Так, I КВ отделяет от остальных единственную арктическую

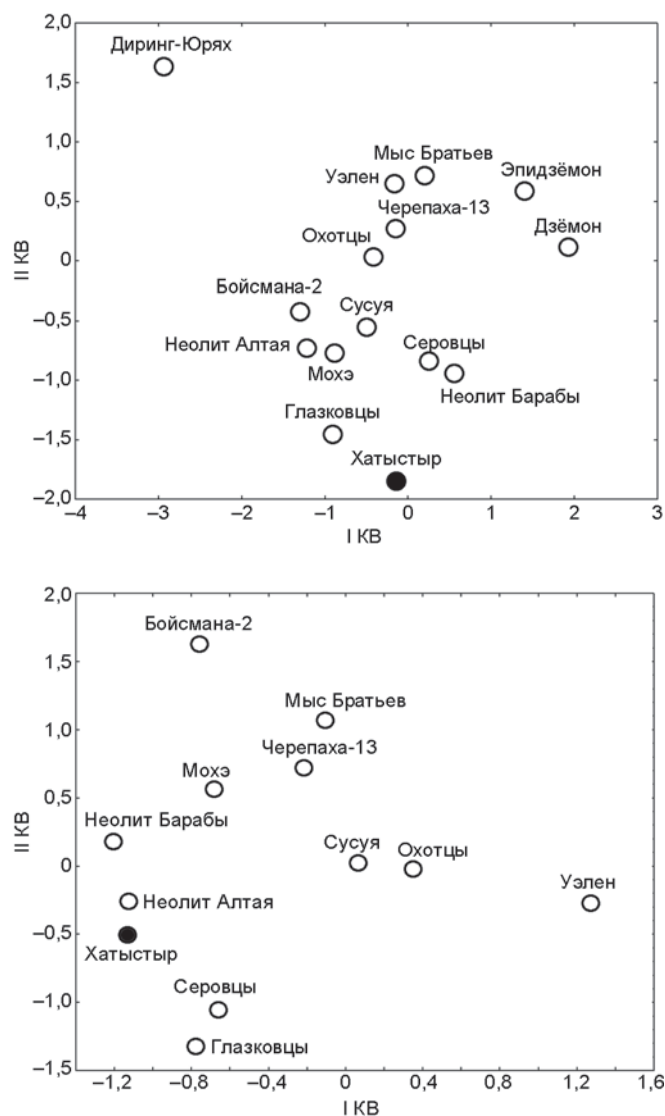

Рис. 4. Расположение хатыстырского человека и 11 серий, привлеченных для сравнения, в пространстве первых двух канонических векторов.

серию из могильника Уэлен, находящуюся на положительном полюсе. Ее отрыв от ближайшей серии охотской культуры составляет ок. 39 % общей изменчивости значений координат по I КВ. Отрицательный полюс формируют неолитическое население Барабинской лесостепи, предгорий Алтая и инди-

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и значениями первых трех КВ после исключения групп Японского архипелага и серии из могильника Диринг-Юрях

Признак	I КВ	II КВ	III КВ
1. Продольный диаметр	0,084	0,748	–0,355
9. Наименьшая ширина лба	0,421	0,043	0,311
10. Наибольшая ширина лба	–0,320	0,305	0,100
SubNB : 29. Высота продольного изгиба лба	0,522	0,261	–0,134
29. Лобная хорда	0,170	0,067	–0,751
26. Лобная дуга	0,326	–0,149	–0,210
30. Теменная хорда	0,013	0,571	0,338
27. Теменная дуга	0,113	0,326	0,417
Доля общей изменчивости, %	0,370	0,226	0,157

Примечание. Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, значимые при $p < 0,05$.

вид из Хатыстыра. Морфологически они характеризуются сравнительно выпуклыми лобными костями, малыми величинами наименьшей ширины лба и, напротив, большими значениями его максимальной ширины (табл. 4).

Положительный полюс II КВ формирует серия из Бойсмана-2. Вместе с ней в зоне положительных значений находятся материковые дальневосточные группы, а именно древнекорякская, янковская и мохэская. Для них характерно сочетание большого продольного диаметра черепной коробки и удлинённых в сагиттальном направлении теменных костей. В зоне отрицательных значений локализуются прибайкальские серии серовской и глазковской культур с противоположным сочетанием признаков.

В пространстве обоих КВ хатыстырский человек демонстрирует еще более выраженное сходство с населением Алтая, Барабинской лесостепи и Прибайкалья, чем это наблюдалось в предыдущем варианте анализа (рис. 4).

Результаты анализа матрицы евклидовых расстояний и кластерного анализа. На основе усредненных по сериям значений первых трех КВ, на которые приходится 77 % общей изменчивости, была рассчитана матрица евклидовых расстояний между хатыстырским человеком и сравниваемыми группами (табл. 5). Ближайшее сходство индивида наблюдается с носителями серовской культуры При-

Таблица 5. Матрица евклидовых расстояний между хатыстырским человеком и сериями, привлеченными для сравнения

Серия	Хатыстыр	Глазковская культура	Серовская культура	Мохэ	Бойсманская культура	Охотская культура	Древнекорякская культура	Древнеберингоморская культура	Неолит Барабинской лесостепи	Неолит Алтая	Сусуйская культура
Хатыстыр	–										
Глазковская культура	1,12	–									
Серовская культура	0,88	1,29	–								
Мохэ	1,17	1,89	2,02	–							
Бойсманская культура	2,35	2,99	3,19	1,18	–						
Охотская культура	1,27	1,78	1,64	1,28	2,17	–					
Древнекорякская культура	1,8	2,84	2,15	1,59	2,11	1,54	–				
Древнеберингоморская культура	2,19	2,46	2,21	2,32	3,04	1,06	2,12	–			
Неолит Барабинской лесостепи	1,06	2,14	1,36	1,53	2,46	1,83	1,32	2,66	–		
Неолит Алтая	1,2	1,05	1,91	1,24	2,14	1,82	2,66	2,76	2,08	–	
Сусуйская культура	1,11	1,64	1,65	0,99	1,94	0,32	1,56	1,36	1,73	1,54	–
Янковская культура	1,29	2,22	1,88	0,87	1,62	0,96	0,79	1,84	1,29	1,94	0,86

байкаля, хотя следует заметить, что умеренную близость к нему демонстрирует целый ряд выборок с территории Западной и Восточной Сибири, а также некоторые группы с Дальнего Востока (рис. 5). Фактически только древние коряки и серии из Уэлена и Бойсмана-2 демонстрируют резкие отличия. Это может свидетельствовать о том, что ареал расселения родственного хатыстырскому человеку групп мог быть в древности весьма широким (от Барабинской лесостепи на западе до о-ва Сахалин на востоке), и некоторые морфологические черты этого древнейшего населения, несмотря на более поздние примеси, в известной степени могли сохраняться на данной территории вплоть до Средневековья. Адекватность картины, наблюдаемой по распределению евклидовых расстояний, в какой-то мере подтверждается тем, что при анализе полной матрицы наименьшее расстояние отмечается между выборками сусуйской и охотской культур Хоккайдо, рассматриваемых как этапы развития единой этнокультурной общности [Дерюгин, 2008, с. 59].

В качестве алгоритма для кластеризации евклидовых расстояний мы использовали генерализованный метод *k*-средних, суть которого состоит в группировке анализируемых переменных в соответствии с минимальной суммой расстояний между объектами и соответствующими кластерами (*k*). Этот алгоритм делит набор немаркированных данных на *k* кластеров и повторяет процесс до тех пор, пока не найдет оптимальную группировку серий. Особенность генерализованного подхода состоит в реализации алгоритма выявления оптимального количества кластеров с применением техники *v*-кратной перекрестной проверки (*v*-fold cross validation). В классическом ме-

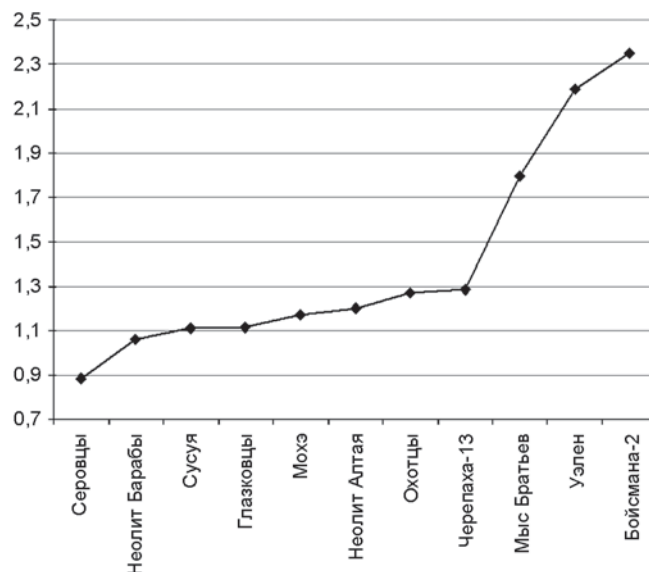

Рис. 5. Распределение евклидовых расстояний между хатыстырским человеком и сериями, привлеченными для сравнения.

тоде *k*-средних число кластеров определяется пользователем исходя из общих соображений. В данном случае $v = 10$.

Анализ выявил, что оптимальным для совокупности сравниваемых серий является выделение трех кластеров. В первый, самый многочисленный, попадали все дальневосточные группы, во второй – носители глазковской культуры и неолитическая серия из предгорий Алтая, в третий – хатыстырский человек, серовская группа и неолитическое население Барабинской лесостепи (табл. 6). Судя по распределению средних значений координат каждого из них по первым трем КВ (рис. 6), наиболее специфичны серии, входящие

Таблица 6. Результаты кластеризации сравниваемых групп

Серия	Номер кластера	I КВ	II КВ	III КВ	Расстояние до центра кластера
Мохэ	1	–0,76	–0,58	–0,50	0,35
Бойсманская культура	1	–0,83	–1,62	–1,06	0,67
Охотская культура	1	0,35	–0,05	–0,13	0,23
Древнекорякская культура	1	–0,14	–1,12	0,86	0,53
Древнеберингоморская культура	1	1,36	0,16	0,07	0,61
Сусуйская культура	1	0,08	–0,10	–0,29	0,19
Янковская культура	1	–0,23	–0,76	0,17	0,18
Глазковская культура	2	–0,74	1,31	–0,47	0,21
Неолит Алтая	2	–1,16	0,49	–0,99	0,21
Хатыстыр	3	–0,81	0,39	0,15	0,23
Серовская культура	3	–0,57	0,99	0,76	0,24
Неолит Барабинской лесостепи	3	–1,12	–0,24	0,95	0,29

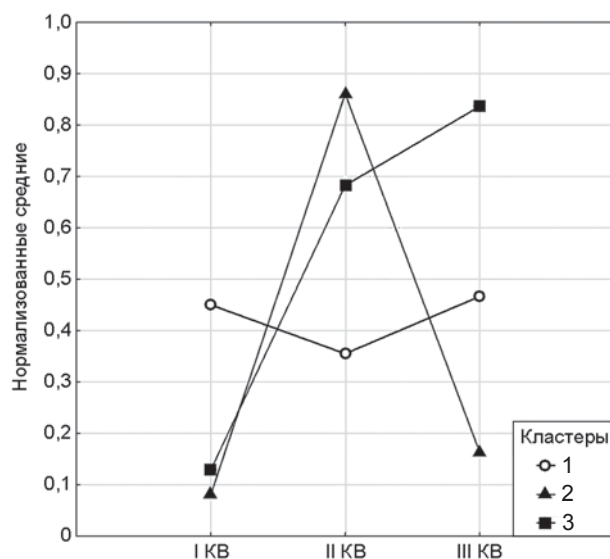

Рис. 6. Сопоставление результатов кластерного и дискриминантного канонического анализа.

в первый кластер, который отличается от остальных по всем трем векторам. Серии, находящиеся во втором и третьем кластерах, дифференцируются преимущественно по III KB.

Обсуждение

Реконструировать популяционную историю ранних этапов заселения Северо-Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока методами классической антропологии сложно. Хотя за последние два десятилетия на территории Якутии известно несколько случаев обнаружения человеческих останков эпох плейстоцена и раннего голоцена, все находки представлены отдельными костями посткраниального скелета, фрагментами черепа или изолированными зубами, что не позволяет проводить их прямое сопоставление в рамках какой-либо одной системы морфологических признаков.

В Якутии, кроме хатыстырского человека, на настоящий момент обнаружены один молочный зуб в пещере Хайыргас [Zubova, Stepanov, Kuzmin, 2016], два на Янской стоянке, фрагментированный женский череп на местонахождении Дуваный Яр и серия останков на Жоховской стоянке [Питулько и др., 2015; Питулько, Павлова, 2015; Sikora et al., 2019]. Особняком стоит Маттинское погребение. Первоначально для него была получена дата, относящая его ко времени распространения ымыяхтахской культуры [Зубова и др., 2017], но, как выяснилось, процедура датирования была выполнена некорректно, и после проведения новых исследований погребение оказалось одним из древнейших в регионе. На настоящий

момент УМС-дата составляет $6\,328 \pm 81$ л.н., калиброванная — $7\,267 \pm 91$ л.н. Доверительный интервал дат (1 σ) — $7\,175$ – $7\,358$ л.н., календарный возраст погребения — $5\,317 \pm 91$ лет до н.э. (NSKA-1663, калибровка в программе CalPal). Эти данные подтверждаются другой датой, полученной для Маттинского погребения — $5\,940 \pm 30$ л.н. (Beta-422229) [Kilinc et al., 2021], что в целом относит его к рубежу раннего неолита (сылахская культура) и мезолита (сумнагинская культура) Якутии.

Динамика основных популяционных процессов на интересующей нас территории в последние годы анализировалась преимущественно на основании результатов генетических исследований, для которых морфологическая неполнота находок не является лимитирующим фактором [Sikora et al., 2019; Yu et al., 2020; Kilinc et al., 2021]. Согласно этим исследованиям, для северной части Сибири постулируется наличие генетических сигналов, свидетельствующих о распространении трех волн различного происхождения населения. Первая волна — появление древних северных сибирцев (Ancient North Siberians — ANS). Она выделена на основании результатов изучения верхнепалеолитических находок со стоянки Яна (Яна 1 и 2); к одной линии с ними относится геном ребенка Мальта 1 [Sikora et al., 2019, р. 184]. Генетический профиль этого населения связан в большей степени не с восточноазиатскими популяциями, а с верхнепалеолитическими охотниками-собирателями Западной Евразии.

Второй крупный эпизод популяционной истории Северной Сибири, датируемый 25–10 тыс. л.н., согласно генетическим данным, связан с заменой древних северных сибирцев генетически отличным населением, названным древними палеосибирцами (Ancient Paleo-Siberians — APS). Около 75 % их генома восточноазиатского происхождения, примерно 25 % унаследовано от генетического кластера, к которому относился индивид Мальта 1. Древние палеосибирцы представлены находками Колыма 1 (Дуваный Яр), Усть-Кяхта 3 из Западного Забайкалья [Yu et al., 2020, р. 1235; Павленок, Зубова, 2019] и демонстрируют высокий уровень генетического сходства с современным аборигенным населением крайнего северо-востока Азии — коряками, ительменами и чукчами. И наконец, третья крупная миграция, начавшаяся ок. 10 тыс. л.н., была связана с расселением т.н. неосибирцев (Neo-Siberian — NS), предков большинства современных народов Восточной Сибири.

На основании результатов проведенного анализа краниометрических данных, мы попытались определить место хатыстырского человека относительно трех миграционных волн. Хронологически наиболее близкими к нему являются останки с Жоховской стоянки и местонахождения Дуваный Яр (Колыма 1).

Однако хатыстырский человек ни в одном из вариантов анализа не продемонстрировал сколько-нибудь выраженной тенденции к сближению с древнекорякской группой или серией из Уэлена. Данная линия связей является для него наиболее удаленной, так что близкое родство индивида из Хатыстыра с представителями второй миграционной волны маловероятно.

Хатыстырский человек демонстрирует высокий уровень сходства с неолитическим населением Барабинской лесостепи, которое, согласно предыдущим исследованиям, тесно связано с восточноевропейскими охотниками-собираателями [Чикишева, Поздняков, 2021]. У представителей третьей миграционной волны европейский компонент отсутствовал и доминировали комплексы восточного происхождения. Соответственно, ни в составе населения Барабинской лесостепи, ни у индивида из Хатыстыра не могут быть преобладающими генетические компоненты, связанные с этой волной. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что хатыстырский человек, вероятнее всего, принадлежал к популяции, в которой доминировали представители первой, наиболее древней волны заселения Северной Сибири. Основная сложность для точного определения его статуса состоит в том, что морфологическая неполнота находки не позволяет установить соотношение в его краниологических характеристиках признаков, значимых для дифференциации европейских или азиатских групп, которые, по мнению генетиков, принимали участие в формировании древнейшего населения региона.

Заключение

Анализ краниометрических характеристик хатыстырского человека позволяет предполагать его принадлежность к популяции, в составе которой преобладало население, связанное с первой волной заселения Северной Азии. Наибольшее сходство он проявляет с носителями серовской культуры Прибайкалья и неолитическими группами из Барабинской лесостепи, где по одонтологическим данным прослеживается преемственность с верхнепалеолитическим населением Западной Сибири [Зубова, Чикишева, 2015].

Менее выраженные сигналы о возможном присутствии родственного хатыстырскому человеку компонента, ассимилированного представителями более поздних волн расселения, проявляются и на других территориях, вплоть до Сахалина, но нужно отметить практически полное его отсутствие у неолитического населения Приморья и носителей древнекорякской и древнеберингоморской культур.

Сравнение индивида из Хатыстыра с поздненеолитическими носителями ымыяхтахской культуры Якутии позволяет говорить об отсутствии популяци-

онной преемственности между ранне- и среднеголоценовым населением этого региона. Вероятно, серия из Диринг-Юряха представляет собой популяционный изолят, поскольку по использованным для анализа признакам не проявляет сходства не только с хатыстырским человеком и родственными ему группами, по некоторым показателям занимая максимально удаленное от них положение, но и ни с одной из привлеченных для сравнения серий.

Несмотря на ограниченное количество доступных для статистического анализа краниологических параметров, полученные нами результаты соответствуют результатам генетических исследований. В качестве частных примеров этого соответствия можно указать на обособление дальневосточных групп в отдельный кластер и сближение серии алтайского неолита с выборкой глазковской культуры Прибайкалья, наблюдаемые как по нашим краниологическим, так и по генетическим данным [Wang et al., 2023].

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта № 22-18-00319 РНФ (В.Г. Моисеев, А.В. Зубова), государственного задания ИГАБМ СО РАН (Г.Г. Боевский, М.Д. Томшин) и государственного задания ИАЭТ СО РАН «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (FWZG-2022-0003). Радиоуглеродное датирование остеологических материалов проведено при поддержке JSPS KAKENHI (грант № 15H018990). Авторы выражают благодарность В.А. Шишкиной (Колледж технологий, моделирования и управления, Санкт-Петербург) за помощь в графической обработке иллюстраций.

Список литературы

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 105–124.
- Громов А.В., Зубова А.В., Моисеев В.Г. Антропологические материалы с поселения янковской культуры Черепиха-13 в Южном Приморье // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. – Владивосток: Рубеж, 2017. – С. 76–101.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Проблемы этнической истории Берингоморья. – М.: Наука, 1975. – С. 198–237.
- Дерюгин В.А. К вопросу определения понятия «охотская культура» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 58–66.
- Зубова А.В., Батанина О.В., Панов В.С., Степанов А.Д., Кишкурно М.С. Неолитическое погребение Мат-

та в Центральной Якутии: результаты антропологического анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 4. – С. 79–89.

Зубова А.В., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Новые палеонтологические материалы эпохи неолита из памятника Венгеро-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 551–554.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 116–127.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I. – 536 с.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И., Малирчук Б.А., Федорченко А.Ю. Популяционные связи древнего североохотского населения по краудиометрическим материалам из коллективного погребения в каменной нише на Мысе Братьев (северное побережье Охотского моря) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 2. – С. 134–143.

Павленок Г.Д., Зубова А.В. Новые данные о носителях селенгинской палеолитической культуры (Западное Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 3–11.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Зап. ИИМК РАН. – 2015. – № 12. – С. 27–55.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Хартанович В.И., Тимошин В.Б., Часнык В.Г. Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские острова) // Урал. истор. вестн. – 2015. – № 2. – С. 61–72.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Русанов Б.С. Внимание: мамонты! – Магадан: Кн. изд-во, 1976. – 192 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 458–463.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Заселение Барабинской лесостепи в эпоху неолита по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 1. – С. 133–145.

Generalized EM and k-Means Cluster Analysis Overview: [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.tibco.com/pub/stat/14.0.1/doc/html/UsersGuide/_shared/generalized-em-and-k-means-cluster-analysis-overview.htm (дата обращения: 29.08.2022)

Kılınç G.M., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Dönertaş H.M., Rodríguez-Varela R., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Kirdök E., Jakobsson M., Somel M., Krzewińska M., Storå J., Götherström A. Human population dynamics and *Yersinia pestis* in ancient northeast Asia // Science Advances. – 2021. – Vol. 7, iss. 2. – doi:10.1126/sciadv. eabc4587

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Mirazon Lahr M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – Vol. 570. – P. 182–188.

Yu H., Spyrou M., Karapetian M., Shnaider S., Radzevičiūtė R., Nägele K., Neumann G.U., Penske S., Zech J., Lucas Petrus M., Le Roux, Roberts P., Pavlenok G., Buzhilova A., Posth C., Jeong C., Krause J. Paleolithic to Bronze Age Siberians Reveal Connections with First Americans and across Eurasia // Cell. – 2020. – Vol. 181, iss. 6. – P. 1232–1245.e20.

Wang K., Yu H., Radzevičiūtė R., Kirushin Y.F., Tishkin A.A., Frolov Y.V., Stepanova N.F., Kirushin K.Y., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zубова А.В., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pool throughout North Asia // Current biology. – 2023. – Vol. 3. – P. 1–11.

Zubova A.V., Stepanov A.D., Kuzmin Ya.V. Comparative analysis of a Stone Age human tooth fragment from Khaiyrigas Cave on the Middle Lena (Yakutia, Russian Federation) // Anthropol. Sci. – 2016. – Vol. 124, iss. 2. – P. 135–143.

Материал поступил в редколлегию 20.01.23 г.,
в окончательном варианте – 06.02.23 г.

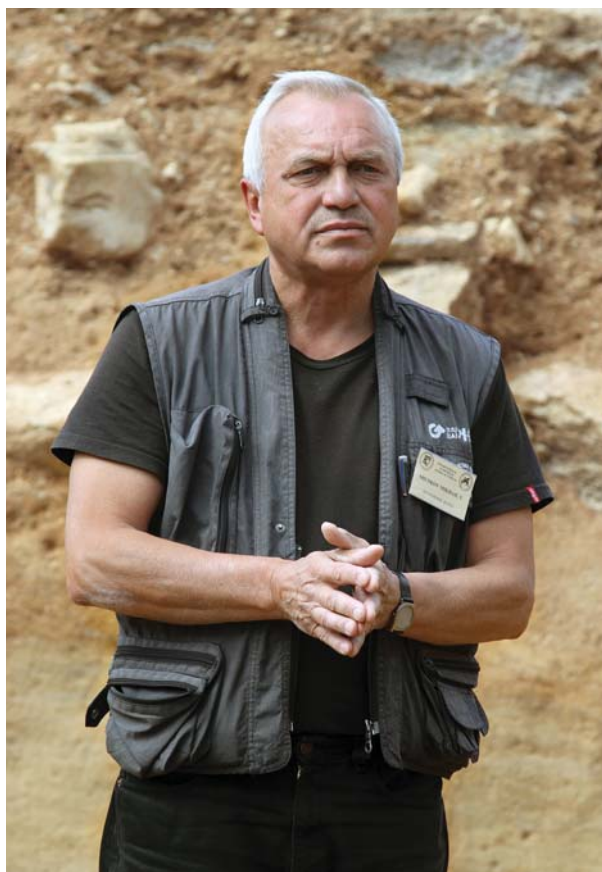
ПЕРСОНАЛИИ

Михаилу Васильевичу Шунькову – 70 лет

В мае 2023 г. исполнилось 70 лет Михаилу Васильевичу Шунькову – известному исследователю древнейшего прошлого Северной и Центральной Азии, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, заведующему отделом археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, профессору кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Среди приоритетных направлений его научной деятельности – кардинальные проблемы расселения человека на территории Северной Евразии: становление и развитие древнейших культурных традиций, хроностратиграфия и корреляция палеолитических культур, палеогеография плейстоцена, палеоэкология человека, реконструкция природно-климатического окружения древних сообществ.

М.В. Шуньков родился в г. Иркутске в семье потомственных сибиряков, преподавателей высшей школы. Его отец Василий Максимович, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых наград, юрист по образованию, занимался экономическими проблемами аграрного производства, был одним из основателей сибирской научной школы охотоведения. Мама Надежда Владимировна окончила знаменитый московский Институт философии, литературы и истории, долгие годы преподавала зарубежную литературу на филологическом факультете Иркутского государственного университета. Их гостеприимный дом был местом встреч известных иркутских ученых и литераторов, среди учеников и друзей Надежды Владимировны – писатель В.Г. Распутин и драматург А.В. Вампилов. В семье царил атмосфера широкой образованности, творчества, трудолюбия и требовательности к себе. Старший брат Борис с отличием окончил ВГИК, был известным сценаристом, режиссером и оператором документального кино, одним из наиболее ярких представителей сибирской кинодокументалистики, лауреатом престижных европейских кинофестивалей.

Михаил с детства увлекался древней историей и, окончив школу, в 1971 г. поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы он принимал активное участие в изучении ключевых палеолитических комплексов на севере Байкальской Сибири под руководством самобытного ученого, неугомонного исследователя-

полевика М.П. Аксенова. Михаил Васильевич успешно окончил университет в 1976 г. и после двух лет работы младшим научным сотрудником в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, где его наставником был выдающийся исследователь, патриарх отечественного палеолитоведения профессор В.П. Любин. Во время стажировок в Кавказской и Костенковской палеолитических экспедициях Михаил Васильевич получил бесценный опыт полевых и камеральных исследований.

В 1987 г. молодой талантливый археолог был приглашен академиком А.П. Деревянко на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Решение переехать в новосибирский Академгородок определило его дальнейшую судьбу. Начав работу научным сотрудником, он после защиты

кандидатской диссертации «Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая» (научный руководитель – В.П. Любин) в 1990 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника. В 2001 г. после защиты докторской диссертации «Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая» М.В. Шуньков становится главным научным сотрудником и заместителем директора по научной работе, а в 2015 г. избирается на должность директора Института археологии и этнографии СО РАН и в этом качестве работает до достижения предельного возраста, установленного для руководителей академических институтов.

Первый опыт научно-организационной деятельности Михаил Васильевич приобрел, когда руководил Средне-Енисейским археологическим отрядом в 1987–1988 гг. Затем он возглавил Алтайский отряд, занимавшийся комплексным изучением многослойных палеолитических объектов на северо-западе Горного Алтая. С 1990 г. Михаил Васильевич руководит одним из крупнейших в России археологическим научно-исследовательским стационаром «Денисова пещера» на Алтае, в создании которого он принимал активное участие «с первого колышка». Уже более 30 лет в районе стационара ведутся междисциплинарные исследования наиболее информативных в археологическом и палеогеографическом отношении палеолитических памятников Сибири. На базе стационара проводятся крупные научные мероприятия Сибирского отделения РАН, в т.ч. международные симпозиумы с участием ведущих российских и зарубежных ученых. В том, что масштабные международные научные форумы проходят на высоком уровне, большая заслуга юбиляра.

Основные научные интересы Михаила Васильевича направлены на междисциплинарные исследования многослойных палеолитических объектов на территории Алтая. Его монография, посвященная мустьерским памятникам Центрального Алтая (1990 г.), стала первым обобщающим трудом по среднему палеолиту Южной Сибири. В ней автор на основе детального изучения мустьерских местонахождений Центрального Алтая и их сопоставления с материалами алтайских пещерных комплексов выделил основные тенденции развития среднепалеолитических культурных традиций на Алтае. Согласно предложенной им концепции, индустрии стоянки Тюмечин-1, пещер Усть-Канская, Окладникова и Денисова относились к группе типичного мустье с разными его вариантами в зависимости от доли в инвентаре леваллуазского или мустьерского компонентов. Отдельное место занимал комплекс местонахождения Тюмечин-2, отнесенный к фации зубчатого мустье, не имеющего аналогов в палеолите Алтая.

Благодаря комплексному подходу М.В. Шуньков разработал оригинальную концепцию взаимодей-

ствия первобытной культуры и окружающей природной среды на территории Южной Сибири. Наиболее полно основные положения этой концепции представлены в фундаментальном труде «Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая», изданном в 2003 г. В нем обобщены результаты многолетних междисциплинарных исследований опорных палеолитических стоянок Горного Алтая – Денисовой пещеры, Усть-Каракола и Ануя-2. Впервые на территории Северной и Центральной Азии прослежены развитие палеолитических культурных традиций и эволюция природной среды в широком хронологическом диапазоне – в среднем и верхнем плейстоцене. Всесторонний анализ палеолитических материалов, их геологической позиции в системе плейстоценовых отложений, данных биостратиграфии и геохронологии позволил дать развернутую характеристику основных вариантов культурных проявлений в среднем и верхнем палеолите, определить районы их распространения, разработать региональную периодизацию и хронологию древнейших культурно-исторических событий, выявить некоторые закономерности развития культуры первобытных сообществ и их взаимодействия с окружающей природной средой, рассмотреть процесс первоначального заселения человеком территории Алтая в общем контексте древнейшей истории Северной и Центральной Азии.

Более 20 лет М.В. Шуньков посвятил исследованию древнейшего археологического памятника на территории Сибири – многослойной раннепалеолитической стоянки Карамы, расположенной неподалеку от Денисовой пещеры. На этой стоянке в отложениях раннего плейстоцена, датированных 600–800 тыс. лет, зафиксировано несколько горизонтов обитания человека с архаичной галечной индустрией, которые свидетельствуют о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus*, пришедшими, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки. Установлено, что процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в благоприятных относительно теплых природно-климатических условиях. В это время в окрестностях Карамы преобладали березовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород и экзотических для современной флоры Алтая широколиственных видов.

Одним из главных направлений научной деятельности М.В. Шунькова на протяжении последних лет является разработка проблемы формирования культуры человека современного физического вида, увенчавшаяся открытием новой формы ископаемого гоминина, который по месту обнаружения в Денисовой пещере на Алтае получил название денисовец. Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гомининов выявил сестринскую близость к неандертальцам, т.е. сначала ветвь пред-

ков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло отделение денисовской ветви от неандертальской. Согласно полученным результатам, в верхнем плейстоцене на территории Евразии вместе с человеком современного физического типа существовали еще как минимум две формы гомининов: в ее западной части – неандертальцы, в восточной – денисовцы. Комплексные исследования материалов Денисовой пещеры свидетельствуют об автохтонном развитии палеолитических традиций на протяжении ок. 300 тыс. лет и становлении культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе, что предполагает не только культурную, но и генетическую непрерывность первобытного населения Алтая.

Помимо Алтая М.В. Шуньков ведет активные полевые исследования и в других регионах Евразии. С 2008 г. он возглавляет Черногорский отряд, который занимается изучением палеолитических пещер в восточной части Адриатики. Междисциплинарные исследования литологии и стратиграфии плейстоценовых отложений, а также палеолитических слоев под скальными навесами Биоче и Малишина Стена, в пещере Трлица позволили проследить эволюцию средне- и верхнепалеолитических индустрий, дать новую оценку процессов становления и развития древнейших культурных традиций на юго-востоке Европы.

В 2015–2019 гг. Михаил Васильевич руководил разведочными работами на северо-востоке Казахстана, в ходе которых были открыты десятки палеолитических объектов широкого хронологического охвата, в т.ч. одно из древнейших в регионе раннепалеолитическое местонахождение Курчум и уникальный многослойный комплекс начала верхнего палеолита стоянка Ушбулак в Шиликтинской долине.

Результаты интенсивных полевых и аналитических исследований М.В. Шунькова представлены в 14 монографиях и более чем в 600 статьях, включая 13 работ, опубликованных в ведущих мировых научных журналах *Nature* и *Science*. Значителен вклад Михаила Васильевича как ответственного редактора, автора и соавтора статей по палеолиту 1-го тома «Истории Сибири», изданного в 2022 г. Популяризация знаний о древнейшем прошлом человечества нашла отражение в его публикациях на страницах журналов «Наука из первых рук», «В мире науки» и в многочисленных интервью и комментариях для федеральных и региональных СМИ.

В научно-организационной деятельности Михаила Васильевича важное место занимает руководство проектами Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского научного фонда и Президиума РАН. На протяжении многих лет М.В. Шуньков во-

шел в состав экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований по истории, археологии и этнографии. М.В. Шуньков – заведующий отделом археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, член Ученого и Диссертационного советов института, Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН. Он является членом редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», редакционного совета журналов «Теория и практика археологических исследований», «Археология Евразийских степей», «Universum Humanitarium». Михаил Васильевич активно участвует в организации научных мероприятий международного и всероссийского уровня, в т.ч. в возникновении и проведении Всероссийских археологических съездов.

М.В. Шуньков является членом-корреспондентом Российской академии наук, членом-корреспондентом Германского археологического института, лауреатом премии им. академика В.П. Алексеева и академика Т.И. Алексеевой за научный вклад в антропологию и археологию по проблемам междисциплинарных исследований.

Научно-исследовательскую и организационную работу Михаил Васильевич совмещает с педагогической деятельностью в сфере высшего профессионального образования. С 1976 г. он постоянно руководит археологической практикой студентов исторических факультетов Томского государственного университета, Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (НГУ). Михаил Васильевич – автор курса лекций «Палеоэкология человека», которые он читает в Гуманитарном институте НГУ. На базе Денисовой пещеры под руководством Михаила Васильевича полевую практику прошли тысячи школьников из городов и сел Алтайского края. Теплая дружественная атмосфера, внимание руководителя помогли привить школьникам любовь и уважение к прошлому, многие из них впоследствии связали свою деятельность с историей или археологией. Михаил Васильевич является наставником соискателей ученой степени кандидата и доктора наук, под его научным руководством успешно защитились более десяти специалистов.

Сейчас Михаил Васильевич полон творческих сил и устремлений. Пожелаем юбиляру плодотворной научной деятельности, новых замечательных открытий, неиссякаемой творческой энергии в осуществлении всех его замыслов!

*А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
А.И. Кривошапкин, М.Б. Козликин*

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

АОН КНР – Академия общественных наук КНР

ВСО ИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН

ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАНТ – Национальная академия наук Таджикистана

РА – Российская археология

РГИА – Российский государственный исторический архив

РИЦ НГУ – Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета

СА – Советская археология

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЦКП – Центр коллективного пользования

ЦКФ ВМФ – Центральная картографическая фабрика Военно-Морского Флота

UISPP – Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques

- Агатова А.Р.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: agatr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1823-218X>
- Алексеев А.Н.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия. E-mail: inip@ysn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9488-573X>
- Аношкин А.А.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник лаборатории Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: anuil@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>
- Артемьева Н.Г.** – кандидат исторических наук, заведующая сектором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690650, Россия. E-mail: artemieva_tg@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3834-3960>
- Баринов В.В.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: nelisgar@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3582-3440>
- Барсуков Е.В.** – научный сотрудник Лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета–Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия. E-mail: barsukovevg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>
- Бауло А.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bau194@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8379-3760>
- Бекетова (Акимова) Т.А.** – заместитель директора по научной работе Алтайского государственного природного биосферного заповедника, пер. Набережный, 1, а/я 91, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: vdovina-ta@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4751-7587>
- Боескоров Г.Г.** – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН, пр. Ленина, 39, Якутск, 677980, Россия. E-mail: gboeskorov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2360-7740>
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>
- Выборнов А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>
- Дьяконов В.М.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: arkh_muz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>
- Жилич С.В.** – кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: snezhy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0365-0602>
- Заика А.Л.** – кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия. E-mail: zaika_al@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

- Зольников И.Д.** – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; профессор Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zol@igm.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1178-5707>
- Зоткина Л.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lidiazotkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; старший научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>
- Иванова Д.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент Дальневосточного федерального университета, пос. Аякс, 10, о-в Русский, Владивосток, 690922, Россия. E-mail: ivanova.dale@dvfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2873-6664>
- Кербс Е.А.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: katrin1609@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7571-7602>
- Когай С.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kogai@irkutsk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>
- Козинцев А.Г.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: alexanderkozintsev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109>
- Константинов Н.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: nikita.knstin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8897-8454>
- Корочкова О.Н.** – доктор исторических наук, профессор кафедры Уральского федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4597-9219>
- Кудинова М.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: maria-kudinova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>
- Курбанов Р.Н.** – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия; старший научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия. E-mail: roger.kurbanov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>
- Моисеев В.Г.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; старший научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия. E-mail: vmoiseyev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1748-2686>
- Мыглан В.С.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: dend_ro@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5268-653X>
- Мухтаров Г.А.** – младший научный сотрудник Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан. O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Milliy arxeologiya markazi, Mirzo Ulug'bek ko'chasi 81-uy, Toshkent shahri, 100170, O'zbekiston. E-mail: gayratxon75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5405-0041>
- Наумова О.Б.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия. E-mail: olganaumova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1915-3862>

- Непоп Р.К.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: agatr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2046-6030>
- Октябрьская И.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: siem405@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>
- Павленок Г.Д.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lukianovagalina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>
- Павленок К.К.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: pavlenok-k@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>
- Пархомчук Е.В.** – кандидат химических наук, заведующая ЦКП Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; директор ЦКП «УМС НГУ–ННЦ», ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: ekaterina@catalysis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2200-884X>
- Постнов А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: postnov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7853-0501>
- Рудая Н.А.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nrudaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1536-6470>
- Рыбалко А.Г.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8749-0465>
- Соенов В.И.** – кандидат исторических наук, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: soyonov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4224-0427>
- Сосин П.М.** – старший научный сотрудник Института водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ, Таджикистан. Институт масъалаҳои об, гидроэнергетика ва экологияи АМИТ, кучаи Айни-12а, Душанбе, 734025, Чумхурии Тоҷикистон. E-mail: psosin46@mail.ru
- Спиридонов И.А.** – научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: z-is5@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9121-0585>
- Степанов А.Д.** – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: a.d.step@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2178-4919>
- Стефанов В.И.** – старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-0075-4051>
- Табарев А.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olmec@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>
- Тайник А.В.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: Tainik_anna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7441-6947>
- Такасэ Кацунори** – доктор философии, профессор Высшей школы гуманитарных наук Университета Хоккайдо, Япония. Graduate School of Humanities and Human Sciences, Hokkaido University, Kita-10, Nishi-7, Sapporo, 0600810, Japan. E-mail: takase@let.hokudai.ac.jp; <https://orcid.org/0000-0002-1539-321X>

- Томшин М.Д.** – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН, пр. Ленина, 39, Якутск, 677980, Россия. E-mail: tmd@diamond.ysn.ru
- Филатов Е.А.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; младший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: egorphylatov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>
- Филатова М.О.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mayaphylatova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>
- Худжагелдиев Т.У.** – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Таджикистан. Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АМИТ, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон. E-mail: tura959@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1819-3715>
- Чёрная М.П.** – доктор исторических наук, заведующая кафедрой Томского государственного университета, заведующая Лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета–Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия. E-mail: mariakreml@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2885-0229>
- Чикишева Т.А.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikishevata@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1985-1369>
- Шарипов А.Ф.** – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Таджикистан. Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АМИТ, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Душанбе, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон. E-mail: abdullo.sharipov.1985@mail.ru
- Щелчкова М.В.** – кандидат биологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия. E-mail: mar-shchelchkova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4566-3487>